

Джун Вестман

**Тридцать девять
и девять**

Annotation

Данил никогда на такое не попадет! Слишком много он уже видел и слишком хорошо обо всем этом знает. И когда посчитает нужным, будет выбирать себе женщину совершенно сознательно, руководствуясь лишь доводами здравого смысла! ...Вот только она ничего об этом не знала. И в сказки про прекрасных принцев с рожденья не верила. И не надо ей рассказывать о благородных рыцарях, счастливых случаях и вечной любви! Видала она все это... Или надо? Ведь принцы, как оказалось, встречаются в жизни только один раз.

В тексте есть: Назад в СССР, 80-е, дружба, любовь и страсть, психологическая драма, реализм, секс, семья, современная проза, становление героя

Ограничение: 18+

- [Джим Вестван](#)
- [Предисловие](#)
- [Часть 1. Вернуться из невозможного. Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Часть 2. Почти как у всех. Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Часть 3. Интервенция. Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)

- [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
-

Джим Вестван
Тридцать девять и девять

Предисловие

Последнее советское поколение... Те самые «иксы», которым досталось наследие победителей в Великой войне, слава первых покорителей космоса, гордость быть гражданами сверхдержавы и ответственность перед всей человеческой цивилизацией!.. Жаль только, обычных, уже давно существующих благ всей этой цивилизации в их лучшие годы им так и не досталось.

Грамотные инфантильные «миллениалы», с рождения оцифрованные, рассудительные «зумеры» — речь идет о поколении ваших родителей. Это те самые люди, в детстве и молодости которых еще не было мобильных телефонов, да что там мобильных... иногда вообще никаких не было! Они безбожно курили, пели песни под гитару, к первому сексуальному опыту подходили вооруженными информацией из подворотен, а первых своих детей все еще заворачивали в марлевые подгузники. Но Киев и Краснодар, Москва и Рига были городами их единой огромной страны. Страна эта называлась совсем по-другому, их совсем по-другому воспитывали, и так часто обманывали, и так много раз переворачивался их устоявшийся мир...

Только кто же его переворачивал, если не они сами! И все прогрессивные вещи, новые взгляды и современные технологии пришлось отвоевывать и придумывать именно им. Они свободно гуляли по городу с раннего детства, они так рано становились взрослыми, стремясь как можно скорее начать независимую жизнь, ведь реальность уже сильно отличалась от того, что по-прежнему пытались им внушить. Тогда совсем другими были популярные имена, курорты и марки машин. И так много с тех пор изменилось! Seriously?..

Кто-то там, наверху, сейчас искренне над этим смеется. Ведь сколько бы ни происходило потрясений и перемен, внутри мы точно такие же. Те же чувства, те же эмоции, те же мотивы сумасшедших поступков. И неважно, какой нас окружает мир и где он для нас находится: за большим окном или в маленьком гаджете... Ведь любим мы точно так же!

Что ж, добро пожаловать в то время, родом из которого сам автор. Многие вещи, наверное, удивят современных молодых людей, а кто-то наверняка узнает себя в мыслях и поступках главных героев. Этот текст совсем не автобиографичен, но так много в нем отраженного происходило на самом деле! И, конечно, вовсе не социальная тематика здесь основная и не размышления о недостатках и преимуществах разных исторических периодов. Все, что написано выше — лишь для понимания особенностей времени, в котором происходит развитие сюжета.

Я снова о главном. О том, что не меняется и измениться не может. О том, что находится в наших с вами «заводских настройках» и в итоге движет любым прогрессом. О любви, конечно. О той, которая, скорее, судьба... В общем, переносимся!

Часть 1. Вернуться из невозможного.

Глава 1

Просто замечательная лестница в киевском «Интуристе»! Длинная, широкая и, кажется, бесконечная, с такими удобными полированными перилами, съезжать по которым гораздо интереснее и быстрее, чем с любых горок! И не каждый может так, как Даня, проскользнуть сразу весь пролет, прыгнув на повороте, и перескочить через три или четыре ступеньки, сбегая по красной ковровой дорожке с верхних этажей с друзьями наперегонки... Конечно, им опять влетит сегодня за то, что не умеют прилично себя вести, не ценят такого хорошего к ним отношения и вообще позорят юниорскую сборную страны.

Ну и что! Не в первый раз. Можно подумать, кого-то за это выгонят! Даже если и так, то точно не Данила Давыдова! Он почти самый младший, но самый перспективный пловец в их команде, и к тому же папа у Данила — большой начальник как раз в Киевском спортивном комитете.

Он все может, его невероятный папа! Все решить, все достать и все купить. У Данила всегда лучшие вещи, привезенные из-за границы, их холодильник забит продуктами, которых некоторые товарищи Данила и не видели никогда, и машина у них совсем новая. И не какие-нибудь обыкновенные «Жигули», а самая настоящая «Лада»! И Данил даже умеет ее водить, они с папой раньше часто бывали в выходные на автодроме... Жаль, выходных у Данила все меньше, и уже давно по две тренировки в день. Папа очень гордится его спортивными результатами, не может же Данил его подводить. И в школе у Данила все в порядке, он вовсе не «тупой спортсмен», отец даже тетради его уже не проверяет, только оценки в дневнике, ну и порядок в школьных и спортивных вещах, конечно...

А у Данила всегда порядок! И никакой он не нытик и не «маменькин сынок», все это в прошлом, Данил даже вырос за последний год на целых десять сантиметров и совсем уже не самый маленький в классе. Самый маленький — его лучший друг Лешка Лагунов, который недавно появился в их школе и сразу же подрался с

самым здоровенным парнем за место за партой. И не просто подрался — Леха безоговорочно его победил, в кровь расквасив нос и позорно уложив в проходе между рядами. Леша ведь занимается боксом, а еще постоянно бегаёт по подпольным клубам карате. У Данила нет на это времени, но кое-чему из арсенала боевых приемов Лешка его тоже обучил!

Даня знает, что маме не нравится его дружба с этим угрюмым цыганенком, но она просто Леху не знает! И вообще, пускай общается со своими подружками, которых у мамы целая куча, и все такие шумные, такие вечно радостные. Только и ждут момента, чтобы к Дане пристать. «Ну какой же он хорошенький, Люда, какие у него глаза (или ресницы, еще лучше!), прямо как у девочки!» — восторгаются эти мамины приятельницы, и хорошо, если хотя бы их мужей при этом нет! Можно ли придумать что-то более обидное? Раньше Даня еще как-то мог это терпеть, но теперь всеми силами старается избежать с ними встречи. Конечно, все хотят дружить с его мамой: она такая добрая, такая веселая и такая красивая!

Каждая мама — лучшая для своего ребенка, но Даня же не слепой, она самая настоящая красавица! Неудивительно, что папа именно ее выбрал...

Однако кто-то из ребят снова перевернул этот дурацкий вазон между лестничными пролетами, и дежурные по этажу уже сбегаются со своими вечными бешеными воплями. Нужно скорее от них смываться, хотя очередной выволочки сегодня не избежать. И отцу их тренер наверняка снова нажалуется...

А может, и обойдется, ведь сейчас папа в командировке, он и не знает, что Даня с командой в гостинице, а маме можно не докладывать: она привыкла, что Данила никогда нет дома.

Так что пускай приезжие ребята, которые здесь живут, переживают, а Даня просто у них в гостях, он же киевлянин, а скоро вообще улетает с командой в Вильнюс на всесоюзные соревнования...

— Держи! — ударил по спине зазевавшегося на миг Данила его спустившийся с лестницы приятель. Даня погнался за ним и, не вписавшись в поворот, вылетел в коридор через открытые стеклянные двери.

Он хотел тут же развернуться и догнать своих быстро уносящихся дружков, но резко притормозил, заметив, что в конце коридора

целуется какая-то парочка. Сердце Данила забилося чаще, и он тихонько приблизился, прижимаясь к стене, чтобы немножко понаблюдать.

У женщины была пышная светлая шевелюра, которая почти полностью закрывала лицо мужчины. Виднелись только его волнистые каштановые волосы. Данилу показалось, что он где-то уже видел эти волосы... Его взгляд скользнул вниз, и вдруг он узнал его. Руки этой женщины с длинными красными когтями лежат на талии его отца. Он узнал этот кожаный ремень, который иногда сам вставлял в папины брюки, эту голубую рубашку и черные туфли... Да, это его папа. Его папа целуется с этой уродиной. Боже, какая она гадкая!..

— Данил! — услышал Даня окрик заметившего его отца, уже снова уносясь по лестнице.

Задыхаясь, он влетел в гостиничный номер и стал быстро запихивать вещи в спортивную сумку. Наверное, отец погнался за ним и легко найдет в этой гостинице. Но он больше никогда не увидит своего сына! Данилу нужно срочно домой, в свою комнату, к своей маме! Он прибежит к ней сейчас же и все ей расскажет. И она убьет этого человека, она вышвырнет его из дома и никогда, никогда больше не впустит!

Он выбежал на улицу, не заметив, как пролетел через всю площадь. Словно по заказу, распахнул двери красный киевский троллейбус. Уткнувшись лбом в холодное вибрирующее стекло, Данил не замечал, что плачет. Он громко всхлипывал, привлекая внимание немногочисленных пассажиров. Было видно, что у мальчика серьезное горе. Может быть, у него кто-то умер...

Как же близко это было к тому, что чувствовал Даня! Ему казалось: он навсегда потерял своего отца. Своего доброго и умного, своего честного папу. Отец сказал, что едет в командировку, а сам поселился в гостинице, чтобы целоваться с этой гадкой тварью! Данил никогда не видел, чтобы папа так целовал маму. О, теперь Данил понимает! Его отец не только целуется с этой гадиной. В свои двенадцать лет Даня прекрасно просвещен, чтобы догадаться, чем еще он с ней занимается. Но когда Данил пытался себе это представить, он чувствовал, что может потерять сознание.

Каким же все-таки Даня был дураком! Отец же не любит его маму. Его самую красивую на свете, самую добрую маму! Он любит эту

отвратительную тетку с красными когтями. Он променял на нее свою жену и его, своего сына, а Данил еще так беспрекословно его всегда слушался, так старался сделать все, лишь бы папочка был доволен!

Все еще всхлипывая, Данил добежал до подъезда и вскочил в лифт. Сейчас! Сейчас она обо всем узнает.

Людмила открыла дверь. На пороге стоял ее зареванный, опухший Даня.

— Что случилось, сыночек?

— Мамочка! — он бросился к ней на шею.

— Ну, что за горе, расскажи мне!

Мама обнимала его и гладила по спине. Данил крепко прижимался к ней, уткнувшись в плечо. Какая она замечательная, какая родная...

— Мама, меня выгнали со сборов! — соврал он и заревел с новой силой.

— О-ой, ну, это не такая уж трагедия! — улыбнулась Люда.

«Конечно, — думал Даня, — если бы меня выгнали со сборов, если бы я сломал себе шею или попал под машину, все это было бы ерундой по сравнению с тем, что случилось на самом деле...»

***

Войдя в свой интуристовский «люкс», Валерка просто рухнул на кровать, закрыв глаза, пытаясь хоть немного успокоиться и спрогнозировать дальнейшее поведение Данила. Наверняка его впечатлительный нытик прибежит сейчас к Людке и все ей выложит. Глупо было рассчитывать на то, что сын не понял, что к чему.

Валерка много раз представлял себе, что было бы, если б жена о его похождениях узнала. Он ставил себя на ее место — картина получалась невеселая. Но то, что случилось, превзошло все его самые мрачные предположения — об этом узнал Даня. Не просто узнал — он застал его. Как же это низко! Низко и позорно. Что ж, пускай он ей расскажет. Валерка придет утром и все объяснит. Он подождет, пока они немного успокоятся и смогут его выслушать. Он сможет объяснить Данилу. Он выложит всю правду, он расскажет все так, как есть на самом деле, и сын поймет его. И обязательно простит, ведь у него такой смысленный, такой веселый и великодушный мальчик...

Валерка ведь вовсе не был бабником. Он изменял своей жене потому, что так поступали все. Все необходимые ему люди. Он вполне

мог бы без этого обойтись, но тогда он существенно проиграл бы в глазах своего окружения.

Ему просто необходимо было пожить в этой гостинице — здесь остановился человек, на чье покровительство Валерка очень рассчитывал. С ним были связаны все Валеркины планы на будущее, и у него все прекрасно получалось! Ведь спортивный комитет — давно уже не его уровень, он переходит на серьезную партийную должность.

Его мало беспокоило то, что рядом с отрывающимся в служебной поездке московским гостем нужно было строить из себя разбитного повесу, услужливого, беззаботного и распутного парня. Игра стоила свеч — так ему казалось. Так ему казалось до сегодняшнего вечера, до того момента, когда он увидел эти испуганные, растерянные серые глаза.

Порог своей квартиры Валерка переступал с чувством человека, бросающегося под поезд. Люда стояла в коридоре и застегивала перед зеркалом свой легкий плащ. Он был просто потрясен, когда жена повернулась и, весело улыбнувшись, сказала:

— Что-то вы все возвращаетесь раньше времени. Тебя тоже выгнали?

— Откуда?..

— Да так... Приготовь себе поесть сам, я опаздываю.

— А что, Даня тоже дома? — спросил растерявшийся Валерка.

— Да. Знаешь, его вчера со сборов отчислили, и он страшно переживает. Сидит в своей комнате и не выходит. Ну пока! — она чмокнула его в губы и вышла за дверь.

Неужели Даня ничего ей не сказал? А может, и правда не понял? Вот это было бы неплохо! Валерке в любом случае нужно с ним поговорить...

Даня подумал, что отец уже зашел на кухню, и, решив быстро выскочить из квартиры, столкнулся с ним в коридоре нос к носу. Специально, что ли, папочка его караулил?!

— Данил, — начал Валерка, но, подняв на сына глаза, забыл все, что приготовился сказать.

Эта гримаса не может принадлежать его мальчику... Эти злые сощуренные глаза и презрительно искривленные губы — не его, не Данила. Валерка никогда не видел такого вызывающего лица. Он поднял руку и хотел взять сына за плечо, но Даня мгновенно отскочил,

пробежал вдоль стены, хватая на ходу свои ботинки, и, вылетев из квартиры, громко захлопнул дверь.

Обувался Даня уже в подъезде, стоя перед закрытыми дверями лифта.

***

Данил очень жалел маму. Он постоянно крутился возле нее, подробно рассказывая о своих делах и стараясь во всем ей помогать. Его прилипчивость часто выводила Люду из себя, и она куда-нибудь его отправляла.

«Бедная, — думал Даня, — и не подозревает, с кем находится в одной квартире». Хорошо, отец хотя бы уже не целует ее в щеку при Дане. Но Данил не может видеть, как мама, уходя, чмокает мужа в губы. Он накрывает голову подушкой, чтобы только не слышать, как за ними закрывается дверь спальни. Когда отец выходит из-за стола, Даня сам хватает его тарелку и начинает мыть, чтобы мама только не прикасалась к ней своими руками.

Данил постепенно свыкся с мыслью, что нельзя упускать случая выразить свое презрение отцу. Даня не станет хуже учиться и не бросит плавание: этим он покажет, что переживает из-за всего случившегося. Он просто будет напоминать постоянно папочке о том, что ничего не забыл.

И у Данила отлично получалось. Он доводил Валерку до тихого бешенства своими бесконечными намеками. Если Валерка спрашивал, например, положила ли Люда сахар в его чай, и она отвечала, что нет, Данил непременно говорил: «Мама, ну как ты могла забыть про папу? Он ведь всегда про тебя помнит. Правда, папа?», или: «Не кричи на папу, ему же обидно, ведь он тебя любит. Скажи?»

Людмила видела, что с Данилом нечто происходит, однако находила этому прекрасное объяснение. Ей ведь столько раз говорили знакомые о том, какими несносными бывают подростки, но она почему-то не верила, что с ее Даней тоже такое случится.

Валерка уже был на грани нервного срыва, когда, сидя вдвоем с Данилом на кухне, старался сына отвлечь, поговорить о чем-нибудь постороннем, а Даня с надменным лицом лишь сочувственно вздыхал, не считая нужным на отца даже взглянуть. И тогда Валерка не сдержался:

— Ну, расскажи ей! — крикнул он Данилу. — Расскажи и прекрати эту комедию!

— Я? А причем тут я? — равнодушно ответил Даня и, спокойно поднявшись из-за стола, снова ушел к себе.

И что Данил хотел этим сказать? Чтобы Валерка сам во всем признался? Да он давно готов и поговорит с Людмилой завтра же днем, пока Даня будет в школе!

Валерка действительно все рассказал. На следующий день он пришел в обед очень рано, чтобы у Люды было время его выслушать, и, объявив, что готов к любому ее решению, выложил все подробности произошедшего в «Интуристе» инцидента. Валерка ничего не скрывал, честно описывая себя расчетливым монстром, готовым на любую низость ради собственной выгоды. И когда ему уже нечего было добавить, когда он просто обреченно опустил перед сидящей на кровати Людой на колени, он был совершенно сражен тем, что услышал в ответ.

— Валера, не валяй дурака, сядь на диван, — спокойно и задумчиво сказала ему жена. — Если ты думаешь, что удивил меня своими подвигами, ты ошибаешься, для меня это давно уже не новость. Как будто я не знаю, чем вы там в своих командировках занимаетесь. Плохо, конечно, что Даня узнал... Надо как-то ему объяснить.

У Валерки путались мысли. Он ее не удивил? Она все знала? И ничего не говорила, даже ни на что не намекнула... Он не мог понять этого совершенно, однако главное, что она теперь в курсе дела и на Валеркиной стороне. Она придумает, как помочь ему, она обязательно это сделает.

И Людмила действительно попыталась. Она предприняла отчаянную попытку спасти положение, оборвав на полуслове очередной ехидный выпад Данила:

— Хватит! — резко произнесла Люда. — Хватит издеваться над отцом! Мне прекрасно известно про тот случай в гостинице, и это тебя совсем не касается. Ты сыт, одет, обут и, кажется, не обделен вниманием. Мы с отцом взрослые люди и сами сумеем разобраться!

...Данил не мог поверить, что его мама такое говорит. Так, значит, ей все известно? И она этого человека не убила и не выгнала из дома? Она даже на него не накричала! Она целовала его и спала с ним в

одной кровати, она готовила ему еду и стирала белье. А Данил ее так жалел! Нет, лучше бы она этого не говорила... Вот, оказывается, какая отличная, какая счастливая у Данила семья!

Людмила ждала реакции сына, но тот молчал, остановив на ней удивленный, потерянный взгляд.

друг Даня резко опустил глаза:

— Ничего себе. Действительно, да... — он встал и медленно пошел к двери, думая о том, что у него вполне хватит сил на двоих родителей.

Людмила поняла, что проиграла. Она посмотрела на мужа — Валерка положил голову на сложенные на столе руки. Он тоже это понял. Нет больше их веселого болтливого пай-мальчика, их послушного Данечки, вечно вертящегося под ногами и задающего тысячи наивных вопросов...

***

Данил и в самом деле смог порядком отравить жизнь своих родителей. Если он находился дома, то держал их в постоянном напряжении. Он привык к тому, что не может обратиться ни к отцу, ни к матери без снисходительной гримасы на лице. Это уже доставляло ему немалое удовольствие: он видел, как их это задевает, и старался еще больше.

Раньше Валерка всегда удивлялся, почему сын ничего у него не просит. Он часто сам предлагал Данилу что-нибудь. Например, он говорил: «Хочешь, съездим в магазин и купим магнитофон с наушниками?» Но Даня отвечал, что ему не нужно и он вполне обойдется их аппаратурой. Когда Валерка дарил ему дорогие вещи, Даня говорил: «Ты что, пап, это же куча денег! Купил бы маме что-нибудь лучше. Спасибо, конечно!»

Теперь ситуация резко поменялась на совершенно противоположную. Данил очень часто объявлял, что у него закончились деньги, и Валерка сразу же давал ему еще. Это превращалось в бестолковую гонку, как будто кто-то из них должен был сдать: либо Данил — поблагодарить отца и ограничить свои запросы, либо Валерка — отказать ему, демонстрируя, что исчерпал свои возможности. Но Валерка не сдавался. Однажды его малолетний сыночек, кажется, превзошел самого себя. Прихлебывая чай из своей пол-литровой чашечки, он невинным голосом вдруг заявил:

— Папа, мне нужна цепочка на шею.

— Какая еще цепочка?

— Золотая, — спокойно ответил Даня.

— А больше ничего не нужно? Перстень с изумрудом, например?

— Нет, пап, перстень пока не нужен. Я потеряю его в бассейне.

На следующий день Валерка швырнул ему на кровать небольшую коробку.

— О, отлично! — сказал Данил, открывая ее. — Ну, не совсем то, конечно... Но тоже сойдет, ладно.

Валерка был в бешенстве после каждой подобной выходки, но это дурацкое соревнование продолжалось. Ему казалось, Данил уже мог открыть собственный небольшой магазинчик спортивных товаров и торговать купленными за валюту плавками, резиновыми шапочками, очками и полотенцами, спортивными тапочками и майками всех ведущих фирм. Валерка давно поражался, как все это помещается в его маленький шкаф, и был крайне удивлен, обнаружив там военный порядок и много свободного места.

Этот феномен вскоре нашел объяснение. Зайдя однажды в бассейн, Валерка понял, что на свои кровные деньги снабдил фирменными вещичками чуть ли не весь состав тренирующихся с Данилом товарищей. Его добрый мальш просто раздаривал все это богатство, даже не считая нужным ставить Валерку в известность. И это помимо того, что Валерка давно уже привык к виду несравненного Леши Лагунова, вообще не снимающего с себя вещи Данила.

Поразительно, но на беседовавшем с Валеркой тренере Данила тоже была майка, недавно купленная по просьбе ненасытного Данечки. Валерка прекрасно видел, как злорадствует его сыночек, сидящий на скамейке с равнодушным видом. Милый Даня делал из тренера идиота как раз в тот момент, когда тот расхваливал его на все лады. Все-таки у Валерки замечательный ребенок! Редко кому удастся воспитать такого изощренного интригана.

Одно было хорошо во всей этой истории: Людка с Валеркой стали необычайно дружной, сплоченной общим несчастьем парой. Они жаловались друг другу на судьбу и не находили другого выхода, кроме как с честью выдерживать все муки, справедливо посланные им свыше. Они испытывали огромное облегчение, когда Данил уезжал на

сборы или соревнования. Обстановка в доме сразу же разряжалась, и им казалось: наступали самые счастливые дни их семейной жизни.

***

Данил тоже любил эти поездки. Ему очень нравилось жить без своих драгоценных родителей в комнате с развеселыми сверстниками. Конечно, стараниями своего состоятельного папы он давно был приучен ни в чем себе не отказывать. У Данила всегда была куча денег, небрежно распаханных по всем карманам.

В то же время он мог остаться вообще без копейки, проиграв все деньги в игровых автоматах, и ни капли об этом не сожалеть. Он легко мог отказаться от порции мороженого в пользу уже управившегося товарища, с завистью смотревшего на его еще не тронутое лакомство. Данил мог элементарно расстаться с любой своей тряпкой, если ему казалось, что кто-то завидует, глядя, как он ее напяливает.

Ему не доставляла неудобств необходимость жить иногда в довольно обшарпанных помещениях, ночевать на вокзалах и питаться в столовых. От него никто и никогда не слышал жалоб. Претензии у Данила периодически возникали только относительно выбора соседа по комнате.

Ну не мог он выносить рядом с собой представителей народной глубинки, неизвестно как затесавшихся в спортивные интернаты. Они способны были говорить либо о плавании, либо о непомерно высоких ценах на Бессарабском рынке, широко используя при этом свой типичный сельский говор, который всегда резал ухо Данилу и страшно его раздражал. А еще они частенько писали письма своим многочисленным родственникам, и Данил всегда удивлялся, что можно описывать на пяти страницах школьной тетрадки. И наконец то, что окончательно доводило Давыдова до бешенства — их неизменные чемоданчики, битком набитые провизией. Данилу казалось: выезжая на спортивные сборы, они готовятся либо к голодной зимовке, либо к ядерной войне, предвидя свою длительную изоляцию в каких-нибудь катакомбах.

С этой проблемой Данил справлялся быстро, и такие ребята надолго в сборной не задерживались. Он против любого мог легко настроить всю команду: каждому хотелось стать приятелем веселого и щедрого Данила. Все симпатии были на его стороне, он умел расположить к себе кого бы то ни было. Данил разворачивал широкую

травлю выбранного объекта, состоявшую из постоянных ядовитых уколов, подсыпания соли в чай или подсаживания в чемодан мыши, пойманной в гостиничном буфете. Осторожно прокравшись к крану, кто-нибудь из ребят быстро закрывал горячую воду, когда неприятный Данилу парень стоял под душем, а когда тот садился обедать, из-под него убирали стул.

Это превращалось в увлекательное развлечение для компании насмехающихся подростков и обычно заканчивалось быстро. Деревенский паренек собирал свои вещи и тихонечко убирался со сборов, чтобы больше никогда не появиться в бассейне, а Данил считался заводилой и лучшим исполнителем всевозможных подловатых штук.

Данилу обычно не хотелось возвращаться в Киев. Нужно было возобновлять третирование своих родителей, а ему это занятие уже надоело. Однако, побыв несколько дней дома в их дружной компании, он снова втягивался в привычный режим нескончаемых издевательств.

***

К середине учебного года физические нагрузки достигли, кажется, предельных величин. Теперь Данилу надо было вставать в пять утра и идти на утреннюю тренировку. Он завтракал в бассейне и отправлялся в школу. Потом — опять в бассейн. Вечером он входил домой под звуки торжественной музыки в начале новостной программы «Время». Данил падал на свою кровать и несколько часов вообще не двигался. До лета он должен был выступить на нескольких крупных соревнованиях и выполнить норматив мастера спорта. Конечно, Данил стал хуже учиться. Не могло быть и речи о том, чтобы делать дома уроки. Отвечая, он мог полагаться лишь на свою прекрасную память и на подсказки сочувствующих отличников.

Он решил, что завяжет с большим спортом сразу, как только выполнит норму мастера. Эти попытки не для него!

Но именно благодаря плаванию он выгодно отличался от своих одноклассников. Хотя Данил был довольно высокого роста, он никогда не был похож на стандартного подростка, переживающего возрастной кризис. Именно благодаря чудовищным нагрузкам его мышцы всегда успевали за быстрым ростом костей.

Одноклассник Генка Левковский, явно страдающий комплексом неполноценности от своего раскормленного вида, однажды сказал ему:

«Да, повезло тебе, Давыдов, с фигурой, нечего сказать». Данил только мрачно усмехнулся в ответ. Откуда же мог знать Генка, что, когда Давыдов приходит домой, он не может пошевелиться. Не может ни раздеться, ни поужинать. Откуда ему знать, как вскрикивает Данил по ночам от нестерпимой внезапной боли в сведенных судорогой перетренированных мышцах. Как во время тренировок ему не хватает воздуха, и он хрипит, падая на скамейку после очередного заплыва. Как хочется ему пить, и он хватается огромными глотками воду из-под крана в раздевалке... Откуда ему все это знать? Пускай себе думает, что Давыдову повезло, и завидует, сколько хочет. Даня не станет его разочаровывать...

***

Он был совершенно без сил, когда возвращался с соревнований, проходивших в их городе, и сидел на жестком сиденье троллейбуса, бессильно упираясь лбом в стекло.

Все. Он показал приличный результат, он выполнил заветную норму, и наступает конец его мучениям. Его тренер просто счастлив и строит новые планы на Данила. Ничего, Давыдов сделает ему официальное сообщение об окончании своей спортивной карьеры. В конце концов, Данил не собирается связывать со спортом свою дальнейшую судьбу, он точно способен на большее!

Даня почувствовал, что кто-то пристально его изучает, и поднял глаза. Напротив сидела довольно симпатичная молодая женщина, изрядно разукрашенная, очень модно одетая и, нахально на него уставившись, улыбалась. Данил попробовал улыбнуться в ответ, но у него плохо получилось. Ну и пусть себе таращится, если он так ей понравился! Даня попытался принять прежнее положение, но не тут-то было. Какая-то шустрая старушенция, пристроившаяся к нему сбоку, завела знакомую песню о неуважении к старшим, настойчиво намекая на то, что Данил должен уступить ей место. Но Данил никак не реагировал. Тогда к бабушке присоединились несколько общественно активных граждан, и этот хор начал действовать Давыдову на нервы. Встать он все равно не мог, и все, что было ему под силу — это вяло огрызаться.

Язвительные реплики уже сыпались со всех сторон, как вдруг та самая лучезарная дамочка всем сразу закрыла рот.

— Перестаньте орать! Неужели не видно, что человек еле сидит. Если вы здесь упадете сейчас, то, пожалуйста, садитесь на мое место!

Она решительно встала, но Данил уже встал тоже, и они оказались нос к носу в совершенно дурацком положении. Делать было нечего — они оба вышли из этого троллейбуса, битком набитого доброжелательными согражданами.

— Хочешь, я понесу твою сумку? — спросила его спутница, видя, что Данил еле плетется позади.

— Нет, спасибо. Зачем вы вышли? Наверное, вам нужно было еще ехать?

— Неужели я так выгляжу, что мне нужно говорить «вы»? Я Карина, а ты? — спросила она, окидывая Давыдова явно одобрительным взглядом.

— Данил.

Ему никогда не нравилось его имя, он не был знаком ни с одним человеком, которого звали бы так же! Он всегда с трудом произносил свое имя, удивляясь, почему никто не прыскает со смеху. Но Карина лишь улыбнулась:

— О, как интересно, тебе очень подходит.

Постепенно они разговорились, Даня рассказал, что идет со своих последних в жизни соревнований и весьма этим доволен. Карина остановилась.

— Ну все, я здесь живу. Зайти хочешь? Ай, ладно, — махнула она рукой, — я вижу, ты как лимон выжатый, что с тебя толку? Хочешь, встретимся тут завтра? В пять часов. Договорились? Ну пока!

Она пошла во двор, но вдруг обернулась к нему и крикнула:

— Только обязательно приходи, не бойся! Тебе понравится!

Засмеявшись, она скрылась из виду. Данил некоторое время стоял не шелохнувшись. Она что, назначила ему свидание? Кажется, она даже кое-что ему предложила? Этого не может быть... Такая солидная, взрослая вроде бы женщина сообщает первому встречному пацану, что «ему понравится». Конечно, он придет! Хотя, может, она имела в виду совсем не это?.. Но что же тогда?

Даня не мог дождаться, когда наступит завтра, и думал только об одном. Нет, он давно уже об этом думал, и его тело уже давно было к этому готово. Из просветительских бесед, в основном с тренерами сборной, знал он и то, что начинать им еще слишком рано и это всегда

негативно сказывается на спортивных результатах. Ну, может, кому-то и рано, а Данил точно начнет! Ведь спортивные результаты Данила больше не интересуют, и раз уж представляется такой фантастический шанс, он его не упустит!

***

Свой первый опыт помнит каждый, и Данил точно этого не забудет! Как же здорово, что ему повезло сразу же попасть в опытные руки, он не представляет себе, как бы справился с этим, окажись он перед такой же, как он, неискушенной девушкой! Это состояние вообще реально контролировать?!

Карина открыла бутылку вина, поскольку прекрасно видела, что с ним творится. Данил понимал, что разыгрывать из себя хоть сколько-нибудь опытного ухаря просто смешно, и даже не пытался этого делать. Кажется, он ошибся вчера — Карина была значительно моложе, чем он подумал. У нее уже своя небольшая, хорошо обставленная квартирка и масса всяких интересных вещичек, до которых Данилу в этот его первый раз не было никакого дела. На Карине был очень короткий легкий халатик без рукавов, под которым просматривались весьма крупные формы. Данилу не очень нравились ее полноватые ноги, но думал он совсем о другом. Это должно сейчас случиться. Прямо сейчас, прямо здесь... Это так быстро и неожиданно, а вдруг у него не получится? Мало ли что бывает... Вдруг она засмеется или на что-то обидится и с позором его выгонит?

Его бил такой мандраж, будто он собирался стартовать в финальном заплыве за звание олимпийского чемпиона. Карина налила ему вина, он быстро все выпил, однако алкоголь не оказал на Данила никакого действия. Вино было довольно крепким, но его состояние не менялось. Карина налила еще, и он выпил снова, сохранив по-прежнему необычайно ясные мозги и выпрыгивающее сердце.

Она взяла у него бокал. Увидев, что все попытки его успокоить не увенчались успехом, Карина вздохнула, безнадежно махнула рукой и принялась за дело.

А через час Данил уже шел по улице. Ему не то что понравилось — он в полном, в абсолютном восторге! Да это же сравнить нельзя с развлечением себя вручную. Карина явно знала толк в подобных вещах, а когда Данил уходил, она оставила свой телефон, и, конечно, он придет сюда еще! И будет приходиться столько, сколько ему будет

нужно, раз уж эта опытная барышня решила взять над ним шефство. Просто так, «для души», как она выразилась!

Данил понимал, что совершенно не влюблен в Карину и ему гораздо больше нравились некоторые его ровесницы. Но он также понимал и то, что ему неслыханно, просто удивительно повезло, и он может так легко приобрести необходимый опыт, а главное — он подыскал отличное занятие вместо своих зверских тренировок. Его драгоценный папа, однако, прекрасно разбирается в настоящих радостях!..

Он остановился, улыбнувшись блестящей идее, которая пришла ему в голову. Теперь он нашел новый способ продолжить свое специфическое общение с родителями. Кажется, они слегка успокоились? Не беда, Данечка приведет их в форму! Нужно только как-то поставить их в известность... Данил вернулся немного назад, свернув к ближайшей аптеке.

***

Валерка вышел из спальни и, остановившись в коридоре, стал наблюдать за крутящимся перед зеркалом Данилом, который явно собирался куда-то сходить.

— Ты что, не идешь на тренировку?

— Нет, не иду. Я бросаю.

— Как это бросаешь?.. Почему я только сейчас об этом узнаю? Ты же выиграл последний турнир!

— Мне надоело, — равнодушно ответил Данил.

Валерка хотел спросить его, чем тот думает теперь заняться, но вдруг из кармана легкой куртки Данила выпал яркий маленький пакетик. Случайно, конечно...

— А, черт...

Данил нагнулся и, подняв пакетик, положил в карман. Валерка стоял, вылупив глаза. Он никак не мог придумать, что сказать дальше или о чем еще спросить, но Даня уже вышел из квартиры.

Что это — очередной трюк Данила?.. Где, например, Валерка сам в свои столь же юные годы мог кого-нибудь найти? Только бы Людка не узнала — это ее доконает...

А Данил уже весело шагал по весенней киевской улице, подскакивая на бетонных плитах и стараясь не наступить на щели между большими квадратами. Конечно, папе нет нужды ставить

мамочку в известность: это Даня берет на себя, и его мудрая наставница Карина с удовольствием ему подыграет. У него как раз сейчас с ней свидание!

Людмила спешила домой и когда, повернув во двор, издалека увидела Данила, подумала сначала о том, что он, вообще-то, должен быть на тренировке. Однако стоял он возле их клумбы с раскидистыми кустами не один... По мере своего приближения Люда все детальнее разглядывала его спутницу. Это была порядком потасканная особа с подкрашенными рыжими волосами, начесанными в виде пакли, и с немислимым количеством косметики на бесцветной роже. То, что называется юбкой, имело вид небольшой, чисто символической набедренной повязки, едва не открывавшей трусы. В общем, род ее занятий не вызывал у Людмилы ни малейшего сомнения. Но что ей может быть нужно от Данила?

Вдруг невинный Людкин сыночек уверенным жестом притянул к себе эту красотку, прижимаясь к ней нижней частью тела. Его милая собеседница нежно потрепала Даню по щеке.

Люда подошла почти вплотную и стояла, в ужасе вытаращив глаза. Точно такое же выражение было на лицах сидящих на скамеечке престарелых общественниц.

Данил обернулся, посмотрел на обалдевшую матушку и сделал вид, что весьма смущен. Он даже слегка покраснел. Опустив глаза, Людмила быстро вошла в подъезд.

Она с порога начала рассказывать Валерке о том потрясении, которое получила, увидев своего Даню в объятиях откровенной шлюхи.

— Валерочка, он встречается с какой-то профессионалкой! — кричала охваченная паникой Людка.

— Успокойся, он с ней не только встречается, — ответил ее безмятежный муженек.

— Что? Ты думаешь...

— Я точно знаю.

— И ты так спокойно ко всему этому относишься?! От него же можно чего угодно ждать! Он может, например, жениться в семнадцать лет! — строила Людмила страшные прогнозы.

— А почему в семнадцать? Можно успеть гораздо раньше.

— Ты еще шутишь! Я тебе поражаюсь! — она удивлялась его спокойствию. — С этим же надо что-то делать!

— Интересно, что? — с ехидной улыбкой посмотрел на нее Валерка, и Люда, лишь нервно дернув плечами, отвернулась. — Вот именно. Хорошо, он хотя бы предохраняется. И делать нам с тобой можно то же, что всегда. Ничего.

***

Ах, как трудно ей было делать это «ничего»! Последние годы учебы Данила в школе превратились для Людмилы в настоящую пытку. Сын отдалялся от нее все больше, втягиваясь в какую-то совершенно распутную жизнь. Он спал с женщинами и не считал нужным это скрывать. Наоборот, Данил явно специально выставлял это перед своими родителями. Он нагло прохаживался перед ними голый с небольшим полотенцем вокруг узких бедер. Иногда он даже не давал себе труда его завязывать, а просто слегка придерживал на боку. Другое полотенце, совсем маленькое, постоянно висело на спинке его кровати и время от времени ненавязчиво перемещалось в общую корзину с грязным бельем. Людмилу прошибал холодный пот, когда она представляла себе, как ее драгоценное чадо валяется на своей большой кровати с какой-то голой бабой. Он что, приводит сюда своих подружек днем, когда Людка с Валеркой на работе? Хорошо еще, что он никогда не делает это в их спальне, хотя, конечно, он может тщательно это скрывать.

У них дома не смолкал телефон от бесконечных звонков его многочисленных барышень. От него постоянно несло сигаретами. Он редко являлся домой раньше одиннадцати часов вечера. Если он возвращался глубокой ночью, то всегда был порядком в подпитии, а иногда он сильно перебирал, и его рвало в туалете.

С Валеркой такого никогда не случалось. В эти минуты Людмиле хотелось умереть, только бы этого не слышать. Валерка советовал его не трогать. Наверное, он знает лучше. Люда с облегчением вздыхала, когда Данил наконец уходил к себе в комнату. Но пролежав там совсем немного, он снова вставал, включал на кухне свет и практически полностью опустошал холодильник. А на следующее утро он как ни в чем не бывало вставал и шел в школу. Да, он еще ходил в школу! Мало того, он замечательно учился и еще немного тренировался — Людмила поражалась его жизненной энергии. Неудивительно, что количество

потребляемой им пищи уже давно перешло все разумные пределы. Люда никак не могла привыкнуть к тому, что ей нужно готовить столько еды, как будто она откармливает дома поросенка. Когда она пыталась упрекнуть Данила хотя бы за ночные налеты на их продовольственные запасы, он всегда отвечал, что не виноват в том, что его молодой растущий организм требует дополнительных калорий.

А организм у Дани действительно был растущий. Его тело, освободившись от оков чудовищных нагрузок, быстро приобретало мощь и пластику мужчины. Иногда Людмила не могла оторвать глаз от своего сына, наблюдая, как он сидит и смотрит телевизор или что-то пишет в тетрадке. Ей казалось, что Данил все больше превращается в сказочного красавца. Она делала скидку на свою материнскую предвзятость, но, вспоминая численность представительниц слабого пола, трясущихся от стремления привлечь его внимание, Люда приходила к выводу, что недалеко от истины.

Даня был похож на нее. Его серые глаза уже не казались круглыми. Они расходились к вискам параллельно линии прямых мужественных бровей, а их цвет прекрасно гармонировал с пепельным оттенком волнистых волос.

У него светлая кожа, и мягкая линия большого рта ярко выделялась на ее фоне. Когда Данил улыбался, на его щеках появлялись четкие вертикальные складочки, которые, наверное, приводили тайных воздыхательниц в состояние экстаза. Небольшой, слегка вздернутый нос придавал ему какую-то детскую трогательность, отлично сочетавшуюся с ломаными линиями его лица.

Как же она его любила, как хотела бы быть с ним хоть немного ближе... Ну почему у других все не так, почему с другими дети хотя бы делятся своими проблемами? А он как будто задался целью отучить Людмилу от мысли, что у нее все еще есть сын. Неужели он до сих пор дует из-за того случая с Валеркой?..

Глава 2

Глава 2

Данилу не хотелось сразу бросать плавание. Он пару раз в неделю приходил в бассейн и просто купался в свое удовольствие, доводя тренера до белого каления. «Купи себе абонемент в группу здоровья и не мешай спортсменам!» — орал тот на Давыдова. Иногда Данил посещал тренажерный зал вместе с Лешкой Лагуновым, но особенно там не нагружался: ему просто нужно было поддерживать себя в нормальной физической форме.

Он все реже бывал в квартире Карины, давно переключившись на смазливых сверстниц, и не мог отказать себе в удовольствии подробно описывать Лешке свои приключения, а тот всегда с интересом Данила слушал, делая собственные выводы. Это казалось маловероятным, но невысокий и коренастый, ничем особым не выделяющийся Леха пользовался среди слабого пола необыкновенной популярностью и давно уже не был новичком в подобного рода делах.

Но маловероятным это только казалось. Данил прекрасно знал, что есть у Лагунова безотказное, непобедимое оружие — его гитара. Лешка недаром тратил многие часы, чуть ли не половину всей жизни, на тихое треньканье в своей однокомнатной квартирке, где жил с матерью, которой почти никогда не бывало дома. И помимо того, что Леха имел, видимо, абсолютный музыкальный слух, у него был действительно отличный сильный голос.

Лешкин репертуар был весьма своеобразным и достаточно широким. Основу его составляли заунывные длинные романсы, ведь Лагуна, в конце концов, наполовину цыган. А еще он разучил множество песен из всевозможных фильмов, мультиков и театральных постановок. Причем предпочитал он вещи, исполняя которые, можно было вдоволь подрать свое резиновое горло. Это было странно, но Данил никогда не слышал от своего приятеля пошловатых блатных песен, столь популярных среди дворовых исполнителей.

Теперь Данил совершал вояжи по городу в компании верного Лагунова. У Лешки была одна цель — закадрить каких-нибудь

девчонок, привести к себе, хорошенько выпить, спеть, а дальше — действовать по ситуации. Причем закадрить должен был, конечно, Давыдов. Лагунов использовал его как рекламный щит: Данил сразу же сражал девочек своим благообразным внешним видом и хорошо подвешенным языком. Ему доставалась вся черновая работа: он должен был убедить их в необходимости посетить Лешкино скромное жилище, развлекать по дороге и уламывать еще немного посидеть, распивая очередную бутылочку. Тут-то до сих пор молчаливый Лагуна брал гитару, открывал рот — и незадачливые девчонки сразу же забывали о существовании болтливового красавчика.

Данил никогда не обижался на Леху. Им нечего было делить. У Давыдова было множество приятелей, постоянно приглашавших его на нескончаемые дни рождения, на торжественные заседания по поводу отбытия родителей на дачу и просто — на дежурные посиделки. Это было прекрасное время в его жизни — веселая, засасывающая пора, его беззаботная бурная молодость...

***

Закончился предпоследний учебный год, впереди было лето последних в жизни Данила школьных каникул, и жара очень рано навалилась на Киев. Казалось, что она — густая и жирная — медленно расплзается по улицам и переулкам, течет словно сироп, заполняя собой каждую щель города. Но в Киеве от жары всегда есть спасение. Есть тенистые парки и аллеи, есть Днепр, и есть, в конце концов, «Киевский каштан» — фирменное мороженое, без которого невозможно себе представить лето в этом городе.

Пристроившись к длинной очереди, счастливый Давыдов купил последнюю порцию подтаявшего эскимо. Он уже ухватил зубами кончик бумажной упаковки, как вдруг услышал позади себя чей-то обреченный вздох:

— Ну вот... Как обычно.

Данил обернулся. Невысокая хрупкая девушка в очень сдержанном голубом костюмчике медленно поплелась в сторону подземного перехода на Бессарабской площади. Данил догнал ее.

— Эй, постой! Я передумал.

Девушка подняла светлые глаза. У нее было бледное круглое личико с мелкими правильными чертами, которое казалось немного испуганным и изможденным. Ее русые, довольно длинные волосы

хорошенькими кудряшками спускались на худенькие плечи, скрывая длинную тонкую шею.

— Нет, — мотнула она головой. — Мне правда лучше этого не есть.

— Почему? Я уже не хочу. Ты же стояла в очереди, представь себе, что ты его купила.

— Нет... Нет, мне нельзя.

— Нельзя? — Данил ничего не мог понять. — Ты что, болеешь?

— Нет, почему. Мне просто будет тяжело прыгать.

— Прыгать?..

— Ты не подумай, что у меня не все дома! — развеяла она его подозрения. — Я просто танцами занимаюсь. Балетом, понимаешь? Мне нельзя есть сладкого, я сразу же поправляюсь.

— А-а, балетом! — Данил открыл пачку. — Ну, по-моему, от одной порции ничего не случится. Особенно если очень хочется.

Он отдал ей эскимо, и она уже не отказывалась. Ей действительно очень хотелось.

Не спеша двигаясь по аллее в сторону центра, Данил быстро разговорился с новой знакомой. Ее звали Наташа, и она, как оказалось, тоже не прочь как следует потрепать языком. Наташка была живая, веселая и остроумная девчонка, готовая рассмеяться в любую секунду. Данил совсем не такими представлял себе балерин. Он довел ее до метро и предложил куда-нибудь завтра сходить. Наташка сразу согласилась и, весело кивнув на прощание, исчезла из виду. Эта девочка очень понравилась Данилу, а то, что она балерина, весьма интересно и так необычно. Конечно, он похвастается Лешке. К тому же новая знакомая Данила обещала привести с собой завтра какую-нибудь подружку и для Лагунова.

***

Наташа Збруева могла бы поехать домой, но папы с мамой сегодня нет, так что ей делать дома? Вот и отправилась она в свою монашескую келью... Она учится в хореографическом училище с девяти лет, и она очень одаренная танцовщица. Мягкая, легкая и пластичная, обладающая прекрасным музыкальным слухом и богатой фантазией, шестнадцатилетняя Наташка метила если не в примы, то в солистки — точно. Ее родители, обожающие свою маленькую девочку, делали все, чтобы их дочь достигла успеха. Наташа и сама этого

хотела. Ей нравилось то, чем она занимается: в танце она уносилась на волнах классической музыки, не чувствуя веса своего точеного тела. Благодаря долгим годам однообразных упражнений ее спина, ноги и руки автоматически выполняли сложнейшие движения, ей оставалось только слиться с музыкой и представить себя в какой-нибудь роли.

Преподаватели всегда хвалили ее — она была сообразительна, терпелива и дисциплинирована. Так им казалось. Так казалось всем, но только не Наташке Збруевой! Внутри она была обыкновенной разбитной киевской девчонкой, умеющей заткнуть рот сразу десяти собеседникам.

И с какой завистью она смотрела всегда на своих ровесниц, безмятежно прогуливающих по городу! Они принадлежали к тому интересному, влекущему ее миру, от которого она была отделена стенами крепости под названием «балет». Она гнала от себя эти мысли — не хватало еще, чтобы кто-нибудь догадался, какая она распущенная на самом деле! Но они все равно не давали ей покоя и с возрастом мучили все больше. Она видела, что сильно отличается от своих восторженных, фанатически преданных балету подруг.

Ну почему она вместо того, чтобы надеть короткую юбку, открыть свои красивые ноги и отправиться на обыкновенную дискотеку, должна каждый вечер до упаду репетировать в душном зале? Почему она не может просто развалиться на скамеечке в парке, закинув ногу за ногу, а должна аккуратненько садиться, складывая ручки? О, как хочется ей попробовать курить! Как хочется ей научиться целоваться с этими «недоразвитыми хамами», как иногда называют обычных парней ее подружки и преподаватели. Ну почему она должна изображать снежную королеву, когда какой-то симпатичный молодой человек хочет с ней познакомиться? Нет, она не бросит, конечно, балет, но иногда ей кажется, что она могла бы пропустить спектакль, отказаться от ведущей партии ради того, чтобы сбегать на какой-нибудь пошлый фильм с «недоразвитым хамом». Именно с ним, а не с правильными, воспитанными мальчиками-танцовщиками. Она уже чувствует, что не может с этим бороться.

Это сама судьба послала ей сегодня случай. Она познакомилась с веселым, умным Данилом, и он оказался совсем не хамом и очень даже развитым! Он назначил ей свидание, обещал познакомиться со своим лучшим другом. Конечно, Наташа сделает все, чтобы пойти! Она

пропустит вечернюю репетицию и уговорит Ольгу Дмитренко пропустить ее тоже...

***

— О, вот они идут! — указал Данил Лешке на появившихся из-за поворота девчонок, которые подходили к улыбающимся ребятам.

Поцеловав Наташу в щеку, Данил представил своего друга. Леша взял Наташкину ладошку в свою широкую сильную кисть и ничего не ответил, уставившись на Наташу немигающим взглядом с застывшей на лице идиотской улыбкой.

Предварительно посетив небольшое кафе, их компания стала не спеша продвигаться к кинотеатру. Оля оказалась тоже весьма хорошенькой, но какой-то печальной девушкой. Это была блондинка с нежной кожей и прозрачно-голубыми глазами. Она все время смотрела вниз, слегка улыбаясь в ответ на бесконечный треп Давыдова. Лешка молчал вообще. Наташа время от времени что-то вставляла, но чаще всего — просто весело смеялась, и прогулка эта, по сути, превратилась в сольный концерт Данила Валерьевича.

Ему уже начинало надоедать Лешкино безмолвие. Впрочем, Данил понял, в чем тут секрет. Леша тоже положил глаз на Наташу. Он шел с ней рядом и постоянно на нее косился. Ну и что же Данил должен делать в связи с этим? Пусть Лагунов лучше обратит внимание на ледяную Оленьку!

Выйдя из кинотеатра, Данил взял Наташку за талию и уже открыл было рот для очередного предложения, как вдруг его взгляд столкнулся с Лешкиным. Нет, Леша не злился на него. Он его умолял. Он просил отойти, просил дать ему шанс... Никогда Данил не видел такого выразительного взгляда у Лагунова. Он невольно убрал руку с тонкой Наташкиной талии.

Что ж, видимо, Лешке действительно очень нужно. Ладно, Данил отвалит, ему-то не так уж припекло. Он вполне может без нее обойтись и, чтобы не скучать, займется заранее безнадежным делом: растлением неприступной Ольги.

Они шли к Днепру по утоптанной грунтовой дорожке. Ну почему эта бестолочь Лагунов молчит? Неужели нельзя ничего придумать? Данил пытался ему помочь. Он только то и делал, что подавал выгодный пас: старался заговорить о спорте, о школьных предметах, о музыке — но все было бесполезно. Лагуна все больше мрачнел и к

моменту расставания, кажется, вообще потерял дар речи. Неожиданно Наташка пригласила их на свой день рождения в следующую субботу. Конечно, Данил не назначил ей до субботы свидания, но и этот кретин тоже! Было видно, что Наташка чувствует, как Данил уступает ее Леше, и она этим расстроена.

По дороге домой Давыдов пытался вправить мозги своему робкому приятелю, но Лешка ответил:

— Ай, я не знаю, что говорить. Я ж вижу, что ей не нравлюсь! — Данилу показалось, что Лешка готов заплакать. Ну уж нет, Давыдов терпеть такого не будет! Не хватало еще, чтобы какая-то невзрачная балеринка расстраивала его лучшего друга!

В субботу Лагунов притащил Натахе совершенно немислимых размеров букет разноцветных роз и французские духи. Все это было выбрано Давыдовым и куплено на его же, а вернее, на папочкины деньги. Данил ограничился куда более скромным подарком — бутылкой шампанского, однако Наташка этот факт проигнорировала.

Гордая Збруева не собиралась так просто сдаваться. Нашли себе игрушку! Она не вещь — она выбрала Данила и не уступит!

Наташкины интеллигентного вида родители рассматривали Данила, как музейный экспонат. Видимо, их доченька уже успела провести предварительную обработку. Это плохо: у Лешки еще меньше шансов. Довольные беглым осмотром, папа с мамой поспешили очистить помещение.

Кроме Данила и Лешки, здесь было еще несколько парней, одноклассников Наташки. Один из них, худосочный Артур, все время пялился на Данила своими бесцветными припухшими глазками, чем наводил его на некоторые подозрения. Была еще пара девчонок, включая ледяную Оленьку. Девочки — все хрупкие, скромные, воспитанные и, кажется, вообще непробиваемые. В общем, Данилу стало ясно, что он и конферансье, и солист в этом спектакле. Обреченно вздохнув, он принялся открывать бутылку.

Лагуна сегодня тоже собрался с мыслями и активно участвовал в беседе. Но Наташка вела себя просто отвратительно! Лишь стоило Леше открыть рот, она перебивала его на полуслове, нахально поворачивалась к Данилу, и бедняга Лагунов снова замолкал.

Данил не мог этого выдержать. Почему Леха не выкладывает своего козырного туза? Почему он не принес гитару? Нужно было

срочно что-то делать...

— Наташ, ты умеешь играть на гитаре? — спросил Давыдов.

— Нет, не умею. А ты?

— Значит, у вас дома нет гитары?

— Почему же? Есть, папина. Тебе принести?

— О, принеси, если можно — я как раз в нужной кондиции!

Какая неслыханная удача! Данил посмотрел на Лагунова: тот, округлив глаза, в ужасе мотал головой. Давыдов сделал вид, что не заметил этого. Пора уже Леше отойти от своего кретинизма и протереть этой дурочке глаза.

Данил взял гитару и с видом специалиста принял соответствующую позу. Он прокашлялся, поднял глаза к небу и вдруг, к недоумению столь утонченной публики, ударяя сразу всеми пальцами сразу по всем струнам, начал громко декламировать знаменитый шедевр:

— В траве сидел кузнечик!..

— Придурок! Испортишь инструмент! — Лешка выхватил у него гитару.

Слушатели переглядывались между собой и строили друг другу удивленные гримасы.

Умелыми пальцами Леша быстро пробежал по струнам — настроена нормально. Он замер на мгновение и в первый раз взглянул Наташе прямо в глаза. Затем, сделав несколько вступительных аккордов, начал медленно вливать в уши всем известную серенаду из мультфильма о бременских музыкантах: «Луч солнца золотого...»

Данил смотрел на Збруеву. Секунды через три после того, как Лешка подал голос, ехидная улыбка сползла с ее лица. Затем ее глаза стали постепенно увеличиваться в размерах, а челюсть — медленно отвисать. Дойдя до определенной точки, Наташкин подбородок остановился, и она замерла в таком положении на довольно продолжительное время.

Вот это Лагуна молодец, это же то что нужно! Действительно, серенада знаменитая, и она легко воспримется этими недалекими мозгами. К тому же слова очень подходящие: Леша поет о том, что точно знает — их с Натахой ждет счастье.

— Солнце взойдет... — в последний раз повторил Леша, его пальцы соскользнули со струн. Он выдержал паузу — гробовая

тишина была хорошим признаком. Не дожидаясь, пока развеется гипноз, Лешка сказал:

— Ладно, пошли, Данил, поздно уже, — и, положив гитару на диван, вышел в коридор.

И это тоже было правильно с Лешкиной стороны, Даня сегодня не переставал ему удивляться! Сейчас нужно просто уйти и оставить ее наедине со своими впечатлениями, ведь надо только подождать — дело уже решенное. А Наташка, конечно, уже умоляет Лешеньку не уходить и спеть еще хоть один разочек. Но Лагуна непреклонен:

— Нам пора идти, тебе завтра рано вставать.

Данил едва сдержал улыбку от этой фразы: ах, какая забота!..

***

Когда ребята ушли, Збруева быстро разогнала остальных гостей и села на диван, нервно жуя горбушку белого хлеба. Почему же Леша не спел ей раньше?.. Она никогда не слышала, чтобы ребята пели под гитару такие песни! Это было, пожалуй, вообще лучшее, что она когда-либо знала. Как могла она сравнивать его с этим дешевым клоуном, чьи достоинства ограничиваются симпатичной мордой да помелом вместо языка? А какие розы принес ей Леша, какие прекрасные духи! Тогда как этот нарцисс не потратился даже на цветочки... Теперь Лешка казался ей просто красавцем. Леша, Алексей... Его черные глаза, так красноречиво ей сверкнувшие, его немного сведенные брови во время этой волшебной серенады... От него исходит настоящая мужская, грубоватая сила — и это при таком нежном, ранимом сердце! И вот теперь он ушел, даже не предложив ей встретиться, он считает ее бесчувственной глупой пустышкой. Нет, она должна вернуть его! Она сделает все, чтобы Леша ее не бросил! Она найдет его, и он увидит, что она не бездушная кукла, что она тоже умеет чувствовать!..

Утром она позвонила Данилу, который не ожидал такой молниеносной реакции.

— Это ты, что ли, Наташа?

— Да. Скажи, Даня, а Леша на меня обижается?

— Ну... Как тебе сказать... Не знаю. Может быть.

— Слушай, а у него есть телефон?

— Нет, но если тебе так уж нужно...

— Очень нужно!

— Кажется, он сегодня вечером дома. Давай встретимся, как обычно, я тебе покажу, где он живет. Зайдешь к нему, если хочешь, — равнодушным тоном предложил Данил.

— Думаешь, это будет удобно?.. А, ладно! — решившись, сама себе ответила Збруева. — Только не говори ему, что я звонила!

— Ну конечно. Пока!

Данил повесил трубку. Вот же чертов трубадур! Торжествуй, принцесса у твоих ног!

Он в точности передал Лагунову их телефонный разговор, сказав ему, чтобы вечером Лешка сидел дома в обнимку со своей гитарой и делал вид, что никого не ждет. Кроме того, Данил подробно проинструктировал Леху насчет формы одежды, порядка в квартире и бутылки вина в холодильнике.

— Ты понял, гитарист? Легкое вино! Не вздумай предложить ей хлопнуть водочки. Все, не подведи меня, Лагуна!

Данил уже был в дверях, когда Лешка скромно ему сказал:

— Учись, сынок, как надо брать девочек!

Давыдов довел расфуфыренную Натаху до подъезда, сказал номер Лешкиной квартиры, пожелал удачи и скрылся за углом. Он решил навестить сегодня Левковского и отметить Лешкину победу, в которой ни секунды не сомневался.

А Леша действительно победил. Он спел Наташе столько романсов, сколько она захотела прослушать. В точности следуя давыдовским указаниям, он ни разу не употребил нецензурного слова, он подливал ей вино в высокий фужер и угощал шоколадными конфетами.

Еще одна минута, еще один глоток алкоголя — и сговорчивая Наташка уступила терпеливому Лагунову. Потом она немного поплакала над своей утраченной невинностью, но довольно быстро успокоилась и даже начала смеяться, слушая Лешкины импровизации на тему известных эстрадных песенок в сочетании с фрагментами военно-патриотических шедевров.

С этого дня они на некоторое время стали типичной неразлучной парой. Данил поражался, с какой легкостью Наташка врала преподавателям, что переночует дома, а родителям — что останется в училище, и спокойно отправлялась к Лагунову. Благо, Лешкина мама

вообще сейчас куда-то уехала. Натаху же можно элементарно проверить! Но Збруеву, видимо, это не очень беспокоило.

Леха встречал ее после вечерней репетиции или спектакля, и, предварительно зайдя в любимую «Кулинарию», они садились в троллейбус и ехали в свой райский уголок. Вот, интересно, с Данилом тоже такое когда-нибудь будет?.. Так, чтобы потерять интерес ко всем ранее любимым развлечениям и даже в друзьях не чувствовать больше особой потребности?

Данил все же надеется, что это явление у Лагунова временное. Как можно столько времени проводить вдвоем с одним и тем же человеком? В кровати — понятно, но не валяются же они там постоянно! Надо же о чем-то разговаривать, например. И что можно обсуждать, интересно, с этой глуповатой балеринкой?

Нет уж, Данил Давыдов так не попадет! Слишком много он их видел и слишком хорошо знает, чтобы потерять способность смотреть на происходящее трезво и объективно. Он сам решит, когда ему будет нужно, и женщину себе будет выбирать сознательно, опираясь только на здравые рассуждения. И до этого еще очень далеко, в ближайшие лет десять он вообще не собирается лишать себя никаких жизненных удовольствий! А может, и вообще не собирается! Его крученный папочка, например, даже будучи глубоко женатым человеком, ни в чем себе не отказывает...

***

Данил сдал экзамены и отлично повеселился на выпускном вечере. В компании явно приходящего в себя Лагунова и верного Левковского Давыдов тихонько смылся посреди мероприятия и, захватив с собой парочку девчонок, превосходно отметил окончание школы у Лагуны дома. А в пять утра два друга приволокли Давыдова домой и разместили в ванной к тихой радости давно привыкших к подобным явлениям родителей.

У Данила замечательный аттестат, и он может подавать документы куда угодно. А угодно ему, пожалуй, в политех. Его серьезно увлекает новое направление в области вычислительной техники, и в Киеве достаточно прогрессивный факультет, куда он поступит почти автоматически благодаря своему влиятельному папочке. И вот это — самая настоящая для Данила проблема! Потом

ведь и сокурсники будут относиться к нему как к блатному, хотя он и сам вполне способен в этот институт поступить!

Однако хуже всего — другое. Ему опять придется жить с родителями! Он уже узнавал: с киевской пропиской никто его в общежитие не поселит.

Следовательно, нужно поступать в другом городе. В каком? Данил готов был бросать жребий. У него давно собраны документы, но он тянет до последнего момента. Как хорошо Лагуне! Он с детства вбил себе в башку, что станет летчиком-испытателем, и на следующей неделе уезжает в Харьков поступать в летное училище. Что ж, это как раз ему подходит, только как же он обойдется без своей Наташеньки?..

Отец вошел в комнату.

— Ну что, ты решил? Времени нет.

— Наверное, в наш политехнический. Ну... это еще не точно, — заколебался Данил.

— А когда будет точно? Надеюсь, ты понимаешь, что можно опоздать?!

— Завтра.

— Договорились. Завтра — крайний срок!

«Договорились»! И о чем же это они договорились? Данил вышел в гостиную. Отец стал собираться на работу и вскоре ушел, а Даня начал переключать телевизионные программы в поисках интересной передачи. Вот. Кажется, какой-то фильм. На экране происходили военные учения на море. Корабль сражался с подводной лодкой, и капитаны — друзья-соперники — обменивались по рации идиотскими шуточками.

Данил представил себя в такой же черно-белой форме. Наверное, ему будет очень здорово в подобной фуражке с блестящей кокардой. Ну а почему бы и нет? Почему бы ему не стать военным, например? Он схватил со стола толстый справочник. Прибалтика, Ленинград, Севастополь... отлично! Отчего же не пожить несколько лет в Крыму? Он часто бывал на море и никогда не хотел оттуда уезжать. Интересно, какое море зимой?.. Теперь — экзамены. Одни цифры и физподготовка — то что нужно! Он слышал, что там нужны какие-то стандарты. Ну что ж, его сто восемьдесят сантиметров, пожалуй, вполне подойдут!

Он стал быстро собираться на почту. Вот это сюрприз он придумал для дорогого папочки! Если Лагунов будет летчиком, то

Давыдов — моряком. Он трясся от беззвучного смеха: «Моряком! Какой бред...»

На следующий день отец не замедлил поинтересоваться:

— Ну что, «завтра» наступило? Давай документы, я сам их отнесу, в конце концов!

— У меня уже нет документов. Я их отослал, — равнодушно сказал Даня, не отрываясь от страницы какой-то книжицы.

— Отослал? Куда?!

— В Севастополь, в Нахимовское. В высшее военно-морское.

— А-а... Что? — растерялся Валерка. — Надеюсь, это шутка?

— Хочешь проверить? Вот квитанция, — Данил положил на край стола мятую бумажку.

— Слушай, — судорожно глотнул Валерка, изучая документ, — ты хоть понимаешь, что ты сделал, бестолочь? Мы же не успеем уже их вернуть.

— А зачем? — пожал плечами Данил, которому все это начинало нравиться: сюрприз вышел на славу. — Я отослал их потому, что буду туда поступать.

— Ага! Замечательно! Ты хочешь сказать, что напялишь на себя военную форму и не снимешь ее до конца дней своих?! Ты будешь жить в казарме и мыть засранные унитазы?! Отлично, давай! Давай! Я посмотрю, на сколько тебя хватит! Я посмотрю на тебя!.. — отец схватился за сердце и убежал в спальню. Людмила вошла в квартиру и услышала вопли своего мужа. Когда он уже лег на кровать, держа во рту таблетку валидола, она спросила:

— Что такое, Валерочка?

— А ты пойдди поинтересуйся! Наш дорогой сыночек очередной подарок преподнес!

Люда вошла к Данилу.

— Даня, что случилось?

— Ничего. Папа хотел, чтобы я подал документы, и я их подал. А он вот все равно недоволен почему-то.

— Куда же ты их подал?

— Ну привет, мама! В мореходку, конечно!

Людмила ничего не ответила. Она уже ничему не удивлялась, а теперь была даже рада, что это божье творенье скоро и надолго отчалит от родного дома. Она пошла успокаивать Валерку.

***

Данил легко сдал вступительные экзамены, однако очень скоро понял, насколько был далек от правильного представления о том, куда так необдуманно вляпался. Но пожаловаться он мог только на свои бараньи мозги.

Первым ударом была стрижка практически «под ноль», как только все поступившие съехались в казарму. Потом им выдали форму с брюками совершенно фантастического покроя. А когда начались занятия, до Давыдова окончательно дошло, что попал он не по адресу.

Их жизнь текла по строгому расписанию, их постоянно наказывали за совершенно, на его взгляд, незначительные нарушения, а Данила, кажется, больше всех.

Он привык быть центром внимания в школе, где ему прощались ехидные фразы и смех в ответ на случайную ошибку учителя. Здесь же такие штучки не проходили. Они карались вахтами вне очереди, и Данил после занятий занимался самым разнообразным общественно-полезным трудом: он красил двери и подметал плац, разгружал машины и драил полы. Каждый раз после таких вахт и ночных бдений за учебниками, падая в изнеможении в кровать, он клялся себе, что это его последний день в отвратительной тюрьме. Он несколько раз уже порывался складывать вещи, но все время вспоминал последнюю папочкину фразу: «Я посмотрю, на сколько тебя хватит!» Нет, если он придет домой — он проиграет и будет вынужден это признать. И Данил собирался с силами.

Он выбрал радиотехнику, и теоретические занятия не заставляли его особенно напрягаться: это было действительно ему интересно, но он едва выдерживал бесконечные комсомольские собрания, политзанятия и просто профилактические вливания. Одной из самых изощренных пыток для Давыдова была, конечно, строевая подготовка. Как же ненавидел он этих вечно орущих жлобов, загибающих трехэтажные матюги в адрес сбившегося с толку курсанта! Да и физподготовка была для него далеко не легкой прогулкой. Он профессионально плавал, у него неплохо получался рукопашный бой, однако кроссы, подтягивания, стрельба и полосы препятствий — точно не его дисциплины! Особенно стрельба! Данил не мог пожаловаться на плохое зрение, но стрелял он действительно неважно. И это ощутимо

было по его самолюбию. Он не привык плестись в хвосте и по сто раз пересдавать зачеты.

Но больше всего Давыдова раздражали его однокурсники. Большинство из них с детства бредили морскими приключениями. Их, казалось, ничуть не угнетала эта жизнь в закрытом вольере, и они сочувственно смотрели на измочаленного суровыми взысканиями Давыдова.

Данил поражался, с каким спокойствием они принимали пытки. Было, конечно, среди них несколько человек, попавших сюда подобно Данилу, но они уже бросили училище. А Данил упирался. Он старался изо всех сил, он докажет, докажет, что может обойтись без папочкиной поддержки!

И только к зиме ему стало немного легче. Данил стал понемногу успокаиваться, привыкая к своей однообразной жизни. У него появилось даже несколько хороших приятелей, оказавшихся весьма остроумными ребятами. Иногда они выбирались в увольнение, бродили по городу или сидели в кинотеатре с подцепленными на улице девчонками.

Кроме того, им устраивали вечера с танцами в училище, каком-нибудь кафе или в учебном заведении, где учатся одни девушки. Однако к таким мероприятиям Данил был совершенно равнодушен: максимум, что можно было с этого иметь — поцелуйчики в темном углу с какой-нибудь кривляющейся смазливой студенткой. Он ходил туда за компанию, дабы раскатать втихаря бутылочку-другую и повыпендриваться перед публикой, дергаясь в кружке хлопающих ему, пританцовывающих зрителей. Уж что касается дискотек — здесь ему не было равных ни по части опыта, ни по части мастерства.

Другое дело — закадрить барышню, живущую не в общежитии, а в квартире, и понимающую, что человек идет к ней в гости не для того, чтобы познакомиться с родителями. Такой клад можно было найти редко. У Данила был верный, наметанный глаз, и он охотно делился опытом со своими робкими дружками, все больше приобретая репутацию непревзойденного покорителя женских сердец и выдавшего виды веселого повесы.

В очередном отпуске он встретился с Лагуновым и узнал, что тот был с самого начала как рыба в воде в своем Харькове. Леха не испытывал и сотой доли мучений, которые пришлось пережить его

избалованному товарищу. Он весело, в привычной манере рассказывал о своих новых знакомых, о тупых преподавателях, которые ставят ему плохие оценки, и о том, как Натаха Збруева приезжала в Харьков на гастроли.

Лешка не знал об этом заранее — она неожиданно появилась перед воротами училища и, конечно, по рассказу Лагунова, повергла всех будущих летунов в состояние полного паралича своей неотразимой внешностью. Лагуна поведал, как в течение недели каждый божий день, а точнее, поздний вечер, изображая подлого диверсанта, перелезал через забор и шел в гостиницу, где Наташа, встречая его в холле, на глазах у всех вела в свой одноместный номер. Как Лешка, уступив всеобщей просьбе, повел своих друзей-курсантов на спектакль и чуть не сдох со скуки, пока его Терпсихора задирали на сцене свои хорошенькие резиновые ножки. Лагуна поклялся себе, что пошел на балет в первый и последний раз в жизни.

В общем, Леха был в полном порядке и явно вернулся к своему привычному беззаботному образу. Он обещал писать Давыдову подбадривающие письма, потому что был недоволен бледноватым видом своего закадычного друга.

***

Данилу становилось все интереснее учиться. Вводные курсы позади — и будущих покорителей морей начали всерьез обучать специальности. Теперь страдали многие курсанты, чья школьная база по части точных наук оставляла желать лучшего. Многие — но только не Давыдов. Электроника, которой была просто напичкана вся учеба, очень легко Данилу давалась. Он все больше поражался тому, насколько продуманна и совершенна военная техника, насколько она ушла вперед от гражданской, даже самой современной. Иногда ему казалось, что в этом есть несправедливость, что такая научная мощь должна использоваться и по-другому. Но благодаря многочисленным политзанятиям и разъяснениям обстановки в мире он убеждался, что все делается правильно.

А между вторым и третьим курсами были настоящие каникулы: два месяца полноценного отдыха. И внезапно, побыв в Киеве дней шесть, Данил почувствовал, что начинает скучать. Лагунов должен появиться через несколько дней, все его бывшие приятели в разъездах, а при виде своих по-летнему полуобнаженных барышень Давыдова

охватывала смертная тоска: они надоели ему все, вместе взятые, и при мысли об очередном голом женском теле его уже начинало слегка подташнивать. Чем заниматься эти два месяца? Все ведь одно и то же!

Данил попытался читать книги, но это было уже невозможно. Он никогда особо не увлекался этим занятием. Все, чем ограничивался круг его читательских интересов — это немножко фантастики, большое количество красочных зарубежных журналов с откровенными картинками и несколько сборников комиксов, карикатур и анекдотов.

Валерка видел, что Даня явно не знает, куда себя деть, и решил сделать очередную попытку подкупа хотя бы для того, чтобы немного его развлечь.

— Маешься, вижу, без своих швабр и тряпок, — сказал отец, войдя в комнату Данила. Тот сидел за письменным столом, положив голову на сложенные руки.

— Да, уж и не знаю, как там без меня справляются, — вяло огрызнулся Данил.

— Слушай, хочешь приз «за волю к победе»?

— Конечно, пап! Дачу на Канарских островах. Это можно решить?

Валерка ожидал как раз чего-то в этом роде.

— Решить, конечно, можно, — продолжал он развлекать свое приунывшее чадо. — А тебя не тошнит еще от твоего моря синего?

— Нет, меня не укачивает.

Данил без всякого интереса поддерживал этот разговор. Отец ведь уже смирился с его выбором профессии, хотя, конечно, был от него далеко не в восторге. Но ошибку свою насчет того, что Данил в военном училище долго не продержится, этот прорицатель явно признавал и уже давно не говорил, что еще не поздно забрать документы и все изменить.

— А на Северный Кавказ хочешь поехать? — неожиданно спросил отец. — На курорт в Геленджик? На свою любимую черную лужу, только немножко с другого боку. Мне тут отличный вариант предлагают.

Данил поднял голову:

— Хочу. Серьезно! Только возьми вариант на двоих.

— На двоих? Интересно... — подозрительно сощурился отец.

— Ну да. Мы поедем с Лагуной.

— А, с этим! — расслабился Валерка. — Ладно, на двоих, так на двоих.

У Данила все-таки потрясающий предок! Ну кому еще может папаша такое предложить и сразу же согласиться удвоить порцию? Скорее всего, ему просто не терпится от Данила избавиться!

И уже на следующий день отец протянул ему большой конверт:

— До конца сезона. Езжайте хоть завтра, надоест — возвращайтесь, а хотите — сидите там до сентября.

Данил поднял на него широко открытые благодарные глаза.

— Папа, ты лучший!

— А я знаю, — спокойно ответил отец, выходя из комнаты, и Данилу вдруг так захотелось, чтобы папа сказал что-нибудь еще... Что-нибудь не такое сухое, не такое формальное, чтобы снова пошутил, и, может быть, они бы немного поговорили... Но не самому же было лезть с разговорами!

***

Прибывший Лагунов, конечно, на ура воспринял новость об их немедленном отъезде. Но все-таки он казался Данилу слегка обеспокоенным. Понятно: он разминется с Наташкой, приезжающей с гастролей немного позже.

— Лагуна, нет проблем! — успокоил его Давыдов. — Пускай она приедет к нам. За меня не волнуйся, я найду, где переночевать!

Данил никогда раньше не был на Северном Кавказе, на этом горном лесистом побережье теплого моря. Их гостиница находилась не в самом городе, а немного в стороне — там, где море было совершенно прозрачное, спокойное, с каменистым дном и уютным пляжем. Им повезло и с погодой, и с гостиницей, и с девчонками, которых они подцепили, даже не доехав до места.

Они познакомились в автобусе, петлявшем по горной извилистой трассе. Ира, Анжела и Света — молодые поварихи, которые направлялись в соседний санаторий на практику. Это были веселые, разговорчивые и симпатичные девочки. Они строили глазки, выставляли коленки и курили, выйдя на остановке. По всему было видно, что цель их поездки не ограничивается закреплением навыков кулинарного искусства. Лешка явно был в ударе: он трепал языком и, кажется, положил глаз на маленькую курносую Светку.

Данил, немного поколебавшись, решил выбрать Анжелу: довольно высокую и стройную, хорошо подстриженную и со вкусом одетую — что называется, «фирменную дамочку». Она в меру кривлялась, манерно держа сигарету пальцами с ухоженными ногтями. Ирина тоже была хороша, но одного взгляда на ее ярко-красный маникюр Данилу хватило, чтобы у него пропало всякое желание поближе с ней познакомиться.

Лагуна был на подъеме: он явно решил немного размяться перед приездом своей темпераментной звезды балета. А в том, что Наташка не замедлит появиться, не сомневались ни Давыдов, ни Лагунов. Она с удовольствием пропустит несколько дней своих танцулек, прикинувшись, скорее всего, больной, измученной славой примой, нуждающейся в срочном санаторном лечении.

Но вечером, прошвырнувшись с девочками по пляжу, оба поняли, что одной двухместной комнаты в гостинице им будет явно мало. Блестящую идею подала Анжела.

— У тебя же есть бабки, — томно поднимая ресницы, сказала она Давыдову. — Сними одну из будок в кемпинге возле нашего санатория и отправь туда своего сопровождающего.

Конечно, у Данила, как всегда, куча денег, заботливо переданная в конверте вместе с путевками его предусмотрительным Валерием Борисовичем. И это была отличная мысль — молодец, дамочка!

На следующий день они выбрали один из свободных дощатых домиков, стоявших недалеко от берега, и проблема решилась: этим вечером Данил привел Анжелу в свой номер.

Она была достаточно опытна и знала чувство меры. Ничего лишнего — все четко, правильно и на уровне. После окончания основной части они покурили и немного потрепались о прелестях вольной и богатой жизни. Данила всегда раздражала тема заграничных удовольствий и мучений на родной земле, но он вполне мог поддерживать такой разговор, чтобы не разочаровывать помешанного на загранице собеседника.

Его новая знакомая пришла к нему на следующий день сама, не считая нужным придумывать какой-нибудь предлог. Когда она наконец удалась, Данил почувствовал, что этого уже достаточно — она надоела ему точно так же, как его киевские приятельницы. Он понял, что снова впадает в состояние смертной скуки, когда у него нет

никаких желаний: он не хочет спать, не хочет жариться на пляже и купаться в море, не хочет идти в город и угощать кого-нибудь в кафе.

Он волевым усилием заставил себя отправиться с Анжелой на местный небольшой базар. Она видела, что с ним что-то происходит, и старалась его отвлечь. Когда он сидел на бетонном блоке, прихлебывая воду из своей желтой фляжки, она бегала между торговыми рядами и, оборачиваясь, кричала ему: «Дэни, хочешь вишен?» Данил только вздыхал в ответ. «Дэни»... Такого он еще не слышал!

Прошел еще день, и Анжела, слава богу, оставила его в покое, решив, наверное, что он переутомился. Лешка уехал в город встречать свою долгожданную грацию. Теперь пришла очередь Данила пожить в дощатом коттеджике — Леха хотел побыть с Наташей в гостинице, а Давыдову все равно. Вечером счастливая парочка явилась, они посидели, отметили Наташкин приезд, окончание сезона гастролей, и Данил вежливо убрался.

Лежа на кровати в своей деревянной будке, он пытался понять, что же с ним творится. И тоскливо как-то, и почему-то немного тревожно. Будто бы что-то может случиться... Ему просто надо развлечься, найти какое-нибудь приключение, иначе он, наверное, уедет в Севастополь и присоединится к первокурсникам, ремонтирующим казармы...

Глава 3

Глава 3

Решив изучить окрестности, Данил пошел вдоль скалистого крутого берега, перепрыгивая с камня на камень и с интересом разглядывая водоросли и ракушки, которые отчетливо просматривались в прозрачной воде. По пути он встретил нескольких рыбаков, уныло сидящих на горячих камнях. Они лениво пожимали плечами в ответ на его вопросы об улове: им явно нечем было похвастаться.

Солнце все больше раскаляло воздух, и Данил, сняв резиновые шлепанцы и закатав спортивные брюки, побрел по мелководью. Он развлекался тем, что старался удержаться на скользком камне после очередного прыжка, и хорошо, что это ему удавалось, иначе пришлось бы сушить одежду прямо на себе — он не хотел останавливаться. Немного повыше вдоль скалистого берега начали встречаться небольшие домики местных жителей. Под крышами этих избушек вдоль стен неизменно висели связки вяленых бычков.

Дойдя до подножия отвесной скалы, за которой начинался небольшой лиман, Данил услышал громкий голос какого-то парня. Он остановился и заглянул за край крутого склона. Молодой загорелый мужчина с фигурой борца в среднем весе сидел на катамаране в одних плавках и, держа ноги на педалях, смотрел куда-то вверх. Судя по всему, он прибыл сюда с городского пляжа. Данил прислушался.

— Девушка, ну почему вы такая невоспитанная? Нормально поговорить нельзя? Все хамите и хамите! А я не отстану, пока мы с вами не покатаемся!

Но ему никто не отвечал. Видимо, невоспитанная дама сидела где-то за этой скалой.

Поднявшись на высокий берег, Данил выглянул из-за большого камня и тут же спрятался опять: он едва не наткнулся на сидящую к нему спиной девушку с длинными черными волосами. Больше он ничего не успел рассмотреть.

— Ну давайте поедem на пляж! — не оставлял своих попыток настойчивый кавалер. — Все равно же сидите без дела! Давайте покатаемcя хотя бы!

Данил осторожно выглянул снова. Теперь скала скрывала катамаран, и парень внизу не мог его видеть. Девушка была довольно хрупкой и, наверное, среднего роста. Но это все, что можно было определить по ее виду сзади. Разбросанные по спине совершенно черные волосы, доходившие до середины лопаток, угадывающихся под свободной блузкой, скрывали все детали. Ее плечи слегка шевелились — видимо, у нее чем-то были заняты руки.

Вдруг Данил услышал ее тихий раздраженный голос:

— Как ты мне надоел, велосипедист придурочный...

Данил поднял брови от неожиданности. Да, воспитанностью она действительно не блещет.

— Ну так что? — не унимался молодой человек. — Что вы скажете?

— То же самое! — громко крикнула она. — Проваливай!

Данил улыбнулся: девочка явно не из робких, она уже начинала ему нравиться. До шпионящего Давыдова снова донеслось ее тихое шипенье:

— Чтоб ты перевернулся пять раз на корыте своем!..

Данил едва сдержал смех. Она, наверное, только что спустилась с гор и была недовольна всем этим миром.

— Ладно, я уезжаю! Подумайте, я завтра приеду снова! — катамаран развернулся и стал удаляться в сторону городского пляжа.

— Доживи еще до завтра, банный листочек! — тихонько послала она ему вслед.

Немного подождав, Данил вышел из-за камня, приблизился к девушке и сел рядом.

— Привет!

Она была в солнцезащитных очках, скрывающих значительную часть лица. Из-под них торчал кончик тонкого носа, а ее рот был очень плотно закрыт. Казалось, она специально сжимает свои довольно яркие и немного выпяченные губы.

— Здорово! — мотнула она головой в его сторону. — Откуда вы только беретесь!

— Кто — «мы»? Я один.

Она держала в руках какой-то странный сухофрукт, состоящий из нескольких сложенных долек, и разгибала их наподобие лепестков.

— Слушай, кажется, я тебя уже видела где-то. Чего тебе надо?

У нее была необычная манера разговаривать. Она делала паузы между словами, состоящими из каких-то переливчатых катящихся звуков, а ее низкий голос сразу очень понравился Данилу, и он с удовольствием послушает его еще.

— Мне? Мне ничего не надо! — сказал ей Давыдов.

— Ну и иди себе, куда шел!

— А я никуда не шел! — Данил слегка повысил тон: он уже начинал выходить из себя от такого хамского обращения. Но она ответила еще громче:

— Вот и продолжай свой путь!

«Ладно, — подумал Давыдов. — Будем вести себя по-другому».

— Ты знаешь, — ленивым тоном сказал он, — а мне здесь нравится. Отличный вид на море. Если я тебе мешаю, ты можешь быть свободна.

Данил лег на спину, положив под голову скрещенные пальцы.

— Ты мне мешаешь, но мне тоже здесь нравится. На! — она вдруг протянула ему оторванную дольку своего неизвестного плода.

— Спасибо, — взял Давыдов свою порцию. — А что это?

— Съешь.

Данил засунул в рот угощение. Довольно приятный оригинальный вкус, только слишком сладкий.

— Ну как? Вкусно? — спросила она.

— Да. И что это?

— Инжир сушеный.

— Это и есть инжир? Я никогда раньше его не ел. Теперь мне хочется пить.

— А, я вспомнила, где я тебя видела! — радостно сказала эта пигалица. — Ты что, уже не носишь с собой желтую бутылку?

Она внезапно повернулась к нему лицом и, сев на колени, сняла очки.

Данил увидел ее глаза и забыл, о чем она спросила. Они меняли все! Как-то слишком широко расставленные, большие, продолговатые и тоже совершенно черные, они придавали ее лицу какое-то наглова-

наивное выражение. «Она совсем девчонка...» — подумал Давыдов и посмотрел куда-то в сторону.

— Я даже знаю, как тебя зовут! — улыбнулась она.

— И как же? — Данил снова взглянул на нее. Лицо как лицо, ничего особенного. Что его так поразило?

— Дэни. Ну, по крайней мере, так называла тебя твоя подружка, — и, снова пересев, она оказалась к нему боком.

У нее был очень необычный изящный профиль. Слегка покатая кривая гладкого лба плавно переходила в линию тонкого прямого носа. В сочетании с широко расставленными большими глазами этот точеный профиль напоминал Данилу королевскую морду чистокровной колли. Ее вид сбоку никак не вязался с грубой манерой поведения.

— Ясно, откуда ты знаешь про фляжку, — вздохнул Давыдов.

Девушка повернулась к нему и с интересом окинула нахальным взглядом:

— Ну да. Я на базаре тебя видела.

— Только вот... это не совсем то. Меня зовут по-другому. И вообще, нашла «подружку»! — криво улыбнулся Данил. Зачем он это говорит? Уж не собирается ли он начать кадрить эту малолетку?

— Ну и как же тебя звать?

— Данил.

— Дурацкое имя.

— Спасибо, я знаю, — ответил Давыдов, хотя совсем не обиделся.

— Но это еще ничего! — успокоила она его. — Вот у меня — вообще умора!

— А ну-ка.

— Элина! — театрально закатила она глаза. — Слышал что-нибудь подобное?

— Элина... — повторил он задумчиво. — Ты что, иностранка?

— Нет, конечно. Просто... не повезло, — опустила она глаза. — Эля можно тоже.

Она просто ненавидела свое явно иностранное имя. Наверное, этот слюнявый плевочек придумал ее залетный папочка или беспутная мамаша под впечатлением чего-то возвышенного, внезапно долетевшего до ее подворотни! Хотя имя ее родного братца тоже неизвестно откуда...

— Почему не повезло? — удивился Давыдов. — По-моему, просто здорово. Элина!

— Да ладно, — отмахнувшись, сказала она. — Пойдем, если хочешь, спасу тебя от жажды.

Она встала и направилась к домикам. Данил шел немного позади. Она ниже, чем ему показалось, очень стройная и подвижная, с резвой, какой-то подпрыгивающей походкой. Длинная широкая юбка слегка развевалась от движений ее быстрых ног, обутых в легкие сандалии из множества сложно переплетенных кожаных ремешков, петлей охватывающих тонкие смуглые щиколотки.

Густые черные волосы, хотя и были совсем прямыми, не свисали напоподобие соломы, а казались какими-то объемистыми и пушистыми. Хаотически разбросанные пряди подлетали от малейшего дуновения ветра. Данилу захотелось их потрогать. Он осторожно поднял руку, но вдруг Элина, не оборачиваясь, быстрым движением тонкой руки убрала волосы со спины и перебросила их на плечо. «У нее что, глаза на затылке?» — подумал Данил, отдернув руку.

Они пришли в небольшой квадратный дворик перед двухэтажной деревянной развалюхой.

— Ты здесь живешь?

— Ага. На втором этаже. Сейчас попить принесу, подожди.

Она скрылась за скрипучей перекошенной дверью и через несколько минут уже вышла с открытой бутылкой лимонада в одной руке и стаканом в другой. Подойдя к Давыдову, Эля налила лимонад, протянула ему стакан и поднесла бутылку к своим губам, собираясь отхлебнуть из горлышка. Данил, успев перехватить ее уверенное движение, протянул ей стакан и взял бутылку. «Кажется, я точно начинаю за ней ухлестывать!» — подумал он, вливая в рот булькающую шипучую жидкость.

— Ты живешь с родителями? — спросил у нее Давыдов.

— Нет.

— Что, одна?

— С хозяйкой дома.

— Ты местная или отдохнуть приехала?

— Отдохнуть, — она сосредоточенно отхлебывала лимонад.

— Надолго?

— Не знаю.

Кажется, у нее снова стало портиться настроение.

— А откуда ты? — как можно беззаботнее сказал Давыдов, но веселый тон ему явно не помог.

— Все, напился? До свидания!

Данил немного обиделся, поскольку не сказал ей ничего такого, за что можно было бы его прогонять.

— Постой секундочку! — сказал он уже повернувшейся к дому Эле. — Хочешь, сходим куда-нибудь вечером?

— Куда это? — подозрительно спросила она.

— В город, например. В кино или там... в кафе.

— Лучше в кафе. Только завтра. Хорошо?

— Все, договорились. Я днем зайду, часа в три.

— Как хочешь. Ну, давай! — пошла она к дому.

Возвращаясь в гостиницу, Данил улыбался, думая об этой диковатой девчонке. Она совсем не умеет заигрывать, строить глазки и ведет себя так интересно, так естественно... Наверное, она еще совсем маленькая и ничему такому не научилась. Данил не знал, как правильно себя вести, и это было необычно. Кажется, он нашел себе развлечение. Ему все равно надо отдохнуть от всех этих потасканных мочалок, а Элина — то, что нужно: она не представляет собой объект для каких-либо притязаний, с ней просто интересно разговаривать. Например, так, как с Лагуновым.

***

А Эля и в самом деле совершенно не смущалась, общаясь с мужчинами. Ее с детства окружали друзья ее брата, а сам Золтан был для нее эталоном представителя мужского пола: спокойный, умный, добрый, в общем — нормальный человек. И она не испытывала никаких неудобств, беседуя с Данилом. Он такой же нормальный, как и все остальные. Он к ней не пристаёт, и она с удовольствием поболтает с ним еще завтра. Ей все равно здесь не с кем общаться...

Войдя в номер, Данил рассказал своей влюбленной парочке о новом приключении. Он весело смеялся, описывая разговор Эли с борцом-велосипедистом, но Лагунов и Збруева, похоже, не находили в этом ничего смешного, и вообще — они были явно не в восторге от его внезапного появления. Данил почувствовал это и оставил их в покое: в конце концов, послезавтра Наташа уезжает, и у них действительно очень мало времени.

Он вышел из гостиницы все в том же приподнятом настроении. И, кажется, в прямом смысле: ему же действительно этого хочется! Давыдов свернул с утоптанной дорожки и направился в сторону санаторской столовой. Он подошел с черного входа. И здесь удача — Анжела со своими неизменными подружками и с такой же неизменной сигареткой сидела на скамейке.

— Привет. Можно тебя на минутку, Анжел?

Она встала и последовала за быстро идущим к берегу Давыдовым.

— Что случилось-то? Куда ты несешься?

— Угадай.

— О боже! — догадалась она и прибавила шагу. — Ну, ты странный...

Когда Анжела слезла с колченогого деревянного столика, стоявшего в домике, она была в прекрасном расположении духа и воодушевленно рассказывала Данилу о своих приключениях на вчерашней вечеринке, застегивая при этом белый халат. Но Данил ее не слушал. Упав без сил на кровать, он думал, что у него, наверное, уже аллергия на подобного рода отношения. Он вернулся в свое прежнее состояние, и ему казалось, что весь заряд своего хорошего настроения он прямым путем передал Анжеле.

Ему явно не нужно было с ней сегодня связываться, и больше он не будет таким дураком! Скорей бы завтра... Интересно, эта мелкая нахалка всегда носит такую длинную юбку и эту дурацкую блузочку с рукавами? Как ей только не жарко! ...Но, как оказалось, она носила это не всегда.

Подойдя на следующий день к невысокому забору перед квадратным двором, Данил увидел свою новую знакомую сидящей на скамеечке, болтающей ногами и грызущей здоровенное яблоко. Заметив Давыдова, она резво поднялась и, подпрыгивая, подошла к калитке:

— Хай! Ну что, пошли?

— Пошли. Приветик.

Сегодня она была одета в хлопчатобумажные свободные брюки и желтую футболку, наверное, на пять размеров большую, чем ее собственный. Данил и сам любил свободные вещи, хотя впервые видел, чтобы так одевались девчонки. Этот мешок ей очень подходил. Свисающие с узких плеч рукава спускались почти до локтя, оставляя

открытыми смуглые тоненькие предплечья, покрытые едва заметными нежными волосками. К тому же спокойный желтый цвет футболки отлично смотрелся в сочетании с ее черными волосами, сегодня заплетенными в короткую косичку.

— Слушай, а тебе не жарко? — спросил Давыдов.

— Нет, конечно. Я люблю, когда тепло. А тебе? — она повернулась к нему, и прядь непослушных волос легла ей на глаза. — А, чертовы патлы!

Внезапно разъярившись, она сдернула со своей косички ярко-зеленую резинку:

— Что ты смеешься?! Конечно, тебе хорошо! Я вот тоже постригусь, пропади все пропадом!

Как же завидовала она мальчишкам и как же всегда жалела, что родилась девочкой. Если б она была парнем! Она бы знала тогда, каким нужно быть — как Золтан! А какой должна быть девочка? Перед ней был пример жены ее брата, Ингриды, но разве может Эля с ней себя сравнивать? Спасибо и на том, что Ингрида ее хоть чему-то учит. И Эля очень старается всему научиться! Она делает все, лишь бы только ничем не раздражать Ингриду. Лишь бы только Ингрида оставила ее у себя еще на один год, лишь бы она не отправила Элину туда, где та провела свое детство — в чужую, надменную, ненавистную семью...

— Представляю себе! — смеялся Данил. — Тебе, наверное, очень пойдет стрижка!

— Да? Все, я иду в парикмахерскую.

— Даже не вздумай! Так лучше всего. О, вот так! Да, да, — кивал Давыдов, глядя, как она нервно расплетает косичку, разбрасывая по плечам густые заросли.

— А, плевать!.. — махнула она рукой и положила резинку в карман. Они как раз проходили мимо того самого небольшого базарчика.

— Хочешь чего-нибудь? — спросил Давыдов, доставая свой кожаный бумажник.

— У меня тоже есть деньги.

— Да я же не сомневаюсь! Я просто хочу тебя угостить. Что тебе купить?

— Купи абрикосы. Только я тебя потом угощать не буду! — обиженно сказала Эля, и Данил снова рассмеялся: да она же совершенно непредсказуема!

— Выбирай, — кивнул он в сторону прилавков. Эля напрямик направилась к кучке самых больших, спелых, ярко-оранжевых абрикосов. Малышке явно не грозила смерть от чрезмерной скромности.

Она взяла у него из рук весь бумажный пакет и достала абрикос.

— Подожди, надо где-то помыть, — сказал ей Данил.

— Ай, не надо. Когда они мокрые, то не такие сладкие, — она уже откусила половину крупного фрукта. — Угощайся!

Данил взял несколько штук — абрикосы действительно были превосходные.

Элина с поразительной скоростью уплела всю порцию и, смяв бумажный пакетик, бросила его в урну.

— Ты учишься в школе? — поинтересовался Данил.

— Да.

— В каком классе?

— Ни в каком. Сейчас каникулы.

— Ну, а в какой пойдешь?

— В десятый.

— Ого! Ты уже школу заканчиваешь?! — Давыдов в самом деле очень удивился.

— Ага, заканчиваю, слава богу.

— Ты что, плохо учишься?

— Нормально вроде, — равнодушно пожала она плечами.

Хотя училась Эля не просто нормально. Она училась очень хорошо, поскольку знала — это ее единственный шанс хоть как-то закрепиться в этом мире, преподносящем ей одни только страшные сюрпризы. Золтан всю свою жизнь внушал ей эту мысль, и она прекрасно понимала, что именно хотел он сказать: если она хочет быть такой же, как все, — она должна стать на голову выше остальных. И Эля очень, очень старалась, обливаясь слезами над этой проклятой математикой, которая нужна ей просто для отличного аттестата. Эля совсем на другое ориентируется, занимаясь каждую свободную минуту, ведь поступить туда, куда она хочет — задача для нее чудовищной сложности, и наверняка там все наперед схвачено. Но она

должна сделать это, у Элины просто не может не получиться! Ей обязательно нужно уехать и начать новую самостоятельную жизнь. Остался всего один год — и она уедет. Уедет очень далеко. В Москву!..

Они были уже в городе и шли по тенистой улице вдоль набережной. Вдруг Данил услышал, что его немного отставшая подружка опять чем-то недовольна.

— Вот блин!.. Этого еще не хватало!

Он повернулся. Эля стояла посреди дороги и, морщась, озиралась по сторонам:

— Из-за твоих дурацких абрикосов мне хочется в туалет!

А Данил совсем и не удивился! Ее справедливо возмущенный желудок сразу решил избавиться от этой оранжевой кашицы, набитой совершенно фантастическим, убойным количеством микробов.

— Что ты на меня вытаращился?! Тебе что, никогда не хочется на горшок?

— Ну почему же, — улыбнулся Данил. — Идем лучше скорее.

Он свернул с улицы, зашел в какую-то контору, даже не прочитав табличку на двери. Вахтер — средних лет женщина — сидела за стеклянной перегородкой. Данил подошел к окошку.

— Мне нужен женский туалет!

Дежурная с явным подозрением на него посмотрела, и Давыдов понял, что сморозил глупость. Он засмеялся, слегка нагнувшись вперед, и только теперь вахтер заметила сзади него корчившуюся Элину, шипящую сквозь зубы: «Лучше не смейся меня сейчас!»

Любезная дежурная показала, куда ей нужно направиться, и желтая футболка мгновенно скрылась в темном коридоре.

Данил вышел на улицу. Как естественно она себя ведет! Ну а что, ей нужно было идти с ним рядом, изображая, что все в порядке, а потом рвануть за угол? Так поступили бы, наверное, все знакомые ему девушки, а она запросто сказала о том, что ей нужно. Кажется, она всегда так делает...

Эля вскоре появилась в дверях со счастливой улыбкой на лице.

— Так что там тебе нужно? — спросила она, набрала воздух и засмеялась.

У нее был мелкий заразительный, словно рассыпающийся смех, и Данил засмеялся тоже. Они быстро успокоились, идя в направлении

летнего кафе, и стоило Давыдову на нее взглянуть, как он прыскал снова: до чего же потешное создание!

Они немного погуляли, Данил рассказывал ей о своем городе, об училище, о своих друзьях, но она только с интересом слушала и ничего не рассказывала в ответ. Она задавала массу вопросов типа: «А у тебя есть брат или сестра?» или «А как зовут твою маму?», и наконец она совершенно добила его, серьезно спросив: «А правда, что подводная лодка может плавать в речке?»

Он довел ее до дома, сказал, что зайдет завтра, и пошел в свою деревянную будочку, чувствуя, что опять в отличной форме. Этот смешной чертик и в самом деле действует на него, как психотерапевт...

А на следующий день Данилу вдруг стало надоедать развлекать ее своей бесконечной болтовней с какой-то неясной целью. Он переставал понимать, что именно он возле нее делает, но расставаться с ней ему точно не хотелось. И чтобы ничего особо не придумывать, он предложил ей показать, где живет. Леха сейчас на вокзале, провожает свою балерину, которой пора возобновить репетиции.

Идя вдоль моря, Данил посмотрел в сторону загорающих на берегу девиц.

— Слушай, а почему ты не ходишь на пляж? — спросил он у Элины. — У тебя такой классный загар.

— Спасибо большое, — ответила она так, как будто обиделась.

— Нет, серьезно. Очень необычный. Где ты загораешь?

— Хорошо издеваться! Куда мне загорать еще! Ты даже не представляешь, какого я буду цвета, если хоть немножко выставлюсь на солнце. И так уже вся рожа черная... — опустила она глаза.

Давыдов был поражен:

— У тебя в роду африканцев, случайно, не было?

— Откуда я знаю?! — раздраженно сказала Эля. — Может, и были!

— Это что, серьезно? Ты специально не загораешь?

— Нет, наверное, я эти дурацкие тряпки ношу потому, что мне так нравится! Думаешь, у меня нормальных вещей нет? Есть, но их можно надеть только в пасмурную погоду!

— Я не верю.

— На, смотри!

Она задрала рукав своей блузки. Данил не совсем понял, что именно она стремилась продемонстрировать, но цвет ее плеча был действительно очень смуглый, совершенно необычный, однако не это больше всего поразило Данила. Он ожидал, что у Элины костлявые торчащие локти и плечи, а это было совсем не так. Ее тонкая рука, казалось, не ломается в локте, а плавно изгибается, образуя дугу, округло перекатывающуюся в суставе.

Эля опустила рукав.

Глубоко вдохнув, Данил подумал о том, что зря никогда не любил пасмурную погоду...

Она заметно приуныла. Да, ее слишком темная кожа сразу бросается в глаза. Ну почему она не такая беленькая, не такая нежная, как Ингрида! Или хотя бы не такая, как эта подружка Данила, с которой она видела его на базаре. Надо же было такой уродиться! Золтан — и тот был светлее.

Они пришли в номер, но Данил почему-то никак не мог собраться с мыслями и что-нибудь придумать. Он же хотел ей что-то еще рассказать... Но что? Он забыл. Его взгляд упал на карточную колоду, лежащую на тумбочке.

— Хочешь, сыграем в карты? — предложил он ей.

— Давай. А во что?

— Во что ты умеешь? В дурака для начала.

— Давай.

Он раздал карты. Увлечшись, Эля молчала, сосредоточенно обдумывая свои действия, а Данил едва следил за ходом игры. Он смотрел на ее карточный веер. Вернее, на пальцы, его держащие. Данил проиграл и с удовольствием сдал опять. У нее были тонкие, длинные, гибкие и живые пальчики, без конца перехватывающие карты. Давыдов сосредоточился на игре, чтобы выиграть и посмотреть, как она будет раздавать.

Используя несколько шулерских приемов, он легко нанес ей поражение. Ее пальцы с коротко обрезанными продолговатыми ногтями суетливо собирали карты. Несколько раз перекинув их в руках, она стала раздавать, тихонько при этом подсчитывая. Когда она брала карту, ее указательный палец перегибался в верхнем суставчике в обратную сторону, плоско ложась на гладкую картонную поверхность.

Данил взял свои карты, но тут же бросил их на стол, даже не взглянув:

— Мне надоело!

Подойдя к приоткрытому окну, он достал из кармана своих легких брюк пачку «Мальборо» и засунул в рот сигарету, глядя на улицу. Вдруг дверь в комнату открылась, и вошел Лешка.

— Салют! Ты кто? — услышал Данил голос Лагунова.

— Конь в пальто! — не поворачиваясь, пробурчал Давыдов в ответ, закуривая. Ему не хотелось никого видеть, и Лагуна его раздражал.

— А, понятно! — Леха сел на свою кровать, подняв с нее гитару. — Спеть тебе что-нибудь?

— Спой, — безразличным тоном произнесла Элина.

— Что?

— А что ты можешь?

— Я все могу.

Данил раздраженно посмотрел на Лагунова: ах, всемогущий музыкант! Лешка просто бесил его!

— Ну, так спой все, — Элю явно не вдохновляло это предложение.

Леша перебирал струны и думал. Наконец он заиграл свою любимую цыганскую мелодию, сдвинул брови, посмотрел на Элину и, покачивая головой, начал:

— Скатерть белая залита вином,

Все цыгане спят беспробудным сном.

Лишь один не спит...

Задыхающийся от бешенства Давыдов впервые не мог его слушать. Да он просто отвратителен!

А Лешка тем временем продолжал:

— Очи черные, очи жгучие,

Очи страстные и прекрасные!..

Данил резко повернул голову, посмотрел на Элю и криво улыбнулся. Она совершенно спокойно, равнодушно, слегка склонившись набок, смотрела, как надрывается Лешка. Бедняга Лагуна! Хоть бы не охрип. Этот человек, кажется, непробиваемый!

Когда Леха заткнулся, Эля вдруг сказала:

— Ты хорошо поешь... Но я такое не люблю.

— А что ты любишь? — Леха, по всей видимости, был в ударе.

Эля вздохнула:

— «Битлз». Знаешь что-нибудь?

— Не-е, по-английски я не пою!

— Ну а музыку умеешь играть?

Леша затренькал какую-то знакомую мелодию.

— О, здорово! — оживилась Эля. — «Girl».

«Интересно, откуда Лагунов это знает!» — Давыдов сделал очередную глубокую затяжку. Что-то раньше Данил не слышал такого. И вообще он никогда не слушал этот их «Битлз», столь популярный среди уличной шпаны!

— А хочешь слова выучить? — спросила Эля.

— Давай. Ты что, знаешь?

— Ну конечно! Они очень простые. Вот сыграй еще!

— Сейчас.

Лешка вдруг встал, подсел к ней на кровать и снова поставил гитару на колено, грифом в сторону Эли. Его левое бедро касалось ее правого колена.

Данилу не хватало воздуха. Великие исполнители! Смотреть тошно! Он отворачивался в сторону открытого окна, но его взгляд не мог оторваться от этих соприкасающихся ног.

— Готов? — спросила певица.

— Да. Только это надо убрать.

Лагунов спокойно взял прядь ее волос, свисающих на его руку, и перебросил на другую сторону, положив ей на левое плечо.

У Давыдова бешено колотилось сердце, и, все чаще дыша, он пытался разобраться в своих чувствах. Не может же он всерьез ревновать эту пигалицу к Лагунову! Это слишком смешно! А, вот, теперь он понял: он злится на Лешку. Не успел хвост Наташкиного поезда скрыться из виду, как Лагуна уже кадрит эту малолетку. Но какой же нужно быть дурой! Ведет себя так, будто ей пять лет.

— Леша, мне выйти?! — неожиданно резко бросил им Данил.

— О-о, все! Концерт окончен, — с мерзкой улыбочкой сказал Лешка. — Ладно, в другой раз!

Лагунов встал, положил гитару на кровать и ушел из комнаты. Поджав губы, Элина тоже резко поднялась:

— Я пошла домой.

— Сейчас, я тебя провожу, — сказал Данил, выбрасывая окурок в окно.

— Спасибо, я сама! И за коня в пальто тоже спасибо!

Выходя, она громко хлопнула дверью. Данил сел на кровать и достал очередную сигарету. Не думает ли она, что Давыдов кинется следом? Нашла себе мальчика!

Лешка вернулся через несколько минут:

— Что, ушел уже Леннон?

— Кто?

— Джон Леннон. Темный ты, Давыдов, как сибирский валенок! — дружелюбно сказал Леша.

— Хорошо, что ты у нас такой светлый!

— Да брось дергаться-то! Нужен мне больно твой детский сад. Это не моя статья! — сказал Лагунов и, немного подумав, добавил: — Кстати, в порядке телочка!

— Причем здесь это? — ответил Данил и улыбнулся. Лешка что, слепой? Телочка... Трудно было придумать название, меньше подходящее к этому подлетающему на ходу созданию!

Данил решил, что завтра с ней помирится, и стал придумывать, какую басню он ей расскажет, чтобы услышать сотню идиотских вопросиков. Завтра они просто посидят с ней возле ее любимой скалы и поплюют семечками, которые он купит по дороге.

Но все оказалось гораздо сложнее, чем он предполагал. Конечно, он пришел к ней, попросил прощения, и она сразу же его простила. Потом они отправились на берег, а когда сели рядом на гладких камешках, ему снова не хотелось ни о чем ей рассказывать и даже смотреть в ее сторону. Но это было не то чувство подавленности, которое владело им накануне. Внутри у него просто кипела какая-то злость. Элина ужасно его раздражала, хотя, кажется, вела себя, как обычно.

— Ну хорошо, — сказал Давыдов, — а почему ты не купаешься? Боишься растаять?

— Нет. Просто не люблю, — Эля опустила взгляд. Ей очень сильно хотелось хорошенько Данила рассмотреть. Но она почему-то не решалась повернуть голову и выяснить все, что ее интересует. Она только косила в его сторону глаза, делая вид, что смотрит на свои ноги, закрытые легкой тканью широкой юбки.

Вблизи он совершенно не был похож на Золтана. У Данила тоже длинные сильные руки, но на них нет четких синеватых вздутых вен, и покрыты они не густой черной шерстью. На его гладких предплечьях просто прямые темноватые волоски, и грудь у него тоже совершенно гладкая, слегка покрасневшая от солнца. Интересно, должно ли нравиться женщинам это отсутствие растительности на теле у мужчины?

— Слушай, — сказала она, — а как зовут эту твою... ну, такую симпатичную, со стрижкой?

— Анжела.

— Красиво зовут. А где вы познакомились?

— В автобусе, — мрачно ответил Давыдов: сейчас она выведет его окончательно.

— Правда?! — обрадовалась Эля. — Между прочим, мой брат тоже познакомился со своей женой в автобусе!

— Какое счастье! — Данил начинал повышать голос. — Значит, у тебя есть брат? Где он сейчас?

— Нигде, — Эля как-то сразу потухла, снова опустив голову. Но Данил продолжал допрос.

— Я что, спросил о чем-то необыкновенном?! Что ты строишь из себя загадку? Где твои родители? У тебя же есть родители!

— У всех есть родители...

— Ошибаешься! У моего друга, например, нет отца!

— А-а, непорочное зачатие!.. — сказала она как-то слишком зло, оскалив при этом мелкие зубы.

Данилу ее фраза показалась чудовищной.

— Да причем здесь это вообще! — Давыдов даже снизил тон. — Его отец умер!

— Мои родители живы. Наверное. Они просто со мной не живут.

— Почему? Они что, уехали?

— Считай, что уехали! И давай на этом завяжем, хорошо?! — она резко отвернулась, и Данил в течение нескольких секунд видел только разбросанные по спине черные волосы.

Эля встала и пошла к морю. Спустившись к самой воде, она стояла на отполированном водой валуне и смотрела на стайку маленьких шустрых рыбок. Хоть бы он посидел подольше там, наверху! Ей нужно время, чтобы втянуть назад свои привычные слезы.

Она прекрасно умеет это делать, и через несколько минут они исчезнут без следа. Только бы он не начал снова спрашивать об этом!..

Что может Эля ему рассказать? Что ее мама, похоже, уже давно забыла, что когда-то родила дочь? Что ее мама, судя по всему, сама не знает, кто у Эли отец? И не знает, наверное, кто отец ее старшего сына, которого она назвала когда-то Золтаном и которого отвезла своим дальним родственникам в Краснодар, когда ему было десять лет? Она сказала ему, что он едет в гости, но забыла за ним вернуться.

Маленький Золтан несколько раз сам садился на поезд. Он знал, куда ему ехать, но мама всегда отвозила его обратно, и в последний раз — уже вместе с младшей сестрой. Он видел, как злятся на них эти самые родственники, но маму это мало беспокоило. Мама оставила их — чужих детей — в хорошей и вроде бы интеллигентной семье. Золтан понял, что они там — гости навечно. Но он не смирился. Он просто замкнулся. Он не обращал внимания на постоянные окрики и придирки старших, он никогда им не отвечал, общаясь только с их детьми — с двумя сестрами-близнецами и, конечно, с Элей, оставшись для нее единственным родным человеком.

Конечно, она не помнила всего, это Золтан ей рассказывал. Зато она прекрасно помнила, как смотрели на нее эти родственники. Как вздыхали они каждый раз, когда ставили перед ней тарелку или протягивали старую вещь, из которой выросли их девочки. Как эти светленькие белокурые девочки криво усмехались, глядя на цвет ее смуглой кожи, и говорили: «Эй, Маугли, человеческий детеныш, принеси-ка попить!» Как приходили их знакомые и, сочувственно качая головой, выражали свое соболезнование по поводу чужих детей в семье, поражаясь великой доброте и милосердию несчастных супругов по отношению к этим дикарям.

И хотя эти родственники старались Элю не трогать и изображали, что она им безразлична, она их люто ненавидела. Их, их детей и всех сочувствующих знакомых. Она любила только Золтана, но любила его так, что ей не нужен был никто больше: ни отец, ни мать, никто! Только он, ее старший братец, который помогал ей сдерживать свою ненависть, который рассказывал ей сказки и учил ее читать. Его многочисленные друзья были и ее друзьями, она любила все, что любил Золтан, и думала так, как думал он. Она готова была прыгнуть с крыши их шестиэтажного дома, если бы только Золтану это

понадобилось. Она тоже была нужна ему. Она была тем единственным существом, которое мог любить Золтан, перед которым он мог заплакать, выливая со слезами хоть часть обиды, которая всегда так сильно жгла его сердце.

Но конец их страданиям пришел неожиданно рано. В девятнадцать лет Золтан женился. Это была новость для хозяев, но не для Эли. Она давно уже знала об отношениях Золтана с его будущей женой. Золтан часто бывал у нее и брал Элю с собой. Иногда он оставался ночевать в ее доме, и Эля тоже спала в маленькой комнате возле летней кухни.

Красавица Ингрида — высокая голубоглазая блондинка — сходила по нему с ума. Она и слышать не хотела о других многочисленных, всем обеспеченных и модно одетых ухажерах. Она была на год старше Золтана и хотела только его — грубого, замкнутого, сильного Золтана, который с семнадцати лет, поступив на заочный факультет политеха, вкалывал в металлургическом цеху.

Когда он сказал сестре, что скоро женится, Элю охватила страшная паника. В свои восемь лет она прекрасно понимала, что Золтан вовсе не обязан брать ее с собой в дом Ингриды, родители которой уехали на Север и в ближайшее время возвращаться не собирались.

Но Золтан забрал Элю. Конечно, Ингрида не слишком этому радовалась, однако с Золтаном спорить было бесполезно — он не уступал никогда и ни в чем, тем более, если дело касалось его сестры. У Ингриды хороший характер, и Эля понимала, какие чувства та к ней испытывала. Если от домашнего животного нет возможности избавиться, нужно сделать так, чтобы сосуществование с ним доставляло минимум неудобств. Ингрида взялась за нее, а Эля лезла вон из кожи, чтобы остаться с ними. Эля убирала во всем доме и готовила еду, читая здоровенную книгу рецептов. Она старалась сделать все раньше, чем за это возьмется Ингрида, и со временем Ингрида к этому привыкла — не могла не привыкнуть!

Эля нравилась Ингриде: непосредственная, забавная черненькая мартышка, преданно смотрящая на своего хозяина, строгого Золтана. Ингрида покупала ей модные вещи, иногда дарила свои и заставляла за собой следить, а могла сделать и более ценный подарок: например, это тоненькое золотое колечко с красным камешком. Эля думала, что

наконец-то ее жизнь наладилась. Это были лучшие ее годы, тогда она была по-настоящему счастлива, пока все внезапно и страшно не закончилось: не стало Золтана...

Конечно, она не расскажет об этом Данилу. Она вообще никому не расскажет. Просто не сможет рассказать.

Она должна думать только о будущем. Ей надо поступить в институт и уехать. Ингрида поможет ей — ведь Ингриде и самой не терпится избавиться от Эли, этого драгоценного наследства, доставшегося от Золтана. Эля снова чувствует себя лишней, никому не нужной, ведь Ингрида снова вышла замуж. За бывшего приятеля Золтана, который работает в руководстве их города, и именно он со своими связями должен помочь Эле с поступлением в Москве. Сейчас Ингрида с мужем уехала отдыхать куда-то в горы, оставив Элю у этой тетки, дальней родственницы новоявленного супруга, которой нет дела вообще ни до чего в этом мире, кроме заветной ежедневной бутылки. И сидеть здесь Эле, наверное, до конца летних каникул...

Она услышала, что Данил спускается вниз. Что ж, она уже не плачет. Она уже совсем спокойна и может продолжить эту болтовню, хоть как-то убивающую время.

— Хочешь, сходим вечером в кино? — неожиданно спросил он.

— А на какой фильм? — улыбаясь, повернулась к нему Эля.

— Ну... господи ты боже мой! — развел руками Давыдов. — Ну не вижу я отсюда афиш! Извини! Мы пойдем в город и посмотрим.

— Хорошо, хорошо! Только не надо так нервничать! В шесть часов приходи. До свидания!

— Счастливо оставаться!

И они быстро зашагали в разные стороны, ни разу не оглянувшись.

— Ну что? — спросил вышедший из ванной Лагунов, обнаружив в комнате Данила. — Как там наша Гюльчатай? Открывает личико?

Давыдов засмеялся. Ей действительно очень подходит это имя. Но это касается только экзотической внешности. В остальном Эля представляет собой, скорее, крайнюю степень раскрепощения женщин Востока: довольно смелые манеры и совершенно никакого почтения к лицам мужского пола.

— Леха, который час? — спросил Давыдов. — Ага, только полпервого... Ладно, пойдем пока искупаемся, так жарко сегодня.

***

А Эля, возвращаясь, думала, что ему точно сегодня что-то сильно испортило настроение. Наверное, эта Анжела не хочет с ним спать! Эля ведь прекрасно помнила, как бесился Золтан, когда ссорился с Ингридой, и та выгоняла его из спальни. И вообще, у Эли было собрано столько информации по данному вопросу, что из нее можно было бы составить справочник средних размеров. Еще бы! Все свое детство Эля когда-то посвящала беготне по дворам с соседскими детьми, в основном, с мальчиками. С ними ей было гораздо проще. Девочки с их бантиками и куколками действовали Элине на нервы и со своей стороны тоже с ней не водились.

Ни Золтан, ни Ингрида об этом с ней не говорили. Единственная фраза, как-то касающаяся данной области, принадлежала Золтану: «Мальш, если к тебе кто-нибудь будет приставать — сразу скажи. Я выпущу ему кишки!» Но такой необходимости не было: к Эле никто не приставал, и, кроме того, она точно знала, что процесс совокупления, от которого без ума все мужчины, женщинам доставляет одни только неприятности. Женщины делают это только для того, чтобы не обижался муж и, главное, чтобы иметь ребенка. Но Эле даром не нужен никакой муж, а ребенка она лучше возьмет из детского дома, когда захочет.

Однажды она уже убедилась в том, что ее мнение на этот счет абсолютно правильное. В тот день к сидящей на скамеечке во дворе Элине подсел один из дружков Золтана. Этот парень очень нравился Эле. Он всегда был веселый и разговорчивый... Эля обрадовалась его внезапному появлению и приветливо ему улыбнулась. И вдруг без всяких вступительных речей веселый парнишка предложил: «Хочешь, научу целоваться?» — «Нет!» — но он уже схватил ее за голову и, открыв свой слюнявый рот, прижался к ее губам, пытаясь раздвинуть ее судорожно сжатые зубы своим гадким мокрым языком. Когда она, наконец, вырвалась и в ужасе убежала, он громко заржал ей вслед.

И Эля решила раз и навсегда: это не для нее. Может, она чего-то не понимает в этой жизни, но больше она такого не сделает: она не позволит ни одному из этих слюнявых свиней к ней прикоснуться. И вот сегодня — пожалуйста! Этот озабоченный Дэни, которому отказала его Анжела, приглашает Элю в кино! Когда приглашают в кино, значит, назначают свидание.

Ничего, она устроит ему свидание! Пусть только попробует к ней пристать. Он думает, что она дурочка, ни черта в этом не соображающая? А Эле уже достаточно лет, чтобы она смогла за себя постоять. Кстати, если он сомневается в том, что она вполне взрослый человек, она ему это докажет! Она оденется так, как одеваются на свидание. Пусть посмотрит, что она тоже кое-что из себя представляет. На Элю никто не будет оборачиваться — она будет такая же, как все эти полуголые красотки, шастающие по городу.

Эля посмотрела на часы. Только половина первого. Еще пять с половиной часов до того момента, когда этот самонадеянный тип убедится, что она не робкая тупая овечка, а такая же грамотная, как и все остальные!

***

Она стояла перед зеркалом: ну что ж, она готова. Только она не станет выбегать к нему навстречу — пусть лучше сам подойдет, если ему надо.

Элина запрыгала вниз по ступенькам, пробежала по коридорчику, но перед дверью остановилась и медленно вышла, глядя в сторону.

— О, нет! Кто это?! — Данил театрально закрыл рукой глаза, но, конечно, все отлично видел сквозь предусмотрительно раскрытые пальцы.

В этой короткой юбочке она казалась еще более хрупкой, еще более юной и какой-то неуловимой. Ее худенькие ножки ни на миг не оставались без движения. Они шагали к нему, округло разгибаясь в коленках, когда Элина делала очередной легкий скачок. Было такое впечатление, что ее бедро не толще голени, но ни одной торчащей косточки, ни одного угла: плавная линия извивалась от тонкой щиколотки вдоль выпуклой длинной икры, колена и стройного бедра.

— Привет! — Эля остановилась перед ним, переступая на своих прозрачных ножках. — Ну что, идем?

Давыдов встал со скамейки и пошел рядом с ней, неотрывно кося на Элину глаза. В профиль было хорошо видно, как линия широкой серой лямки ее юбки-сарафана четко и высоко надламывается на уровне небольшой груди. Данил криво улыбнулся. Она еще немножко подрастет, и кому-то достанется лакомый кусочек! И с ним опять началось все сначала. Он не хотел ни о чем говорить, мало того — он понемногу начинал к ней придирается, сам не понимая, какого черта.

— Ты долго думала перед тем, как надеть такую славную юбочку?

— А что, тебе не нравится?

— Нет, это замечательно. Лямки точно как у Карлсона!

Эля тоже начинала злиться. Он не приставал к ней, но это уже была другая крайность: он решил над ней поиздеваться! Ну что ж, посмотрим, как ему это понравится.

— А ты-то сам почему не надел бусы?

— Чего?..

— Ну, просто цепочка не очень заметна, понимаешь? Вот в бусиках было бы гораздо лучше.

— Послушай, маленькая! Придержи язычок — я тебе не мальчик на водном велосипеде! В семнадцать лет пора бы научиться нормально себя вести!

— А мне только шестнадцать. У меня день рождения третьего ноября, — ехидно ответила Эля.

— Какая разница?! Все равно ты ведешь себя, как в яслях, а не как нормальная девушка!

Давыдов чувствовал, что он несет какую-то чушь — она была очень даже нормальной девушкой! Но он ничего не мог с собой поделаться и, кажется, сам раздражал ее не меньше.

— На себя посмотри! — резко жестикулируя, огрызалась Эля. — Мужик выискался! На тебе и волосы-то не растут! Нужен ты сильно, разговаривать с тобой еще!

— Закрой рот! Вот кинотеатр.

— Сам иди в свой дурацкий кинотеатр! Там как раз сегодня мультики! Не забудь захватить место в первом ряду!

Она быстро повернулась и поскакала в обратном направлении. Несколько секунд Данил не мог прийти в себя от подобной наглости и стоял перед афишами, вертя головой и хлопая глазами в такт звучащей возле кинотеатра музыке. Наконец он понял, откуда она доносится. Рядом располагалось ободранное одноэтажное здание, из недр которого были слышны ритмичные звуки. Танцульки — то, что нужно!

Догнав быстро удаляющуюся хамку, Данил схватил ее за руку и потащил назад.

— Хорошо! Мы не пойдем в кино. Мы пойдем на дискотеку! Потанцуем слегка! — говорил он сопротивляющейся Эле.

— Не хочу я ни на какую дискотеку! Пусти! Ну!.. Пусти, придурок!

Но Данил ее не отпускал, он почти не ощущал этого яростного сопротивления.

— Почему же? Полезно бывает! — он уже втоптал ее в двери, и они оказались перед большим залом с низким потолком, забитым ритмично колыхающейся толпой. Давыдов повернулся к ней, не отпуская руку.

— Ну, давай, танцуй. Танцуй!

— Не хочу! Я не умею танцевать! Пошел ты вообще!..

— Да как скажешь!

Данил отпустил ее и исчез в этой дергающейся массе. Но Эля не двигалась с места.

Он прекрасно танцевал и прекрасно об этом знал. Найдя несколько знакомых лиц, Данил мгновенно очутился в центре плотного кружка, встретившего его радостными хлопками и одобрительными возгласами. Его природная пластика и тренированные мышцы, чувство ритма в совокупности с солидным опытом позволяли ему свободно, раскованно импровизировать. Ритмично двигая нижней частью тела, Давыдов мог поднимать и опускать руки, хлопать себя по бедру, поворачивать голову и совершать обороты вокруг своей оси, смеясь и выкрикивая в такт звучащей музыке.

Сейчас он, привлекая в свой кружок все больше и больше подтанцовывающих зрителей, улыбался знакомым, приглашал к себе кого-либо из них, но видел только одно: она стоит и на него смотрит.

Элина, конечно, отлично его видела. И не только его! О, теперь она понимала, нравится ли он всем этим молодым красоткам, смотрящим на него собачьими глазами. Она видела, как перебежала в его круг эта стриженная Анжела, которая сразу же выперлась в центр и оказалась возле него.

Но кроме всего прочего, Эля понимала также, что он делает это специально. Его движения ясно говорили Эле: «Я такой великолепный парень, и у меня куча подружек! А ты, забитая деревня, еще смеешь открывать на меня свой рот!» Ей действительно показалось, что он сделал какой-то пренебрежительный жест в ее сторону. И как же это ее задело! Хорошо! Она покажет ему забитую деревню! Она соберет

вокруг себя всех представителей мужского пола, выдергивающихся в этом курятнике! Тем более, к ней уже приблизился какой-то долговязый прыщ, своими полиомиелитными движениями намекающий на то, чтобы она к нему присоединилась.

Дождавшись начала музыкальной фразы, Эля вдохнула, слегка приподнялась на носки и решительно приняла свою привычную танцевальную позу.

Данил мгновенно отошел назад и стал в общий круг. Почему она сказала, что не умеет танцевать?.. Она двигалась чудесно! Правда, ее манера была совершенно уникальна, и Давыдов ни за что на свете не смог бы повторить эти ажурные взмахи. Периодически переступая, она поворачивала плечи: вправо-влево, вправо-влево... Ее свободно согнутые руки были подняты довольно высоко, Эля крутила головой, но смотрела только вниз. Иногда она задерживалась в одной стороне на два такта, хлопала в ладоши, щелкала пальцами и начинала опять. Короткая юбка дерзко хлестала по смуглым бедрам. Неужели она представлялась ему ребенком? Сейчас Эля была женственной, грациозной, легкой — это было совершенство!

Данил чувствовал, что превратился в неподвижный столб, но ему было на это плевать, и, конечно, ее замечал не только он! Перед ней уже стоит полукругом какая-то мерзкая пульсирующая шпана. Да они же ей хлопают! А среди сидящих под стенкой наблюдателей уже пошел тот одобрителный пошлый шепоток, которого Данил не мог слышать из-за громкой музыки, но чувствовал его кожей!

— Дэни, что случилось? — скрипучий Анжелкин голос прозвучал как сигнал к активным действиям.

Ошалевший Давыдов несся через зал, уже не слыша музыки, не замечая столкновений и возмущенных окриков — вперед, по кратчайшей прямой к этому порхающему сгустку.

Вот он уже стоит прямо перед ней и закрывает ее от улюлюкающей своры. Пытаясь поймать ее ловко уворачивающиеся руки, он понял внезапно, почему не может видеть, как Лешка к ней прикасается, почему не может нормально с ней разговаривать и спокойно на нее смотреть. Да кому же, кроме него, она может достаться?!.. Как мог он думать, что не ревнует ее и вообще не хочет?! Да он никогда в жизни ничего и никого так не хотел! Только он хочет

не ее тело, а вернее — не только ее тело! Он хочет эти ее движения, ее слова, ее мысли!..

— Хватит дергаться!

А она уже и не дергалась. Музыка закончилась, и Эля стояла, радостно улыбаясь и глядя по сторонам. Слева подошли трое каких-то идиотов. Наверное, они подумали, что Данил к ней цепляется. Замечательно! Ему как раз это сейчас и нужно. Сейчас их свирепые глазки украсят собой эти убогие стены! Но Элина, видимо, тоже явственно представила себе эту картину, только, может быть, в несколько другом исполнении.

— Нам лучше уйти! — она сама взяла его за руку и решительно вывела на улицу.

Уже темнело и было довольно прохладно. Очутившись на улице и сделав несколько глубоких судорожных вдохов, Данил пришел в себя и быстро вернул на место свои взбесившиеся мозги. Так, теперь он знает, что ему нужно, и может начинать действовать в соответствии с намеченной стратегической целью.

Шумно выдохнув, Эля развалилась на скамейке, сразу начав болтать неуютными ногами.

— Где ты так танцевать научилась?

— По телевизору видела. А ты? — повернула она к нему свое довольное лицо с наивными глазами.

— А, так... — Данил вяло махнул рукой, — в процессе бытия.

— Я что-то хотела спросить у тебя... Но забыла!

Давыдов пересел к ней вплотную.

— Тогда можно я спрошу? — улыбнулся он, мягко взяв Элю за плечо и немного разворачивая ее к себе. — Тебя целовали когда-нибудь?

Элина кивнула. Давыдов подумал, что, скорее всего, она врет, и решил не спешить. Он хорошо знал, какое впечатление производят на впервые целующихся девочек откровенные засосы, и не хотел рисковать. Но он и не предполагал, насколько трудно ему будет сдержаться. Едва касаясь губами ее лица, он чуть не сломал ногти, впиваясь в деревянную спинку скамейки.

Эля знала, что должна его отпихнуть и дать по морде, но, кажется, забыла это сделать, рассматривая вблизи эту самую «морду» с прямыми бровями и длинными острыми ресницами.

Однако то, что начал делать Данил, оказалось совсем не похожим на поцелуй той слюнявой свиньи у Ингриды во дворе. Его губы были нежные и совершенно сухие. Вытянув их трубочкой, Данил слегка коснулся угла ее рта: одного, потом другого, потом немного захватил ее нижнюю губу, чуть-чуть втянул в себя и отпустил совсем. Это было похоже, скорее, на то, как целовал Элю брат, но разве чувствовала она такое, когда к ней прикасался Золтан? От Данила пахло сигаретами, и, кажется, от этого у Эли что-то медленно опускалось внутри. У нее сводило бедра и руки, а рот растягивался в идиотской улыбке до ушей.

— Почему ты смеешься? — спросил Данил, приподняв брови.

— Как дура, да?

Они засмеялись вместе, немного отодвигаясь друг от друга. Эля услышала медленную музыку и предложила:

— Хочешь, пойдем еще потанцуем?

— Хочу, конечно!

Раньше Эля часто танцевала с друзьями Золтана и не испытывала никакого смущения или неловкости. Но сейчас, стоя к Данилу лицом, она медленно и несмело поднимала руки перед тем, как положить их ему на плечи.

Данил уже жалел о том, что начал с ней танцевать: стоило ему коснуться ее талии, как его, словно неискушенного подростка, стал бить заметный озноб. Она стояла, слегка склонив голову, и Данил опустил лицо к ее пушистым волосам. От Эли не пахло духами, лаком и какой-то вообще парфюмерией. То, что едва улавливали его ноздри, было тонким, мягким, естественным ароматом. «Наверное, так пахнут маленькие детки», — подумал он и коснулся губами ее нежного уха.

От этого прикосновения по спине Эли пробежала нервная дрожь. Она слегка склонила голову, не отдавая себе отчета в том, что так только подставляет ему шею.

Данил знал, что должен остановиться, поскольку его возбуждение нарастало с такой скоростью, что уже начинало перевешивать все его расчеты и продуманные действия. Еще немного, и он вполне может представить глазам благодарной публики совершенно потрясающую, редкую и надолго запоминающуюся сцену.

А Эля была просто в восторге от происходящего, она никогда не ощущала ничего подобного. Станный был этот танец — она вдруг осознала, что они стоят как вкопанные посреди танцплощадки. И все

было бы здорово, но у нее устали ноги. Она решила немного переступить, и в этот момент кто-то случайно толкнул ее сзади. Невольно подавшись вперед, она на мгновение прижалась к Данилу всем телом, и ее просто парализовало от неожиданности. Она была потрясена этой каменной твердостью.

Через секунду Данил вдруг схватил ее за плечи и грубо от себя отпихнул:

— Все, хватит! Хорошо? Достаточно для первого раза! — раздраженно говорил он, отходя от нее и держа руки перед собой так, будто боялся, что она сейчас на него набросится.

Эля опустила голову. Хорошо, что здесь темно! Она заливалась краской от стыда. Она вытворила что-то не то, что-то очень позорное. Наверное, она сделала ему больно. И стоит теперь, как полная кретинка! Она быстро повернулась и побежала на улицу. Ну откуда она об этом знает? Где можно было всему этому научиться? Может, это должно как-то передаваться по наследству?.. Кажется, Эля права, если считает себя немного ущербным подкидышем...

— Стой, куда ты летишь? — догнал ее Данил и пошел перед ней спиной вперед. — Ну, прости меня, Эля! Мне не нужно было этого делать, прости. Ну, стой же, в конце концов! — он поднял руки, уперся ей в плечи и остановился. — Больше такого не будет. Просто, понимаешь, все так быстро происходит...

Нет, она не понимала! Что это «все», которое так быстро происходит? И почему он просит прощения, если сам ее оттолкнул?

— Мне пора домой, — она начала его обходить, но Данил развернулся к ней.

— Хорошо, я тебя провожу.

Он молча шел, засунув руки в карманы, и ей тоже нечего было сказать.

— Я зайду завтра с утра, ладно? Скажем, в одиннадцать, — дружелюбно предложил Данил, уже стоя возле ее двери.

— Ну, давай, — пожалала она плечами. — Но если ты не хочешь, можешь и не заходить. Пока!

Эля скрылась за скрипучей дверью, и Давыдов, засмеявшись, пошел в гостиницу. Да уж, он не хочет! Кажется, все будет довольно сложно и может весьма затянуться. Но ничего страшного — у Данила еще есть время и есть терпение. Она должна сама этого захотеть, и она

захочет — не будь он Данилом Давыдовым, самым великим покорителем женских сердец на всем черноморском побережье!

Глава 4

Глава 4

Было очень жарко. Эля сидела на скамейке в тени большого шелковичного дерева, с которого осыпались ягоды, похожие на толстых фиолетовых гусениц. Она подняла одну и сдула с нее пыль.

Одиннадцать часов давно уже минули. Конечно, он уже не придет. Тем более она сама сказала ему не приходить, если он не хочет. Разумеется, он не хочет! Ему не понравилось с ней целоваться: она вела себя, как дурочка, а потом еще и сделала какую-то гадость, и он наверняка понял, что она абсолютная тупица. А она тупица и есть! Эх, если бы Золтан был сейчас с ней... Она бы решилась, ведь только у него она могла бы о таком спросить.

Впрочем, она наперед знает, что Золтан бы потребовал немедленно эти свидания прекратить. Но тогда она бы сказала, что такая же дура, как и все остальные. Что Данил нравится ей точно так же, как и всем этим расфуфыренным красоткам. И что она жутко ревнует его к этой стриженной Анжеле! Наверное, она бы не убедила Золтана. Но тогда бы она призналась, что сестрица у Золтана — ужасная развратница. Она готова целоваться с Данилом целыми сутками, а когда он обнимал ее во время тех танцев, ей показалось, что она умирает от счастья. И что же из этого получилось?.. Впрочем, какая разница, она ведь наверняка его больше не увидит. Вот и отлично! Лучше она позанимается со словарями, чем даром тратит время на эти дурацкие прогулки!

Она встала и уже пошла к дому, когда вдруг большая мягкая ладонь внезапно закрыла ей почти все лицо, и Данил молча усадил ее на скамейку.

У Эли резко подскочило настроение, и она просто заулыбалась во весь рот, так и не придумав, что сказать.

Давыдов обошел скамью и присел перед ней. Его светлые, выгоревшие на висках волосы были влажными и беспорядочно торчали во все стороны.

— Я опоздал, но я не виноват! — он развернул край белой трикотажной рубашки и протянул Эле большого зеленого краба.

— Где ты его взял?! — Эля впервые видела краба такого размера.

— поймал, — гордо ответил Давыдов.

— Ты что, нырял за ним? А как ты его увидел? Он тебя не укусил? — посыпались быстрые живые вопросы.

— Укусил, — вздохнул Данил.

— Больно? — сочувствующе спросила Эля.

— Кошмар!

Она поняла, что не больно, и сунула палец в растопыренную клешню.

— Ай, сволочь! — Эля вскочила, трясая раскрытой кистью. Ей показалось, что эта тварь отдала ей ноготь.

— С ума сошла?! Вот будешь знать теперь!

— А ты бы лучше подсунил эту гадость своей стриженной Анжелочке!

Данил засмеялся, отворачиваясь. Она его ревнует — отлично, процесс идет как надо!

— Ладно, — примирительно сказал он, — пойдем выбросим гадость в море и сходим в кафе.

По дороге в город он без умолку трепал языком, рассказывая истории из жизни курсантов в военном училище. Данил снова был в форме: он ясно видел цель, хотя и весьма отдаленную. Он талантливый художник по части живописного развешивания лапши по ушам доверчивых слушателей, и Элина надрывала живот, рассыпая бисер своего мелкого смеха. Когда они сидели в летнем кафе, Эля, активно уплетая вторую порцию клубничного мороженого, спросила:

— А что вы учите в училище своем? Как солдатами командовать, да?

— Нет, ну почему? Не только. Теорию в основном.

— Какую еще теорию? — она казалась очень удивленной.

— Ну, математику, чертежи, электронику.

— Электронику?.. — улыбка сползла с лица Элины.

— Да. Программы всякие там, компьютеры.

При слове «компьютеры» Эля почувствовала легкую тошноту. Он что, специально называет всю эту дребедень? Для полного счастья только физики не хватает!

— Да, еще физика. Как же я забыл? Кстати, это не так уж смешно, как кажется! — сказал он прыснувшей вдруг Эле.

— Конечно, — вздохнула она, — прими мои соболезнования.

Эля отставила пустую посуду.

— Are you ready?

— Йес, — ответил Данил. — А ну-ка, ляпни еще что-нибудь!

Его удивило ее слитное мягкое английское произношение. Он даже не сразу понял эту простейшую фразу. И Эля, радостно расставив свои черные глаза и глядя на него в упор, произнесла длинную мяукающую трель, состоящую, кажется, из двух предложений. Данил смог перевести только два слова. В начале фразы — «я», а в конце «никогда». Больше он не понял ничего и скорчил кислую мину.

— Ну ладно. Не хочешь — не надо, — Эля казалась расстроенной.

— Да я, в общем-то, не против... — попытался Давыдов спасти положение, но передумал притворяться и признался: — Просто с английским у меня не так хорошо, как с физикой, например.

Эля снова засмеялась:

— Так бы сразу и сказал! Давай покатаемся на катере, я никогда на нем не плавала.

— Так бы сразу и сказала. И, кстати, на катерах не плавают, а ходят. Летс гоу, англичаночка.

Но до отправления катера еще было время, и Данил остановился перед пляжем в тени, опираясь локтями о высокую бетонную ограду. Эля стояла рядом, подняв к небу свой королевский профиль.

— Вот смотри, — негромко сказала она, — сначала земля, да? Потом воздух, потом солнце, звезды, потом... опять звезды, а потом? Бесконечность? Ты можешь представить себе бесконечность? Ты когда-нибудь задумываешься о таких вещах?

Конечно, он задумывается о таких вещах. Но сейчас его что-то не особенно тянет на рассуждения о проблемах несовершенства человеческого разума. Данил просто слушал ее переливчатый голос и смотрел на ее руки, которые свешивались с заборчика и плавно шевелили тонкими пальчиками. Ветер дул с его стороны и развеивал ее волосы.

Данил стал обходить ее сзади. Он уже поднял руки, чтобы взять Элю за плечи, но передумал и встал с другой стороны, повернув к ней голову. Теперь ее пушистые локоны, взлетая от ветра, щекотали ему лицо, обдавая своим легким ароматом.

Она еще что-то говорила, когда Данил убрал ее волосы с лица и уверенно притянул Элю к себе. Он целовал ее и чувствовал, как она ему отвечает: губы Элины плавно шевелятся, подражая его действиям. Она в конце концов разжала челюсти, и Данил в первый раз лизнул этот маленький шустрый язычок.

Эля не переставала удивляться. Сейчас он делал практически то же самое, что тот дружок Золтана, но ей хотелось, чтобы он делал это вечно. Данил сам поднял ее руки и скрестил у себя на шее. Она запустила пальцы в его волосы. Какие они оказались мягкие! Раньше Эле казалось, что эти беспорядочные волны на ощупь должны напоминать рыбацкую леску. Она не замечала, что сильно давит ладонью ему на затылок, стараясь еще плотнее его к себе прижать...

И от их водной прогулки она была просто в восторге! Катер начал довольно ощутимо раскачиваться в открытом море, и она почти визжала от радости, словно ребенок на аттракционах.

У Данила не было надобности развлекать ее дополнительно. Он просто смотрел на это вцепившееся в борт создание, с трудом сдерживая желание схватить его в свои объятия и утащить в какое-нибудь темное подсобное помещение. Ее волосы весело развевались на сильном ветру, она щурила глаза и морщила свой выточенный носик, обнажая зубы в счастливой улыбке.

На самом же деле Эля быстро адаптировалась к этим большим, щекочущим нервы волнам и теперь косилась на Данила. Ну что он стоит как истукан со своей любимой сигаретой? А ей, между прочим, холодно, и она совсем не прочь ощутить его теплое прикосновение. Ну что он увидел там, в этой морской дали, куда он так внимательно смотрит? Эля решительно к нему повернулась. Она сейчас сделает к нему шаг и поцелует его сама при всех прямо на этом катере. В губы. Она приблизилась к Давыдову, он повернул голову, их взгляды встретились, а катер начал разворот.

Большая волна, ударившись в борт, на миг превратилась в прозрачный навес над маленькой палубой, который, рухнув вниз, окатил их прохладной соленой водой. В последний момент Данил успел наклониться над Элиной, подставляя спину под мощный водный каскад.

— Ай! — вскрикнула Эля, пряча лицо у него на груди.

— Вот блин! — выпрямился Данил, — Ну... черт!

Он был мокрый насквозь. Рубашка, брюки — все прилипло к телу. С волос стекала вода, и он только беспомощно разводил руками.

Эле тоже досталось. Они вошли в салон вместе с несколькими такими же неудачниками, наглядно демонстрируя сидящим там пассажирам, что те абсолютно правы, предпочитая оставаться в закрытом помещении. Эле и так было холодно, а теперь — вообще зуб на зуб не попадал. Она посмотрела на своего спутника. У несчастного Давыдова трясся подбородок, а руки были покрыты мелкими пузырьшками. Он тоже совсем замерз.

Хлопая себя по плечам, Данил первым из вышедших пассажиров подбежал к свободному такси и открыл Эле заднюю дверцу, усевшись рядом с ней. Она начинала смеяться, стоило ей только взглянуть на эту трясущуюся сосульку.

Когда Данил, улыбаясь, вышел из машины, он оставил на сиденье мокрый отпечаток, что еще больше Элю рассмешило. В тот момент мимо проходила какая-то девица, показавшаяся Данилу знакомой, и он повернул голову ей вслед. Эля тоже уже вышла, и этот взгляд заметно поубавил ей хорошего настроения.

Девушка обернулась на звук хлопающей двери, и Данил ее узнал: это была Ирина, подруга Анжелы. Они поздоровались, Ира окинула оценивающим взглядом промокшую Элину и, презрительно хмыкнув, проследовала дальше.

Эля ясно представила себе, что именно подумала эта надменная красотка, глядя на ее жалкий вид, и что подумал Данил, сравнив Элю с такой яркой девушкой. Уже идя по дворику, она не сомневалась, что сейчас он, быстренько с ней распрощавшись, вероятнее всего, пойдет согреться с подобной красавицей, которые то и дело строят ему глазки. Прямо перед входом она обернулась:

— Пойдем! Погреешься хоть, — и вошла внутрь, оставив дверь распахнутой настежь.

Он же знал, что не должен был идти! Но ему и правда было холодно. Ему интересно было посмотреть, как она живет, да и просто хотелось побыть с ней еще.

— Ну и где ты там застрял? — Эля включила свет в тесном коридорчике, и Данил вошел в этот деревянный сарай. Изнутри он оказался гораздо приличнее, чем снаружи. Это был обычный сельский дом с побеленными известью стенами.

— На первом этаже хозяйка живет. Нам — на второй, — сообщила Эля, свернув вправо на деревянную лесенку.

— А... она не будет возражать? — поинтересовался опытный Давыдов.

— Ей-то что? Ей вообще все до фени! Сидит себе в каморке своей и квасит целыми днями. Я ее даже не вижу.

Они уже стояли в уютной, оклеенной дешевыми обоями комнатухе с низкой деревянной кроватью, маленьким столиком и двухстворчатым шкафом напротив окна.

У Эли было очень чисто, скромно и совсем не так, как бывает дома. Нигде ничего не висит и не валяется, будто в только что отремонтированной комнате общежития. Только на тумбочке возле ее кровати разбросаны мелкие вещицы типа расчески, маникюрных принадлежностей и резинок для волос.

Чтобы разрядить неловкое молчание, Эля произнесла без всякого выражения:

— Пойду принесу воды. У меня есть кипяtilьник — хоть кофе попьем. Разденься, если хочешь, и замотайся в покрывало.

Она не поднимала глаз и уже жалела, что привела его сюда, в свои роскошные апартаменты. Теперь он точно подумает, что она какая-то оборванка. Ну зачем она его сюда притащила? Что он здесь будет делать? Ладно, ей тоже надо переодеться. Она повернулась, стараясь не смотреть на Данила, и открыла шкаф. Ну не будет же она при нем доставать с полки нижнее белье! Эля взяла свой легкий халат и закрыла дверцу шкафа.

— А у тебя совсем неплохо! — сказал Данил, видя, что она как-то потухла.

— Да? А мне вот совсем не нравится! — ответила она тем же безразличным, отчужденным тоном и вышла за дверь.

Давыдов тоже был в крайнем замешательстве: зачем он сюда приперся? Он не должен ее трогать... пока. А может, и вообще не должен. Хорошо, он и не будет. Он что-нибудь ей расскажет, они попьют кофе, а потом он уйдет. Но его вещи не высохнут... Тогда он уйдет утром: он переночует где-нибудь на полу, или они проболтают всю ночь. В любом случае, терпеть эти мокрые тряпки больше невозможно!

Данил разделся, развесив рубашку на дверце шкафа, брюки — на спинке стула, и, моментально согревшись, принялся изучать предметы, лежащие на тумбочке. Его удивила расческа Эли: обыкновенная металлическая «щетка», но только какая-то позолоченная, с цветной розочкой на обратной стороне и крошечными черными шариками на концах шипов. Он положил ее на тумбочку, подошел к шкафу и приоткрыл дверцу. Тонкое дорогое белье на верхней полке. Давыдов заглянул за другую створку: ничего себе гардеробчик! Плотный пестрый ряд отлично сшитых нарядов, большинство из которых с лейблами известных фирм на воротниках. Да она вовсе не так проста, как ее спартанское жилище...

Эля вошла в комнату:

— Смотри, есть кое-что получше!

Она повернулась к нему, держа в одной руке стаканы, а в другой — бутылку вина. Несколько секунд они смотрели друг на друга, не находя, что сказать. Эля была совсем другой в этом светло-голубом свободном халате, завязанном на узкой талии и с небрежно запахнутым воротом. Ее смуглая кожа просто вызывающе контрастировала с небесным цветом мягко струящейся вокруг нее ткани. Данил в жизни не видел одежды более возбуждающей, чем эта тряпка, закрывающая почти все ее тело. Он опустил глаза. Он должен взять себя в руки...

Но взять себя в руки пытался не только Давыдов. Взглянув на его глянцево-обнаженный торс, Эля судорожно глотнула. Ей захотелось потрогать эту гладкую, геометрически правильную спину с угловато торчащими плечами, эту рельефную грудь с разложенной по выпирающим ключицам золотой цепочкой. Она тоже отвела глаза, и она не будет возражать, если он к ней немного попристает. Пускай даже он опять потом обидится. Эля села возле него и поставила на стол стаканы.

Данил снова начинал на себя злиться. Пока ее нет, он очень умный: все правильно и все хорошо. Но стоит только ей перед ним появиться, и все его планы летят к черту. Она снова решила поиздеваться: глоточек винца — как раз то, чего ему сейчас не хватает.

— Где ты это взяла? — Давыдов забрал у нее бутылку и взглянул на этикетку.

— В буфете у хозяйки, — спокойно ответила Эля.

— А ты знаешь, что воровать нехорошо?

— А я и не украла. Я, скажем, одолжила!

— Так это надо будет вернуть?

— Ну да. Мы же не выпьем все!

Данил засмеялся и стал открывать бутылку. Этой малышке нельзя давать в долг! Он налил вино в стаканы. Эля сидела на низкой кровати, ее острые колени находились на уровне груди. Данил поставил на кровать согнутую ногу, закрывая тем самым вид порядком приподнявшегося покрывала, и, почти совсем отвернувшись, стал прихлебывать вино.

Эля же была просто в недоумении: он что, уже расстроился? Что-то рановато сегодня! Он ведь даже к ней не прикоснулся, он вообще сидит к ней спиной и лакает себе из стаканчика, чертов алкоголик!

Она быстро выпила вино. Нет, так не пойдет, нужно как-нибудь о себе напомнить, а то, кажется, он вообще забыл, что она тоже здесь находится. Элина удивилась, как быстро она размякла от совсем небольшой порции спиртного. Она снова начинала улыбаться как идиотка, ее уши горели, ей было хорошо, тепло, и заметно прибавилось храбрости. Она придумала, как его встряхнуть!

— Давай налью еще! — предложила Эля, взяв бутылку, и, когда он обернулся, стала менять местами свои ноги, открывая колено в разрезе халата.

Все. Это уже было слишком — Давыдов больше не отворачивался. Он смотрел, как держит она стакан в своей бархатной руке и подносит его к губам. Теперь он видел только эту маленькую красную губку, вытянувшуюся по прозрачному стеклу. Было уже совершенно ясно, что на месте ее граненого стакана сейчас появится кое-кто другой.

Данил едва дождался, когда юная пьянчужка оторвется от его стеклянного соперника, нервно забрал у Элины стакан, с грохотом поставив на тумбочку, схватил ее и жадно присосался к губам. В ответ она только открыла совершенно расслабленный рот и обвила его шею своими гибкими руками.

С Элей творилось нечто необыкновенное. У нее закатывались глаза, ее била крупная дрожь, заставлявшая сильно напрягаться живот. Зачем она так напилась! Она же похожа на какую-то тряпку! Но она ничего не могла с собой поделать, она практически теряла сознание, всеми легкими вдыхая исходящий от него запах сигарет и одеколona,

она водила руками по его гладкой спине и запускала пальцы в мягкие волосы. Его теплые уверенные руки скользнули под халат. Она должна остановить его! Эля уже вдохнула, чтобы это сделать, но только застонала на выдохе — это слишком хорошо! Она еще немножко подождет, ведь ничего страшного еще не происходит... Хотя нет! Кажется, наступила невесомость...

Не отрываясь от ее лица, Данил слегка привстал и одним уверенным движением положил ее ноги на кровать. Он закрыл глаза, он больше ничего не хочет видеть и слышать. Он сделает это сейчас или никогда. Вернее, только сейчас! Он все равно уже не сможет себя сдерживать. Почувствовав приятную тяжесть его тела, Эля немного собралась с мыслями. Но она ничего не видит! Его лицо закрывает ей весь обзор. Как же она очутилась в таком дурацком положении?.. Ее ноги беспомощно раздвинуты, и колени Данила уже находятся между ними.

— Ну все! Перестань, ну... хватит! — Эля попыталась его оттолкнуть, но он схватил ее руки и прижал к подушке. — Отпусти меня! Ну пожалуйста!

Она уже окончательно пришла в себя, и ей стало страшно. Данил прочно удерживал ее, прижимая к кровати. Эля отчаянно дернулась всем телом, но от этого он окончательно рассвирепел.

Внезапная боль заставила ее дико закричать. Он шумно дышал, нагнув голову к самому ее лицу. Она сделала еще одну попытку освободиться, но он резко, часто задергался, делая ей еще больнее. Эля мотала головой, сжимала зубы и выла от боли и ужаса, она изо всех сил кусала его руку, но он никак не реагировал, и это пугало ее еще больше.

Все закончилось довольно быстро. Она больно ударила его пяткой под колено, и Данил сел от неожиданности. Извиваясь и продолжая завывать, Эля в панике выползала из-под него, округленными от ужаса глазами глядя на открывшуюся картину, и Данил быстро закрылся простыней.

— Все, перестань орать! Да все уже, успокойся!

Но она, подняв на него полный ярости взгляд, стала изо всех сил бить его ладонями по лицу.

— Скотина ты! Свинья! Зачем ты!..

Данил схватил ее руки и сжал так, что она снова вскрикнула. Ему было больно, и он тоже разозлился. Эта святая невинность притащила его в свой сарай. Она заставила его раздеться догола и сама приперлась почти голая, в этом своем свободном халатике! Она напоила его вином и демонстрировала свои паучьи ножки! Она позволила себя целовать и шарить под этой символической тряпкой! Она разлеглась перед ним как настоящая шлюха, и когда он уже начал делать то, к чему она так сильно стремилась, она вдруг передумала. И теперь, после того, как он не смог по ее желанию остановиться, бьет его по лицу, обзывая последними словами! Да он сейчас врежет ей так, что вылетят ее куриные мозги!

Но Данил вдруг рванул ее на себя, заставив ткнуться лбом себе в грудь, и, прижимая к плечу ее голову, сказал:

— Что «зачем»?!. Зачем! Понятно же, что я люблю тебя.

Он сказал это первый раз в жизни, раньше у него никогда не поворачивался язык. А сейчас это прозвучало как нечто само собой разумеющееся. Впрочем, она этого уже не услышала.

Эля громко всхлипывала, и ее прохладные слезы капали ему на живот. Данилу показалось, они просидели так очень долго, пока она понемногу перестала плакать и, внезапно выпрямившись, сказала:

— Ну все. Иди теперь. Ты же получил, что хотел!

Данил такого не ожидал.

— Эля, ты слышала, что я сказал?..

— Слышала! А я тебя — ненавижу! Видеть тебя не могу!

— Эля...

— Да уйди уже отсюда! — пихнула она его ногой, и Данил резко встал, начиная натягивать противные мокрые вещи, но снова к ней повернулся.

Ее спутанные черные волосы разбросаны по плечам, лицо — еще мокрое от слез, и немного опухли глаза. Она же действительно необыкновенная!..

— Послушай...

— Я знаю! Я сама виновата. Проваливай!

Данил хлопнул дверью и пошел вниз. Отлично, что она это знает! Он действительно получил что хотел, и если ее что-то не устраивает, пусть остается и спит здесь одна, по соседству со своей хозяйшкой! Он почувствовал тупую боль в предплечье и посмотрел на руку. Два

полукруга ровных фиолетовых пунктирных отпечатков. Что, эта бешеная кошка его укусила?!

Элина снова начала плакать. Его шаги затихли, он ушел... Зачем он это сделал? Чего он добился? Она же теперь его ненавидит! Теперь он на первом месте среди самых ненавистных ей людей! И никого больше нет рядом с ней, нет даже ее брата, который мог бы за нее заступиться! Теперь она совсем одна, униженная и оставленная здесь со своим позором. Обманутая беспомощная дура! Она может только лежать на этой колченогой кровати, плакать и ненавидеть его. А ему — наплевать на эту ненависть, сейчас он здорово повеселится, рассказывая все своему дружку, этому горластому гитаристу! А завтра он найдет себе следующее развлечение. Он будет рассказывать эти свои истории, кататься на катерке, пока не добьется своего от такой же легковой идиотки...

Эля редела все громче, уткнувшись в свою жесткую подушку. Ей было нужно пойти вниз и нагреть воды, но она не могла двинуть ногами, ей было больно и без всяких движений. Ей вообще было больно шевелиться. А как отвратительно это выглядит — то, что она увидела, когда уже села. Она не думала, что это может иметь такую форму! Еще и ее кровью испачканную... Она представляла себе это совсем по-другому. И как только она могла так доверчиво себя с ним вести? Как он вообще мог ей нравиться? Эх, если б она могла уехать сейчас же! Уехать от этого стыда и больше никогда не вспоминать о случившемся. Но куда она поедет? Она даже не взяла ключи от дома Ингриды!

Все больше расходясь, Эля судорожно всхлипывала и завывала. Потом решила, что должна успокоиться и не думать больше о произошедшем. Надо взять себя в руки и думать только о будущем. Сжимая зубы от боли, она села на кровати и взяла недопитую бутылку. Налив себе полстакана, она быстро выпила вино несколькими большими глотками и подумала, что никуда, конечно, не поедет — так она покажет, что чувствует себя униженной. Но она не должна позволить этому ничтожеству испортить ей существование! Она будет жить как жила и, слава богу, больше его не увидит.

После второй такой же порции каберне Эля почувствовала, что уже очень устала и хочет спать. Она свалилась на подушку с закрытыми глазами и до утра уже не шевелилась.

***

...Данил тоже устал. Выйдя из ванной, он лег на кровать, но сразу понял, что уснуть ему сегодня не удастся. Он чувствовал себя отвратительно. Он злился на весь мир, но изматывающие мысли не хотели дать ему отдохнуть. Он провалялся часа два, а потом, отчаявшись, пошел курить возле окна. На соседней койке безмятежно сопел Лагунов.

Как же Данил мог такое вытворить? Ну а как он мог этого не вытворить?.. Что он должен был делать, как сопротивляться? Это чудовищная цепь случайных обстоятельств, как будто кто-то специально подстроил все так, чтобы он ее потерял.

Да, он чувствовал, что вовсе не добился своего, а, скорее, достиг обратного результата. Он ее даже не увидел! Но зато он прекрасно помнит, какое на ощупь это горячее, эластичное, гибкое тело, запах которого до сих пор стоит у него в ноздрях. Но, кажется, он почувствовал его, уже выйдя на улицу. Он прекрасно помнит эти сладкие от вина губы и руки, так нежно к нему прикасавшиеся. И вот теперь, когда она захватила его окончательно, когда он не может уже ни о ком другом думать и хочет ее так, как только можно хотеть женщину — она его ненавидит. Она потеряна для него навсегда, он уже не откупится никакими угощениями и подарками, он вообще ничем не откупится! Что бы он теперь ни сделал — она станет ненавидеть его еще больше...

Проснувшийся Лагунов вдруг открыл глаза.

— Че такое-то? — тихо прохрипел он. — Где ты был-то?

— На катере катался, — не оборачиваясь, бросил Данил.

— Укачало, что ли? Ложись спать, Даня, утро уже скоро, — Лешка отвернулся к стене.

Давыдов снова лег на кровать. Правильно, скоро утро, и он должен попытаться все исправить. Хотя бы попытаться. Он пойдет к ней и все объяснит. Наверное, она успокоится за ночь и сможет хотя бы его послушать. Он все равно не придумает сейчас, что именно ей скажет.

Немного успокоившись, Данил закрыл глаза. Прележав так несколько часов, он снова поднялся и пошел умываться, чувствуя, что для него больше не существует никаких целей и никаких зданий, кроме двухэтажного деревянного домика.

Изображая спящего, Лешка наблюдал за Давыдовым, поскольку давно уже понял, что именно с тем происходит. Он понял это еще тогда, когда Даня привел ее в гостиницу. Лешка понял это раньше его самого, ведь Лагунов уже знал все признаки подобного кретинизма: он помнил, как влюбился в Збруеву. Однако Лешке казалось, что у Давыдова все получается: он вроде был вполне спокойным и вел себя нормально. А сейчас Леша ясно видел, что все наоборот: у Дани какие-то серьезные с ней осложнения. Иначе такой знаменитый ухарь, как Давыдов, не курил бы среди ночи, держа сигарету в дрожащих пальцах, а, скорее, вообще не приходил бы ночевать. И не вскакивал бы спозаранку, напяливая на себя шмотки, в которых он лучше всего смотрится. И не рассматривал бы в зеркале свою отличную, но очень озабоченную харю. Бедняга! Ну, может быть, все и обойдется. Может, он ее уломает или найдет себе еще кого-нибудь... В любом случае, Лешке-то что делать? Только наблюдать.

Эля села на кровати. Уже десять часов. Она спустила ноги на пол и почувствовала, что ей уже почти не больно, и она вполне может перемещаться в пространстве. Настроение у нее было просто ужасное, она совершенно подавлена, однако плакать ей уже не хотелось. Ну зачем он с ней так поступил? Скорее всего, ему никто никогда не отказывал, а если кто-то не хотел — он делал именно так. Удивительно, что он еще на свободе. Кстати, не подать ли на него в суд?

Она даже улыбнулась, представив себе, как будет описывать обстоятельства, при которых произошло это страшное преступление: она пригласила его к себе в комнату, они сидели на ее кровати почти голые, пили вино и мило друг другу улыбались. Потом она начала строить глазки, и он ее поцеловал. Потом помог ей лечь на спинку и раздвинуть ножки. Вот тут-то все и произошло! Она почти смеялась, несмотря на свое общее состояние. Нет, он все равно не должен был так делать! Это, может быть, случилось бы как-то само собой, попозже... Неужели он не мог подождать? Ей было так хорошо, и так мерзко все закончилось. И, опять же, этот его вид спереди! Неужели у них у всех вырастает такой кошмар? И у Золтана, что ли?!.. Нет, лучше бы она этого не видела! И вообще, нашла о чем думать. Со всем этим покончено — ведь он уже не придет...

Вдруг раздался легкий дребезжащий звук: маленький камешек ударил в стекло. Ну почему у нее опять упало сердце?! Ей же все равно! Элина осторожно подошла к окну и стала за занавеску так, чтобы ее не было видно с улицы. Судя по всему, хозяйюшки в доме нет — входная дверь закрыта. Она немного наклонила голову: явился, дорогой! Какая наглость — припереться утром после всего, что случилось! Ее сердце уже отчаянно колотилось. Это от ярости!

Он спокойненько стоит и вертит своей бараньей башкой! Нацепил любимую белую футболочку и думает, Эля выпрыгнет из окошка от радости?!

Данил поднял голову.

— Элина, я знаю, что ты дома! Ты должна меня выслушать!

Эля прижалась спиной к стене. Она еще что-то ему должна! И откуда он знает, что она дома? Думает, что она тут сутки слезы проливает? А она, может быть, уже за сто километров отсюда! Сидит себе на бережке и болтает с каким-нибудь отличным парнем! Эля презрительно улыбнулась.

— Я влезу в окно! — Данил вытащил руки из карманов.

Она заколебалась. Нет, она не будет отвечать! Пускай себе лезет. Пока он будет изображать покорение Эвереста, она успеет убежать из комнаты и где-нибудь спрятаться.

Данил повернулся спиной и стал оглядываться по сторонам. Отойдя немного, он поднял с земли какую-то кривую палку и покрутил ее в руках.

Наблюдающая за ним Эля снова ухмыльнулась: ах, какой мы нашли отличный дрючок! Уж не собирается ли он бросить в ее форточку бумеранг?

Но бросать бумеранг Данил не собирался. Снова став напротив окна, он повернулся спиной, присел и начал что-то писать, водя палкой по утопанному грунту. Закончив, он встал, отряхнул руки, еще раз взглянул на ее окно и ушел. Эля долго смотрела ему вслед. Нет, он не вернется. Она перевела взгляд на его произведение, но не смогла прочитать. Выйдя из комнаты, она постепенно перешла на бег, летя на улицу. Во дворе — три ряда ровных печатных букв. Он что, писал под линеечку?!

Эля подошла вплотную и стала читать: «Прости меня. Я тебя люблю. Я буду тебя ждать».

Чертов нахал, ему придется поселиться здесь навечно и ждать до скончания века! Эля яростно стирала строчки, шаркая по земле своими резиновыми вьетнамками. Закончив эту процедуру, она убежала к себе и свалилась на кровать лицом вниз.

Слезы опять хлынули у Эли из глаз. Она не может его простить, не может! То, что он сделал, не прощают никогда! Ей ни в коем случае нельзя его прощать, и что ей остается делать? Только реветь! Он написал, что ее любит... Но ведь еще немножко, и она могла бы сказать то же самое! Но он все испортил, и теперь она должна его ненавидеть!

Данил столкнулся в дверях своего номера с уходящим Лагуновым, тот обернулся на упавшего на кровать Давыдова и, решив, что лучше ничего не говорить, вышел. Неужели эта малолетка послала Даню подальше? Леша не мог себе этого представить. Кажется, на свете только одна такая дура, и Давыдов нашел себе именно ее. Он всегда умел выбрать нечто оригинальное!

Вернувшись в гостиницу после посещения пляжа часа через три, Леша застал Давыдова точно в таком же положении: тот сидел на кровати с закрытыми глазами, опираясь спиной о стену. Лагунов беспокоился все больше. Это уже не лезет ни в какие рамки! Он сел рядом.

— Ну что случилось-то, Даня? Пойдем пообедаем, что ли.

— Я не хочу еще, — Давыдов говорил, не открывая глаз. — Иди сам, Леша.

— Тебе что-нибудь принести? Пожужь здесь.

— Не знаю.

Лешка понял, что ничего ему не добиться. И сколько же Данил думает так просидеть? Пока не нужно будет ехать в Киев? Леша вздохнул и решил попытать счастья:

— Да плюнь ты, Даня! Найдешь получше. Свет клином не сошелся! Я познакомлю тебя сегодня кое с кем — в момент развеешься!

— Давай не сегодня, Леша, — серьезно взглянул на него Данил. — Давай завтра, хорошо? Мне нужно сегодня подождать. Просто нужно побыть здесь, понимаешь?

— Ладно, как скажешь.

Леша не понял, о чем речь, но до завтра Давыдов доживет.

И Данил ждал. Он не думал ни о чем, он ничего не хотел, он полностью ушел в это ожидание. За окном стало темнеть, и постепенно его мозги начинали работать. Она не придет. С каждым часом он понимает это все отчетливей. Он может спокойно ложиться спать. Завтра он не пойдет к ней, он найдет себе кого-то другого, он все начнет сначала.

***

Эля пыталась занять себя чем-нибудь, но не могла ни читать, ни убирать, ни крутиться перед зеркалом, придумывая оригинальные сочетания своих нарядов. Ей даже не хотелось есть! Ей хотелось только плакать. Она заставляла себя вспоминать случившийся кошмар и злиться. Конечно, она не пойдет к нему, это невозможно! Но когда сгустились сумерки, и она легла в кровать, она вспомнила уже совсем другое.

У нее ничего уже не болит. А вчера в это время они ехали на катере, и он дрожал от холода, потому что закрыл ее от волны. Как старался он ее порадовать и рассмешить, как поймал специально для нее краба... Ну а как вела себя она? Она смеялась над ним, она пнула его ногой, когда он попытался ей что-то объяснить, но он все равно пришел. А она даже не вышла, даже не посчитала нужным показаться...

Эля снова посмотрела на часы. Вчера он уже был у нее. Он сидел там, где сидит сейчас она. Как хочется ей его увидеть... Если б он сейчас появился, она бы, наверное, просто набросилась на него, только бы снова почувствовать прикосновение этих смелых, уверенных рук... Кажется, она сошла с ума! Она должна презирать его! Но чем больше времени мечется она в своей постели, тем яснее она ощущает, что обижается только на то, что он не спросил у нее разрешения — она бы согласилась. Жаль, что нет вина, она напилась бы снова...

***

На следующее утро Данил понял, что никого себе больше не найдет. Он никого, кроме нее, больше не хочет, никто ему больше не нужен, и он не знает, что ему с этим делать! Данил впервые в жизни почувствовал, что не справляется с собой. Он боится оставаться один. Он не знает, что может случиться, если он окажется в одиночестве, поэтому он ходил за Лагуновым. Он не отставал от него ни на шаг, он

слушал его, он отвлекал себя разговором с Лешкой, лишь бы только не остаться наедине со своей беспомощностью.

И, конечно, Леша все прекрасно видел: Давыдов не знает, в какую сторону кинуться. Лешка решил его отвлечь, хотя вовсе не рассчитывал на то, что Данил моментально переключится на тех смазливых телочек, которых Лагунов присмотрел на пляже, и которые сегодня ждут их с Даней у себя в номере. Он думал, что Давыдов, немного выпив, расслабится, отдохнет, чтобы потом собраться с мыслями и что-то придумать.

И Лешка повел своего дружка на типичную вечеринку с крепкими напитками, гитарой, веселыми девочками и после первой же рюмки понял, что совершил большую ошибку.

Данил уже два дня почти ничего не ел, и порция водки сразу же ударила ему в голову. Он стал пристально разглядывать сидящих напротив него девок, о чем-то весело трещащих с Лагуновым и томно косившихся в сторону Давыдова. Он налил себе еще, выпил, и на его лице появилась презрительная улыбка.

Эти девицы казались Данилу не то что некрасивыми, а какими-то ненастоящими, какой-то кривляющейся пародией. Эти разноцветные веки, кудрявые волосы, крашенные губы, сигареты в пальцах с красными ногтями... Эти круглые колени и бесформенные икры, которые они выставляли так, будто считали, что у них красивые ноги.

Наблюдающий за Данилом Лешка схватил гитару. Он немного отвлек явно скучающих девчонок, хотя и пел сегодня отвратительно. Он забывал слова и путал аккорды, но это мало Лешу беспокоило. С Давыдовым все ему было понятно: его корешок, ни слова ни говоря, методически надирается. Даня ничего не ест, но, едва успев принять очередную дозу, наливает себе следующую. Он даже никому больше не предлагает. И пить ему больше нельзя — это хорошо Лешке известно: Давыдов уже давно исчерпал свои возможности.

Кое-как закончив этот чудесный вечер, Лешка потащил Данила в их номер, и тот уже по дороге распустил сопли. Он жаловался Лешке на свою несчастную судьбу и разбитую жизнь и, обливаясь слезами, клялся в неземной любви к своему божественному созданию, с которым сделал что-то такое, чего Леша и представить себе не может.

Хорошо, что Леше нужно было переть Давыдова вниз и всего на один этаж. Лешка волоком втащил его в дверь, дотянул до кровати и

разместил на ней в горизонтальном положении. Сидеть Давыдов все равно не мог и, слава богу, уже заткнулся.

Лешка посмотрел на это несчастное существо. Ему будет плохо. С ним всегда так случается, стоит ему перебрать лишний грамм, а от сегодняшней дозы отъехал бы, наверное, и сам железный Лагунов. А завтра Давыдов начнет все сначала — это уже ясно: так просто он не вылечится.

Лешка отлично помнил, как помог ему Данил с Натахой, и вообще, каким Даня был другом. Как притащил он Лагунова сюда с собой в это шикарное место и устроил Наташкин приезд. А Лешка? Почему он не может сделать для него то же самое? Почему бы не попытаться — от Лагунова же не убудет!

И Леша пошел к той малолетке. Он знал, где она живет, Данил рассказывал об этом в тот самый первый день, когда они с Наташкой не хотели его слушать. Но Лагунов запомнил, сразу же обратив внимание на его подозрительное поведение.

По дороге Лешка старался придумать выражения, состоящие не более чем из трех простейших слов. Девчонка сразу показалась Лагунову недалеким созданием, а теперь он окончательно убедился в ее слаборазвитости. Это же какой надо иметь ум, чтобы, учитывая собственные внешние параметры, послать на хрен самого Давыдова. Мало того — по уши влюбленного Давыдова! Правда, Даня говорил, он что-то там такое с ней сделал, но максимум, что он мог сделать — это лишить ее невинности. Ну не сломал же он ей руку! И теперь Лешке нужно как-то поместить в эти рыбки мозги идею о том, что Даня сильно об этом переживает, и что пора бы ей с ним помириться.

Эля стояла на кухне и жарила картошку. Ей не хочется есть, но это хотя бы убивает время... Она не думает о нем. Но о нем думают ее внутренности, которые обрываются при каждом шорохе, и ее губы, которые шепчут его имя. Что это? Ей опять показалось?.. Нет, это стук в дверь!

Когда она появилась на пороге, Лешка подумал, что она довольно-таки миленькая, хотя, конечно, не настолько, чтобы его шикарный Даня проливал из-за нее слезы.

Эля не знала, что и предположить. Он что, подослал сюда своего приятеля?

«Кажется, она меня не узнает», — подумал Лешка.

— Привет! — торжественно сказал он. — Я Леша! Друг Данила!

— Не кричи, я не глухая. Я тебя помню. Чего надо?

— Можно зайти? Спасибо, — скользнул Леша в двери, не дожидаясь высочайшего соизволения. — Не говори, что я приходил.

— Кому?

— Давыдову, конечно! Если ты ему скажешь — все, добьешь окончательно.

Эля пока мало что понимала, но это уже было интересно.

— Хорошо, — сказала она, — пойдем наверх, я как раз пожарила картошку, только возьми тарелки с буфета.

Когда они уже сидели в ее комнате, разложив ужин по тарелкам, Лешка, с удовольствием уплетая свое любимое лакомство, решил продолжить, сказав, что хоть и не в курсе, что у них случилось, но не сомневается в том, что им необходимо встретиться.

Эля ничего не ела. Она во все глаза смотрела на его большие жилистые руки, на черные густые волосы и немного заросшее, небритое лицо. Как похож он на Золтана, даже по манере разговора! И Леша — лучший друг Данила. Ну а почему она не может с ним посоветоваться? Спросить у него прямо о том, что ее интересует. У Эли второго такого шанса не будет, и пускай Леша думает о ней, что хочет!

— А ты серьезно не знаешь, что было? — начала Эля. — Разве он тебе об этом не рассказывал?

— Конечно, не знаю, раз говорю! Он что, тебя обокрал или что-то сломал тебе? Видишь, нет! Просто влюбился в тебя, что тут особенного? — Лешка улыбался, чувствуя, что она все же способна к двустороннему общению.

— Да?.. — задумалась Эля. — А мне кажется, совсем наоборот!

— Да ты что, радость моя?! Ты б видела его часок назад! Весь наш этаж затопил!

— Как это?..

— Ну как? Ревел белугой и руки обещал на себя наложить, если ты его не простишь. До сих пор откачать не могут!

Эля махнула рукой:

— Все это неправда, но мне все равно. Я хочу у тебя кое о чем спросить, — она опустила глаза. — Только не подумай, что я... просто

спросить не у кого больше, понимаешь? В общем, тоже никому не рассказывай, хорошо?

— Лады. Валяй, спрашивай.

Еще немного поколебавшись, Эля собралась с духом и, уставившись Лешке прямо в глаза, уверенным тоном сказала:

— У меня это было в первый раз. Ну ты понял что, да? Мне было очень-очень больно. И что, так будет всегда?

Лешка был поражен. Это что, единственное, что ее беспокоит? И чего же он столько времени потратил?

— Конечно, нет! — обрадовался Лагунов. — Сперва всем больно, а ты как думала? Зато уж потом — не пожалеешь! Лучше Давыдова в этом плане я никого не знаю! — гордо сообщил Лешка. — Ну, по рассказам, конечно!

— Хорошо, — сказала Эля тоном экзаменатора. — Он хочет меня видеть?

— Тьфу ты, черт! Сколько же можно повторять! Конечно, хочет!

— Ну, пойдём тогда!

Лагунов растерялся: результат сильно превзошел все его ожидания, и теперь надо было выкручиваться.

— Нет, знаешь... давай не сейчас! Он устал. Наверное... — Лешка почувствовал, что говорит ерунду, и решил сказать правду: — В общем, ему сейчас не до этого! Он нажрался как свинья.

— Напился? — удивилась Эля и вдруг весело рассмеялась: — Так его откачивают на самом деле?

— О-ой, не то слово! — подкатил Лешка глаза.

— Бедняга... — сочувственно прошептала Элина. Она помнила, как напивался Золтан. Ингрида ругала его отборными словами и закрывала в ванной. А Эля всегда его жалела. Она крутилась вокруг брата, стараясь чем-нибудь помочь. Но помочь почти невозможно, это она точно знает.

— Ладно, — сказала она, — я приду завтра. Вечером. Только не говори ему, хорошо?

— Заметано! Ну пока, что ли? Я пошел. Не подведи уж меня, Леннон!

Эля засмеялась, пожимая на прощание его сильную руку. Она все еще улыбалась, когда за Лешкой закрылась дверь. Какой отличный парень! И как здорово, наверное, иметь такого друга. Но ему не

обязательно было идти в такую даль среди ночи. Она завтра пришла бы сама! Теперь уже она это понимает. Ей нужно его увидеть, а дальше они как-нибудь разберутся. Лешка ведь обещал, что все будет хорошо!

***

Данил сел на кровати, спустив ноги на пол. За окном уже день, наверное, часов одиннадцать, может, двенадцать... И последнее, что может он вспомнить — двух телок с симпатичными рожами, сидящих напротив него с вылупленными глазами.

Сейчас он мог смотреть только на выключатель, находящийся на противоположной стене прямо перед ним. Данил скосил глаза на тазик, торчащий из-под его кровати, но тут же снова перевел взгляд в прежнее положение: его повело так, будто он крутанулся на центрифуге. Ох, как ненавидит он эти свои любимые «вертолеты»! В ванной течет вода. Видимо, там сейчас Лагунов, но дверь туда открыта. Это хорошо. Уже через секунду он влетел туда, проскочив мимо Лешки, и едва успел наклониться над унитазом, освобождаясь от выпитой накануне горькой гадости. Лагунов, продолжая что-то мыть в раковине, наставительным голосом сказал:

— А-а, говорила тебе мамочка, не пей из свиного копытца!

Данилу стало еще хуже. Он послал Лешке в ответ только одно коротенькое словечко и стал давиться снова.

Лагунов закрутил кран и ушел в комнату, а несчастный Давыдов еще долго отплеывался в ванной, матерясь на все лады — ему уже явно полегчало, но, кажется, это было еще не все, и лучший друг решил ему помочь. Открыв дверь в давыдовский кабинет, Лешка невинно спросил:

— Ну че, Даня, завтракать идем? Там каша манная как раз, твоя любимая!

Это действительно сработало моментально: желудок Давыдова освободился окончательно, и, спустив воду, Данил потащился в душ.

Лешка собирался в столовую, и когда он уже подошел к двери, выползший из ванной Даня сказал:

— Постой, Леха, я с тобой пойду!

— Ну ты силен, брат!..

— Нет, есть я, конечно, не буду. Просто проветрюсь слегка.

Лешка пожал плечами: все ясно. Продолжаются его вчерашние мучения с этим несчастным влюбленным. Но сегодня, бог даст,

страдать Лешке недолго.

Эля встала очень рано: она не могла долго валяться, и ей нужно было чем-то сейчас отвлечься. Ну почему она сказала, что придет вечером? Теперь надо как-то потратить это время, так медленно ползущее. А когда наступает вечер? В три часа еще день, а вот в четыре — уже, наверное, вечер. Она пойдет к нему в четыре часа!

И без четверти четыре Эля уже выскочила на улицу. Но шла она слишком уж быстро, а раньше времени прийти ей тоже не хотелось.

Вдруг она резко замедлила шаг. Что она скажет, когда появится? Как они начнут разговор? Ей нужно ведь будет как-то к нему обратиться. Она знает как! Она знает, от чего он не откажется сейчас ни под каким предлогом. Эля свернула с дороги и побежала в продуктовый магазин.

Лешка вышел из комнаты, отправившись на поиски шахмат, в которые неожиданно предложил сыграть вместо вечернего посещения пляжа, а Данилу было вообще все равно, чем заниматься. Он лег на кровать и закрыл глаза. Лешки нет, наверное, всего минуту, а он уже снова думает только о ней...

Когда Элина вошла в комнату, Данил так и лежал неподвижно, не реагируя на звук закрывшейся двери. Сразу было видно, что он недавно перебрал: он был совсем бледный. Ей очень хотелось пожалеть его, погладить по голове, сказать что-то веселое, как когда-то Золтану. Но это не ее брат! Она должна делать не то, что ей хочется, а вести себя очень сдержанно. Тогда Данил снова станет за ней ухаживать, и теперь уже она готова ему ответить, только бы не повторились эти последние два дня ужасных мучений.

Она подошла к столу и взяла консервный ключ. При звуке открывающейся бутылки Давыдов моментально оживился и сел на кровати.

Эля стояла прямо перед ним, улыбалась и протягивала спасительную газировку. Судорожно глотнув, Данил покорно взял бутылку и, растерянно глядя по сторонам, стал переливать ее содержимое в свое пересохшее горло.

Она села напротив, на Лешкиной кровати, и беспокоилась все больше. Похоже, он ее не видит или просто боится на нее посмотреть. Либо он Элю не узнает, либо она ему уже не нравится, либо он вообще допился «до чертиков».

Закончив наконец процесс тушения пожара, Давыдов поставил бутылку на стол, замер, глядя в пол, а потом вдруг приподнялся, приблизился к ней и, взяв за руку, присел на корточки.

— Прости меня, прости, пожалуйста! — запричитал он молитвенным голосом. — Я больше никогда такого не сделаю, я вообще тебя трогать не буду, честное слово, только... не прогоняй меня, я просто буду рядом с тобой, хочешь? Можно?

Эля кивнула, пожимая при этом плечами. Вот это сюрприз! Она с таким трудом приняла это решение, она столько проплакала перед тем, как прийти сюда и упасть в его пылкие объятия, и что же в итоге? Он вообще не будет ее трогать?

Но она быстро собралась с мыслями. Ладно, для начала пускай себе за ней ходит, а потом она что-нибудь придумает, или он сам обретет способность соображать, и до него дойдет, что она пришла сюда вовсе не для того, чтобы прогнать его из его же комнаты.

Однако по мере того, как шло время, и они ели, разговаривали, гуляли по городу, Эля все больше теряла терпение. Она шипела на него, стараясь задеть ехидными фразами, а он только пришибленно улыбался в ответ. Она шла очень близко и почти касалась его, но он не собирался даже взять ее за руку. Она забежала вперед, поворачивалась к нему лицом и откровенно строила глазки, но он только скромно отводил взгляд.

Уже начало темнеть, и Эля отчаивалась. Теперь он просто не спеша шел в направлении ее дома, вообще уткнувшись взором в камни и держа руки в своих любимых карманах. Нервы Элины были на пределе: она вот-вот заплачет! Это уже ни на что не похоже. Ей нужно срочно что-то придумать, пока они еще далеко от дома. Когда придут — будет уже поздно. Но что сделать? Испугаться чего-нибудь и кинуться к нему? У нее может сейчас не получиться натурально это изобразить, а к тому же, от чего можно шарахнуться? Он подумает, что Эля окончательно сошла с ума. Сейчас она просто остановится и разревется, она больше этого не выдержит!.. Внезапно ее нога соскользнула с гладкого камня, Эля потеряла равновесие и уселась посреди дороги.

— Черт!..

Данил обернулся. Это было то, что Эле нужно! Ну, куда он теперь денется? Ему надо будет Эле помочь, а уж она-то сможет прикинуться

немоцной, она и так сейчас начнет плакать.

— Ты что, ногу подвернула?

— Да, кажется... — у нее уже дрожал голос!

— Ну-ка, поднимайся, — он взял ее за плечо и осторожно помог встать. — Можешь идти?

— Не знаю...

Ей абсолютно не было больно, но, сделав шаг, она снова вскрикнула, и Данил крепко ухватил ее за плечи, чтобы она снова не упала.

Если Давыдов умел врать, то Элина не врала никогда. Она сама твердо верила в то, что пыталась внушить кому-то. Ей стоило только убедить себя, что это сущая правда, и в это верили все остальные. Даже если уже потом притворяться было бессмысленно, она не признавалась никогда, она бы скорее умерла, чем поменяла свою позицию.

А сейчас — тем более. Повиснув на его руках, она почувствовала себя такой несчастной и обессиленной; ей уже и в самом деле казалось, что она не в состоянии наступить на свою бедную ножку.

Данилу были хорошо известны травмы подобного рода. Растяжение связок — бич всех спортсменов. Сначала ничего не заметно, просто очень больно наступать на ногу, и надо прикладывать холод, чтобы не было сильного отека. Но на следующий день нога обязательно опухнет, и щиколотка посинеет. Тогда уже можно ее бинтовать и греть, пока не пройдет. Но что ему делать сейчас? До ее дома слишком далеко, придется тащить Элю к себе. Ближе всего — в деревянный домик. И опять начинаются эти случайности! Он же и так с трудом борется со своими чувствами, а сейчас он должен ее нести. Но делать нечего — он подхватил ее под колени и стал возвращаться назад.

Она нежно обвила руками его шею. Как же Эле удобно! Он нес ее лучше, чем носил когда-то Золтан. Она вообще не чувствовала веса своего тела, она не висела, а лежала на его заботливых теплых руках. Ей так сильно захотелось прижаться к его гладкой щеке... Но он вообще не смотрит на нее!

Данил шел довольно быстро, однако она не слышала, чтобы он стал тяжелее дышать. Его губы были плотно сжаты, и взгляд очень сосредоточен.

Внезапно Эля обнаружила, что они движутся не к гостинице, а куда-то к берегу. Неужели этот ненормальный решил доставить ее к врачу?!

— Куда ты идешь? Я не хочу в медпункт!

— Не волнуйся, мы уже пришли. Постой немножко.

Опустив ее ноги на траву, Данил обошел домик и извлек ключи из тайника — ямки, вырытой под стенкой изобретательным Лагуновым.

Эля осмотрелась, уже сидя на кровати, не забывая сохранять на лице страдальческое выражение.

— Ну и куда это мы пришли? В изолятор?

— Нет, это мой домик, — Данил взял с другой кровати подушку и положил ей в ноги. — Сними обувь.

Она кусала губы, но сдержать слез досады уже не могла. Чертов докторишка! Похоже, ей долго еще придется разыгрывать умирающую.

— Ну, не плачь! Не плачь, пожалуйста, потерпи!

Он сел рядом и взял ее ногу двумя руками: за голень и за стопу. Осторожно положив ее на подушку, он на мгновение задержал руки, но тут же их одернул и, опустив глаза, сказал:

— Посиди так. Я принесу лед.

Данил быстро встал и ушел из домика. Ни в чем не повинная подушка полетела ему вслед и хлестко шлепнулась в закрытую дверь:

— Козел!

Эля уже не плакала. У нее все кипело внутри! Но, немного посидев и успокоившись, она встала, подняла несчастную подушку и придала ей прежнее положение. Ладно, выбирать уже не приходится! Она продолжит свой спектакль, просто нужно выбрать момент и намекнуть ему, что ничто так не помогает в подобных случаях, как небольшой поцелуйчик в губы травмированного пациента.

Давыдов вскоре появился, держа в руке два куска льда, завернутых в вафельное полотенце. Он снова сел к ней на кровать.

— Вот видишь, так легче! — сказал он, заметив, что ее слезы уже высохли. — Сейчас вообще пройдет. Почти...

Данил положил на ее голень холодное полотенце. Ну куда он должен смотреть? Его взгляд наткнулся на ее смуглые маленькие пальчики. Мизинец казался совсем крошечным и слегка

оттопыренным. Он закрыл глаза, пытаясь восстановить дыхание, но это уже было бесполезно.

Данил накрыл ладонью ее теплую стопу, полотенце соскользнуло на кровать. Он ее не выпустит, он не может с этим бороться. Он коснулся губами кожи ее голени. Сейчас Эля ударит его снова... Но вдруг он почувствовал, как ее нежные руки дотронулись до его волос.

Давыдов резко поднял голову. Она улыбалась. Она простила его, она его не оттолкнет, и он сделает все, чтобы исправить свою ошибку, чтобы изменить ее первое впечатление! Он пересел к ней ближе и, бережно уложив на подушку, стал мягко и нежно целовать ее напряженные губы, горячие уши и вздрагивающую бархатную шею.

Как же хорошо сейчас Эле было... но когда она вспоминала о том, что ждет ее впереди, ей становилось страшновато.

— Не бойся, маленькая, такого уже не будет, — будто прочитав ее мысли, тихонько прошептал он ей на ухо.

Данил десять раз перегорел и передержался, он ужасно намучился, но он дождался того момента, когда она уже сама, хватая губами его лицо, расстегнула пуговицы на его рубашке и скользнула ладонями по спине. Но как только он коснулся ее бедер, Эля непроизвольно сжала ноги.

— Не надо, не надо бояться! — улыбнулся ей Данил. — Тебе не будет больно, я очень постараюсь. Только нужно расслабиться, иначе ничего не получится.

— Хорошо, — выдохнула Эля, несмело раскрывая стиснутые бедра. — Но только я буду смотреть!

— Конечно.

Данил выпрямил руки, открывая ей всю панораму, и застонал при первом же своем движении: с таким узким тазом и упругими тканями ей недолго придется наблюдать.

Эля морщилась, хотя это была уже совсем другая боль: не такая резкая и сильная, но все равно очень неприятное ощущение чего-то жесткого и чужеродного. Впрочем, и Данил делал сейчас совсем другое: он едва заметно двигался, удерживая свой вес на прямых руках.

Она быстро освоилась с его обнаженным видом, а в самом конце вообще развеселилась, глядя на тоненькие белые струйки, устроившие лужу на ее животе. Она догадалась, конечно, зачем он так сделал, и

была весьма ему благодарна: превратиться в школьницу в растущим животом — последнее, чего она хотела бы в этой жизни!

— Ну что, лучше? — спросил Давыдов, садясь на кровати и поднимая ее к себе.

Эля улыбалась. У нее горели щеки. Она обняла его за шею, кивнула и весело сказала:

— Я даже забыла, что у меня болит нога.

— Да! — повернулся Данил к вафельному полотенцу. — Лед весь растаял. Ладно, ты постарайся лежать так, чтобы ножка была выше. Вот — на подушке, хорошо?

— Хорошо, хорошо, — махнула она рукой. — Знаешь, я так устала. Можно я буду спать?

И она снова легла, моментально закрыв глаза.

Данил совершенно не ожидал такого финала. Меньше всего ему сейчас хотелось спать. Он настроился подольше с ней повозиться и, может быть, удалить в конце концов эту футболку, скрывающую много важных деталей.

— Что ты сидишь? — спросила Эля, явно уже явно отключаясь и лишь слегка приоткрыв свои нахальные глаза. — А, у тебя же нет подушки. Возьми эту, мне все равно так неудобно.

Она подтолкнула ногой подушку и повернулась к стене, приняв позу, красноречиво указывающую Давыдову, что его местечко — на соседней кровати. Ему больше ничего не оставалось: он взял подушку и лег спать. Но уснуть он, конечно, не мог. Он без конца поднимал голову и смотрел на мирно спящую Элину, как бы желая убедиться в том, что все случившееся — реальность, а не плод его воспаленной фантазии... Ему очень хотелось перебраться к ней и как следует ее изучить, но он понимал, что, проснувшись, она, скорее всего, снова начнет возмущаться. Нет уж, пускай все так и остается, лишь бы не хуже!

Чем ближе к рассвету — тем сильнее Данилу хотелось есть. Он ничего не ел почти целый день, и к тому же расход энергии был весьма ощутим. В последние часы перед открытием столовой он уже проклинал тот день, когда с Элей познакомился. Как можно так спокойно дрыхнуть всю ночь после того, что произошло? Это ж какую нужно иметь нервную систему!

Он уже принес воды и умылся, но его спящая красавица еще не изволила пошевелиться. Данил посетил наконец столовую, захватив оттуда парочку бутербродов для своей раненой козочки. Кстати, насчет ее травмы у Давыдова уже возникли кое-какие подозрения.

Осторожно, стараясь не шуметь, Данил вошел в домик и открыл дверь в комнату. Он был уже совсем в другом настроении, и то, что она еще спит, было замечательно. Ему нужно кое-что выяснить. Положив бутерброды на тумбочку, он сел к ней на кровать и отогнул простыню, укрывающую ее ноги. Конечно! Никакого намека на растяжение связок, нет даже легчайшей отечности. Та же гладкая смуглая щиколотка с выпирающими хорошенькими косточками, вокруг которой Данил с большим запасом сомкнул пальцы. Но какая актриса! Она же натуральным образом проливали слезы. В любом случае, Данил ей за это очень благодарен, и сейчас уже не хочет об этом думать.

В лучах утреннего солнца, проникающих сквозь большое окно, ее теплые расслабленные ноги отливали матовым блеском, и казалось, эта гладкая кожа светится сама. Его рука скользнула по тонкой голени с удлинено-выпуклой мышцей, сейчас совершенно мягкой. Когда его осторожная ладонь, пройдя колено, двинулась уже по бедру, Данил взглянул на ее лицо и засмеялся. Она уже проснулась и, приподнявшись на локте, хлопала глазами и жевала бутерброд.

Эля заговорила так, будто они вообще не прерывали разговор:

— Слушай, — она проглотила последний кусок и отряхнула руки, — а если узнает твоя Анжела?

— Кто?! — Давыдов даже выпрямился от неожиданности. — Ты что, думаешь, что с будущей женой можно познакомиться только в автобусе? А если на берегу морском, как тебе?

Эля приготовилась засмеяться, но внезапно переменялась в лице, подняв тонкие брови и сощурился глаза.

— А-а, я вспомнила! Я вспомнила, о чем хотела тебя спросить! Откуда ты знаешь про велосипедиста на катамаране?

— Какого велосипедиста? А ну-ка, ну-ка! — попытался Давыдов уйти в сторону, однако безуспешно.

— Нет, нет, не надо выкручиваться! Я все помню. Ты сказал, что ты — не мальчик на велосипеде, когда орал на меня перед этими своими танцами!

— Ну... я просто так сказал. Обычно на водных велосипедах катается всякая шпана.

Но Эля кивала с гримасой, показывающей, что она ему не верит.

— Да и потом... — с равнодушным видом сказал Данил, — вы так громко разговаривали.

— Подлый шпион! — она повалила Давыдова на спину, сомкнув пальцы на его шее.

— Я больше не буду!

— Хорошо! Я тебя прощаю, — она отпустила его, но сама не поднималась, оставаясь лежать на его груди.

— А я не чувствую! — стал расходиться Данил, и Эля, вздохнув, опустила голову и начала целовать его губы точно так, как вчера целовал ее он. Данил обнимал ее все крепче, стараясь поймать ее ускользающий язычок.

Вдруг Эля, как будто снова что-то вспомнив, повернула голову и взялась за простыню, укрывающую его бедра. Она стала так медленно ее приподнимать и так осторожно под нее заглядывать, словно боялась, что оттуда вылетит пойманная бабочка.

Данил понял ее намерения и снял плавки.

— Он что, все время у тебя в таком состоянии? — заинтересованно спросила Эля.

Давыдов стал нервно хихикать:

— Ну, в последние дни, по крайней мере...

— Правда?! А можно мне потрогать? — она невинно взглянула в его блаженно улыбающееся лицо.

— Думаю, нужно.

Он помог ее неуверенной руке достичь желаемого объекта, и Эля довольно долго, пристально и с явным подозрением его изучала, доводя Данила до состояния прострации.

— Н-да, — сделала она наконец заключение. — Штука ничего себе, — и, секунду подумав, спросила: — У всех такая?

— Приблизительно... — засмеялся Давыдов: малышка, кажется, далеко пойдет, нельзя спускать с нее глаз. — Ну что? Теперь моя очередь? Теперь я на тебя посмотрю, хорошо?

Эля неуверенно пожала плечами, сморщив тонкий носик, и Давыдов стянул с нее футболку.

— Боже...

— Ну вот, опять что-то не так! — Эля потянула на себя простыню, но Данил моментально ее сдернул.

— Не так?!

У него остановилось дыхание. Эля лежала на спине, а он не решался опустить руки на этот вогнутый гладкий живот с крылышками закругленных ребер, образующих легкую ступеньку по его верхнему краю. Она действительно не загорала, и нет никаких следов от купальника — тот же смуглый, золотистый цвет кожи ее груди. Она вся кажется какой-то цельной, литой, с плавно перетекающими друг в друга отшлифованными формами.

— С ума сойти... — прошептал Давыдов одними губами и опустил к ней лицо, вдыхая ее невероятный аромат, мгновенно подчинивший себе все его мысли и желания, всю его волю, все его существо.

Глава 5

Глава 5

Если до сих пор Данил мог еще собою владеть, сдерживать свои чувства и подчиняться собственному рассудку, то с момента, когда он впервые увидел Элину без одежды, его тело просто отделилось от разума. В эти первые несколько дней он не мог думать больше ни о чем. Он вообще потерял счет времени. За временем следила Эля. Она знала, когда нужно идти есть, когда спать, какой сегодня день и который час.

У Данила все мысли были направлены только на то, как, где и когда это произойдет опять. Они шли в кафе, он держал ее за руку и думал только об этом. Они сидели за столом, он касался ее колена и думал только об этом. О ее тонкой велюровой шейке, о ее маленьких, круглых, упругих грудках с крошечными темными сосочками, которые превращались в жесткие коричневые пуговицы от легкого прикосновения. Об этом компактном задике, свободно размещавшемся в его ладонях. Он просто дурел от ее вида со спины: от этого контрастного сочетания черных волос и нежного пушка на смуглой коже, который спирально закручивался в холке.

Данил знал, что ей тяжело выдерживать такие порции его неконтролируемой страсти. Она жаловалась, что у нее все болит до самого желудка, что она уже ходит как циркуль, и скоро на нее начнут оборачиваться. Она каждый раз просила его этого не делать и дать ей немножко отдохнуть. Рассудком он и сам понимал, что тоже изматывается и долго так не протянет. Ему тоже нужен перерыв, но ему казалось, что его организм сам себя сжигает, и закончится все только тогда, когда Данил свалится замертво.

Последние остатки его воли уходили на то, чтобы вовремя прервать этот стихийно протекающий процесс. Но ему никогда еще не было так сложно это делать.

Однажды Данил попытался использовать презерватив, но ей, видите ли, трет, и вообще он сразу показался ей каким-то подозрительным. Впрочем, он тоже терпеть не мог резинки. Данил

пробовал как-то распределять силы, но у него не получалось, и каждый раз он довольно быстро доходил до полного завершения действия. И если бы не хотелось есть, то он, наверное, вообще не выходил бы из домика и ее не выпускал тоже.

В столовой она сама ставила ему на поднос все, что попадалось под руку, видя, что Данил всю еду успешно уничтожает, почти не глядя в тарелки. Он все время держал в поле зрения Элю, все время к ней прикасался и все время ее хотел.

Элю же происходящее просто поражало. Неужели мужчинам это нужно так часто? Почти постоянно? Нет. Ведь раньше они могли целый день гулять, разговаривать, кататься на катере. А теперь — какой там катер! Данил не хочет и слышать о том, чтобы пойти в город. Похоже, он вообще уже забыл о существовании еще чего-либо, кроме ее голого зада! Что бы она ни придумала, надеясь его отвлечь, это всегда заканчивается одинаково: он говорит, что краше ее нет никого на свете, что она создана специально для него, и начинает обцеловывать ее с ног до головы.

Каждый день готовил Эле все новые и новые открытия. Сначала она думала, что мужчина способен этим заниматься только в темное время суток. Разве можно было предположить, что он будет делать это утром, днем, вечером, ночью и вообще, когда ему в очередной раз вздумается. Кроме того, Эля считала, что как только он удовлетворится, он должен поцеловать ее в щеку, отвернуться и сразу захрапеть. Когда он после того, как устроил очередной потоп на ее животе, стал тут же опять к ней приставать — она подумала, что он просто безмерно ей благодарен и хочет это выразить. Она была потрясена, когда обнаружила, что через каких-нибудь десять минут он вернулся в исходное состояние и начинает все сначала. Конечно, ей не было уже больно, но она боялась, что у нее там образуются мозоли.

Он не хотел уходить на другую кровать, когда Эля наконец леглась спать. Ему нужно было валяться с ней в обнимку, прижимаясь всеми возможными частями тела. Но ей так было совсем не удобно! Они не помещались вдвоем на узкой панцирной сетке, которая, к тому же, слишком под ними прогибалась и раскачивалась от его активных движений. Просто сдвинуть кровати вместе он тоже не хотел — между ними, видите ли, сохранялась изрядная дыра. Этот маньяк придумал другой выход: снял с петель широкую дверь,

отгораживающую комнату в домике от небольшого «предбанника», положил под сетку, и теперь можно было вполне сносно разместиться на получившемся более удобном и жестком ложе.

Но прошло еще несколько дней, и Эля все чаще чувствовала, что втягивается в происходящее сама и привыкает к тому, что Данил постоянно рядом. К тому же он все-таки немного ослабил режим. Он стал делать ощутимые перерывы, иногда довольно долго ее не трогал, а однажды, к ее великой радости, торжественно объявил, что сегодня у нее выходной, и они отправляются кататься на катере.

***

... Давыдов сел на кровати и достал из тумбочки пачку сигарет. Он не курил уже несколько дней! Он, кажется, вообще забыл, что порядком покуривает еще лет с тринадцати. Если кто-то хочет бросить — Данил знает отличный способ!

Он щелкнул зажигалкой и втянул в себя дым. Кажется, он начинает приходить в себя и замечать окружающий мир. У него никогда в жизни не было подобных отношений с женщиной в таких диких количествах, а она ему нравится точно так же, как неделю назад. И у него еще все впереди: теперь он сможет немного переключиться на изучение жизнедеятельности этого шустрого, вечно недовольного, но послушного ему организма. И, конечно, он серьезно займется выяснением секретов относительно ее прошлой жизни, в которую у Данила пока что нет разрешения на вход. Пока что!.. Он не будет спешить, у него еще есть время. Еще целый месяц, а потом будет видно. Месяц — это много, все может произойти. Например, она ему надоест.

Эля вошла в комнату и села напротив, внимательно уставившись на курящего Давыдова.

— Что, хочешь попробовать? — спросил он, прищуривая глаза и улыбаясь.

— Думаешь, я не пробовала?

— Ну и как?

— Нормально. Никак, — пожала она плечами.

— На! — Данил протянул ей сигарету, поднес зажигалку, и она стала раскуривать.

Но как она это делала! Данил не смог сдержать смех. Она действительно умела курить, а ее манеры при этом мало чем

отличались от курящих у пивнушки алкашей. Опираясь локтями на расставленные ноги, она одной рукой подпирала голову, а другой подносила сигарету ко рту, держа ее большим и указательным пальцами. Хорошо хоть, она неглубоко затягивалась. Потом она выпускала дым вбок, через зубы. Данилу показалось, что сейчас она сплюнет на пол и произнесет какое-нибудь характерное крутое словосочетание. Она похожа на упившегося Лагунова!

— Ну что ты все ржешь? — вздохнула Эля.

— Где ты этому научилась?!

— Не знаю... Все так курят...

— И кто эти «все», интересно? — перестал Данил смеяться.

— Мой брат, — она как-то сразу опустила глаза, — его друзья... — совсем тихо сказала Эля, потушив сигарету о край стеклянной пепельницы.

Данил понял, что вплотную подошел к ее секретной теме, и, привстав, взял Элю за руку, усадил к себе на колени и убрал назад пушистые волосы.

— Ты замечательно куришь, — поцеловал он ее в губы, — но больше ты курить не будешь!

— Чего это? — буркнула она, хмуро взглянув на Давыдова.

— С тобой невозможно целоваться!

Эля засмеялась, разрядив обстановку, и они начали собираться в путь. Именно с этой прогулки Данил стал понимать, что Эля не сможет ему надоесть, даже если будет стараться. Ему нравилось абсолютно все, что она делала: как она шла, подсакивая и обгоняя его, как поднимала тонкие брови, удивляясь очередному рассказу, как уплетала свое любимое мороженое и тяжело вздыхала, когда заканчивалась первая порция, как она чихала в свое удовольствие, не считая нужным как-то сдерживаться. Каждый ее жест, каждая фраза вызывали у Данила какое-то тупое умиление, и он чувствовал, что влюбляется в нее еще больше. Он постоянно что-нибудь придумывал только для того, чтобы посмотреть, как она будет реагировать.

И сейчас Данил наблюдал, как Эля кормит чаек, стайей летящих вслед за их катером. Перед тем, как бросить за борт очередной кусок хлеба, она бегло его осматривала, и, если он казался ей чересчур большим, она откусывала лишнее. К концу экскурсии как минимум треть буханки осела в ее безразмерных внутренностях.

Когда катер уже возвращался, Эля решила поделиться с Давыдовым своим открытием:

— Знаешь, почему чайки хватают хлеб на лету? — серьезно спросила она улыбающегося Давыдова.

— Интересно, почему же?

— Так вкуснее. Ну представь себе: мокрая булка — такая гадость!

— Ты!.. Булка моя... — Данил прижал ее к стенке, отгораживающей салон от палубы. Он стал целовать ее так, будто решил проглотить.

— С ума сошел!.. — отпихивалась Эля. — Все же смотрят! Перестань, ну!..

— Пускай посмотрят... — прошептал он и еще сильнее стиснул ее в объятиях. — Завидуют, наверное.

Эля отвела лицо и скосила на него подозрительный взгляд:

— Кому завидуют?

— Мне, конечно! Ладно, — Данил выпрямился и немного ослабил тиски. — Но сейчас мы поедем домой.

— А сегодня выходной, между прочим, — ехидно сказала Эля.

— Нет, ну совсем уж наглеть-то не надо! Хочешь, пойдем в гостиницу?

— Да, хочу. Только помоемся в душе и сразу оттуда уйдем. Хорошо?

— Как хочешь. А почему? — Данил снова улыбался, ожидая новый сюрприз.

— У вас там тараканы. Я уже видела! — она изобразила омерзение на лице.

— Ясно. Ты боишься тараканов.

— Нет, конечно, не боюсь. Я их просто ненавижу! — гневно сверкнула своими черными глазами любительница домашних животных.

— А там, где ты живешь, нет тараканов?

— Нет. Они чувствуют, гады, как я их ненавижу, и не заводятся. Не рискуют!

Данил уже не мог смеяться. Он просто посмотрел вверх и развел руками. Ну как можно в нее не влюбиться? Как она может надоест? Когда они пришли в гостиницу и Эля закрылась в ванной, в комнату

вошел Лагунов, а с ним Ира, та самая Анжелкина подруга с красным маникюром.

— Бо-ог ты мой, кого я вижу! — Лешка вытаращил глаза и расставил руки так, будто приготовился с Давыдовым обниматься. — Я уж и не надеялся. Ты уже женился, Даня?

— Еще нет.

Данил был очень рад его видеть. Он и сам соскучился. Лешка сел на кровать, взял гитару и усадил рядом с собой цветущую от радости Ирку.

— Любовь нечаянно нагрянет... — пробежал он по струнам. — Скажи, Дань?

— Скажу, — смеялся Данил, глядя на парочку, развалившуюся на кровати.

Из ванной вышла Эля.

— Хай! — улыбнулась она Лешке.

— Салют, Леннон!

— Как тебя зовут? — не поняла удивленная Ирка.

— Джонни, — скромно опустила Элина глаза.

Она села рядом с Данилом, и тот мгновенно ухватил ее за талию. Лешка исполнил несколько своих лучших романсов, не сводя глаз с Давыдова, явно на этой малолетке свихнувшегося. Лагунов и не думал, что Даня может так сильно попасть. Он без конца к ней клеился, что-то ей шептал и, судя по всему, уговаривал проследовать в его райский шалашик. В общем, он вел себя так, как будто она его только сегодня осчастливила. Но она сама словно просто терпела его, время от времени отодвигая его блаженно улыбающуюся рожу, и Лешка начал за Данила беспокоиться. Было похоже на то, что эта малолетка просто убивает с ним время. Хотя, конечно, пускай разбираются сами.

Лешка отложил гитару, показывая, что пора рассредоточиться. Данил встал, взяв Элю за руку, посмотрел на Иркин маникюр и сочувственно вздохнул. «Бедный Леха, — подумал он, — приготовь зеленку! Ну и ногти... Не то что наши подпиленные коготки!»

***

Эля проснулась, но ей не хотелось вставать: было слишком хорошо лежать так, с закинутыми на него ногами. Она чуть-чуть приоткрыла глаза. Данил уже не спал. Он просто лежал на спине, опустив густой забор своих темных ресниц, и сосредоточенно

отдавался очень содержательному занятию: построению вигвама из пестренького покрывала, которым был укрыт до пояса. Он явно ждал ее пробуждения.

Ей не хотелось отрывать глаза от его лица. Такая гладкая загорелая кожа его лба, на который легла волна выгоревших волос... Четкие линии прямых разлетающихся бровей, немного облупившийся, чуть вздернутый нос и эти вызывающе яркие сомкнутые губы... Ей, наверное, многие завидуют. Он очень красивый. Слишком красивый для нее. И она не должна так долго на него смотреть. Данил пошевелился, и она быстро закрыла глаза. Но было уже поздно: он это заметил.

Он осторожно вытащил из подушки перо и, придав ему губами форму небольшого жгутика, стал, покручивая, запихивать его в ее маленькую ноздрю. Эля попыталась мотнуть головой, но он удобно захватил ее своей сильной рукой. Когда она наконец чихнула, он громко заржал и сдернул с нее простыню.

— Придурок! — быстро вскочила Эля с кровати. — Все! Больше вообще меня не трогай! Нашел себе!.. — она стала лихорадочно цеплять на себя первые попавшиеся под руку шмотки.

Давыдов понял, что сейчас ему уже ничего не светит и, вздохнув, тоже начал одеваться. Она быстро оттаяла, как следует позавтракав в столовой, и они решили прогуляться по берегу. Данил нарядил ее в свою фиолетовую футболку, которая была большой даже для него, и не дал надеть больше ничего, кроме ее черных плавок. Он не мог оторвать глаз от ее ног — этих тонких фигурных палочек, словно выточенных из красного дерева, до середины бедра закрытых легкой фиолетовой тканью. Они постоянно переступали, разгибаясь и пружиня в маленьких коленках или весело подскакивая во время ходьбы.

Эля была сегодня довольно спокойной, не придиралась к нему, а просто задавала свои вопросы. Дойдя до скалы, возле которой они встретились впервые, Давыдов расстелил на камнях полотенце и, усевшись, притянул Элю к себе.

— Данил, — сказала она как-то очень серьезно.

— Что, моя птичка? — поцеловал он ее в шею.

— А расскажи мне про своих родителей.

— Родители как родители, что о них рассказывать...

— Ты их любишь?

— Ну да. Наверное... — он слегка ухватил губами мочку ее маленького уха.

— А папа у тебя кто? — Эля смешно дергала головой, уворачиваясь от его губ.

— О-о-о! Большо-ой начальник! — улыбнулся Данил.

— А мама?

— Мама в банке работает.

Он старался говорить как можно спокойнее и равнодушнее, не переставая нежно ее целовать, но, как видно, перестарался. Эля повернула к нему лицо и спросила:

— Тебе со мной скучно, да?

— Да, знаешь, с тобой действительно...

— Нет, серьезно! Я ведь спрашиваю о всякой ерунде потому, что ничего такого не знаю. Вот кто мои родители, не знаю, например. Я всегда только с братом жила...

Данил давно заметил, что она сразу замыкается, стоит ей произнести слово «брат». И неужели у нее действительно нет родителей? Теперь у Данила появилось еще больше вопросов, чем было до этого, но Эля вдруг, совершенно переменившись, весело на него взглянула, расплываясь в своей широкой наивной улыбке.

— Ты же обещал мне показать, как плавают лошади! Ты забыл?

— Не забыл, конечно. Сейчас показать?

— Давай!

Данил снял с себя одежду, оставшись в своих фирменных темно-синих плавках, зашел по пояс в воду и оглянулся, втягивая живот:

— Холодная, черт!

Эля тоже спустилась к морю и смотрела на него, улыбаясь во весь рот. Вот он, выдохнув, слегка присел и, показав выгнутую блестящую спину, исчез под водой, на прощанье ударив ногами, словно рыба плоским хвостом.

Круги на воде быстро пропали, поглощенные легкой морской рябью. Она напряженно вглядывалась в поверхность тихого лимана, но не видела ничего, кроме зеркальных бликов от ярких солнечных лучей. Его нет слишком долго... Эле стало трудно дышать. Внезапно она почувствовала, что уже отвыкла от одиночества, она была сейчас слабой, маленькой и беспомощной. Вдруг она больше его не увидит?

Вдруг с ним в самом деле что-нибудь случится? А случиться может все и с каждым — это Эле хорошо известно!

Скомкав его вещи, она изо всех сил прижала их к себе и в панике стала отходить назад, скользя сандалиями по гладким камням крутого склона.

— Ну... хватит!.. — шепнула Элина и, не выдержав, перешла на крик: — Хватит!

— Э-эй!

Она подняла голову. Данил стоял на скале и махал ей рукой.

— Ага, испугалась! — засмеялся он, убирая со лба мокрые волосы.

— Дурак ненормальный... — тихонько сказала Эля, снова улыбаясь и зарывая лицо в его рубашку.

Данил стал приближаться к обрыву.

— Э! Не вздумай! С ума сошел?! — орала ему снизу Эля.

— Чего? Здесь всего метров пять и глубоко.

У Эли сердце забилося от ужаса. Метров пять, да еще и глубоко! Она открыла рот, чтобы крикнуть еще что-то, но Данил уже стоял на самом краешке обрыва.

Он знал, что отлично смотрится сзади. Встряхнув расслабленными мышцами, он поставил ноги вместе и, приведя свое тело в напряженное, собранное состояние, стал медленно поднимать руки. Эля не смела нарушить наступившую тишину.

Она боялась даже моргнуть, чтобы не пропустить ни одного мгновенья этого волшебного зрелища. Его силуэт был совсем темным в лучах высокого южного солнца. Но это был силуэт не человека, таких людей просто не бывает! В тот момент он показался Эле каким-то совершенным, продуманным устройством без единого изъяна, без единой ошибки. Она чувствовала, как напрягается каждый его мускул, и ей казалось, что это тело сейчас зазвенит, словно натянутая струна. А ведь это сверхсущество принадлежит сейчас ей! Пусть временно, пусть ненадолго, но это самое лучшее, что у нее когда-либо было! Он лучше всех, такого нет сейчас ни у кого, только у нее, у забытой всеми Эли! Если бы в этот момент он сказал, что бросает ее навсегда, она убила бы его, наверное, ни секунды не колеблясь!..

Данил слегка спружинил в коленях и полетел вниз головой, сложив вытянутые руки и не разводя прямых ног, не сгибаясь ни в

одном суставе и почти не произведя брызг.

Сбросив обувь, Эля кинулась к морю и остановилась, зайдя по колено в приятную прохладную воду. Данил вынырнул неожиданно близко. Фыркнув и мотнув головой, он взглянул на нее и поднял перед собой руки:

— О-ой, что я вижу! Ну, ну, иди сюда, давай! — поманил он ее.

— Я не умею плавать!

— Ах, вот что! — он звонко засмеялся. — И это проблема? А я для чего?

Он подошел к ней, легко поднял и понес в воду. Она крепко обвила руками его шею.

— Ты свою футболку намочишь! — попробовала выкрутиться Эля.

— Хочешь снять? Давай! — радостно предложил Давыдов, зная, что под футболкой у нее ничего нет.

Зайдя в воду по пояс, он поставил Элю на ноги.

— Хочешь, я тебя покатаю? Держись за меня и все. Вешайся!

Он присел, и Эля повисла у него на спине, вцепившись в шею.

— Только постарайся меня не задушить, хорошо? — Данил, оттолкнувшись, скользнул вперед, начиная свой безупречный размеренный брасс.

Но не успел он еще сделать и пяти гребков, как она потребовала возвращения на берег. Она действительно совершенно не держалась на воде и панически боялась глубины. Давыдов не стал ее мучить и послушно доставил на сушу.

— Ну а лошади-то как плавают? — припомнила Эля, когда они уже вышли из воды.

— Давай в другой раз, а? Мне уже холодновато что-то.

Эля подняла полотенце и стала вытирать его загорелую, покрытую мелкими пупырышками кожу:

— Вот мерзляка! Наклонись!

Он сел на горячие камни, и Эля, опустившись сзади на колени, принялась вытирать его торчащие во все стороны волосы.

— Надо было хоть расческу взять! На кого ты похож теперь?

— Зачем мне расческа? — закрыв глаза и улыбаясь, сказал Давыдов. — Мне что расчесывайся, что не расчесывайся, все равно одинаково будет.

— Вот везет! А я теперь полдня не разгребусь! — обиженно сказала Эля, скосившись на свои висящие промокшие волосы.

— Ничего, это я беру на себя!

— О да! Представляю себе. Бедный! — закивала Элина.

— А спорим, что я отлично справлюсь?

Она не любила, когда кто-то трогает ее волосы, а особенно причесывает. Ингрида всегда злилась, пытаясь сделать у Эли на голове что-нибудь наподобие прически, и больно дергала ее волосы. А в последнее время, похоже, вообще плюнула на это безнадежное занятие, контролируя только степень расчесанности у Эли на голове.

Но совсем по-другому чувствовала себя Эля, когда, вернувшись в их домик, Данил сел на кровати и усадил ее на пол.

Он нежно захватывал прядь ее черных запутанных волос и, расчесав, укладывал их себе на голое бедро. Он никуда не спешил, стараясь растянуть это ощущение соприкосновения с ее легким щекочущим пухом, который с первых же минут заставил Давыдова развязать шнурок на своих плавках.

Эля сидела, опустив глаза и уткнувшись подбородком в свои согнутые колени. Где, интересно, он научился так мастерски расчесывать длинные волосы? Он ни разу не сделал ей больно, не дернул ни один волосок. Никто и никогда так бережно с ней не обращался. Но только зачем он это делает? Чтобы потом Эля вспоминала его каждый раз, берясь за расческу? Она не должна поддаваться этому, ей не должно быть потом жаль! Пускай причешет ее сейчас, но больше она этого ему не позволит! Она не должна привыкнуть, она вообще не должна к нему привыкать!..

Закончив, Данил отложил расческу и, снимая с Эли майку, опустился на колени рядом с ней. Прогнувшись, она положила затылок ему на плечо, открываясь для его ласковых губ. Эля снова почувствовала, что уже хочет этого сама. Она не должна его хотеть! Но она хочет, хочет не меньше, чем он сам...

***

Вечером она неожиданно отказалась посетить с Давыдовым клуб, заявив, что танцует он ужасно, и появляться с ним на публике она категорически отказывается.

Стоя посреди их убогой комнатки, она очень талантливо передразнивала его движения, которые запомнила после тех памятных

танцев. Стильно отставив миниатюрный зад, Эля свободно трясла руками то с одной, то с другой стороны, подпевая своим ритмичным движениям:

— Ля-ля-ля, ля-ля-ля, ах, какой же я прекрасный! Это просто офигеть, все сбегайтесь посмотреть!

— Еще, еще, пожалуйста! — Давыдов валялся на голой панцирной сетке, закатываясь звонким смехом. Она же видела это всего один раз! Но как же она это схватила?! Какой она отличный клоун, оказывается!

Но Эля не стала больше его передразнивать. Она боялась, как бы Давыдов не задохнулся со смеху, ведь это совершенно не входило в ее планы на сегодняшний вечер. Ведь сегодня — один из тех редких деньков, когда ей не обязательно вскакивать с него в тот момент, когда ей меньше всего этого хочется. Тем более, он сейчас должен быть в форме: утром она специально сделала вид, что не в настроении, строя планы именно на вечер. И что, она должна вместо этого отправиться на дурацкие танцульки, где на него снова будут пялиться все местные девицы?

Вскочив со скрипящей сетки, Данил свалил ее на кровать:

— Ты чудо просто! О-ой, моя ласточка!.. — он уже поднимал ее блузку. — Я от тебя дурею! Надо же, чтобы я так влюбился! Ну просто насмерть...

Он оттянул губами кожу ее чувствительной шеи, и Эля, задержав дыхание, прогнулась к нему навстречу. Кажется, дурет здесь не только Данил...

Со сдавленным стоном впрыснув ей первую дозу своей страсти, он сбросил одеяло на пол. Глядя сверху вниз на его уже совсем ничего не выражающие полузакрытые глаза и безвольно мотающуюся голову, на конвульсивно вздрагивающую, с хрипом выдыхающую грудь и на судорожно напрягающийся живот, Эля вдруг осознала, что сейчас имеет над ним абсолютную власть. Она может сделать ему очень больно или вообще убить, и он воспримет это как должное.

Она немного вспотела, размеренно ерзая и время от времени откидывая голову или опуская к нему лицо, проводя по его телу влажными, плотно прижатыми ладонями. Как нравятся ей эти волны, периодически на нее накатывающие: они щекочут что-то внутри и уходят куда-то... куда-то вниз.

Ей стало трудно дышать и, поймав очередную волну, она задвигалась чаще, подчиняясь его опытным рукам. Это щекочущее чувство не схлынуло, а как-то замерло, остановившись в одной точке. Ощутив, как резко увлажнилось ее тело, и сам уже снова находясь на грани этой уносящей разум бездны, Данил накрыл ладонью ее грудь, сжимая пальцами твердый сосок:

— Не останавливайся, не останавливайся, Эля...

Он опять подтолкнул ее на себя. Эля почувствовала, как стремительно растет мощный вал, унося ее куда-то в другое измерение, где нет времени и нет пространства, нет мыслей и нет желаний, есть только бешеное ощущение счастья... Зажмурившись, она шумно втянула воздух через сцепленные зубы и судорожно сжалась, впиваясь пальцами в его плечи. Замерев так на несколько секунд, Эля со стоном выдохнула и, расслабившись, обхватила его руками, просто на него упав.

— Боже, что это такое?.. — постепенно восстанавливая дыхание, прошептала Эля.

— Так и должно быть. Ты просто умница! — он коснулся губами ее бархатного влажного плечика.

Посидев так еще немного и полностью придя в себя, она внезапно выпрямилась и взглянула на него прищуренными, хитрыми глазами.

— С тобой что, каждый раз такое?

— Ну да, — улыбнулся ей Давыдов.

— Ни фиги себе! А я-то думаю... Вот это ты пристроился!

***

Погода портилась. Уже срывался ветер, и по небу все быстрее и чаще проносились характерные тучки. Данил уже не ходил с Элей на пляж, но зато они отлично веселились, гоняя по волнам на катере, и однажды, возвращаясь с прогулки, он решил сократить путь и довольно сильно поранил в темноте ногу об острый край торчащего камня.

Когда они добрались до своего домика-будки, Эля долго суетилась вокруг него, стараясь остановить кровь. Она вполне справилась, но видела, что Данилу все еще было больно. Ей очень хотелось его развеселить и отвлечь, и она придумала как. Вообще-то ей давно хотелось об этом спросить, но она стеснялась интересоваться напрямую. Она долго собиралась с духом, сидя напротив него и

краснея от волнения. Наконец как следует настроившись, Элина быстро встала и, подойдя к Данилу вплотную, опустилась на пол между его расставленных ног.

— Как это делается? — очень внятно спросила она, глядя ему в глаза. Давыдов проглотил слюну. Что он может ответить сейчас, сразу и очень кратко? Он не мог придумать до сих пор, как тактично ей на это намекнуть, но оказалось, что его гениальный самородок сам обо всем догадывается.

Однако ее вопрос, видимо, был риторическим, поскольку Эля решительно отогнула верхний край его эластичных плавок и принялась экспериментировать. Она очень мягко и осторожно прикасалась к нему то чуть открытыми губами, то влажным расслабленным языком, время от времени отстраняясь и любуясь результатами своей работы. Затем слегка его захватывала, но тут же отпускала и продолжала наблюдения. Давыдову показалось, что сейчас его затылок проломит стену. Его, словно от электрического тока, били конвульсии, он впивался пальцами в матрац, с трудом подавляя желание придавить ее голову и достать до желудка.

Наконец она довольно глубоко его захватила, и Данил, опустив ладонь на ее затылок, не дал отстраниться снова. Он только слегка ей помог, и она сразу поняла, что надо делать. И делала она это великолепно! Данил ни разу не ощутил ее зубов, а ведь случайно куснуть могла даже Карина, чей опыт по этой части был чрезвычайно богат.

Но Эля — не Карина, она вообще явление другого сорта, она родилась специально, чтобы быть рядом с Данилом Давыдовым, и она всегда делает только так, как нужно ему. Она не похожа ни на одну из его прежних женщин. Она просто лучше их всех вместе взятых!

Она струится и извивается вокруг его тела, она всегда в движении, и даже если она пытается изобразить часть древесного ствола, она все равно живая! Она не совмещает в себе все лучшие качества лучших любовниц, она — сама по себе, и она — для него! Он, не задумываясь, променял бы все свои прошлые многочисленные и разнообразные связи на один только раз в этом влажном бархате ее податливого тела...

Он на мгновение опоздал, утратив контроль от невероятных ощущений, и к моменту, когда резко поднял за виски ее голову,

небольшую порцию его спермы она все же успела схватить.

Эля замерла на секунду, дожидаясь, когда он вдохнет наконец после столь успешной процедуры, и не зная, как протолкнуть в себя этот жуткий киселек. Она подняла к Данилу такое перекошенное, выразительное лицо, что он рассмеялся, поднося полотенце к ее губам:

— Плюй, чудо ты! Не глотать же этот кошмар!

Это было очень вовремя, Эля уже чувствовала, что начинает давиться.

— Фе!.. — вздрогнула она, освободив рот. — А ты откуда знаешь? Пробовал или рассказывали?

Данил не знал, как лучше ответить, и решил сказать правду:

— Пробовал. Интересно же, все-таки!

— Боже, с кем я связалась?.. — вздохнула Элина и пошла попить водички, а Давыдов с привычным уже выражением обожания смотрел ей вслед. Он и правда никогда не понимал, как можно получать удовольствие от того, что кто-то, делая над собой усилие, глотает выделения твоего организма, которые для этого совсем не предназначены, и делает вид, что это приятно. Кто-то, но только не она! Она не станет «делать вид», а ей и не нужно! Для него все равно не сделать и не придумать ничего лучшего...

***

Их следующая водная прогулка была явно последней, и когда они уже возвращались, не спеша двигаясь по грунтовой дорожке, ветер затих перед рывком, а на горизонте появилась свинцовая туча, быстро несущаяся с запада.

— Нас гроза догоняет! — сообщил Давыдов, когда послышался первый раскат грома. — Будет настоящий шторм. Останемся?

Улыбаясь, он взглянул на Элю и мгновенно переменялся в лице. С ней творилось нечто странное. Она шла все медленнее, растерянно бегая глазами по земле.

Сверкнула молния, и Эля, остановившись, зажмурила глаза. После раската уже очень близкого грома она закрыла уши руками, а когда упали первые капли дождя, стала медленно приседать, словно ноги отказывались ее держать.

— Что такое?!. — подбежал к ней Данил, схватив за плечи и пытаясь заглянуть в опущенное лицо.

С новой вспышкой молнии Эля внезапно подняла на него полные ужаса глаза и стала кричать, что нужно срочно отсюда уходить, но не двигалась с места, лишь втягивая голову в плечи при каждом новом раскате.

— Скорее, скорее, Данил! Надо спуститься! Спрячься! Ай!.. — она переходила на визг.

Что еще ему оставалось делать? Он поднял ее и побежал к домику. Эля цеплялась за его одежду так, будто он тащил ее в море, на глубину. Но они были не в море! Данилу тяжело было нести ее и одновременно пытаться удержать ее руки, которые все время дергались и царапались. Наконец втащив ее в дом, он сел на кровать, стараясь отдышаться и не выпуская всхлипывающую Элю из рук, усадил ее к себе на колени.

— Все-все-все! Мы уже в доме... Ничего уже не случится.

Подняв голову, она посмотрела на Данила наивными заплаканными глазами и стала гладить его ладонью по щеке.

— Знаешь, гроза очень опасна. Я раньше тоже не боялась. Но на улице нельзя быть во время грома. И ты не выходи, хорошо?

— Хорошо, — Данил слизал с ее лица подсыхающую соленую капельку, — но это не так уж страшно, да и гроза уже закончилась. Просто дождь идет, и это надолго. Так что будем мы теперь сидеть здесь безвылазно.

— Вот и хорошо! — улыбнулась Эля. — Но ты опять весь мокрый!

Данил прекрасно ее понял и совсем не возражал, стягивая с себя насквозь промокшую одежду. Он уже приспособился к Эле и научился распределять энергию, продлевая удовольствие и ей, и себе. Сегодня он решил измотать ее хорошенько, чтобы, утомившись, она быстро уснула и забыла об этой чертовой грозе.

Давыдову это отлично удалось. Эле уже начинало надоедать, и она решила, что пора закругляться. Почувствовав, что Данил снова начинает останавливаться, она вместо того, чтобы замереть и расслабиться, слегка прогнулась, приподняв грудь, мотнула головой и, изображая прилив страсти, издала тихий стон, дернувшись навстречу сама. Теперь он уже остановиться не сможет, она знает, что делает.

Уже засыпая, лежа щекой на его жестком плече, Эля тихо спросила:

— А как тебя называют родители? По имени?

— Ну да. Даня. А мама — Данечка.

— Данечка? — хихикнула Эля. — Они, наверное, тебя очень любят, — вздохнула она и, прижавшись к нему сильнее, добавила: — Я тоже буду тебя так иногда называть...

У нее уже заплетался язык, и зажмурившись, Данил стиснул ее в крепких объятиях: пусть хоть так, но это ее первое признание!

Он тоже устал и уже почти отключился, как вдруг Эля, резко повернувшись, соскользнула с его плеча. Данил поднял голову: Эля спит. Он уже собирался вернуться на подушку, когда ее ноги начали резко подергиваться и голова поворачиваться из стороны в сторону. Данил не знал, нужно ли ее разбудить или подождать, пока это пройдет.

***

Элине снова это снится. Начинается гроза, уже идет сильный дождь, и она стоит, подставляя ладони под теплые капли посреди их большого двора. Золтан бежит вдоль низкого заборчика: ему нужно загнать в гараж мотоцикл. Вот он поднимается на пригорок возле гаража и, хватаясь за высокий штырь, вкопанный когда-то в землю отцом Ингриды, поворачивается к Эле и что-то кричит. Раскат грома раздается одновременно с яркой вспышкой молнии, на миг ослепившей Элю. Гром стих, но кажется, что Золтана уже нет на горке. И только присмотревшись, можно заметить, что он просто лежит рядом со штырем...

— Золтан!..

— Шшшшш, я не Золтан!

Эля уже сидит, уткнувшись в гладкую знакомую грудь. Он обнимает ее, и, конечно, она прекрасно знает, что он — не Золтан. И она не жалеет об этом! Она давно уже об этом не жалеет! Эля не променяла бы эту грудь на грудь своего брата, она ни на что бы ее не променяла! Если б только можно было сидеть так всегда, пряча лицо на этой сильной груди, просто плакать и ни о чем больше не думать, никуда не стремиться и ничего не решать. Он будет думать и решать вместо нее!.. Нет, она не должна так расслабляться и ни в коем случае не должна перекладывать все на него. Иначе, когда он ее оставит, она просто погибнет. Она не перенесет еще одного удара. Она должна защищаться сейчас! Пока еще не поздно...

Она перестала всхлипывать, вытерла слезы, оторвавшись от Данила, села очень прямо и, взглянув ему в лицо, громко и спокойно сказала:

— Золтан — это мой брат. Его убило молнией, когда мне было двенадцать лет, я сама видела.

Затем она легла на подушку и отвернулась к стене. Через секунду, переварив информацию, Данил накрыл ее своим теплым телом, осыпая поцелуями это детское серьезное личико:

— Маленькая моя!.. Маленькая моя девочка...

Он помнит, что говорила она о своих родителях — похоже, они ее бросили. Для нее существовал только брат, но разве можно было подумать, что он умер, да еще и у нее на глазах! Как вообще она могла выжить и вырасти?.. Едва сдерживая слезы, Данил чувствовал себя последним подонком, он просто себя презирал.

Он, Данечка Давыдов, единственный сыночек, окруженный всеобщим вниманием и заискивающими лицами, перебирающий шмотки в чековом магазине, воротящий свою снисходительную рожу от очередного не понравившегося подарочка, и она!..

Кто кормил ее с ложки, когда она была маленькой? Кто ставил ей градусник, когда она болела? Кто следил, чтобы зимой она носила шапку? Брат? Но он был у нее только до двенадцати лет! И что такое брат? Он же и сам, наверное, был ребенком. А какой бы она стала, если бы росла в нормальной семье? Но теперь у нее будет нормальная семья! Она уже у нее есть. Он ее семья! И его родители станут ее семьей. Хотят они этого или нет — Данилу все равно! Он сделает все, чтобы больше никогда ей не пришлось плакать. Она будет иметь то, что захочет! Кажется, именно об этом он ей сейчас и говорит. Что, например, она хочет?

— Спать.

Ее ответ вернул Давыдова к действительности. Он стал быстро успокаиваться и лег на самый край кровати, накрыв рукой ее прохладные плечики. Ничего, так даже лучше! Данил все равно не сможет ни с кем ее делить. Ни с какими-нибудь там родителями, ни с этим богоподобным братом, о котором она говорит с таким трепетом. Данил должен быть единственным близким ей человеком, и он не успокоится, пока таким не станет. Недаром он давно уже не может

видеть, как она иногда задумывается, глядя куда-то в неопределенность.

В такие минуты она не с ним, а где? В ее будущей и прошлой жизни? Он не знает, есть ли там место для Данила Давыдова, и больше она так задумываться не должна. Думать будет теперь он, а она — просто жить в свое удовольствие и делать с ним все, что посчитает нужным.

***

Эля хорошо умела притворяться спящей, но спать ей не хотелось. Она дождалась, пока уснет Данил, и, выскользнув из-под его вялой руки, приподнялась на локте, глядя на это красивое спокойное лицо. Она коснулась губами крылышка его тихонько сопящего носа. Почему он никогда не храпит? Она бы, наверное, могла слушать его всю ночь.

Элина опустила руку на его спину и прижалась щекой к теплой лопатке. Ничего... Все закончится, когда закончится. Она сможет с ним расстаться, когда будет нужно. Но ведь сегодня еще не нужно! Еще целых десять дней, еще можно так вот просто полежать...

Утром Данил проснулся довольно поздно, но Эля, конечно, еще спала. Он улыбнулся, глядя на лучшее в мире лицо. Он действительно может умереть за нее, может отдать что-нибудь самое-самое дорогое!

Данил снял золотую цепочку и, осторожно пропустив один ее конец под тонкой шейкой Эли, понял, что нужно сделать еще один оборот, иначе украшение будет свисать почти до ее пупка.

Завершив надевание этого двойного ошейника, Давыдов встал с кровати. А золото очень идет к ее смуглой матовой коже! Что ж, это первый его подарок подобного рода. Вторым, по всей видимости, будет обручальное колечко. Интересно, какой у нее размер? Нужно будет мерить на цыпленка!

***

Его предположения насчет погоды полностью оправдались: дождь затянулся надолго. Но впервые в жизни у Данила не упало от этого настроение. Последнюю неделю они проведут в своей маленькой будочке. Через неделю ему нужно будет съездить в Севастополь: всем курсантам надо явиться туда к этому числу. Но на это хватит одного дня. Данил отметится, и у него еще будет несколько свободных деньков, чтобы сделать ей официальное предложение. Пока что он не

готов — он должен продумать детали и кое-что узнать в училище. Так что эта неделя в их распоряжении, и Данил не будет торопить события.

Когда он вернулся в дом с ведром воды, Эля уже сидела на кровати, рассматривая висящую на шее цепочку.

— Ты что, решил дать мне ее поносить? Можно так сфотографироваться? — язвительно спросила Элина.

— Можно. Я ее тебе дарю.

— Привет, добренький! А больше ничего не подаришь? А я так хочу колье с камнями драгоценными!

— Хорошо. Позже... А пока носи это. Тебе очень идет! — он сел рядом с ней на кровать. — Не снимай, я прошу тебя.

— Да-да-да! — Эля начала расстегивать цепочку.

— Ладно, выбросим ее в мусор, если тебе не нужно. Давай скорее!

Он подставил ладонь, и Эля сдалась.

— Ты дурак? Ты знаешь, сколько это стоит? Кстати, откуда она у тебя взялась?

— Мне купил ее отец... — Давыдов опустил глаза. — Знаешь... — он мельком на нее взглянул, но снова отвел взгляд, — наверное, я не должен брать у него такие подарки, деньги, вещи всякие там... Но... мне больше ничего не остается, понимаешь?

— Понимаю, — неожиданно спокойно ответила Эля, положив свою нежную руку на его колено. — Не переживай! Вот, тебе же приятно, что я эту цепочку взяла! И, наверное, ему... Зато, когда он будет старый, ты тоже будешь что-нибудь ему дарить! Так всегда бывает!

— Да... — он накрыл ее руку ладонями и поднял глаза. — Только теперь я тебе обещаю, что больше не буду ничего брать у него. И я все равно куплю тебе колье!

— Вот уж точно, что Данечка! — засмеялась Эля. — На фига мне твое колье? С меня цепочки этой хватит!

Теперь у них не было возможности выезжать в город и развлекаться в кафе и на катере, но Данил придумывал массу других занятий, для которых не нужно было выходить и мокнуть под дождем.

Эля обожала бороться с ним на расстеленном на полу одеяле. Она старалась изо всех сил, понимая, что Данил лишь слегка

сопротивляется. Она знала, что когда ему надоест, он одной рукой уложит ее на лопатки, сразу же целуя в губы.

Он боялся щекотки еще больше, чем Эля, но он был раз в десять сильнее и доводил ее до истерики, заставляя признавать поражение на двести лет вперед и соглашаться на любые условия.

За эти дни Давыдов понял уже окончательно: ему повезло — он довольно быстро нашел то, в поисках чего другие убивают жизнь. Они часто разговаривали, и он узнал о ней очень многое. Что она росла у каких-то родственников, что брат был намного старше ее, а сейчас она живет с его бывшей женой и думает только о том, чтобы хорошо учиться. Ничего! Скоро она подумает кое о чем еще!

***

Вот только Эля внушала себе совсем другое. Она заставляла себя думать, что это просто ее первый, пусть даже очень удачный, опыт. Она прекрасно знала, что из этого почти никогда ничего не получается, она реально оценивала себя со стороны и в сказки про бедных золушек и прекрасных принцев давно не верила. Она совсем не красавица и не имеет достаточного опыта, чтобы противостоять настоящим женщинам! Да, он говорит, что любит ее. Но он мог говорить это тысячу раз до нее и скажет еще миллион — после! Что будет с ней, если она, бросив все, решит остаться с Данилом и в один прекрасный день окажется в роли надоевшей игрушки в драной тряпке перед лицом новенькой нарядной куколочки?

Она же прекрасно видит, как провожают его взглядом все симпатичные барышни, как смотрят они на него на пляже. Она не может с ними бороться, не умеет! Зато она умеет заставить себя подчиниться голосу здравого смысла. Ей сейчас с Данилом очень хорошо, а когда закончатся каникулы, она уедет и не будет оглядываться! Наверное, она его тоже любит. Ничего, разлюбит! На свете — не единственный мужчина, а она ни с кем другим даже не встречалась. Она знает, что надеяться можно только на себя, и не собирается жертвовать своим главным принципом даже ради такого сильного чувства.

С чувством можно бороться, но Эле конец, если она дождетя, когда он бросит ее сам. Тогда у нее не останется уже ничего, она уже не сможет подняться. Да и он, в общем-то, ничего такого ей пока не

предлагал! А что он может предложить? Переписываться? Что ж, на это она согласится!

Только почему-то ей становится так грустно, когда она пытается представить себе, как получит однажды по почте приглашение на его свадьбу... Он ведь на четыре года старше и, наверное, уже скоро на ком-нибудь женится. Ну и пусть делает, что хочет! А Эля должна готовиться к скорому завершению этого курортного романа.

Но когда наступала ночь, она начинала считать дни и часы до того момента, когда он уедет в Севастополь. Правда, он сразу же вернется, но для нее это мало что меняет! Только вот если бы не было так холодно...

Из-за плохой погоды они начинали мерзнуть в своем деревянном сарайчике. Собираясь спать, Данил старательно ее укрывал, сам являясь главным источником тепла для ее дрожащего тела. Как нравилось ей лежать так, постепенно согреваясь в его привычных объятиях, слушая, как он говорит ей замечательные вещи! В такие минуты Эле казалось, что на свете нет ничего лучше этого ощущения защищенности, надежности, изоляции от всего внешнего мира. Казалось, что его теплое гладкое тело обволакивает ее полностью, укрывает, словно атласное одеяло... И тогда Эля готова была рискнуть. Готова была сама сказать ему, чтобы он ее не оставлял, чтобы забрал с собой. Куда? Ей все равно... Только бы его длинные ноги всегда образовывали для нее этот уютный стульчик, без которого ей уже так трудно уснуть...

***

Она сидела на кровати и смотрела в окно на проглядывающее из-за туч солнышко. Когда Данил вернется из Севастополя, уже, наверное, снова будет тепло. Сейчас он пошел в гостиницу, чтобы взять документы и рассказать все Лешке. Что рассказать? Элине он сообщил только, что почти все уже придумал, и чтобы она ни о чем не беспокоилась, а просто подождала его приезда, и тогда он будет уже совсем готов обо всем ей поведать. А еще, чтобы она подготовилась к тому, что они сразу же посетят Киев и Эля познакомится с его родителями.

Но она уже и не беспокоится. Она уже на все согласна. Только у нее отвратительное настроение, и она не пойдет его провожать. Не хватало еще разреветься на причале оттого, что любимый оставляет ее

на денек и вернется послезавтра! Каким нежным он был с ней сегодня утром, сколько чудесных слов он ей наговорил!.. Но она сейчас чувствует, что ей этого мало. Она хочет еще. Еще немножко...

Данил вошел в комнату. Он уже готов, одет и с сумкой на плече. Он ей улыбается и говорит, что она не успеет соскучиться, как он появится опять. Но почему она не хочет его отпускать? Она не может почему-то сейчас с ним расстаться. Не может, и все! Эля медленно приблизилась и положила ладони ему на грудь:

— Данечка...

Закрыв глаза, она потянулась губами к его лицу. Она не отпускала его мягкий ласковый рот, и сумка соскользнула у Данила с плеча. Ему же не обязательно идти к пристани пешком, можно поймать попутку... Эля расстегнула пуговицу на его брюках, и Данил стал снимать свою рубашку. Но она удержала его руки: он не успеет, если нужно будет еще одеваться. И ей тоже не хочется снимать футболку.

Он уверенным движением приподнял ее, усадив на маленький столик. Какие-то истеричные, сдавленные рыдания рвались у Эли изнутри. Данил толкался резко, исступленно и максимально глубоко, задыхаясь от страсти и не в состоянии сдерживать отрывистые вскрикивания. Все, последний раз — и он быстро подался назад, чтобы сразу прижаться снова, сдавив ее талию.

— Боже, как же я люблю тебя!.. — он пытался отдышаться.

— И я...

Посидев так еще немного, Эля отвела его плечи:

— Посмотри, что ты наделал! Все равно теперь нужно переодеваться. Скорее, опоздаешь ведь! — она стянула с него рубашку и достала из тумбочки другую.

Он вышел за дверь и стал спускаться по лестенке. Вот его уже не слышно, он уходит, уходит! Эля бросилась на улицу:

— Возьми меня с собой!

Данил обернулся и, улыбаясь, подмигнул ей:

— Куда? В казарму? Ага, сейчас!

Она понимала, что ведет себя глупо, что выглядит идиоткой. Собрав всю свою волю, она выдавила улыбку и, помахав ему рукой, ушла в домик.

Как одиноко здесь без него. Какая неудобная, холодная комната... Эля встрепенулась, мотнув головой. Хватит, нужно просто об этом не

думать, а найти себе какое-нибудь занятие на это время. Вот: она стирает его рубашку, уберет в домике, а потом пойдет к себе, там переночует и завтра будет складывать вещи, чтобы поехать в Киев, на Украину, к нему домой. Эля почему-то совсем не переживает оттого, что ей предстоит познакомиться с его родителями! Как будто не верит, что такое может быть...

Она встретит его совсем в другой одежде, в той, которую он еще не видел, и Данил снова скажет ей, что она нравится ему еще больше!..

***

Давыдов стоял на палубе катера, который вез его в направлении Крыма. Он курил, поставив локти на поручни. Ему нужно это время. Он должен детально все обдумать без нее. Когда Эля рядом, его сознание занято ею, и он не в состоянии как следует сосредоточиться. Малышка!.. Она просила взять ее с собой. Неужели она еще сомневается, что он возьмет ее, возьмет навсегда, заберет в свою жизнь из этого ада, в котором она была до сих пор? Но чтобы сделать все правильно, все быстро устроить с наименьшими осложнениями, он должен ее пока отпустить. Не совсем, конечно, но она хорошо учится и должна закончить школу. Кроме того, из Киева, познакомившись с родителями, они вместе поедут в Краснодар, и Данил решит, забрать ее сразу же или она еще сможет пробыть там год.

Ему тоже нужен этот год. Нужно определиться со службой, нужно все тщательно подготовить, чтобы она чувствовала себя уверенно рядом с Данилом Давыдовым. Так что лучше, если она поживет пока в Краснодаре. А Данил будет очень часто туда приезжать, и уж он-то, выдавший виды Давыдов, сумеет построить там всех по росту и будет постоянно контролировать, чтобы ей больше не пришлось их всех обстирывать или готовить на всю компанию. Об этом придется позаботиться хозяйюшке, этой сказочно прекрасной вдовушке с таким жутким икающе-рычащим именем, придуманным явно после хорошего перебора.

А если все же Данилу придется ее увезти, то Эля поживет пока у родителей. Ну не сможет сейчас Данил жениться на шестнадцатилетней девочке и жить с ней в Севастополе, и где?.. Не с его профессией, требующей безупречных анкетных данных. Конечно, можно было бы плюнуть на это, но тогда он повредит своей карьере, которая будет играть одну из самых важных ролей в их совместной

жизни. Ведь теперь Давыдов будет стараться изо всех сил, он будет учиться так, как не учился еще ни один курсант, чтобы получить то назначение, которое ему будет нужно. Он сумеет: его больше не будут отвлекать всевозможные идиотские развлечения и шашни с безликими бабенками.

Данил повернул голову. Две девицы, держа сигареты в руках, выставляли колени на среднюю перекладину перил, бросая на него томные взгляды, и Давыдов улыбнулся. Они и вправду думают, что ему нравятся эти розовенькие свиные ляжки и цветастые одинаковые мины. Он почувствовал, как сократились мышцы его живота, когда он вспомнил тоненькие бедрашки, которые при ходьбе образуют четкую продольную борозду на внешней стороне, указывающую на то, что под смуглой золотистой кожей толщина жировой прослойки приближается к нулю.

Он представил себе Элину в белом свадебном платье. Нет, этого представить невозможно, это надо просто увидеть! И он это увидит, нужно только год подождать. Даже не год, ведь до следующего лета — девять месяцев. А вдруг у них родится ребенок? Он улыбнулся возникшей ассоциации. Просто отлично! Только годика через три. Она еще такая маленькая, а двое детей в его возрасте — это, кажется, уже чересчур!

Итак, они поженятся летом. Ему сейчас девятнадцать лет, а будет двадцать, но ей вот только семнадцать. Не беда, в семнадцать лет можно уже втихаря расписаться в Киеве. «С нашими-то связями!» — вспомнил Данил своего папеньку. А в ЗАГС ведь нужно будет вести ее под руку! Это потребует длительных репетиций...

Данил уже почти смеялся, мечтая об этом. Конечно, ему нужна помощь родителей. Особенно отца! Ведь после свадьбы ни в каком общежитии Эля жить не будет. Данилу нужно будет снять квартиру. Он вполне мог бы снимать ее и сам, но ведь это еще не все! Она должна не просто существовать рядом с ним, а иметь все, что только пожелает, и иметь это сразу. Она будет есть столько мороженого, сколько влезет в ее плоский, но довольно вместительный животик. Их холодильник круглый год будет забит всевозможными фруктами, вплоть до свежего инжира. Данил будет наряжать ее, как ребенок наряжает свою любимую игрушку. Ну, а кто она? Она и есть его маленькая куколка! Если она захочет, то будет целый день валяться в постели, подпиливая

свои мышинные ногти, а он будет собирать за ней раскиданные вещи, стирать, убирать и готовить ей еду.

Интересно, как отнесутся к Элине его родители? Возможно, они даже обрадуются, ведь теперь он уже не будет трепать им нервы, а станет нормальным сыном. А если отец не захочет ему помочь — Данил будет просить у него прощения, будет валяться в ногах и приносить в зубах комнатные тапочки. Это все ерунда, это не цена тому, ради чего он это будет делать!

Как вообще он мог настолько серьезно относиться к некоторому распутству своего замечательного отца? В конце концов, пусть делает, что хочет, особенно если его жену это устраивает. А вот Данила такое не устроит! Он не позволит Эле ни о ком другом даже подумать... И насчет себя Давыдов тоже полностью спокоен.

Он еще раз взглянул на стоящих рядом девиц. Нет, они и впрямь считают: он улыбается оттого, что ему нравится смотреть на их отставленные зады.

Сочувственно вздохнув, Данил повернулся и пошел в салон. Его бурная молодость окончена. Эля оборвала ее одним непринужденным жестом, когда впервые сняла очки и расставила перед ним свои нахальные глаза. «Кажется, я шизофреник!» — снова улыбнулся Данил, еще не зная, насколько близким к действительности окажется его шутливое предположение.

И, конечно, он быстро и удачно решил все вопросы в училище, он был очень рад видеть своих старых друзей. Он был весел, разговорчив и уверен в себе. Теперь у него есть то, ради чего он должен жить и от чего отталкиваться, строя все свои дальнейшие планы.

А его примерной ученице после окончания школы не придется отбыть в славную столицу, а обойтись более скромным городом. В Киеве — отличный институт по этой части, и вовсе не обязательно учиться на стационаре. Она поступит на заочный факультет, и когда будет приезжать на сессию, будет жить у него дома!

***

Элина провалялась в кровати почти до обеда и, наконец умывшись, стала складывать вещи в большую дорожную сумку. Остались сутки — и она увидит его снова! А вдруг он передумает и больше не вернется?.. Нет, он же оставил все вещи!

Она собралась и теперь, пожалуй, пойдет в гостиницу, чтобы поболтать с Лешкой. Что, интересно, Данил ему рассказал?

Надевая свою свободную футболку, она услышала громкий автомобильный сигнал и выглянула в окошко. Белая «Волга» стояла возле забора.

— Ингрида! — Эля бросилась за дверь. Вот это удача! Они сразу познакомятся с Данилом, и он увидит, какая замечательная у Эли невестка, а то он, кажется, ей не верит!

Ингрида уже шла к дому в своем коротком белом платьице, так выгодно подчеркивающим ее великолепную фигуру. Виктор, захлопнув двери «Волги», устало плелся за своей женой.

— Приветик, мартышка! — Ингрида поцеловала Элю в щеку. — Как ты тут?

— Хорошо! Как здорово, что вы приехали сегодня! Ну просто как по заказу!

Эля была очень рада: ей уже не будет так скучно. Ведь они останутся на денек, чтобы покупаться и позагорать. Они же оставались, когда ее привезли! Но Виктор сказал:

— Ну что, Инга? Поехали? Давайте, давайте, девчонки! Времени в обрез!

— Собирайся быстренько! — подтолкнула Ингрида Элю к двери. — И что у тебя за вид? Потрудись-ка надеть юбку, дорогая! Как можно выскакивать на улицу в трусах?! Здоровая ведь уже!

Эля стояла на месте и не могла прийти в себя. Что же ей делать, как остаться?.. Надо срочно что-то придумать, но Эле это не удастся.

— Ингрида, может... завтра поедем? Вы устали же... отдохните...

— Что такое? — прищурилась Ингрида. — Что ты там бормочешь? У меня времени нет, ты это понимаешь?!

— Ну... я не могу сегодня! Я не поеду, — Эля храбро взглянула Ингриде в глаза.

Шелковые брови Ингриды поползли вверх:

— Не поняла. Тебе же в школу! Пора бы уже учебой заняться, ты так не считаешь?

— Малыш, Инга и так опоздывает в институт! — раздраженно сказал Виктор. — А ты, кажется, отдохнула достаточно. Давай, давай, хватит голову морочить! Собирайся.

Эля заколебалась. Пришло время выбирать, и она должна что-то решить. Ей нужен совет!

— Ингрида, — тихо сказала Эля, — можно мне с тобой поговорить? Знаешь, у меня уже собраны вещи и... времени есть еще немножко...

— О-ой, — внезапно переменял тон улыбнувшийся Виктор, — Инга, она завела себе кого-то! Посмотри, какая красавица стала!

Ингрида втокнула ее в дом, перехватив взгляд Виктора, скользнувший по голым ногам Эли. Поднявшись в комнату, Ингрида спросила:

— Это правда? Ты из-за этого не хочешь уезжать?

— Да, — Эля смотрела вниз. — Он приедет завтра. Вам нужно встретиться, Ингрида! Понимаешь, он... он уехал всего на один только день! Я прошу тебя... очень, — Эля подняла к ней полные слез глаза. — Он любит меня, понимаешь? Он...

— Стоп! — Ингрида выставила перед собой ладони. — А ты, конечно, любишь его еще больше!

Эля опустила глаза. Ингрида говорила таким насмешливым тоном!

— Я поняла, мартышка! Ты с ним переспала и решила, что пора замуж.

Эля снова промолчала. Разве это неправда?

— А сколько ж тебе лет, милая моя? Сколько у тебя было мужчин? — почти по слогам сказала Ингрида. — Один? Да пойми ты, это нормально в твоём возрасте — влюбиться в первого встречного! Ну, спать-то с ним не надо было, тебе рано. Да что уже делать? Я надеюсь, обойдемся без последствий, вы как-то предохранялись?

— Да, он всегда об этом думал...

— Какой молодец! Поехали!

Но Эля не шевелилась, и Ингрида села на стул, начиная терять терпение.

— Хорошо, оставайся! А что ты будешь делать, если он скажет: «Мне с тобой было хорошо, любимая, давай теперь дружить!»? Сколько ему лет, кстати?

— Девятнадцать.

— Бог с тобой! Да кто сейчас женится в девятнадцать лет?!

— А Золтан, Ингрида...

— Что Золтан?! Ты хоть соображаешь, что мне-то было не шестнадцать! — Ингрида встала. — И что ему еще делать оставалось, Золтану твоему?.. Да это бред какой-то! Вставай сейчас же, слышишь?! Я бы с удовольствием тебя оставила, чтобы ты научилась кое-чему! Может, добавилось бы ума хоть капельку! — бесилась Ингрида. — Пойми, безмозглое создание, ты же Золтана предаешь! Вспомни, вспомни, как он хотел, чтобы ты в люди выбилась! Все, мое терпение лопнуло! Мы уезжаем! — Ингрида хлопнула дверь. — Сил нет никаких... — нервно прошипела она Виктору, выходя из домика, и решительно направилась к машине. — Поехали! Баба с возу...

— Эй! — оборвал ее Виктор. — Мы что, бросим ее здесь? Сейчас я ее приведу. А ты успокойся и подожди.

Но Эля уже выбежала из дома:

— Ингридочка! — она плакала навзрыд. — Прости меня! Я поеду! Поеду, только не бросайте меня здесь!.. Это все неправда, слышишь! Я... я наврала все! У меня никого нет, никого! Кому я нужна вообще?.. — размазывала Эля по щекам слезы, судорожно всхлипывая.

Ингриде стало жаль ее. Элина была такой маленькой и беспомощной... Что ж, первая любовь — вещь сильная, но не смертельная. Нужно будет с кем-нибудь ее познакомить, и все это мгновенно пройдет!

— Не реви, мартышка. Кто ж тебя бросит? Витя, принеси ее сумку.

Глава 6

Глава 6

Лешка Лагунов стоял на балконе своего номера в обществе нового приятеля, неотрывно смотрящего в подзорную трубу и сообщающего Леше результаты своих наблюдений. Но Лагунов его не слушал. Он думал о том, что говорил ему вчера Давыдов. Нет, он не жалел Данила. За Даню можно только порадоваться: он вполне спокоен и рассуждает очень грамотно. Кроме того, Лагунов — первый, кто узнал о его проектах. Леха понимал, что Данилу уже давно остохренели все эти заезженные кобылицы, да и Лешке, если честно, тоже. Ведь Леша, в конце концов, тоже женится и, наверное, уже очень скоро. Лагунов и Збруева будут свидетелями у Давыдова на свадьбе, вот тогда-то Лешка тоже кое о чем объявит. Он даже придумал уже тост. Давыдов рассчитывает на Лешку и в случае серьезных осложнений с предками обеих сторон. Лешкина мать будет только рада, если будущая жена Давыдова поживет пока у нее и поучится в их родимой школе...

Лешкин новый знакомый громко присвистнул.

— Ох-х-х, ни хрена себе шишечка! Это отпад... Глянь, Леха! Ты сроду такого не видел!

Вздыхнув, Лагунов покорно взял трубу:

— Где?

— Вот, вот, туда смотри. «Волгу» видишь? Ну и там — блондинка разговаривает с какой-то...

— О, как интересно! — Лешка узнал это место. — Ну-ка...

— Я ж говорю!

Но Лешка уже не отвечал, отпихнув дружка, попытавшегося забрать свою подзорную трубу. С кем это давыдовская телочка там разговаривает, так сильно махая руками? А ведь, действительно, дамочка в порядке. И, похоже, упакована по всем правилам!.. Лешкино дыхание остановилось: из дома вышел какой-то мужик, неся в руке большую набитую сумку. Леша узнал сумку, которая стояла у нее под кроватью, когда он приходил...

Метнувшись в комнату и бросив трубу на кровать, Лешка вылетел в коридор, мгновенно скрывшись из виду обалдевшего приятеля.

Лагунов, наверное, никогда не бегал так быстро. Но ему казалось, что это ближе. Он уже терял силы, задыхаясь, но не снижал скорости. Он должен успеть! Не может не успеть! Наконец-то последний поворот — и белая «Волга», уже отъехав от дома, медленно сворачивает на трассу.

— Дура! Стой! Куда?! — Лешка схватил первый попавшийся булыжник и, автоматически повторив технику броска гранаты на дальность, швырнул в машину. Но не попал. Не добросил... «Волга» уже уносилась прочь, шурша по асфальтовому шоссе.

— У-у, падла!..

Обхватив голову руками, Лагунов обреченно сел посреди дороги. Эх, если бы мог Лешка взлететь, на секунду превратиться в сверхзвуковой истребитель и догнать эту машину! Он лег бы под колеса, но он заставил бы ее дожидаться! И тогда ей пришлось бы за все ответить, пришлось бы кое-что объяснить! А Леша ведь чувствовал это с самого начала, и как только мог Данил ей так верить?! Что теперь Лешка должен ему сказать? А ведь объяснить все придется, иначе Даня сделает какую-нибудь фантастическую глупость, он может бросить все, он может остаток жизни потратить на ее поиски, а потом — прикончить на месте. Да Лагунов бы и сам ее убил, попадись она сейчас ему под руку! Ну ничего, Лешка сможет ему объяснить. Он использует весь свой богатейший словарный запас, но Давыдову придется кое-что понять в этой жизни и кое о чем задуматься! И Леша не допустит, чтобы его лучший друг, его брат, тратил время на продажную дуру, променявшую его на белую машинку!

***

Сидя на заднем сидении «Волги», Эля старалась не смотреть по сторонам. Но она все равно знала, что сейчас они проезжают базар, потом кафе, потом причал... Слезы хлынули с новой силой: у нее осталась только эта золотая цепочка, обвитая вокруг шеи в два оборота. Он же говорил ей номер своего телефона! Ему нечем было тогда записать, и он заставил Элю повторить его раз двадцать, а через десять минут она не помнила точно. Ох, эта ее уникальная память на цифры!

Когда она выходила из комнаты, она уже взяла карандаш, чтобы оставить ему адрес, но передумала. Зачем? Чтобы каждый день

кидаться к почтовому ящику? А вдруг он все равно не напишет? Эле будет в тысячу раз больше!

И теперь у нее уже нет выбора. Она должна заняться делом. Конечно, она не сможет сразу его забыть и будет часто вспоминать, но это пройдет. Это лучше, чем остаться вообще ни с чем!

... Но разве могла знать тогда Эля, что не сможет забыть его вообще никогда?.. И больше никогда, ни разу в жизни она не сможет уснуть, не думая о нем, и проснуться, не вспомнив Данила... Нет, не могла. Откуда?.. Тогда ей было всего шестнадцать лет, и она катила себе в белой «Волге», все больше удаляясь от деревянного домика, и, вытирая слезы, все больше успокаивалась, убеждая себя, что скоро его забудет.

***

Вернувшись из Севастополя и сойдя с катера, Данил хотел сразу направиться в деревянный домик, но передумал.

Сначала он зайдет в гостиницу, постоит под душем и приведет себя в порядок. Это только растянет удовольствие от предвкушения бурной встречи, он ведь так уже соскучился!

— Хоп! — счастливый Давыдов впрыгнул в комнату, и Лешка дернулся от неожиданности. — Шуганый ты, Лагуна. Лечиться надо!

Леша не мог поднять глаза. Он не мог на него смотреть, он растерялся, он не знал, что Даня вернется так рано! Но Данил ушел в ванную, и Лешка собрался с духом. Это еще и лучше! Чем скорее он узнает, тем меньше Лешке мучиться!

Выйдя из душа, Данил заметил, что Леша чем-то расстроен, и, подойдя, легонько ткнул Лагунова кулаком в живот:

— Не печалься, братишка! Нас ждут великие дела!

— Хватит, Даня! — Лешка просто не мог больше видеть его смеющееся лицо. — Сядь!

Он толкнул Давыдова к кровати, но Данил, удержавшись, подошел к зеркалу и взял расческу:

— Ладно, если ты не в духе, то причем тут я? Я вообще сваливаю, можешь успокоиться.

— Дань, — Лешка подошел к нему вплотную, — не ходи туда.

— Куда? — улыбнулся ему Данил.

— Ее там нет. Она уехала. Я сам видел... в подзорную трубу.

— Ты что, за ней подглядывал?.. — растерянно спросил Давыдов, перестав улыбаться и неуверенно глядя на Лешку.

Кажется, это самый худший момент в Лешкиной жизни. Данил не хочет слышать, не хочет этого понимать!

— Даня, Даня! — Лагунов перешел на крик. — Все, нет ее, пойми ты..! Она села в машину белую и... уехала!

— Куда?

Лешка закрыл глаза и отвернулся, а Данил, замерев на несколько секунд, быстро развернулся и исчез за дверью. Леша бросился следом. Он должен быть рядом и не позволить Данилу сделать какую-нибудь дурость!

Но Давыдов бегал быстрее и неся к ее дому, казалось, не касаясь ногами земли. Она не могла так просто уехать! Наверное, что-то случилось, и она оставила ему адрес, письмо или что-то еще! Дверь была закрыта, но Давыдов, отступив на шаг, выбил ее с первого же удара. Он взлетел по деревянной лесенке. Пустая чужая комната. Нет никакого адреса, никакого сигнала, намека на сигнал! Он бы понял сразу, он бы почувствовал! Значит, она оставила что-нибудь в домике.

Выбегая на улицу, Данил столкнулся с Лешкой и, отпихнув его в сторону, побежал назад. Но марафонский бег — не Лешина специальность! Он уже не может, а Давыдов, кажется, даже не сбавляет темп.

Руки не слушались, Данил не мог попасть ключом в замочную скважину. Наконец он вошел в домик. Нужно ли еще что-нибудь объяснить? Безупречно убранная комната. Его постиранная рубашка аккуратно сложена на стуле — и больше ничего. Она не хочет даже о нем вспоминать.

Данил медленно вышел из домика, когда подбежал задыхающийся Лешка, и, переведя взгляд на шею Данила, сказал:

— Цепь-то золотую, я смотрю, не забыла прихватить!

— Сука!!! — Данил резко развернулся и ударил в хлипкую деревянную дверь ногой так, что разнес практически в щепки, после чего просто опустился на вытоптанную траву. Лешка сел рядом.

— Расскажи мне, Лагуна.

Что ж, Леша готов, и он знает, что скажет! И Лешка, красочно описывая разодетых посетителей и шикарную белую «Волгу», специально представил все так, чтобы Данил понял, что она его

обманула, да просто ведь продала! И даже если это неправда, какая теперь разница? Давыдов должен быть задет, должен обидеться, должен ее презирать — тогда он сможет справиться с потерей, он гордый, он умный и сильный — Лешкин лучший друг! Леша пытался поставить себя на его место: нет сомнения — Лагунов нашел бы мужество не простить такого предательства. А Давыдов найдет и давно!

Выслушав Лешкин рассказ и ни разу его не перебив, Данил встал и засунул в рот сигарету.

— Поехали домой, Леша. Хрен с ней. Даже лучше! — и, не оборачиваясь, пошел к гостинице.

Он пришел в номер и сложил вещи, он рассчитался с гостиницей и сдал ключи от домика. Они с Лешкой поехали в аэропорт, и Данил не переставал удивляться, насколько ему спокойно и насколько трезво работает его голова. Он не чувствует ничего! Ему даже не жаль! Слишком уж большим ничтожеством она оказалась.

Они расстались с Лешей во дворе, Лагунов сказал, что вечером позвонит, и Данил отправился домой. Он улыбнулся, поздоровавшись с мамой, и сел ужинать. Он вполне спокойно отвечал на ее вопросы в своей привычной манере, используя минимум слов.

Пришел отец и стал разуваться.

— О-о! Город-герой приветствует доблестных воинов! — послышался из коридора знакомый рев. — Ну, продемонстрируй загар! — сказал папа, войдя на кухню.

Данил улыбнулся и повернул к нему предплечье. Отец приставил свою руку, как всегда, оказавшись темнее:

— Учись, курортник!

Данил посмотрел на отца и заметил, как папин взгляд остановился у него на шее.

Валерка резко поднял голову, их взгляды встретились. Что это у Дани с лицом? Валерка сразу забыл про цепочку. Сын смотрел на него так, будто ждал удара, а через мгновение его испуганные глаза стали медленно накрываться веками и скулы — заливаться краской. Данил встал и быстро ушел из кухни.

Людка повернулась к мужу:

— Какой-то он странный, Валер! Совсем какой-то не такой. Вырос, кажется... — пожала она плечами.

Валерка ничего не ответил. Но что-то все-таки случилось. Похоже, Даня вляпался в какое-то приключение: Валеркин сыночек даже забыл, что нужно презрительно ухмыляться, глядя на отца, и в самом деле перепугался из-за того, что нет этой цепочки. Впрочем, спрашивать все равно бесполезно, и если нужна будет Валеркина помощь, Даня сам скажет. Уж он-то не постесняется!

***

Данил лег в кровать. Он очень устал за сегодняшний день. Ну как он мог отдать такую дорогую вещь, подарок отца, первой встречной девке?!

Лагуна только что позвонил и пригласил Давыдова к себе на завтрашние посиделки. Но Данилу не хочется! Он лучше побудет дома и отдохнет от всей этой гадости.

Однако утром Данилу показалось, что с ним все-таки что-то происходит. Он чувствовал себя как перед болезнью. Как будто что-то начинает ныть у него внутри. У него дрожали руки, когда он держал чашку с кофе. Он сделал глоток, и у него сдавило горло. Последний раз он пил кофе там, в их домике, похожем на собачью будку, перед самым отъездом. Тогда она попросила взять ее с собой... Она же просила его! Данил не замечал, что потихоньку льет кофе в тарелку с гречневой кашей.

Внезапно подняв глаза, он увидел удивленные лица родителей, поставил чашку на стол и ушел в свою комнату. Он не должен это вспоминать! Ему вообще нельзя больше о ней думать! Но он чувствовал, как в нем что-то просыпается, что-то страшное и огромное, и когда оно проснется окончательно — Данила уничтожит, сожжет, раздавит!

Ему стало страшно. Этого нельзя допустить... Нужно задавить это опять, нужно что-то придумать! В панике он стал лихорадочно цеплять на себя одежду. Ему нужно пойти куда-то, кого-то найти и с кем-нибудь посоветоваться! Ведь наверняка кому-то известно, как это бывает, что делать в таких случаях... Он пойдет к Карине! Она все об этом знает и отвлечет его, она ему точно поможет!

— Ни фига себе, какой мужик! — Карина застегивала юбку и явно собиралась уходить. — Какими судьбами?

— Ты уходишь? — испуганно спросил Давыдов.

— Да. Жалко, конечно... — она игриво взглянула на Данила. — А что? Развеяться решил? Давай, солнышко, вечером, а?

— Карина! — он поймал ее взгляд. — Мне нужно спросить тебя! Посоветоваться. В одном деле... личном. Пожалуйста, сейчас, давай с тобой поговорим!

— Поговорим? — она слегка наклонила голову и прищурила глаза. — Ну давай. Только говори скорее, я пока ничего не понимаю! И чего ты краснеешь, будто в меня влюбился?

— Вот! Правильно, Карина! Только не в тебя! — Данил стал жестикулировать, поднимая руки и снова бессильно их опуская. — Не в тебя, а в... в общем, она меня бросила! Что мне делать?

Брови Карины поднялись вверх, и рот растянулся в улыбке:

— Не знаешь? Купи цветочки и попроси прощения! — сказала она издевательским тоном.

— Да нет же! Совсем бросила. Уехала!

— А-а! — засмеялась Карина. — Ну все тогда, прыгни из окошка!

— Я серьезно.

— Дружочек мой! — переменявшимся резким тоном оборвала его Карина. — Ты в зеркальце смотришь, страдалец?

Данил пожал плечами. Он не понял.

— Если кто-то там тебя бросил — радуйся, что отделался от дуры! Ты влюбился неудачно, придется влюбиться снова! — Карина направилась к двери.

— А... это может быть? — очень серьезно взглянул на нее Данил.

Она обернулась и выдохнула, раздувая щеки:

— Шуруй-ка отсюда, красавчик мой. Не смей тетю этими анекдотами.

Уже выйдя на улицу, Давыдов подумал, что Карина на самом деле права! Он ведь даже не пробовал развлечься с кем-то другим, а на свете вовсе не одна малолетняя шлюха, таких много! Кажется, Леха говорил про какой-то вечерок? Что ж, Данил туда явится! В любом случае, теперь у него есть отсрочка до вечера.

Валерка наблюдал, как Даня готовится к очередному сборищу. По всему видно, что он собирается снять новую барышню: он оделся довольно солидно, застегнув даже верхнюю пуговицу на рубашке, и изрядно облился одеколоном.

Валерка немного успокоился и собрался удалиться в спальню. Данил уже шел к входной двери, как вдруг раздался междугородний телефонный звонок. Валерка обернулся, но Даня бросился к телефону так, словно аппарат падал с полки, и Данил хотел поймать его на лету.

— Алло! — крикнул он в сорванную трубку. — Сейчас... это тебя, — сказал Данил Валерке и быстро ушел из квартиры.

***

У Лагунова был Генка Левковский и еще три незнакомых девицы. Когда Давыдов сел за стол, компания уже изрядно поддала, не дожидаясь, пока явится Данил, для которого было оставлено местечко на диване рядом с самым великолепным экземпляром из этой симпатичной коллекции молоденьких подружек. Лешка выцепил их в городе сегодня днем, это была неслыханная удача, и Лагунов поверил в успех дела. Он сразу решил, кого подсадит к Давыдову. Ее звали Илона. Стройная фигурка, длинные каштановые волосы и огромные голубые глаза на бледном лице с нежной кожей.

Она была сейчас в короткой юбочке, и ее колено торчало над низким столиком прямо под носом сосредоточенного Давыдова.

Данил смотрел в тарелку. Все, он должен настроиться и переключиться на эту прекрасную девушку, сидящую к нему вплотную. Она не позвонит. И он больше не будет бросаться к телефону! Сейчас, сейчас он успокоится и увлечется этой благоухающей красавицей Илоной.

Генка взял бутылку и стал опускать горлышко над рюмкой Данила.

— Нет! Не надо, Гена! — замотал Давыдов головой. Он чувствовал, что пить ему нельзя, это будет уже конец. Стоит ему выпить хоть чуть-чуть, и тогда — все, сорвется последний болтик у него внутри, который еще каким-то чудом удерживает крышку люка, откуда пробивается какая-то страшная неизвестность, смертельная опасность! Он должен это прекратить... Надо придавить это в себе и задрать навеки. Он должен сопротивляться! Данил повернулся к Илоне, но ему не удалось сосредоточить бегающий взгляд на ее тонком красивом лице.

— Ты че, Дань, заболел? — спросил Генка, удивленный отказом Давыдова от спиртных напитков. — Печенку решил подлечить?

— Ну, не хочет — не надо! Нам больше будет. Скажите, девчонки? — пришел на помощь Лагунов. Он взглянул на Данила и понял, что тот безмерно ему благодарен.

Данил посмотрел на скрещенные ноги Илоны. Он должен к ней прикоснуться, начать ухаживать, но он что-то не может вспомнить, как именно это делается... А она совсем не так забрасывала ногу на ногу... Данил достал сигарету и закурил от поднесенной Лагуновым зажигалки.

Илона наклонилась и, улыбаясь, заглянула Данилу в лицо, держа сигарету в ухоженных бледных пальцах.

— Огоньку не найдется? — заигрывая, спросила она и стала прикуривать от его сигареты.

Лешка включил медленную музыку и вывел из-за стола свою подружку. Вот, правильно! Данил должен пригласить ее танцевать!

Положив сигарету в пепельницу, Давыдов взял Илону за руку, и они вышли на середину комнаты. Данилу становилось по-настоящему страшно. Его руки лежат на упругой, тонкой, живой талии, но в нем ничего не шевелится! Он говорил себе, что у Илоны хорошая кожа. Но его руки помнят, что такое хорошая кожа!.. Тогда он стал внушать себе, что у нее отличные духи. Но его ноздри отвергают этот искусственный запах! Илона — не какая-нибудь малолетка и знает толк в таких вещах, она очень умело себя ведет, она... «Не какая-нибудь малолетка...» Данил остановился и закрыл глаза.

— О чем ты думаешь? — спросила Илона, удивленная тщетностью всех своих попыток.

Данил уставился в пол:

— Мне домой пора.

— Домой? Мама будет ругать?! — язвительно спросила Илона.

Но Данил не услышал, что она ему сказала.

— Не знаю... извини! — он быстро ушел в коридор.

Илона направилась следом, желая получить объяснения, но у самого выхода из комнаты подскочивший Лагунов дернул ее за руку, отбросил на диван и вышел сам, закрыв за собой дверь.

Данил быстро обувался.

— Даня, ты...

— Пока, Леха! — он убежал за дверь не завязывая шнурков, как будто боялся услышать то, что собирается сказать Лешка.

Лагунов вернулся в комнату и взглянул на сидящего за столом Левковского, состроившего придурковатую мину и вертящего у виска пальцем. Лешка знал, что Гена никогда не чувствует напряженности обстановки, но не до такой же степени! Как можно не понимать, что концерт окончен и всем пора по домам? Но никто никуда не собирался, и Лешке придется терпеть. Он может только ускорить события, побыстрее спойв Левковского и наговорив гадостей этим телкам, чтобы они обиделись и распрощались навсегда.

— Наливай, Геша! — Леша взял гитару и сел на кровать.

— О, Лагуна! — приободрился Левковский. — «Очи черные», на мой заказ!

Сделав вид, что ничего не услышал, Лагунов заиграл какую-то известную медленную мелодию.

***

Выскочив из подъезда, Данил остановился на крыльце, вливая в легкие огромные порции нагретого за день воздуха. Постояв немного, он медленно пошел вперед, к своему дому. Вот это да! Настоящий подарок судьбы! Эта малолетняя дрянь сделала из него импотента! Это же конец всему! Он больше не мужчина, он больше не человек!.. Как мог он такое допустить?

Неужели Данил считал, что хоть что-нибудь для нее значит? Но какое же это чудовище! Да она же врала, нагло, подло врала все это время! Наверное, она едва сдерживала свою ехидную улыбку, видя, как Данил ее жалеет. Какой же он легковверный баран! И как он раньше не догадался, что она ему просто отомстила. Низко, больно, жестоко отомстила за тот самый первый раз, когда он даже не был виноват! Она просто получила все, что так ее интересовало с самого начала. Да он же был для нее Кариной! Тренажером, на котором она оттачивала свое божье дарование! И ведь она знала наверняка, что он ее любит! И так гадко его использовала...

Данил уже почти бежал к подъезду. Ничего! Он не должен сломаться, он будет бороться, он не позволит этой твари себя уничтожить! Он просто будет жить, как обычно: спать, есть, гулять, и вообще больше ее не вспомнит! Эта дешевка не стоит даже плевка Данила Давыдова!

Валерка встревожился уже не на шутку, когда Даня, влетев в квартиру, не раздеваясь закрылся у себя в комнате. А это шараханье к

телефону? Нет, все-таки случилось что-то серьезное! Данил вернулся через полчаса и совершенно трезвый. Он явно чего-то боится и что-то скрывает. Надо обязательно узнать о том, что произошло там, на море, пока не поздно. Валерка знает как — он пойдет к Лагунову! Он все узнает, даже если ему придется стащить этого цыгана с очередной потаскухи, одной из тех, которым тот регулярно предоставляет ночлег!

Лешка, открыв дверь и увидев на пороге отца Дани, спокойно сказал:

— Проходите!

Валерка не ожидал, что Лагунов совсем не удивится его приходу и сразу же пригласит войти. Тем более у него, кажется, попойка. Леша как будто его ждал!

— Ты прости, я не вовремя...

— Ничего! Сейчас я их вытурю! — Лешка ушел в комнату, оставив Валерку в коридоре.

Подойдя к Левковскому, Лагунов наклонился к его уху:

— Гена, бери телок и сваливайте!

— Куда?! — вылупил Генка глаза.

— Куда хочешь! Только исчезните с глаз!

Гена уже открыл рот, чтобы возмутиться, но, увидев, кто к ним явился, на секунду задумался и, вставая, весело сказал:

— Ну что, зайки, меняем явку?

Но девицы и так уже собирались уходить, подметив появление слишком солидного и хмурого для этой компании товарища, и потому особых возражений не последовало.

Когда за последней подругой закрылась дверь, Валерка сел на диван, и Лагунов налил ему водки.

— Нет, Леша, я не за этим пришел. И ты знаешь, зачем. Так что там у вас случилось?

Лешка поднял на отца Дани глаза, но тут же опустил их снова. Он не думал, что батя совершенно не в курсе. Лешка почему-то решил, что отец как-то узнал или догадался и пришел выяснить детали. Но если Даня так тщательно от него все скрывает, значит, Дане так лучше. И потом — у Данила потрясающий отец, но он такого не поймет: он будет над Даней смеяться и доконает окончательно. Так что Лешка трепаться не должен.

Когда Лагунов снова посмотрел на Валерку, у Лешки на лице уже было привычное удивленно-идиотское выражение.

— Не-а, а что случилось? — Лешка как будто только что проснулся.

— Не валяй дурака, Леша! Я же, в конце концов, не чужой ему человек! Да и тебе, возможно! — Валерка увидел, что прав: Леша уставился на свой стакан. — Леша, Леша! Я должен это узнать! Ведь время идет! Я же могу помочь, мы решим любой вопрос! Ясно, что ты должен его покрывать, но подумай — ему же хуже!

Лешка не мог понять, к чему клонит папаша Данила, а Валерка видел, что Лагунов не расколется.

— Хорошо, не говори. Но можно я задам один вопрос, и ты просто ответишь «да» или «нет». И все. Идет?

Лагунов кивнул, явно настроившись сказать правду, и Валерка решил:

— Здесь какой-то криминал?

— Фу ты, черт! — выдохнул Лешка и замахал на Валерку руками. — Да вы че?! Нет, ну... это ж надо такое придумать!

— А что, что я должен был придумать?! — Валерка терял самообладание. — Я понял, спасибо! Вопросов больше нет!

Батя встал и пошел в коридор. Лагунову было очень его жаль: он так сильно переживает!

— Борисович...

Валерка обернулся возле самой входной двери.

— А вы, это... сами спросите. От вас, небось, не убудет!.. — неуверенным голосом посоветовал Лешка. — Ну, вдруг расскажет! А может, и само пройдет... — Леша пожал плечами и ушел в комнату, показывая, что передача информации окончена.

Идя через двор, Валерка фильтровал полученные сведения. «Вдруг расскажет?» Что ж, Валерка спросит завтра же утром. Но что пройдет само? Только не это... Однако в любом случае — это тоже не смертельно. Валерке известно несколько подобных примеров из среды своих высокопоставленных знакомых — и ничего, живут себе, радуются.

***

Данил лег в кровать. Неужели он собирался жениться? Он и впрямь думал, что она его любит и они договорились? Он так ей

доверял, что не узнал даже точного адреса. Впрочем, наверное, эта лицемерка наврала и про то, что живет в Краснодаре. Может, ее и зовут-то не так... А притворяться уж она умеет! Вспомнить хотя бы тот случай с больной ножкой, когда... Нет, этого вспоминать нельзя! Данил закрыл глаза.

Сейчас он просто уснет и вообще перестанет думать.

Он заставил себя переключиться на подсчитывание овец в воображаемом стаде и вскоре действительно уснул. Хотя вряд ли это можно было назвать сном: ее образ стал преследовать Давыдова с первой минуты этой первой в его жизни кошмарной ночи, когда до самого утра его изматывали не сны, а физические ощущения ее кожи, ее запаха, ее дыхания и голоса, ее сдавленного стога и внезапного крика. Он постоянно просыпался, находя себя в состоянии, красноречиво указывающем на то, что его предположения о собственном половом бессилии, мягко говоря, преждевременны. Он восстанавливал дыхание, но стоило ему закрыть глаза — и все начиналось сначала.

К утру он чувствовал себя так, будто только что закончил пятичасовую тренировку. Он прекрасно видел, как смотрят за завтраком родители на его усталую позу, трясущиеся руки и круги под глазами. Но что он может сделать?..

— Даня... Посмотри на меня, — тихо сказал отец, когда мама вышла из кухни, но в ответ Данил смог только бессильно махнуть ресницами. — Сына... ты уверен, что должен все скрывать? Может, стоит рассказать мне? Я ведь, наверное, мог бы помочь...

— Все в порядке, папа! — Данил встал с табуретки, но Валерка, мягко взяв его за руку, заставил сесть снова.

— Я вижу, что в порядке, Даня! Знаешь... — и отец стал на что-то невнятно намекать, а когда наконец Данил понял, что он имеет в виду, то даже улыбнулся.

— Папа, мне все понятно. Завтра, хорошо?

— Что завтра? — не въехал растерявшийся Валерка.

— Принесу тебе справку от венеролога.

— Ну, так-то уж не надо! — резко перешел Валерка на повышенные тона. — Если ты здоров, то так и скажи!

— Я здоров.

— А что же тогда происходит, черт дери!

— Ничего. Я просто устал.

— Устал?! — Валерка окончательно вышел из себя. — На курорте устал?! — он вскочил с места, но Даня внезапно вскочил тоже и крикнул еще громче:

— Да, папа! Я устал на курорте! — он ушел из кухни и закрылся в своей комнате.

Вошедшая Людмила, увидев, как ее муж сидит, накрыв глаза ладонью, поняла, что очередная Валеркина гипотеза с треском провалилась и положение только усугубляется.

«Бедные, бедные мои родители», — думал Данил, сидя за своим письменным столом. Наверное, он явился на этот свет специально, чтобы отравить им существование! Он был хилым, истеричным ребенком, когда был маленьким, потом — эти издевательства на протяжении чуть ли не всех школьных лет, а теперь окончательно решил прописать их в психушке. Впрочем, неизвестно, кто из них раньше там окажется... Нужно хотя бы постараться вести себя с ними нормально!

С этой минуты Данил стал стараться вести себя нормально. Однако чем больше он старался, тем хуже у него это получалось.

Лешка пришел днем, когда родители были на работе.

— Даня, мне пора ехать в бурсу.

— Какие проблемы, Леша? — равнодушно ответил Давыдов.

Лешке плакать хотелось от вида убитого горем друга.

— Да что ты прямо уж совсем!.. Ну, она же не умерла, елки-палки!

— Лучше бы умерла, Лешка! Лучше бы умерла! — крикнул Данил и добавил совсем тихо: — Ну все. Иди, Лагуна, — он снова опустил лицо на сложенные на столе руки.

Только сейчас Лешка понял, как просчитался, как недооценил он силу той власти, которую она над Данилом имела и имеет до сих пор. Как ошибся он, выставляя ее в образе предательницы, как провалилась Лешкина ставка на давыдовскую гордость. И Лагунов решил сделать последнюю попытку.

— Слушай, а может, ее поискать? В Краснодаре-то, небось, не так уж много школ!

— Нет, Леха, — серьезно ответил Данил. — Это будет уже слишком, понимаешь?

Да, Лагунов понял: если в Краснодаре Давыдова будет ждать какой-нибудь очередной сюрприз — он этого уже не перенесет. И Лешка больше ничего не может для него сделать. Он использовал все, и он уже Данилу не нужен. Ему, кажется, уже никто не нужен. И совершенно подавленный Лагунов уехал в Харьков.

***

Теперь она преследовала Данила не только ночью. Она не отпускала его ни на минуту, не давала никакого перерыва. Вечером он решил, что спать ему нельзя, и начал пить кофе в чудовищных количествах, приближая свою маму к нервному срыву. «Мне хочется!» — ответил он ей, наливая очередную чашку. Он должен бороться, он должен довести себя до изнеможения, чтобы потом отключиться автоматически, когда его мозг уже не в состоянии будет шевелиться.

Под утро он действительно свалился на кровать, но впал в состояние какого-то воспаленного бреда. Она стоит на причале с непомерно большой сумкой на худеньком плечике, а Давыдов валяется у нее в ногах, хватаясь за тоненькие ремешки кожаных сандалий, и умоляет его не оставлять. Но она, улыбаясь, уже поднимается по трапу на борт небольшого белого катерка. «Возьми меня с собой!» — кричит он ей, но она, весело рассмеявшись, машет ему рукой и уходит все дальше...

Данил вскочил и пошел в ванную, но он уже не мог отделаться от этого кошмара, у него уже нет сил, он скоро перестанет сопротивляться.

Он стал постепенно терять ориентацию во времени и отдавать себе отчет в собственных действиях. Он пытался держаться при родителях, но уже не мог различить, спит он или просто лежит: она все равно у него перед глазами. Ест он или просто ковыряется в тарелке. Сколько прошло дней — два или три? Смотрит Данил телевизор или сидит и просто ее вспоминает, и почему ему сейчас так холодно, если на улице жара?

Она никогда здесь не была, но все здесь о ней напоминает. Кофе, который она любила и в который сыпала так много сахара. Одежда Данила, которую он собирался на нее примерить. Эти заунывные песни по радио, слова которых придуманы специально по мотивам его личной трагедии. Это мягкое одеяло, которое он всегда вспоминал, согревая ее своим телом...

Но если Данил не замечал своего состояния, то Валерка с Людкой замечали его отлично. Похоже, он ни на какую учебу ехать не собирается, и выяснить ситуацию у него невозможно. Он не слышит их вопросов, когда лежит на кровати и смотрит в неизвестность. Самое большее, что он делает за завтраком — это глоток чая после двадцатиминутного размешивания сахара, за обедом — превращает суп в однородную кашу, за ужином — строит горку из картофельного пюре. Когда Данил смотрит телевизор, то, проследив за его взглядом, неизменно утыкаешься в вазон, стоящий на подоконнике. За три последних дня он похудел, наверное, вполовину и ходит, заметно пошатываясь, а сейчас он лег на кровать и с головой накрылся одеялом при жаре в квартире.

Людка плачет ночи напролет, и когда наконец, выслушив немыслимую дозу снотворных таблеток, она засыпает, Валерка встает и идет курить на балкон. В комнате Данила всегда горит его настольная лампа, и с каждым днем оттуда доносится все меньше звуков...

***

Людмила вошла к Дане, села на кровать и спросила:

— Ты плохо себя чувствуешь, сынок?

Данил не ответил, но она видела, как трясет его под душным одеялом. Отогнув его край, она положила руку на раскаленный лоб сына.

— Боже мой!.. Ты весь горишь!

Людмила принесла градусник, и Даня покорно засунул его под мышку.

— Ничего себе... — прошептала Люда, глядя на блестящий столбик ртути, — тридцать девять и девять... Раскройся, Данечка! Так только хуже.

Мама принесла ему несколько таблеток, и Данил их проглотил, запив водой. Вскоре ему стало немного лучше, температура резко упала, и он даже как будто вернулся к действительности.

«Что же это такое?! — злился на себя Данил. — Такого просто не может быть!» Ну в самом деле, давно прошли уже те времена, когда можно было лечь и тихо сдохнуть от несчастной любви! У человечества выработался стойкий иммунитет к подобным вещам, только вот Данечка Давыдов, видимо, уникальный выродок! Просто

редкостный экземпляр — все равно что с хвостом! И что, от этого бывает температура?! Нет, он не будет так просто сдаваться. Он должен заставить себя вернуться к нормальной жизни!

Валерка не пошел на работу, а утром пришел участковый врач, которого никогда не вызывали к этому здоровому теленку, раньше он приходил к его матери.

Данил просто бесился и боялся, что не сдержится и вцепится этому доктору в горло, когда тот начал выслушивать что-то у него внутри и заставлял высовывать язык. Наконец, отчаявшись что-нибудь обнаружить, участковый с умным видом поднял бесцветные бровки и заключил:

— Ну что? В легких чисто, горло в порядке. Давление, правда, повышенное и небольшое сердцебиение (еще бы: Данил просто в ярости!), так что это, скорее, нервное.

И, мило Давыдову улыбнувшись, спросил:

— Ты, часом, не влюбился?

— Нет! — мгновенно, злобно и слишком громко ответил Данил.

Валерка резко повернулся к его двери, стоя у окна в гостиной и слыша этот разговор.

Врач достал бланки рецептов и стал выписывать Данилу успокоительные средства типа валерьянки и витаминов для профилактики. «Не забудьте цианистый калий!» — хотел крикнуть ему Данил, но сдержался, взглянув на свою несчастную, измотанную мать. Но чем он может ей помочь? Он и сам не знает, как бороться!

Врач ушел, и Люда сказала, что сейчас ходит в аптеку.

— Мама! — раздраженно ответил Данил. — Я здоров! Здоров! Со мной все в порядке!

— Данечка, но ты же так похудел, ты...

— Ах, я похудел?! — вскочил он с кровати. — Вот и папа как раз здесь! Пора обедать! Я хочу есть, мама! — и он понесся на кухню.

Людка с Валеркой просто замерли в оцепенении, наблюдая, как обедает их сын. Данил с максимальной скоростью запихивал в рот все, что видел на столе: сыр, хлеб, конфету и глотал это, практически не пережевывая.

Он должен заставить себя есть, спать, нормально разговаривать! И он продолжал заталкиваться безвкусной пищей.

Он мог бы обмануть свои мысли, но он не может обмануть желудок! Его тело — не в его власти, оно отказывается без нее функционировать!

Данил не смог и пяти минут удержать у себя внутри то, что так старался туда забросить. Он резко вскочил и, влетев в туалет, вытолкнул весь свой обед в унитаз.

Он умылся в ванной и медленно, обреченно побрел в свою комнату. Все. Он сдается. Ему не хочется в кровать — у него болит голова. Сейчас он просто сядет за стол и будет ее вспоминать. Он уйдет к ней. Он больше не будет сопротивляться — это бессмысленно: он непомерно слабее. Он просто будет сидеть, думать о ней и ждать, когда все закончится. Как именно закончится — ему уже безразлично...

Взглянув на всхлипывающую у окна Люду, Валерка бросился в коридор. Ему нужно срочно что-то предпринять! Он должен наорать на него, задеть, оскорбить! Заставить встряхнуться, закричать, вернуться к жизни!

— Да что же ты делаешь?! — закричал отец Данилу, который сидел за столом, положив голову на сложенные руки. — Да ты... ты посмотри на свою мать! Ну что же это, Даня?! Что же?

— Папа, — тихо и как-то очень уверенно обратился к нему Данил, подняв спокойное лицо. — Не надо кричать. Это не поможет. Не думайте обо мне больше. Не надо больше меня трогать. Просто живите, как жили, и все. Хорошо? — и Данил снова положил голову на сомкнутые руки.

— Сыночка...

До сих пор Валерка считал себя сильным человеком. Он практически ничего не боялся в этой жизни. И теперь он понял, что бояться чего-то просто смешно! Теперь он знает, что самое страшное. Если бы с Валерки медленно сдирали кожу, это показалось бы ему приятным развлечением по сравнению с тем, что он чувствует сейчас. У него на глазах, у него на руках постепенно, неотвратно угасает, гибнет его сын. Его мальчик, его единственный ребенок и... ну не может же быть, чтобы от этого!

Уйдя на кухню и оседлав стул, Валерка достал сигарету. Его очередное предположение казалось диким и каким-то абсурдным, ну и что? Не тот человек Валерка Давыдов, чтобы перед чем-либо

отступить! Конечно, это не Валеркин случай, с ним такого произойти точно никогда бы не могло. Да только Даня совсем на него не похож. Даня ведь до сих пор ребенок. Такой наивный, впечатлительный, настежь для всех и для всего распахнутый! Трудно ему будет в этой жизни, но ничего, он справится. Для чего-то же есть у Данила отец! В конце концов, повидал Валерка на этом свете историй немало. Он, конечно, не доктор, но рецепт, подходящий к случаю, знает универсальный.

— Знаешь что, Люда? — встал со стула Валерка и потушил сигарету в пепельнице. — Иди прогуляйся.

Он видел ее непонимание, но ничего сейчас объяснять был не намерен, практически вытолкнув из квартиры. Она бы обязательно подслушивала и, скорее всего, начала бы активно вмешиваться, и Валерка знает наизусть, что именно она бы говорила, как задетая мать своего единственного ребенка! Только сейчас это ничем не поможет.

Даня все так же сидел за столом, сложив руки, как школьник за партой, и опустив на них голову. Он не повернулся на звук открывающейся двери.

Войдя, Валерка нахально присел на его стол, поставив рядом с собой пепельницу.

— Посмотри на меня, сына.

— Не нужно, папа, — почти прошептал Данил, не поднимая головы. — Ты все равно не поймешь.

— Хочешь сказать, что я тупой? — внятно спросил Валерка.

— Ты нормальный! — вскинул Данил на него страдальческий взгляд. — Все вы нормальные люди, это я урод!

— Ну и как ее зовут, урод? — спокойно закурил Валерка прямо в комнате у сына, который удивительно напоминал сейчас самого себя лет в шесть, когда умолял не водить его в бассейн.

Данил вдохнул, но имени ее произнести не смог, да и зачем? Папа сам обо всем догадался! И спрашивает так просто, будто ничего необычного не происходит... Данил смотрел в его спокойное лицо с этим знакомым, хитрым и насмешливым прищуром ярко-синих глаз, с родными веселыми морщинками, словно лучики расходящимися к вискам, и дышать уже было невозможно, и ком этот не проглотить никак...

— Да начинай реветь уже, а то, смотрю, задохнешься! — улыбался ему папа, выпуская дым, и слезы сами полились из глаз. — Нормально это, Даня, нормально! Перед кем еще плакать? Я-то уж на это еще в твоём детском саду насмотрелся. Так что, расскажешь?

— Нет... — заливаясь слезами, Данил помотал головой. — Нечего рассказывать, папа! Об меня просто ноги вытерли, а я... не могу забыть, я только ее люблю и не хочу никого больше! Я только о ней все время думаю! Это было что-то такое, папа... невозможное просто! Я вообще не представлял себе, как это может быть!..

Валерка курил и ждал, пока выльет со слезами Даня свою горькую обиду и накричится о своей трагедии. Он видел, что Данил будто бы сам освобождается, описывая то, что с ним на этом чертовом курорте происходило и что он теперь чувствует. Кажется, если бы Валерка вышел сейчас из комнаты, Данил бы не остановился.

Рассказать кому — не поверят же!.. Оказывается, Валеркин фирменный хлыщ, еще со школьных лет переметеливший едва ли не половину Киева, просто взял и в кого-то влюбился. Да так, что еще немного — и вены себе, наверное, вскрыть был бы готов. Эх, дорого бы дал Валерка, чтобы взглянуть на эту дуру, которая пренебрегла его Даней. Что же она должна из себя представлять? Ясно, что! Душевнобольную, не иначе. Не наследница же она английской короны! Послушать только, какие слова Даня подбирает при том, что не прочел в своей жизни ни одного любовного романа! Впрочем, Валерка ничего такого никогда не читал тоже, и, тем не менее, разобраться здесь придется. И справиться Дане придется так, как справляются с этим мужчины.

***

Насколько же легче стало Данилу после того разговора с отцом! А ведь папа, по сути, не так уж много сказал. Лишь то, что следует просто заняться наконец делом, раз уж с личным пока не складывается. Ну так Данил и займется! Он больше отца не подведет, он изменится полностью и докажет, что не такой уж слюнтяй, как все думают!

Никогда больше Данил Давыдов не заплачет в чьем-то присутствии, он вообще никогда не заплачет, ни на что не пожалуется и ни в кого больше не влюбится!

Он будет считаться только с родителями, он так много остался им должен! И теперь переступит через что угодно и через кого угодно, если это будет нужно для его продвижения вверх. Он будет двигаться в карьере с невиданной скоростью, он будет всем обеспечен и со снисходительной улыбкой будет смотреть на тех, кто остался позади и возится со своими соплями. Он уже достаточно над собой поиздевался и дал поиздеваться другим. Теперь у него будет только сила воли, чувство долга и холодные мозги. Остального не увидит никто!

Валерка много разговаривал с ним за эти пару дней до отъезда. Впервые так откровенно, просто сидя вдвоем на кухне и самостоятельно подливая ему в рюмку... И столько нового про своего Даню понял. Теперь поражался Валерка, как мог он считать Данила тряпичником, эгоистом и маменькиным сынком... И как же несправедливо обошлась с ним судьба: ну разве многого Даня хотел? Единственный раз, наверное, хотел чего-то лично для себя, а его подло, без всяких объяснений предали. Неудивительно, что он тяжело это переживает. И совершенно ясно чувствовалось, что говорит об этом Даня в первый и последний раз в своей жизни. Он хочет оставить это в прошлом, где-то в себе, и не собирается больше к этому возвращаться. Что ж, Валерка его понимает. Кажется, впервые в жизни понимает.

Данилу пора уезжать, он уже стоит в коридоре со своим дорожным чемоданчиком и шутит, что не вернется без адмиральских погон.

А Людмила не может придумать, что сказать в ответ. Ей страшно. Перед ней стоит не Даня, не ее вредный спиногрыз, не избалованный мальчик — а совершенно незнакомый взрослый мужчина.

Его глаза — холодные и злые. Его губы плотно сжаты, лицо очень сосредоточенное и замкнутое. У него даже голос другой — более грубый, похож на Валеркин, только какой-то неживой, без привычной насмешливой нотки. Он уезжает насовсем. Конечно, он еще приедет, но теперь он в Людмиле не нуждается. Он будет приезжать лишь в гости.

Его дом теперь там, на море, там его будущее, его самостоятельная, совершенно не зависящая от нее жизнь. Ее время вышло. Ее мальчик теперь — в воспоминаниях. А что она может вспомнить? На что потратила она эти девятнадцать лет? Она даже его

не знает! Как могла она раньше не понимать, что ребенок у нее — не навсегда, что нужно спешить, нужно использовать каждый момент, каждую возможность быть с ним рядом! А теперь уже поздно. Так надо, так бывает всегда, но как же это жестоко! Почему люди понимают главное только тогда, когда уже ничего нельзя изменить?..

Конец первой части

Часть 2. Почти как у всех. Глава 7

Глава 7

Отодвинув легкую занавеску, Лена Стельникова в задумчивости уставилась в окно своей кухни, будто бы что-то интересное могла обнаружить в ночном пейзаже их тихого двора. Первая серия «интересного» там окончилась полчаса назад, когда вернулись с очередной попойки их бравые штабисты. Впрочем, Мишка — Ленкин драгоценный муженек — оказался во вполне сносном состоянии и сейчас уже спокойно спит в компании их двухлетнего Андрюхи, а у Ленки сегодня плохие предчувствия. Похоже, у нее просто затишье до дежурной ночной сцены отпаивания своей лучшей подруги успокоительными после скандала со снова надравшимся в хлам Давыдовым. Ну еще бы, такой повод! У их закадычного приятеля, начфиза бригады морской пехоты Арсена Магрипова, родился сын. А три дня назад у капитана их баскетбольной команды Толика Салаева был день рождения. А на прошлой неделе — вообще святое: День космонавтики! Важнейшее сборище в череде нескончаемых весенних праздников.

Как же скучно они с Мишей жили еще каких-то три года назад до появления в их доме этого соседа снизу — блатного наглого красавчика, лучшего друга всех людей на земле, любимца командования штабом и непререкаемого авторитета по части местных шлюх. Как мог лейтенант, недавний выпускник военного училища, поселиться в их севастопольской «сталинке» в обход традиций и правил? Он не входит в состав командования флота, как Ленкин отец, и даже не имеет старшего офицерского звания, как Ленкин муж. Он не внук прославленного ветерана войны, как сама Ленка, и квартира не досталась ему по наследству. Зачем ему вообще какие-то правила и существующие законы? У него есть чудесный папа! Киевский партийный бонза едва ли не первой величины. Вопрос достойного места проживания для своего сыночка он решил парочкой телефонных звонков, так что о своем благополучии Данил может совершенно не переживать. Да он и не переживает! Вообще, похоже, ни о чем не переживает в этой своей разгульной, бестолковой жизни.

Что нашло на Ленку в тот проклятый день, когда она решила познакомить Давыдова со своей подругой детства, вернувшейся в Севастополь после окончания Ленинградского мединститута? С вечной отличницей Кирой Черновой, контр-адмиральской доченькой, образцом непогрешимой честности, блестящего воспитания и несомненной красоты. Кира младше Ленки на несколько лет, их отцы всегда очень близко дружили, и теперь Ленка невольно чувствует себя перед всеми виноватой.

Зачем Ленка все это придумала и сама же организовала, пригласив их двоих к себе на ужин по специально изобретенному поводу уже больше чем полгода назад? Чтобы осчастливить подругу знакомством с одним из самых перспективных кадров штаба, специалистом по электронике и новейшим программным разработкам? Да ладно, себя-то обманывать не надо! И можно признаться себе честно: «осчастливить» Ленка вовсе не Киру старалась. Она надеялась, что с Кирой, с этим самым, казалось, подходящим для стабильных отношений вариантом, Данил станет хоть чуточку серьезнее к своей жизни относиться. Страшно за него Ленке. И так его отчего-то жаль... Он ведь совсем, совсем не такой, каким хочет казаться.

На самом деле он вовсе не похож на сынка столичного «решалы». Он остроумен и прекрасно воспитан. В своем свободном и легком общении с Леной и Мишей, например, он остается абсолютно корректным, не допуская и тени типичного для блатных отпрысков пренебрежения. Он совершенно бескорыстен и всегда готов отдать последнее, если кому-то из его друзей это понадобится. А какой он толковый помощник в хозяйстве! Если Миша занят на службе, Ленка легко может оставить с Давыдовым своего Андрюшку на несколько часиков в выходной, чтобы пробежаться по магазинам или встретиться с подругой, и Ленка прекрасно видит, с каким удовольствием Данил общается с ребенком.

Конечно, есть на свете люди, которые счастливы в одиночестве, но это точно не про Давыдова! При этом он упорно отказывается по-настоящему с кем-нибудь сблизиться. Что же с ним не так? И что не так с Ленкой, которая усердно участвует в его обустройстве? О, в свои двадцать девять лет Лена Стельникова, тоже врач по образованию, а сейчас — педиатр в Севастопольском роддоме, прекрасно знает, что именно с ней творится и чего ей в этой жизни не хватает.

Лена уже давно пришла в себя после рождения Андрея и давно готова к нормальной супружеской жизни, да только нормальная супружеская жизнь для Мишки — что угодно, кроме постельных страстей. Не хочется их Мишке, его жизнь и так налажена. Миша ей не изменяет, это исключено, но он вполне счастлив, имея близость с Ленкой разочек-два в месяц. После рождения сына он вообще в этом плане успокоился и, видимо, считает, что теперь, достигнув всего, чего хотел, на личном фронте, он может волноваться только относительно своей карьеры.

Лена так радовалась всегда, что ее супруг — человек не озабоченный... Но теперь он слишком уж не озабоченный! Она должна не просто намекать ему на то, что он еще мужчина, а чуть ли не насиловать, когда ей надоедает с ним заигрывать. Он отличный муж, прекрасный хозяин, замечательный отец, он ее любит, и Ленка любит его тоже, но ее интимная жизнь окончена, что ли? И она до конца дней своих должна довольствоваться поцелуйчиками в щечку от любимого супруга да комплиментами по поводу вкусно приготовленной жратвы?

Ну как здесь не начать фантазировать о плотских утехах в объятиях какого-нибудь горячего красавца, если олицетворение всех этих фантазий прямо под Ленкой, на втором этаже находится! Конечно, она ни за что на свете не расстанется со своим Мишкой, а уж Давыдов — последний человек, с которым она могла бы нормально на одной территории существовать, но если уж быть до конца с собой откровенной, в последнее время Ленка чувствует, как получает удовольствие от того, что у Черновой ничего с ним не выходит. Кира влюблена в него по уши и считает Данила просто избалованным, непослушным мальчиком, который делает все ей назло. И вроде бы Ленка сочувственно кивает, слушая бесконечные Кирочкины жалобы на несносный характер любимого Данилки, но одновременно с этим ядовито злорадствует внутри.

Естественно, Лена хочет счастья для своей подруги, но еще больше она хочет ее любимого Данилку. А вернее, его физическую оболочку.

Разумеется, ей это совершенно недоступно, и, слава богу, Давыдов не догадывается, о чем думает Ленка, каждый раз провожая их с Мишей взглядом, когда они отправляются на службу или

возвращаются домой в своей «повседневной форме вне строя». А как носит Давыдов эту форму! Хоть повседневную, хоть парадную... Такое впечатление, что на нем костюм из последней коллекции парижского кутюрье — так элегантно и небрежно он выглядит, откидывая полу кителя в поисках ключей или сигарет. Или просто когда опирается плечом о дверной косяк и ожидает Мишку, засунув в карманы руки. А его вихрастая прическа, похоже, придумана специально, чтобы надевать на нее офицерскую фуражку. Вьющиеся волосы у него на висках поднимаются немного над ее краем, и кажется, что эти перистые детали — дополнение головного убора, так естественно они к нему прилегают.

Впрочем, он и без формы доводит Ленку до тихой ярости от невозможности даже глазеть открыто на его развратный большой рот, пластичные длинные руки и эти узкие бедра, обхват которых заметно меньше, чем его плеч. И Ленка не может удержаться от искушения забегать к нему вечером, когда он смотрит телевизор, сидя в своем большом кресле и прихлебывая из бутылки пиво. Тогда он обычно в одних спортивных брюках и майке или, еще лучше, вообще с голым верхом. Ленка садится на стул и спрашивает о разной ерунде, делая скучающий вид и глядя по сторонам, а он спокойно ей отвечает. И какая же у него при этом расслабленная поза! Ленка не может оторвать глаз от его бедра, лежащего чуть ли не на спинке кресла, и болтающейся голени с резиновым шлепанцем, висящим на кончиках его пальцев. Он практически лежит, опираясь своей гладкой мускулистой спиной о подлокотник кресла. Ох, как хотелось бы Ленке как следует потереться об эту глянцевую спинку! Но она может только смотреть и представлять себя на месте какой-нибудь девицы, на которую падет завтра его выбор. Если Ленка немного выпьет, в такие минуты ей кажется: она может не сдержаться и начать просто-напросто к нему приставать. Но тут он всегда, будто что-то почувствовав, быстро меняет позу на гораздо более скромную. Ленке становится стыдно, и она уходит. Но оттого, что ей стыдно, ей не перестает хотеться оказаться с Давыдовым на необитаемом острове, где нет никаких друзей, мужей, детей и обязательств.

А какой скандал она учинила бедняге Стельникову, прицепившись к какому-то пустяку, когда они возвращались из их любимого ресторана после того памятного дня рождения Арсена! Как же она там

бесилась, изображая культурную дамочку рядышком с удовлетворенным жизнью муженьком, которому в тот вечер желала провалиться сквозь землю! Кира тоже там была, и это хоть как-то скрасило Ленкину злость на свое бессилие потому, что Чернова бессильна тоже.

Ленка на свою голову сразу схватила внушительную порцию шампанского и уже с самого начала не сводила с Давыдова глаз. Кира была еще совершенно безмятежна, когда Стельникова поняла, что подругу ждет очередной сюрприз. Постепенно надираясь, Давыдов все чаще смотрел в сторону сидящей за дальним столиком вульгарной рыжей красотки. Та в ответ бросала ему томные взгляды. Играла музыка, и посреди зала веселились, танцуя, уже подогретые участники параллельно проходящего торжества.

Типичный представитель бравой десантуры, жизнерадостный и диковатый казах Магрипов, как обычно, несмотря на присутствие своей беременной жены, все больше расхотелся, расстегивая верхние пуговицы рубашки, и своим пошлым трепом и развязным видом заводил всех присутствующих. В том числе и Ленку, которая остывала, лишь взглянув на своего абсолютно спокойного Мишку. А вот Давыдов, сидя рядом с раскрасневшейся Кирой и не обращая на нее ни малейшего внимания, соблазнял свою рыжую жертву, не выходя из-за столика.

Он смотрел на нее, полузакрыв глаза, и когда выпускал дым, казалось, шлет ей губами воздушный поцелуй. Он поднимал бокал и, перед тем, как отпить, делал ей едва уловимый знак бровями, как бы показывая, что пьет за ее здоровье. А она повернулась боком, выставив скрещенные ноги в проход, чтобы он получше их рассмотрел.

Ленка прекрасно понимала их диалог, и ей хотелось, чтобы он продолжался как можно дольше. Она чувствовала, что уже учащенно дышит, и ей плевать на то, что ее лучшая подруга до сих пор ничего не замечает. Популярные итальянцы внезапно сменились записью музыки любимой Ленкиной «Бони Эм», и Магрипов вдруг, сверкая зубами, стал бить по столу стаканом и орать Давыдову, чтобы тот сделал ему какой-то подарок.

— Ара, сделай, ну! Обещал же, ара! Давай, сделай, сделай! — он, казалось, входил в раж, заводя всех окружающих и превращая

мероприятие в какое-то неуправляемое гульбище. Даже Мишка стал пихать локтем Давыдова и что-то ему говорить.

— Фо ю, командир! — Давыдов начал снимать пиджак. — Ну, публика просит! — с добрейшим видом сообщил он Кире.

Ленка тогда перепугалась всерьез. Что он должен сделать, если раздевается у всех на глазах? Уж не поимет ли эту рыжую девку прямо в банкетном зале? Однако Давыдов ограничился снятым пиджаком и вышел из-за стола под дикие вопли и улюлюканья Магрипова. Как только он появился на середине зала, вокруг послышались хлопки и свист. Его многие здесь знали, это Ленка давно поняла. На несколько секунд остановившись, он стал слегка подхлопывать и переминаться с ноги на ногу, а дождавшись припева, задвигался.

Стельникова в первый раз видела, как танцует Давыдов. Да, не зря Арсен так дико визжит. Давыдов просто чудеса выделывал своим телом, нижняя часть которого была явно специально приспособлена для этих ритмических движений и дергалась, будто на шарнирах, в любом направлении. Давыдов дурачился, кривляясь пьяным тетушкам, которые постоянно к нему пристраивались. Он свободно перемещался по залу и постепенно приближался к столику, за которым и сидела та рыжая шлюшка. Остановившись невдалеке, он стал явно ее подзывать, и она быстро к нему присоединилась, находясь тоже далеко не в трезвом состоянии.

Сразу схватив ее за руку, Давыдов резко дернул девицу на себя, потом оттолкнул, ловко повернул под своей рукой и стал в том же духе продолжать это издевательство над Кирой, которая сидела совершенно бледная, повесив голову, опустив глаза и, казалось, была готова расплакаться. У Ленки сжалось сердце. Какая же он свинья! Ну ладно там, не обращаешь на Киру внимания, но хоть капельку уважения ведь можно иметь!

А девица тем временем преспокойненько развязала поясok своей блузочки и, поймав им Давыдова за талию, стала, продолжая дергаться, тащить его через весь зал к выходу. Он чувствовал себя совершенно уверенно и успевал на ходу подмигивать всем знакомым да еще и что-то им говорить. Ленка чуть ли не визжала от ярости, подобно беснующемуся Арсену. И еще больше выходила из себя,

понимая, что так сильно злится вовсе не из-за опозоренной подруги, а из-за черной зависти к этой рыженькой беззаботной барышне.

Эх, если б хоть на денек вернуться в то время, когда она была обыкновенной студенткой и училась вдалеке от всех знакомых и родственников! Как здорово Ленка умеет танцевать! Как бы хотелось ей оказаться на месте этой развлекающейся красивой девчонки и повиснуть на первом попавшемся парне, не задумываясь о том, что скажут окружающие. Так нет же, Елена Яковлевна Стельникова — солидная замужняя дамочка и должна чинно сидеть рядом с любящим супругом и презрительно улыбаться, глядя, как веселятся молодые раскованные люди.

Когда перестала звучать музыка, взмыленный Давыдов, послав на прощанье Магрипову воздушный поцелуй, исчез за дверью банкетного зала, увлекаемый все тем же тоненьким пояском, приведя в полный восторг Арсена и окончательно добив потухшую Киру. Как, должно быть, Чернова ненавидит эти бесконечные попойки-оргии, что всегда заканчиваются для нее очередным ударом. Ленка не могла больше выдержать вида несчастной подруги и, достав сигарету, пошла вслед исчезнувшему Давыдову, не обращая внимания на Мишкин совет не вмешиваться. Нет уж, она решила, что скажет наконец этому хаму парочку слов!

Но выйдя за дверь в темный холл ресторана, Ленка поняла, что шла сюда вовсе не для того, чтобы закатить Давыдову скандал, а чтобы увидеть именно то, что увидела. Очень жаль, что Кирюша не вышла полюбоваться на своего милого Данилку, который с такой силой прижимал свою новую знакомую к стене, что та приподнималась на носки, вцепившись сзади в его рубашку, и явно считала лишним этот предмет его одежды. Жаль также, что Кира не видела, как его хорошенький ротик накрыл собой чуть ли не половину ее лица, а его невинные детские ручки почти полностью спрятались под свободной блузочкой, с которой был предусмотрительно снят пояс.

Ленку била дрожь от его животного вида, она молила бога, чтобы Давыдов подольше ее не замечал и дал возможность как следует насладиться этой неприличной сценой. Но он, видимо, спиной почувствовал Ленкин взгляд и, повернув голову, кривенько усмехнулся:

— О, шпионы не дремлют!

Ленку поймали с поличным. Она и правда за ним шпионила, и отрицать это — значит навести его на подозрения. Оставалось прикинуться агентом в пользу обиженной подруги.

— Совесть бы имел, Давыдов! — с омерзением на лице прошипела Ленка, глядя на блаженно улыбающуюся шлюшку, которую он продолжал ощупывать, спокойно отвернувшись от Стельниковой.

— А ты, Лен, позови сюда Кирюшу, — уже не оборачиваясь, небрежно сказал он. — Пускай поучится общаться. Да, мочалочка? — улыбнулся он своей новой знакомой. — Как тебя звать-то хоть?

— Катя, — низким голосом ответила та, снова притягивая к себе его голову.

Тут в холл вышел Арсен, неся Давыдову пиджак, и, спокойно к нему подойдя, заботливо накинул другу на плечи, причем руки рыжей девицы сразу стали на Давыдове этот пиджачок поправлять.

Арсен что-то шепнул ему на ухо, Давыдов покивал, и тот удалился в банкетный зал, подмигнув по дороге злобно сжимающей зубы Ленке. Она пошла за Магриповым, бросив в урну потухшую сигарету. Садясь за стол, Арсен идиотски взглянул на Киру и сочувственно вздохнул:

— Вот ведь как бывает, да? Срочное заседание партийной ячейки! Что делать... — развел он руками и снова взял бутылку, чтобы налить смеющемуся Мишке.

Тут-то Ленка, не понимая, с чего так развеселился ее драгоценный муженек, окончательно рассвирепела, утащив его домой и устроив по дороге жуткий скандал, ругая ни в чем не повинного Стельникова за то, что он так спокойно терпит все это безобразие.

Но несмотря на то, что Давыдов никогда не откажет себе в удовольствии затянуть в койку очередную барышню, Ленка давно замечает, с каким презрением он на своих подружек смотрит и как небрежно с ними обращается. И с Кирой Черновой — точно так же! И никогда не понятно, о чем на самом деле Давыдов думает и чего он вообще хочет в итоге добиться. У Стельниковой большие сомнения насчет того, что он сам понимает, что ему нужно, и она давно считает, что несчастной Черновой лучше вообще никогда не выйти замуж, чем связать свою жизнь с Давыдовым. У Киры не получится. Уже не получилось, только вот понимать это Чернова отказывается...

***

А Кира во всем была права! В каждом своем слове, в каждом жесте этого до боли знакомого спектакля, за которым Данил, сцепив зубы, мужественно наблюдал, сидя за кухонным столом и подпирая тяжелую голову.

Он же зашел на свою кухню, чтобы просто воды попить после того, как ему снова было плохо в ванной, он с таким трудом боролся с желанием улечься прямо там, когда стоял под душем, и, черт дери, надо было так и сделать! Закрыться от нее и до утра не выходить... Вот интересно, ей самой не надоело? И это они еще не женаты! Данил же может слово в слово произнести каждую ее следующую фразу. Она как раз закончила говорить о том, чего ни в коем случае нельзя ему делать: напиваться до скотского состояния, вести себя безответственно и гробить свое здоровье. Теперь она должна напомнить, почему именно нельзя так плохо поступать...

— Ты только посмотри на себя сейчас, Данил! — взывала к нему стоящая посреди кухни Кира, очень убедительно при этом жестикулируя. — Ты же не просто себе вредишь, ты же честь офицерскую позоришь! В твоем возрасте и при твоей должности уже пора научиться думать о последствиях...

«Такого поведения», — мысленно закончил он с ней вместе фразу и не угадал! «Такого образа жизни!» — сказала сегодня Кирочка, словно гвоздь вбила в его голову, которая и без того раскалывалась. И продолжала, и продолжала создавать эти звенящие вибрации, выносить которые становилось все труднее.

Данил сделал над собой усилие, приподняв веки и удерживая на ее лице сочувственный взгляд. Красивая она, конечно... Ее вьющиеся русые волосы лежат ниспадающими волнами, и этот каскад очень подходит к ее кругленькому личику со светлой кожей. Она такая строгая сейчас... Но когда улыбается, ее естественная детская улыбка образует на щеках хорошенькие ямки, которые в сочетании с лихо вздернутым носом придают ей вид совершенно очаровательного поросеночка. И глаза у нее красивые. Большие, ярко-голубые, всегда широко открытые...

Сильно же она отличается от своей подруги Леночки Стельниковой, его соседки сверху! У той миловидной, миниатюрной крыски с пронизательным, всегда прищуренным взглядом зеленоватых глаз прямо на хитрой мине написана способность подстраивать

всевозможные пакости. Данил давно уже понял, что Ленка специально ему Кирочку подсунула, мастерски обставив их якобы случайное знакомство. Впрочем, он совсем не обижается, Ленка ведь хотела как лучше! Тяжело вздохнув, Данил опустил глаза, скользнув по фигуре продолжающей выступление Киры.

Она вполне себе стройная, с довольно развитыми бедрами и плечами, что только дополняет образ типичной славяночки, у которой последняя проблема, которая может в жизни возникнуть — это проблема со здоровьем. Недаром она так о здоровье Давыдова беспокоится... Хотя по фигурке, конечно, есть здесь вопросы... Он снова горестно вздохнул, вспомнив свой первый с ней опыт на кровати в его спальне, который чуть ли не в день знакомства случился. Ну, может, на второй день или на третий, Данил точно не помнит, но произошло это довольно быстро. И опыт тот был поистине забываем.

Данил привел тогда Киру сюда, в свою квартиру. Он варил кофе и тянул время как мог, внушая себе, как сильно она, такая яркая красotka, ему нравится. Какой она прекрасный человек, как с ней приятно говорить, как хорошо она его понимает... Только все это было тогда ни при чем, он просто с самого начала ее не хотел. И все же сумел настроиться! Кира помахивала ему ресницами и приоткрывала в очаровательной улыбке белые зубки. Когда она переставляла ноги, он видел ее колено в тонком чулке и стал по-настоящему заводиться, взяв ее прохладную руку и уводя в комнату.

А через полчаса уже стоял на балконе в одних спортивных брюках и, глубоко затягиваясь сигаретным дымом, старался вернуть на место вылезавшие из орбит глаза. Что это было, силы небесные?.. Такое впечатление, что Кире кто-то заплатил за то, чтобы скрытой камерой снять порнографический фильм с ее участием! Она так громко стонала и причитала, что он постоянно интересовался ее самочувствием, ведь ничего сверхъестественного он с ней не делал.

Было совершенно ясно, что Кира начиталась и наслушалась популярных бредней о том, что все мужчины без ума от женской активности в постели, и таким образом хотела показать, как сильно он ей нравится и какая она на самом деле прекрасная шлюха. Да только шлюха из нее абсолютно бездарная, и он окончательно это понял, когда попытался сменить позицию. Кира была совершенно неуправляема!

Она вообще не понимала, чего от нее хотят, и лезла неизвестно куда, чуть ли не на голову! В конце концов он сдался и просто лег на спину, моля бога, чтобы все это поскорее закончилось.

У нее, конечно, гладкая кожа без всяких дефектов и высокая упругая грудь, но он в тот день даже не смог спокойно все это рассмотреть! А ее беленькая расплывчатая задница вообще никакому рассмотрению не подлежит. И когда с горем пополам все завершилось, она, согласно изученным ею инструкциям, сказала, что он потрясающий любовник. Вот тогда-то он взял сигаретки и вышел на балкон, не зная, что с ней дальше делать. Спать с ней в обнимку не было никакого желания, так что он просто прокрался в маленькую комнату, стараясь не издать ни звука, лег там на диван и накрылся с головой.

А утром все выглядело совсем по-другому. Данил проснулся, почувствовав запах кофе и еще чего-то жареного, и был так рад, что Кира приготовила завтрак! Они снова спокойно беседовали на кухне, и она снова была абсолютно нормальным, симпатичным человеком. Он подумал тогда, что ничего страшного, в общем-то, не случилось. Подумаешь, перестаралась барышня от избытка чувств, наверняка можно с ней обо всем договориться. И они даже договорились, и Кира с тех пор очень старалась вести себя так, как ему хотелось. А ему все равно не хотелось, хотя он очень искренне пытался к ней себя приучить. В итоге он ни за что на ней срывался, решая эти отношения прекратить, и сколько раз уже такое повторялось...

— Ведь каждый раз одно и то же, Данилка! — в унисон его мыслям произнесла явно подуставшая Кира, и он просто зажмурился, как от боли, не в силах больше этого слушать. Права все же была его девочка, считая, что имя у него дурацкое. Хоть как перекрути — одно хуже другого. Но это Кирочкино «Данилка», пожалуй, самое отвратное из всего, что приходилось слышать!

— Хватит, Кира, пожалуйста! — оборвал он ее на полуслове, бессильно роняя на стол руки. — Я устал, я спать пойду!

— Конечно! — с энтузиазмом подхватила Кира. — Еще бы не устал! Так над собой издеваться! Иди ложись уже...

— Спасибо, Кирочка, — снова не дослушав, с трудом поднялся Данил на ноги, — а ты вызови себе такси сама, хорошо?

— Начинается... — криво улыбнулась Кира, наблюдая за его перемещением к двери, но Данил чувствовал, что сегодня он вытерпеть ее присутствия даже в соседней комнате не сможет.

Он уже лежал, закрыв глаза, на своей кровати, когда Кира, присев рядом, заботливо поправила на нем плед.

— Я не шучу, Кира — совершенно серьезно произнес не открывающий глаза Давыдов. — Уезжай, пожалуйста.

— Что, прямо сейчас уезжать?! Ты знаешь, дорогой, который час? Мне кажется, ты с кем-то меня путаешь! Я тебе не девочка по вызову, чтобы...

— Кира! — резко сел на кровати Данил. — Я тебя сейчас ударю.

— Серьезно?! — храбро взглянула она ему в лицо. — Попробуй! Интересно посмотреть, как... Перестань, Данил! Пусти, я сказала! — кричала Кира, которую он уже толкал перед собой по коридору, скрутив назад ее руку. — Мне больно, ненормальный!

Кира ударила его каблуком по голени, но лучше бы она этого не делала, поскольку ее движение резко ускорилось: Данил решительно вел Киру к входной двери, не обращая внимания на ее отчаянные вопли.

— Вали отсюда на хер! — вытолкнул он ее в подъезд. — И передай своей подружке, пусть подыщет тебе кого-нибудь другого! Для случки! — он швырнул ей с вешалки сумочку. — Я вам не хряк! — Данил захлопнул дверь, сразу же прижавшись спиной к стене коридора и продолжая орать то ли стоящей в подъезде Кире, то ли самому себе, то ли кому-то там, наверху, решившему сделать именно из него козла отпущения: — Все вы одинаковые, все! Суки продажные... Катитесь все к черту! Один человек только! Один только есть!.. Батя мой... Папа! — поднял он глаза так, будто звал отца на помощь, и, уже не сдерживая пьяной истерики, просто сел на пол, закрывая руками заливающееся слезами лицо.

Как же хорошо, что отец не видит его сейчас, не слышит этих бредовых воплей и не знает, какой его любимый сыночка на самом деле идиот! Какими словами Данил обзывает человека, который так искренне к нему относится, как он вообще себя ведет и куда на самом деле катится... И ничего, ничего не может с этим сделать, несмотря на все усилия и обещания, данные отцу в тот день почти пять лет назад, когда, казалось, папа просто его спас! Тогда Данил был абсолютно

уверен, что через все это переступил, что справился, оставив в прошлом свою личную трагедию, и стал совсем другим человеком.

Что мог бы он сказать отцу сейчас, сидя в луже собственных соплей посреди коридора своей шикарной квартиры, которую тоже имеет лишь благодаря папе... Что все было бесполезно? Что напрасно отец в него верит и думает, что сумел тогда своего Данечку вытащить? И что на самом деле его Данечка не справляется? Ни черта ведь не справляется, и чем дальше — тем только хуже!..

Он знает, с какого момента все это начало возвращаться: с его поездки на Лешкину свадьбу, куда Давыдов был приглашен в качестве свидетеля.

Все так легко у них было и так понятно: известная балерина с блестящим будущим завершила очередной сезон и запросто удалилась в пригород Харькова, чтобы связать свою судьбу с военным летчиком, стать самой обычной офицерской женой, поселиться в обшарпанной казенной квартире и родить Лагунову пару-тройку цыганят. Данил еще удивлялся тогда, как сумел Лагуна уломать ее родителей! А чему было удивляться? Наташка никого не хотела слушать и, ни секунды не колеблясь, отказалась от всего: от карьеры, славы, денег, контрактов с западными театрами. Она выбрала Лешку, и нет никаких сомнений в том, что она своего мужчину не предаст никогда и ни на что его не променяет!

Как искренне Данил тогда ею восхищался, и как мог он не вспоминать собственную историю? Почему Давыдов не мог найти себе нечто подобное, почему именно он должен был выискать какую-то дрянь?

Все друзья его, все приятели и собутыльники один за другим «уходили в профессионалы», и даже Арсен! Арсен Магрипов, непревзойденный организатор всевозможных кутежей, в итоге женился на своей Виктории, которая много лет терпела его загулы и, в конце концов, сама приняла решение, попросту «залетев» от своего десантника. Как они живут — второй вопрос, ведь главное — у Арсена своя семья, а со вчерашнего дня — свой собственный сын. Глупо даже спрашивать, кто был свидетелем на их официальной росписи...

А уж в каком порядке все у Миши Стельникова! Стервозная Ленка за него собственному папаше готова в горло вцепиться. Но Данил, глядя на них всех, вовсе не о своей будущей семье мечтает, нет! Он

снова возвращается назад в прошлое, в то лето, которое кажется ему нереальным, прекрасным плодом его собственной фантазии.

Как нахлынули на него однажды воспоминания, когда они с соседями собирались куда-то, и Лена никак не могла собрать заколкой свои светлые распадающиеся волосы...

— Стельников, ну-ка застегни у меня на голове эту беду! — Ленка повернула к нему затылок.

— Ай, Ленчик, на черта она тебе сдалась? — мучился с заколкой Мишка. — Вот! Так лучше всего! — он убрал заколку вообще, засунув в ящик тумбочки в прихожей, и Данил просто отвернулся.

Как злилась она на свои пушистые волшебные волосы... Как он расчесывал их, раскладывая у себя на бедрах этот воздушный черный пух, и ему тоже больше всего нравились они распущенными...

— Какой же ты у меня неотесанный, Стельников! — повернулась к Мише Ленка. — Вот посмотри на Давыдова! Причесочка, осаночка, все как у людей. А ты, чудо рыжее?..

Конечно, Мишка смеется, его ведь жена ругает любя, он нравится ей именно таким: чудом рыжим. А Давыдов? Он нравится всем, он свободен и обеспечен, он просто красавец! Но только его девочка могла сказать, что у него ужасная прическа, и только она так заботливо вытирала ему голову и так нежно прикасалась к нему полотенцем. Только она могла сказать, что он отвратительно танцует, и так точно почувствовать его движения. А как она танцевала сама... Как она вообще двигалась, говорила, думала!..

Данил этому сопротивляется. Как только может сопротивляется! Его отвлекают многочисленные связи с доступными, продающими себя красотками: они умеют сделать так, что он хоть на некоторое время, хоть ненадолго от преследующего его образа отвлекается. С ними не нужно ни о чем говорить, не нужно думать, как правильно себя вести, вообще ни о чем думать не нужно! Но он не может не понимать, что это просто убийство времени, тупое прожигание жизни... А с нормальными, обычными женщинами даже этого не получается. То кто-то не так одевается, то не так с ним разговаривает, то не так с ним спит... Не так, как она!

Но живут же люди друг с другом, идут на компромиссы и вполне с какими-то мелочами мирятся. Ну все же так живут! Все друзья его прекрасно знают, что их жены далеко не идеальны, и абсолютно

спокойно к этому относятся. Так нет же, только ему, ненормальному Данечке Давыдову, нужно было найти это абсолютное для себя счастье, чтобы потом его не устроило ничто другое. Чтоб он просто не смог никого больше рядом с собой терпеть!

И ни в чем не виновата Кира, прекрасная во всех отношениях девушка, готовая выносить его бесконечные пьяные выходки и скандалы без всякой видимой причины. Готовая прощать сколько угодно и верить в его дурацкие извинения после каждого подобного случая... Хотя надо признать, что такого свинства, как сегодня, раньше в отношении нее не случалось. Остается надеяться, что Кира додумается пойти к Стельниковым, а не отправится посреди ночи домой к своему папочке-солдафону. У нее-то ума, пожалуй, побольше, чем у шизофреника Данилки... Он постепенно стал успокаиваться, переместившись на диван, и, зарывшись лицом в подушку, почувствовал, что наконец отключается.

Это совсем ненадолго, он отлично себя знает. Через пару часов он снова окажется в той деревянной убогой будке, где нет ничего и никого, кроме нее. Кроме того драгоценного комка влажного бархата и черного пуха...

А завтра он снова будет в порядке. Он всегда будто бы в себя приходит после таких вот скандалов и ночей, проведенных в воспоминаниях о случившемся однажды счастье. Он снова уйдет с головой в работу, и хорошо, что так много задач ему в штабе накидано в связи с наглюющими американцами, с которыми прогрессивное правительство страны вдруг решило завязать крепкую дружбу. Их надо отслеживать в усиленном режиме, и что-то не видят ни Данил, ни другие офицеры штаба, чтобы к территориальным водам благословенной Америки так близко допускались наши корабли. Он снова на это отвлечется, отдохнет и попробует еще раз. Он же и сам все прекрасно понимает, и сказать себе может гораздо больше слов, куда более емких и выразительных, чем воспитанная, терпеливая Кира...

***

Впустив к себе рыдающую Чернову, Ленка, усадив ее на кухне, как сегодня и предполагала, отпаивала беднягу чаем с настойкой валерианы и считала, что Кира зря отказалась от предложенного Ленкой коньяка. Просто сам себя превзошел Давыдов, выставив Киру

за дверь в два часа ночи. Он вообще, что ли, берега потерял, так обращаясь с дочерью контр-адмирала Чернова? А что если бы Кира сейчас, в это самое время, появилась перед своими родителями и пересказала то, что слышит Ленка? Он хоть представляет себе, какие проблемы Кириюшин папаша мог бы ему организовать? И далеко не уверена Лена Стельникова, что Данилу смогли бы помочь его связи и доброе расположение командования.

Ленке нужно обязательно придумать что-то, чтобы Киру успокоить и убедить не докладывать эти подробности маме с папой, с которыми у Киры с детства весьма доверительные отношения. Только неприятностей на службе Давыдову сейчас не хватает!

— Да, сволочь он, конечно, что и говорить, — сочувственно вздыхала лицемерная Ленка. — Это после всего, что ты для него сделала!

— Да, Леночка, ты представляешь?! — продолжала возмущаться Чернова. — Я же все прощала! Он же извинялся, чуть не плакал! И что я теперь скажу? Ведь папа тоже не железный! Я и так ему вру постоянно!

— Что врешь? — настороженно спросила Стельникова, зная, что обманывать Чернова никогда не умела. — Ты уже что-то рассказывала папаше, Кира?

— Это у тебя папаша, Лена! — всхлипывала Кириуха. — Не говори так про моего отца, слышишь?

— Ой, конечно, извини, Кирочка. Просто я так, по привычке, — слащаво улыбнулась Ленка, хотя, кажется, из нее сейчас начнет сочиться яд. — Так что ты наврала? Ты скажи, надо же выкручиваться. Да перестань ты реветь, уже все прошло. Сейчас просто придумаем, что сказать предка... прости, родителям, хорошо?

— Да в общем-то так... ничего конкретного, — вытиралась Кира платком. — Я все время говорила, что у нас все хорошо, что он... Ну, ты понимаешь, я ведь практически жила с ним вместе. Что они должны думать? Они ведь точно знают, что мы с ним... что я сплю с ним, понимаешь?!

— И что?! — удивленно вскинула Ленка брови. — А как, они думают, ты в Ленинграде столько лет жила? Мало ли с кем ты спишь вообще...

— Но это же совсем другое, Лена! — перебила ее возмущенная подруга. — Я по-настоящему люблю его, ты же знаешь! Да все это знают, и мама с папой не могут ничего не видеть, папе ведь тоже однажды надоест! Что мне делать теперь, я не представляю!..

— Да, конечно, дурацкая ситуация! — решила Ленка выразить понимание. — Связалась ты с ним на свою голову. Проучила бы ты его как следует, чтобы думал в следующий раз. Хочешь реальный совет?

По заинтересованному взгляду бесхитростной Киры Ленка поняла, что та настолько расстроена, что совершенно к самостоятельному мышлению не способна и готова впитать все напутствия старшей подруги. Так у Ленки они готовы!

— Скажи родителям, что он предложил тебе съехаться, например, или предложение сделал, а ты взяла время, чтобы подумать. Решила не спешить с ним связываться, слишком уж много он из себя воображает. Взять паузу решила! И пускай знает, красавчик писанный! — заканчивала Ленка свое краткое нравоучение. — Видали мы таких красавчиков, Кирюха! Что, нет, скажешь?

Но Ленка и так видела, что Кира от ее совета в совершенном восторге. Стельникова уложила ее спать, сказав, что нужно хорошенько отдохнуть и завтра выглядеть королевой, и сама тоже ушла в спальню, очень довольная своей находчивостью. Давыдов, кажется, временно от Киры спасен, а пока она снова к нему прискачет, может, уже многое изменится. Вот бы нашла себе кого-нибудь другого эта правильная Кирюша! Надо же, чтоб она оказалась такой непроходимой дурой... Таким шансом в жизни не сумела воспользоваться. Эх, будь Ленка на ее месте... ни о каких ни перед кем оправданиях точно бы не думала!

Глава 8

Казалось, весь мир перевернула эта авария... Данил никогда не забудет, как поднимали их по тревоге, как собирался штаб, как ждали они инструкций и приказов, которые никак не поступали... Как страшно ему стало, когда они поняли наконец, что именно случилось, он бросился в Киев и был уверен, что заберет оттуда родителей сразу же!

Масштабы случившегося ему никак не удавалось осознать, и невозможно было во все это поверить! Ну ладно, семью он оттуда увезет, а свой город, свой родной Киев?.. Его ведь с собой не увезешь, его не спрячешь от собственного неба! Лучше бы на них и вправду напали извне! Тогда можно было бы что-то делать, в кого-то стрелять, кому-то мстить и от кого-то защищаться. А в сложившейся ситуации от чего было защищаться? От воздуха, воды и пищи?

Но примчавшись в Киев и оказавшись наконец перед радостными от его внезапного появления родителями, Данил, когда немного с ними пообщался, понял, что до этих людей вообще не доходит, какое отношение имеет к ним какой-то там взрыв реактора, подробностей которого они не знают, знать не хотят и ехать никуда не собираются.

Он пытался им объяснить. Он носился по комнате и, жестикулируя, показывал все на пальцах. Он прочел целую лекцию о том, какое действие оказывает на организм радиоактивность некоторых элементов таблицы Менделеева, которые летят сейчас в их сторону и от которых нужно срочно удирать.

— Вот это вот! — хватал он со стола яблоко. — Нельзя будет есть! Папа, здесь нельзя будет сидеть, нельзя дышать, понимаешь?! Мама! Что ты так смотришь, неужели тебе не страшно?! Да поймите же вы, вам потому ничего и не говорят, что это слишком серьезно!

Данил начинал все сначала, но родители никак не реагировали. Отец по-прежнему сидел на диванчике и, скрестив ноги, пил кофе из своей любимой чашки, а мама, удобно расположившись в кресле, слушала Данила с таким видом, будто он выступал с премьерой школьного спектакля, и она им очень гордилась. Он говорил ей, что

это не шутка, что он вовсе не клоун, но от этого она становилась только более спокойной. Ей, похоже, было просто любопытно слышать его занимательные откровения.

— Чего ты молчишь, папа?! — выходил из себя Данил. — Что ты сидишь?!

— А что я, по-твоему, должен сейчас делать? — сказал отец своим обычным ехидным тоном. — Собрать манатки в узелок и драпать в твой Севастополь? Так, что ли?

— Конечно!

— Черта с два! Что я в этой вашей закрытой дыре буду делать, по-твоему? Кашку тебе варить? Это вон, — кивнул он в сторону мамы, — пусть Людка едет, если хочет!

— Да с какой это стати? — равнодушно откликнулась мама. — Что, мы уедем, а все останутся? И вообще, можно подумать, нас бы не предупредили, если бы все было так серьезно.

— Боже мой! Какие тупые люди! — орал Данил. — И это мои родители!

Но у него уже не было сил начинать объяснения сначала. Это было все равно бесполезно.

— Папа, ну если ты мне не веришь — позвони! Позвони своим друзьям, позвони в Москву!

— Зачем, сыночка? — беззаботно улыбался отец. — Я верю, верю, ты успокойся! Из Москвы все уже отзвонились. И все друзья на месте, я уже в курсе. Детей с внуками вывозят только, да и то временно. Нам с матерью вывозить некого. Внуков, как я погляжу, мы не скоро дождемся. Так что возвращайся и спи спокойно. Зачем было вообще со службы срываться? Паникер ты, Даня.

Он понял, что их не убедит. Наступал киевский май, было очень тепло, и Киев был снова самым прекрасным, лучшим городом на земле, в его буйной зелени и цветах каштана. Будто специально природа хотела показать, насколько чудовищно то, что произошло. Отсюда уезжали немногие. И его родители к таким не относились: им легче было, наверное, умереть, чем больше не увидеть свой город.

Данил возвращался в Севастополь в совершенно подавленном состоянии, уже понимая, что его затея была провальной изначально. И еще что-то было неприятное. Горький, обидный осадок остался после встречи с родителями. С таким безнадежным вздохом отец сказал про

внуков... Данил должен снова позвонить Кире, он ведь уже хотел это сделать перед тем, как все произошло. Он еще пару дней возьмет на то, чтобы полностью прийти в норму, и после этого с ней помирится. Дня три, пожалуй. Или четыре, до выходных. Хотя на выходных у них с Арсеном сауна... Ладно, он позвонит ей в понедельник вечером и точно с новой недели начнет новую жизнь!

А пока он нашел нового друга. Как раз в тот момент, когда размышлял обо всем, возвращаясь из Киева и уже свернув во двор их четырехэтажной «сталинки», Данил услышал отчаянные вопли из-под водосточной трубы у крайнего подъезда и вытащил на свет божий перепачканный пищащий ершик с растопыренными когтями. Даже не ясно было сразу, какого он на самом деле цвета.

Отмытый дома со стиральным порошком котенок оказался, как ни удивительно, белым с рыжими и черными отметинами на морде и на боку. Данил когда-то мечтал иметь собаку, а к кошкам был совершенно равнодушен. Однако этот котик как-то сразу сумел к себе расположить. Он моментально сообразил, зачем Данил полез в холодильник, и стал крутиться под ногами, а потом блаженно мурлыкать, слизывая с блюдца сметанку.

Данил положил котенка себе на грудь, когда лег на диван, и стал гладить его по спине, чувствуя приятный аромат свежeweымытой нежной шерстки. Так хорошо пахнут все маленькие детки... И она так пахла? Наверное. Где она сейчас, какая она? Должно быть, совсем другая. Ее вообще нет... Таких не бывает.

***

Вернувшись после традиционной игры в баскетбол с Толиком Салаевым и посещения сауны в компании Арсена, Давыдов наслаждался ватной усталостью в мышцах, развалившись в кресле с бутылкой пива. И с такой аккуратной, живой девочкой он провел вечер в субботу, и вообще жизнь на самом деле замечательна!.. И кто-то как раз стучит в дверь: наверняка Ленка пришла поболтать. Это хорошо: Данилу всегда приятно с ней пообщаться.

— Открыто! — крикнул он в сторону входной двери.

— Здорово, Давыдов! Сидишь все? — скороговоркой поприветствовала его Стельникова.

— Ну. Как Андрюха? У бабушки опять?

— Нет, спит. Ты ужинал, Давыдов? Что ты все пиво глушишь? Ты вообще много пьешь в последнее время. Идем к нам, может, или тебе что-то приготовить?

— Ой, ради бога, Лена! Я сам могу приготовить. Кстати, что-то Кира запропала. Давненько я ее не видел. А ты?

Ленка не сразу нашла что ответить от подобной наглости. С момента той ужасной драмы Кира считает, что Давыдов, понимая свою страшную вину, не решается ей позвонить. А ее Данилка, оказывается, просто-напросто позабыл, что в природе существует Кира Чернова, и вот вспомнил теперь, как только разговор зашел о жратве, и, похоже, вообще не берет лишнего в голову относительно ее смертной обиды.

— Лен, дай-ка телефон, пожалуйста, а то я так устал, что встать лень, — продолжал тем временем Давыдов совершенно невозмутимым тоном.

— Ну ты даешь вообще! — встала Стельникова со стула. — Ты хоть помнишь, что устроил в последний раз?

— Ай, да помню, конечно. Сейчас мы помиримся. Спорим?

— На, попробуй-ка. Я что-то уже сомневаюсь, — принесла Ленка телефон.

— Вот, слушай, — сказал Давыдов, набирая номер. — Алло! Здравствуй, Виталий Юрьевич! Позовите Киру, пожалуйста. Чего?.. — он нахмурил брови, приподнимая верхнюю губу, и стал кривляться, строя Ленке рожи, подходящие по смыслу к долетавшим из трубки ругательствам возмущенного папаши. Ленка не могла сдержать смех, глядя на этого нахала, делающего дураков из всего благородного семейства Черновых. — Да, да, я слушаю. Все так. Все правильно, — кивал Давыдов, уже явно теряя терпение. — Да, Виталий Юрьевич. Я понял. Мне бы Киру, если можно, — решил он напомнить о цели своего звонка. — Ах, вот что! Ладно, — тяжело вздохнул Давыдов. — Очень жаль, конечно. До свидания, — положил он трубку.

— Ага, обломали тебя, Давыдов, наконец-то! — злорадно улыбнулась Ленка.

— Почему обломали, Лен? Торопиться не надо! — спокойно отхлебнул Данил пиво. — Засекай время. Еще минутки две.

Но звонок раздался даже раньше, и Данил, выждав парочку гудков, с торжествующим видом поднял трубку и моментально сделал

страдальческое выражение лица, заставив Ленку раздуть щеки, чтобы не засмеяться слишком громко.

— Алло, — кротким голосом ответил Давыдов, тоже едва сдерживая веселье. — Кирочка? Знаешь, я... в общем... — он очень натурально вздыхал и запинаясь. — Да, да, Кира! Спасибо тебе. Прости меня. Нет, я все понимаю, он ведь переживает. Ну конечно! Давай, жду!

Облегченно вздохнув, он повесил трубку и, приподняв бутылку, перед тем как снова отхлебнуть, подмигнул Ленке:

— Не надо аплодисментов. Принцессочка у наших ног!

— Да-а, Давыдов, высший пилотаж! — признала Ленка, вспомнив, как красочно описывает Кира эти его слезные извинения. — Не знаю вот, надолго ли? Ладно, пошла я, а то Андрей должен проснуться. Пока. Кирюхе привет, и хорош пить, в самом деле! — хлопнула она его на прощанье ладонью по голому плечу и быстро ушла из квартиры.

Кира вскоре появилась и, окончательно оттаяв после нежного приветственного поцелуя, быстренько приготовила гренки с сыром и пару котлеток из предусмотрительно принесенного фарша. Подождав, когда ненаглядный Давыдов восполнит энергетические затраты, она, сев ему на колени и умиленно в его лицо глядя, отметила, что от него страшно несет пивом и что нельзя так часто и в таком количестве употреблять спиртные напитки.

Данил не стал ей возражать, поскольку теперь, когда он хорошенько поел, ему уже и разговаривать-то было лень. Выпитое после тренировки пиво всегда действует на него умиротворяюще. Так что Кирочке предстояло немного потрудиться самой, спрятав свои беленькие зубки, которые она так симпатично открывала в милой улыбке. Начать при этом нужно было немедленно, потому что Данилу уже хотелось спать. Это, пожалуй, лучшее, чего можно было от нее добиться, хотя Давыдову стоило немалых усилий научить ее исполнять данное действие без помощи рук, которые у Киры особым проворством не отличаются. Зато отлично сгодятся для проведения хорошего массажа спины, от которого Давыдов сегодня тоже не откажется.

***

Чего только не случилось за прошедший год... Последствия аварии на атомной станции они еще долго будут разгребать, и такую благодарность Данил чувствует ко всем людям, которые, находясь непосредственно там, героически со всем этим справляются, и такую за них гордость... Ведь уже через полгода был построен уникальный объект «Укрытие» — инженерное чудо, спасающее столько городов и территорий! И ведь именно они, специалисты этой страны, его спроектировали и в кратчайшие сроки реализовали! Реактор, правда, умудрились взорвать тоже они... И лайнер круизный в последний день лета потопить почти в порту, столько жизней угробив без всяких, казалось, на то причин.

Сколько обсуждали они это крушение в офицерских кругах! И вроде бы понимали цепочку всех дурацких совпадений, а в голове все равно не укладывалось. А потом решение о выводе войск из Афгана... Они столько лет знали совершенно точно, что именно там защищают, а теперь вроде бы должны признать, что ошибались? Всей страной, что ли, ошибались, всей своей армией? И ребятам можно было, оказывается, там не умирать?.. Раздражало все это страшно. Особенно на фоне новых течений относительно всяческой поддержки индивидуальной трудовой деятельности и частной собственности. Бизнеса, так сказать!

Они ерничали, разговаривая об этом за столом, когда собрались у Данила на Новый год, и остроумно по поводу этого шутили. Данил как раз в тот день в очередной раз расстался с Кирой. Он даже точно не помнит, что стало последней каплей ее терпения, когда она снова ушла под утро к Ленке жаловаться на его ужасный характер. Он помнит только, с чего все началось. Арсен, чтобы сменить тему, стал читать гороскоп из первой попавшейся газеты и сообщил Мишке Стельникову, что тот, оказывается, Скорпион, самый сексуальный знак. Ленка смеялась больше всех, очень метко над своим Стельниковым подшучивая, а Данил даже вид не смог сделать, что ему весело, так на него снова тогда накатило...

У Мишки день рождения первого ноября, а у его девочки был третьего. Хотя почему был?.. Она тоже Скорпион по знаку Зодиака, и не такая уж глупость все эти гороскопы... Потом Ленка предложила погадать на картах, она всегда очень смешно это делала, сочиняя разные небылицы. И получилось, будто Данил снова назло сидящей

рядом Кире попросил рассказать о его отношениях с дамой пик, а Ленка в ответ, чтобы поддержать подругу, сообщила, что с пиковой дамой у Давыдова ничего не получится. А он и сам знал, что не получится! Только от этого Кира не переставала страшно выводить его из себя...

Мириться с ней Данилу с каждым разом хотелось все меньше, да и некогда было тогда свое поведение обдумывать. Уже через пару дней он, вспоминая застольные разговоры о новом политическом курсе, который, казалось, напрямую к ним не относился, чувствовал себя полным кретином. Прошло ведь бесчисленное количество политинформации и собраний, а до него, тупоголового Данечки, сынка высокопоставленного партийного чиновника, так и не дошло, что все это напрямую именно его касалось!

И что именно его папа — коррумпированный элемент, бюрократ и взяточник, отъедающий морду на государственном имуществе. Это его батя, оказывается, отъел морду, и это его батю вытурили с должности, лишив всех привычных благ от служебных машин до государственной дачи.

Мама как-то очень спокойно и, как показалось Данилу, грустно рассказывала обо всем по телефону, а отца не было дома. Она сообщила, что он приходит теперь гораздо позже.

Но ведь его уволили! Как хорошо Данил тогда понимал его состояние, стремясь как можно скорее оказаться в Киеве. Наверняка отец очень переживает, а может быть, даже пьет... Ведь что значит для него потерять работу, связи и возможности? Отец всегда был таким сильным, таким уверенным и несокрушимым!

Данил даже не интересовался никогда, как у папы дела на работе. Как могли быть у него дела и какие вообще у него могли быть проблемы с работой? Когда это папа должен был задумываться, как обеспечить семью? Ему что теперь, искать новые источники дохода?.. И так спешил Данил домой, так хотел прийти на помощь и точно знал, что скажет отцу! Что пришло наконец время его дорогому сыночке вспомнить про фирменные шмотки, курорты и золотые цепочки, а заодно и про свою просторную квартирку, после которой в киевской он ходит, пригибаясь. Конечно, он за все никогда не расплатится, но теперь его очередь! Данил достаточно зарабатывает, тратить деньги ему особо не на что, так что его родители ни в чем не будут

ущемлены! А папа пускай работает просто в свое удовольствие. Тренером, например. Или вообще пускай не работает, а ловит в Днепре рыбку и сообщает своему драгоценному Данечке, когда потребуется новая резиновая лодка!

Отец должен был встречать его в Киеве, и когда приземлился самолет, Данил, проходя к зданию аэровокзала, был уверен, что не допустит, чтобы голос при встрече хоть немного дрогнул.

— Неплохо смотришься! — сказал Данил ему после приветствия, рассматривая непривычно одетого в джинсы отца. А когда они подошли к стоянке, не увидел их красного «жигуленка», которого мог бы узнать из тысячи таких же машин.

— Мы как, на такси? — Данил старался улыбаться и говорить как можно более равнодушным тоном.

— Да, на такси, — тяжело вздохнул отец, — пришлось, сына, продать нашу с тобой «Ладочку».

Данил тогда даже не нашел сразу что ответить. Зачем же папа продал машину! Ведь машина — это, кажется, последнее, с чем мог бы расстаться отец, несмотря на то, что столько лет пользовался служебными «Волгами»! Он же относился к ней как ко второму ребенку в семье, она же была для него не вещью, а чем-то одушевленным! Неужели все настолько плохо?..

— Вот и такси, — вздохнув, прервал батя невеселый ход мыслей. — Сойдет?

Они стояли возле новой белой «Вольво», которая с нахальным, просто вызывающим видом втесалась между двумя отечественными «Москвичами», казавшимися коротенькими и приземистыми рядом с шикарным представителем западного автомобилестроения. А звук вытаскиваемых из кармана ключей заставил Данила резко к отцу повернуться.

— Эй, ты чего? Батя, чья это... Нет!

Но отец уже открыл машину и, довольный тем, как здорово Данила разыграл, мастерски изобразив трагедию, уселся за руль, небрежным кивком пригласив занять местечко рядом с водительским креслом. Обретя наконец способность соображать, Данил отбросил сумку на заднее сидение:

— Стой! Выходи, я подвезу!

Оказавшись за рулем, он с первых же секунд оценил уровень, которого достигли проклятые буржуины в области изготовления транспортных средств. Нужно еще привыкнуть к этой послушной машинке, которая реагирует на легчайшее прикосновение к педали газа и явно не нуждается в настройке рулевого управления.

А за ужином слушал Данил, как отец делится своим мнением обо всем происходящем, не зная, что можно на это ответить. Разве только в очередной раз признать себя ни на что не годным чайником, не унаследовавшим абсолютно ничего из отцовского набора личностных качеств. Ведь его батя — человек уникальный и, похоже, совершенно непотопляемый. Он и сам, оказывается, собирался покинуть свой высокий пост, который главную функцию уже выполнил, обеспечив Данила в Севастополе.

Сам же Валерий Борисович давно подыскал себе занятие поинтереснее, чем протирание штанов о кожаное кресло. Кресло это он кому-то в итоге уступил, и теперь папа у Данила — директор совместного с Германией предприятия, продающего тряпки ведущих западных фирм. Спекуляция в международных масштабах уже весьма поощрялась, учитывая новые веяния в сторону налаживания связей с ранее вражеским западом, и теперь уж к Валерию Борисовичу никто не придерется. Это же первый в Киеве эксперимент подобного рода, и, как понял Данил, никто еще толком в этом не разобрался.

Зато его разбитной родитель ориентировался в финансовых вопросах как нельзя лучше и мог выкрутить то, что ему нужно, из любой ситуации. И похоже, его папа просто нашел себя, избавившись от вечных куч макулатуры и бестолковых совещаний. Теперь он занимался только составлением товарно-денежных схем и их реализацией с помощью телефонных аппаратов, визитов за рубеж и собственных математических способностей.

Конечно, Данил выпросил у отца машину в тот же вечер, и как же здорово было носиться по шуршащим киевским бульжникам и, выезжая на асфальтовую полосу, будто взлетать над дорогой, почти не чувствуя соприкосновения шин с твердой поверхностью. И уже очень давно не был Данил так беспредельно счастлив, как в ту ночь, катаясь по знакомым улицам родного города и ни о чем не вспоминая, просто отдаваясь этому опьяняющему ощущению быстро растущей скорости. А зачем ему было о чем-то вспоминать, если у него все отлично? С его

отцом — полный порядок, и сам он тоже весь в друзьях и подружках! И все у него еще впереди, все обязательно еще будет!..

Но теперь уже снова весна, очень теплая и ранняя, и у Данила снова совсем другое настроение. Стельниковы повезли своего Андрюху к Ленкиным родителям в Качу, в их загородный дом на побережье. Арсен опять на полигоне со своими морпехами, да с ним и разговаривать в последнее время невозможно. Только и слышишь о том, какой замечательный ребенок у него растет: самый бойкий, самый ловкий и самый сообразительный. Интересно, как это можно определить, если его несравненный Владик еще не ходит и ничего не говорит? И так не хочется звонить Кире, и вообще никого из них видеть не хочется. Наверное, просто усталость после очень трудной недели на службе и снова это чувство безысходности...

***

Он не хотел ни к кому в гости, просто уступил после игры уговорам Толика Салаева, настойчиво приглашавшего на день рождения дочери. Секрет этой настойчивости Данил понял уже по дороге, слушая рассказ Салаева о том, как восьмилетняя Янка, побывавшая недавно в их спортзале, сказала дома по секрету, что хочет замуж за Давыдова. Слишком уж здорово, оказывается, Данил бросает мячик ее дорогому папе. Толик просто хотел порадовать дочь, приглашая в дом объект ее вздыханий.

— Ну как тебе, Данил, моя невеста? Годится?

— Еще бы, Сала! Приданое, надеюсь, на уровне? — вяло шутил Давыдов, хотя его уже до самых печенок достали постоянные разговоры об их детях, которые если не абсолютно гениальные, то исключительно умные и на редкость красивые. Неужели они все думают, что Данилу это интересно и что он не видит, что дети у них самые обыкновенные?

Данил раздражался, с трудом изображая счастливую улыбку, и по большей части помалкивал за столом, глядя, как профессионально малолетняя Янка строит ему глазки. Он время от времени корчил ей в ответ рожи, а Яна, видимо, немного обижалась. Наконец после очередного кривлянья она показала Давыдову язык, быстро перебежала на противоположную сторону, запрыгнула Салаеву на колени и, обняв за плечи, уткнулась в него лбом.

— Папочка, ты у меня самый красивенький! — подлизываясь, улыбалась она Толику, который был от этого в таком восторге, что, похоже, позабыл обо всех гостях.

Данил вдруг почувствовал, что это последняя капля. Он встал из-за стола и ушел на балкон. Во дворе играли дети. Совсем еще малыши, такие смешные мальчишки, гоняли мяч на пыльной площадке.

Почему он не может этого видеть? Потому что снова вспоминает ее? Нет, он прекрасно понимает, что вовсе не из-за этого. И он отлично знает, почему его страшно раздражают все их дети. Просто-напросто они у них есть. А у Давыдова — нет и, наверное, никогда не будет! Он уже не может находиться рядом с ними, ему надоело представлять себе, что Андрей, которого Лена иногда Давыдову оставляет, его собственный ребенок. Он чужой ребенок и висит на своем папочке. Данил сейчас ушел из комнаты, а там все ржут, восторгаясь такой смешной, непосредственной девочкой, и никто не заметил даже, что Давыдова нет.

Данил вернулся и, сказав Толику, что ему должны звонить из Киева, ушел домой.

Он уже не может избавиться от этих мыслей. Есть только один способ отвлечься — это перестать думать вообще. То есть напиться. Хорошо, что несмотря на всеобщую антиалкогольную кампанию, в спирте они недостатка не ощущают, и у каждого имеется приличный запас.

И Данил напился. Утром он едва успел привести себя в божеский вид перед службой, но как только рабочий день закончился и он оказался на улице по дороге домой, он сразу стал думать об этом снова.

Он перспективный офицер, у него есть друзья, у него отличная квартира, он обеспечен, здоров и молод, он может очень многое, но только это никому не нужно! Чего добился он в жизни и что у него впереди? Что и кому он хочет доказать? Что можно жить одному в отличных условиях? И вот он живет один, и никого он не любит! Не может!

Он не может любить женщину, даже самую прекрасную, это Давыдову давно понятно. Он уже любил женщину и, видимо, сжег все это чувство. Но почему именно с ним должно было такое случиться? С ним — с человеком, который мог бы по-настоящему любить своего

ребенка... Но без женщины не бывает ребенка, и думать об этом бесполезно...

Он опять доставал банку спирта и наполовину разводил с водой.

Если бы на годик можно было превратиться в женщину... Как могут некоторые из них отказываться иметь детей? А где взять ребенка ему? В детском доме? Но ведь это тоже чужой ребенок, а ему нужен свой, ему нужен Давыдов! Да и кто ему разрешит усыновление...

Конечно, Кира Чернова согласилась бы хоть сегодня от него забеременеть, но для этого на ней придется жениться. Только ему не нужна жена, он выносить рядом с собой ее долго не сможет! Ему не составляет никакого труда стирать свои вещи или готовить еду. Если ему захочется с кем-то пообщаться — его друзья готовы принять Давыдова в любое время дня и ночи. Если ему нужна любовница — к его услугам лучшие представительницы здешних мест. А главное — ему не хочется детей от Киры.

Почему-то когда он пытается о них думать, они представляются ему здоровыми, краснощекими и многочисленными. Нет, ему не нужно много. Ему нужен один. Вернее, одна... Да, он хочет девочку. Слабую, капризную девочку... Он любил бы ее так, как не любил своего ребенка еще ни один отец. Он защищал бы ее, покупал ей сладости, наряжал и баловал. Кажется, у него уже было это когда-то... Ему нужно еще немного выпить, и он перестанет об этом думать. Он вообще перестанет думать!

Данил понимал, к чему он так придет. Он каждый день говорил себе, что больше не будет пить. В конце концов, какой от этого толк? Но заставить себя отвлечься он уже не мог. Его все еще занимала служба, но ему не нужно было сидеть там целыми сутками, и у него было достаточно свободного времени, которое он ненавидел. Он даже не мог ходить в спортзал: там только и слышишь, что о придирающихся к деткам учителях или все о той же гениальности своих отпрысков. Как будто какой-то заговор против Давыдова, будто все задалось целью постоянно ему об этом напоминать!

У него настоящая мания, навязчивая идея, Данил это хорошо понимает. Но он никому не может о своей проблеме рассказать. Он знает, что после этого любой человек подтвердит его диагноз: ему скажут, что он мучится дурью, что у него еще все впереди, стоит только кого-то к себе поманить — и у него будет семья. Нет, ему не

хочется выслушивать остроумные сомнения в здравости своего рассудка. Он и сам все отлично знает.

Его отцу было двадцать семь лет, когда у него родился сын, а Данилу еще нет и двадцати шести, но он рассуждает так, будто вся его жизнь бестолково прошла. Однако по-другому рассуждать он не в состоянии. Он не справляется со своими мыслями иначе, он снова закрывается в своей квартире и жестоко напивается. Он не открывает дверь и не подходит к телефону. Даже если что-то срочное — от Давыдова уже толку мало. Пусть думают, что его нет дома: он даже свет выключает. Пусть думают, что он ночует у какой-нибудь шлюхи. Ему уже очень трудно приводить себя утром в порядок, и, конечно, это скоро все заметят, но Данилу все равно. Ребенок ему не светит, а все остальное — смысла не имеет.

Его молодой организм отчаянно сопротивлялся. Он отвергал чудовищные отравляющие дозы алкоголя, но Давыдов явно задался целью себя приучить. И, действительно, Данил начал чувствовать, что всерьез спивается. Если у него был выходной, он начинал уже с утра и вообще никуда не выходил, с трудом следя за временем, чтобы вовремя выйти на службу, предварительно подготовившись. Он избегал встреч с кем бы то ни было, и в штабе, воткнувшись в компьютер, старался ни с кем не общаться.

Глава 9

Когда Ленка с Мишкой, забрав своего Андрюху с родительской дачи, возвращались домой, Миша остановился в подъезде и снова позвонил в квартиру Давыдова. И снова никто не открыл.

— Где его носит все выходные? — улыбаясь, повернулся он к Ленке. — Он не уехал?

— Черт его знает, — с беззаботным видом ответила Ленка. — Ты бы знал, наверное, если б уехал. Шляется где-то, Давыдова не знаешь?

Оказавшись в своей квартире, Ленка уложила в кровать заснувшего еще по дороге Андрея и унесла телефон в спальню. Стельников в ванной, и она успеет со всеми поговорить так, чтобы Мишка ничего не заподозрил, иначе он начнет сильно беспокоиться.

Ленка обзванивала друзей и знакомых и, получив нужную информацию, быстро ударяла по рычагу, начиная набирать следующий номер. Была идея позвонить еще в парочку ресторанов, но это слишком долго — выискивать номера в справочнике, а Миша уже идет спать. Он всю последнюю неделю провел на Керченском военном полигоне, завтра ему нужно быть с руководством штаба в авиационном полку, и хорошо, что он пока ни о чем не догадывается.

Лежа с закрытыми глазами и ожидая, когда захрапит муж, Ленка обдумывала ситуацию. Итак, Данил ни у кого не появлялся по вечерам уже много дней подряд. Его никто не встречал в выходные. Может, он и правда уехал? Но звонить его родителям тоже нельзя — если его нет, они только напрасно начнут дергаться. И потом, если он уехал, то почему не оставил Ленке своего кота и ключи от квартиры, как всегда? Вряд ли Давыдов забыл, и кот бы уже давно орал как резаный. Да и сам Мишка должен был бы подписать разрешение Давыдову на выезд. Значит, он здесь. Видимо, он нашел себе кого-то и ночует у нее. Но перед тем, как успокоиться, Ленка должна кое-что проверить.

Когда она вечерами проходит мимо двери Давыдова, у нее такое чувство, что там кто-то есть. В квартире абсолютно тихо, дверь закрыта, хотя он раньше не закрывался, но Ленке кажется, он все-таки дома. Может, она и в самом деле сошла с ума на почве своей озабоченности, но не проверить она не может.

Ленка аккуратно встала с постели и надела халат. Стельников не должен ничего узнать, да он, скорее всего, и не проснется. Опаснее всего Андрей. Он может вдруг встать и разбудить Мишку.

Она вошла в детскую и наклонилась над спящим сыном. Тот спокойно сопел и, Ленка надеялась, в ближайшее время не проснется. А если все же Ленку поймают, она во всем признается. Скажет, пошла шпионить за Давыдовым потому, что кое-что подозревает. Мишке, конечно, пока лучше этого не знать, но в крайнем случае — пускай тоже будет в курсе.

Ленка тихо вышла в подъезд, чувствуя себя великим сыщиком, и крадучись стала спускаться по лестнице. Подойдя к двери, она присела и прижалась ухом к замочной скважине. Она специально пришла среди ночи, когда никто не ходит в подъезде, не разговаривает в квартирах, а с улицы не доносится шум машин. Он там, теперь она в этом не сомневается. Он что-то только что сказал: какое-то ругательство в адрес кота, наверное, а потом скрипнул его диван.

Итак, он прячется в своей квартире. А вот чем он там занимается — Ленке абсолютно понятно. Этот запах перегара и спирта, который чувствуется через замочную скважину, Ленка улавливает за версту, она же врач. И что ей делать дальше?

Ясно же, что он ей не откроет. Если она начнет ломиться в квартиру, то разбудит весь подъезд, а когда Стельников высадит дверь, любопытные старушенции, живущие в их подъезде, обязательно повыбегают из своих нор, чтобы лично убедиться в том, что Давыдов — случайно оказавшийся здесь отброс общества, и разнесут новости по всему побережью.

Ленка вернулась к себе и снова легла в кровать. Предпринимать что-либо сейчас бесполезно. Его нужно выследить завтра и перехватить, не дать снова закрыться — утащить к себе, например. Но как, да и что она ему скажет? Она не знает, но что-то нужно делать, причем срочно! Нельзя же допустить, чтобы Давыдов тихонечко спился прямо под носом у Стельниковых, а они ничего не заметили. Он и до этого частенько надирался ни с того ни с сего, однако это было у всех на глазах, во время общих застолий. Но чтобы уйти в резкий запой и сутками пить в одиночестве? Такого Ленка от него точно не ожидала, с чего вдруг? Уж не из-за Черновой ли? Это бред, конечно... Вот если бы удалось это Ленке узнать, удалось с ним поговорить, тогда

можно было бы что-нибудь придумать. Все это возможно, но главное сейчас — не дать ему снова напиться.

***

Данила сегодня вызывали к руководству. Прямо в кабинет заместителя командующего штабом. Хорошо, что Мишки Стельникова нет на месте, его бы точно пригласили вместе с Давыдовым, еще и Миша бы этот позор ни за что терпел. Давыдову много чего припомнили, начиная с высокого доверия при назначении в штаб сразу после военного училища и заканчивая шикарной квартирой, куда ж без нее! Конечно, он не стал оспаривать свое нахождение на службе в нетрезвом виде: хотя он и не пил с самого утра, однако закончил же точно под утро! Никаких освидетельствований не нужно, он вину свою полностью признает и строгий выговор считает справедливым, даже относительно мягким наказанием, учитывая то, сколько времени на это закрывали глаза. И так по-отечески участливо пытался говорить с ним вице-адмирал... Как же стыдно перед ним было, как мог Данил до такого докатиться!

Этот разговор действительно его встряхнул, заставил увидеть себя со стороны. На что это похоже в глазах нормальных людей, чем может все закончиться? Увольнением со службы, потерей квартиры, друзей, возвращением в Киев?

Самое страшное будет, когда отец узнает, что его дорогой Данечка — обычный алкаш и за пьянку уволен из армии. На себя Данилу давно плевать, но отец этого точно не заслужил! А мама?.. Жутко подумать даже, что будет с его веселой, легкой, беззаботной мамочкой! Сколько они уже терпели из-за него, на сколько лет он и так уже укоротил им жизнь? А как выгащил его тогда отец! Как не позволил окончательно сломаться... Чтобы теперь любимый сыночка придумал себе новую проблему, от которой стремится загнуться? И, опять же, только он на это способен! Ну кто еще, если не больной на голову Данилка, может такой придурью мучиться?..

Получив взыскание по службе и кое-как закончив день, Данил быстро шел по улице, спеша попасть домой. Он должен бороться с этим, он должен что-то придумать! Данил чувствует, что мог бы это сделать. Он мог бы найти способ иметь ребенка, не имея жены, вот только сейчас он не может на этом сосредоточиться.

У него путаются мысли и трудно дышать. Его знобит, его начинает тошнить, у него болит голова, и вообще состояние у Данила ужасное. Ему нужно немного выпить, тогда сразу станет легче, и он сможет начать думать. Конечно, он больше не напьется до скотского состояния, он вообще бросит пить, просто сейчас ему необходимо совсем немножко, чтобы начать мыслить...

А с противоположной стороны города, снова пристроив Андрея вернувшимся в город родителям, к дому приближалась Ленка Стельникова, предвкушая предстоящий спектакль.

Сегодня она дает Давыдову сражение. Он не хочет разговаривать по-хорошему, поэтому Ленка переходит к активным действиям. Она уже к ним перешла и теперь должна прийти точно вовремя, не раньше и не позже, поэтому тоже идет довольно быстро.

Вчера Ленка уже решила все рассказать Мише. В течение трех последних дней она подлавливала Давыдова, придумывала разные предлоги и затаскивала к себе в квартиру. Она говорила, что ей срочно нужно переставить шкаф или вынести на улицу Андрюшкину детскую машину, а Мишки нет дома. Давыдов, конечно, ни разу не отказал, но, быстро со всем справившись, моментально смывался. Ему, видите ли, срочно надо было уходить. Он даже ни разу не остался поесть и снова закрывался у себя. Да он, кажется, уже и не ест ничего и скатывается с поразительной скоростью.

Больше тянуть было нельзя, и вчера, сидя в ванне, Ленка уже составляла речь, которая откроет наконец вернувшемуся домой Стельникову глаза на то, что его лучший дружок и прямой подчиненный, похоже, решил их покинуть. Мишка от него не отстанет: он будет скручивать ему руки, засовывать в рот кляп и просто с ним драться. Он позовет на помощь всех приятелей, но Давыдова не отпустит. Это, конечно, далеко не лучший выход: это громкий скандал, ведь Давыдов тоже так просто не сдастся, и в эту историю втянутся все, кто имеет к нему малейшее отношение. Об этом узнает Чернова, которая снова начнет его доставать и сделает еще хуже. Об этом узнает папаша Чернов, который, возможно, решит за все отыгаться. Об этом узнают соседи, а следовательно, весь состав их знакомых и родственников, а дальше про Давыдова разнесется такое, что он вовек потом не отмоется. Но больше Ленке ничего не остается. Она не может его перехитрить!

Ленка с досады брызнула водой на крашеную стену ванной, посмотрела на стекающие по стене капли, и неожиданная идея пришла ей в голову. Это ведь так просто! Она выкурит Давыдова из его норки. Она же его соседка сверху! Правда, это будет нелегко в их кирпичном доме, построенном на совесть в отличие от современных бетонных коробочек, которые светятся насквозь. Но если с умом взяться за это, то Ленка справится. Уж умения подстраивать гадости Стельниковой точно не занимать!

И сегодня она взялась. Процесс пошел еще часов шесть назад. Убедившись, что система работает нормально, Стельникова собрала Андрюху и поехала к родителям. Никто не придерется! Просто бестолковой Елены Яковлевны не было дома, а у родителей не работает телефон, который Ленка, придя к ним в гости, втихаря отключила, выдернув шнур из розетки.

***

Данил не мог понять, почему так истерично орет на него старая вдовушка с первого этажа и не отстаёт от него ни на шаг, пока он поднимается по лестнице.

— Да что такое? — повернулся к ней Давыдов возле двери.

— Открывайте немедленно! — верещала высушенная старушка, и Давыдов, пожав плечами, стал поворачивать в замке ключ.

Бабулька шла за ним следом, пока он двигался к кухне, откуда доносились подозрительные звуки проливного дождя.

Это был не просто протекший потолок, а грандиозный потоп. Выйдя из прихожей, Данил сразу оказался в довольно глубокой луже, которая простиралась на весь коридор и образовывала лиманы в комнатах. Промочив ноги, он добрался наконец до кухни, которая представляла собой парализующее сознание зрелище. Потолок, стены, модная финская мебель, присланная недавно из Киева, истекали тоненькими струйками, будто давыдовская кухня — это каюта затонувшего пассажирского катерка, которому перед отплытием забыли подремонтировать палубу.

Чуть не сбив по пути убедившуюся в его невиновности вдовушку, Давыдов побежал в подъезд. Стельниковых нет дома, но что можно сделать, даже если бы они пришли? Кажется, хуже и быть не может! Хорошо хоть кот где-то шатается, а то ведь неизвестно, умеет ли он плавать!

Выглянув из-за угла, Ленка увидела вылетевшего на улицу Давыдова. Он явно в полуобморочном, но зато трезвом состоянии. Самое время Ленке появиться.

— Стельникова! — завопил Давыдов не спеша приближающейся соседке. — Где ты была?!

— У папы, — скромно и тихо ответила Ленка, стараясь фиксировать во взгляде подобие невинной придурковатости.

— Где?! У папы?! Ты всех затопила, идиотка!

Ленка и в самом деле изображала дурочку и, в ужасе всплеснув руками, кинулась домой. Она быстро закрутила открытый на полную мощность кран на кухне и втихоря вытащила из раковины посудную тряпочку, плотно затыкавшую отверстие водостока. Единственное, чего опасалась сегодня Ленка — что в городе отключат воду. Но удача на Ленкиной стороне, даже слишком. Жалко их паркетного пола, досочки которого заботливо укладывал один Мишкин знакомый, но это не беда. В любом случае Стельникову лучше заниматься ремонтом, чем излечением друга от алкоголизма.

Зато у Давыдова — полный порядок! Что потолки, что стены, что мебель — высохнут не раньше, чем закончится критический период, который он вынужден будет где-то провести. Где? Конечно, у Стельниковых, виновников его временной бездомности. К тому же он ведь будет помогать Мишке ремонтировать три квартиры. Причем совершенно ясно, что первая квартирка — на первом этаже. Жалко ни в чем не повинную вдовушку, но что поделаешь? Жизнь полна досадных случайностей...

А теперь Ленке надо удержать Давыдова возле себя, чтобы он тихо не улизнул и снова не накачался по поводу такого грандиозного события. Он хоть и вредный, зато сильно жалостливый и, конечно, быстро отгадет и начнет успокаивать убитую горем Леночку, которой действительно хочется пустить слезу при мысли о том, какой сюрприз ждет уставшего после стольких командировок Стельникова.

— Ну ладно, Ленчик, не расстраивайся! — улыбался ей Давыдов, уже сидя у них на кухне и глядя, как всхлипывает бедная Ленка, вытирая платочком слезы. — Мало ли что бывает в жизни! Это вообще ерунда. Я вот однажды поджег чужую квартиру! И ничего. Живу себе да радуюсь. А вода — она высохнет!

— Да-а, высохнет! — ревела Ленка. — Меня же Стельников прибьет за этот паркет! А тебе вообще вовек не расхлебаться! А этой соседке с первого этажа? Боже, ну как же я так... Вот правильно ты говоришь, что идиотка!

— Я что, такое говорил?! Не слушай! Наоборот. Зато все сделают ремонт, и будут квартирки — высший пилотаж! О, Мишка пришел. Не бойся, ничего с ним не сделается!

Вошедший на кухню Стельников, лишь взглянув на виновато всхлипывающую жену, стал тихонько трястись от хохота, постепенно переходя на свой залиvistый, приступообразный смех. К нему невозможно было не присоединиться, особенно когда на кухне появилась обиженная вдовушка, которая, судя по выражению ее удивленного лица, всерьез опасалась за состояние здоровья задыхающейся от веселья троицы.

За ужином Давыдов ел очень мало, в основном хлестал яблочный сок, заранее приготовленный предусмотрительной Ленкой. Она понимала, что с ним происходит, и буквально впихивала в него картофельное пюре, уговаривая хорошенько распробовать, как она готовит его любимое блюдо.

Она едва сдержалась, чтобы не стукнуть сковородкой по умнейшей башке своего Мишки, в которую внезапно пришла блестящая идея отметить сегодняшнее событие, пропустив по рюмочке водки.

— Так, Стельников, алкаш ты рыжий! — раздраженно оборвала его Ленка. — Все отмечать — печени не хватит. Ешь скорее да спать ложись. Завтра кусок работы предстоит!

Мишка вздохнул, но хорошо хоть возражать не стал. Давыдов тоже помалкивал, и это было для Ленки хорошим признаком. Он, конечно, уже втянулся, но не совсем еще потерянный человек, если находит в себе силы не клянчить глоточек спиртного взамен на что угодно.

***

Лежа тогда на диване в гостиной у Стельниковых, Данил думал о том, что он в самом деле алкоголик. Он чувствовал себя кошмарно, его трясло под теплым одеялом. Все, больше он пить не должен! Вообще ни грамма, иначе и правда все полетит к черту... Он ведь уже не умеет без алкоголя думать, но должен снова научиться. Нет, он не встанет

сейчас с кровати и не пойдет вниз, к себе на кухню... Видно, судьба, что случился сегодня этот потоп, видно, жизнь дает ему еще один шанс. И ему нужно побыть здесь, у друзей, нужно продержаться какое-то время, чтобы приступить к решению своей проблемы. Ее можно решить, нужно просто к нормальному состоянию вернуться!

И Давыдов держался. Он почти не спал в эту первую ночь и наутро чувствовал себя еще хуже. Весь день у него раскалывалась голова, он вообще не мог разговаривать и работать. Дрожали руки и колени, и ему казалось, он вот-вот сядет или ляжет прямо посреди штабного коридора, такую он чувствовал слабость.

Но вечером они с Мишкой должны были начать снимать вздутый паркет в квартире на первом этаже, и нельзя, чтобы Миша что-то заподозрил...

Ленка не могла на себя нарадоваться: как же замечательно она все придумала! Давыдов прогрессирует на глазах, у него с каждым днем улучшается аппетит и уже появился слабенький румянец на щеках, а его знатные реснички снова начинают торчать кверху, а не понуро свисать над печальными глазами, словно темные козырьки.

Ленка тщательно следит за тем, чтобы Стельников исподтишка не налил ему рюмочку. Мишка, конечно, недоволен таким внезапным сухим законом и думает, что его жена прониклась модным течением борьбы за трезвость. Ничего, ему тоже не помешает немного подсушиться, удивительно только, как он ничего не замечает насчет перерождения Давыдова, который, кстати, ведет себя просто чудесно. Наверное, он и сам решил бросить, иначе нашел бы способ приложиться к бутылке.

Данил с Мишкой к тому же загружены ремонтными работами по окончании трудового дня в штабе, и им некогда проводить заседания. Это тоже большой плюс к Ленкиному поступку. Они уже ремонтируют квартиру Давыдова, и он даже не прикасается к своим горючим запасам. В общем, он выкарабкивается так же быстро, как катился вниз, силы воли ему явно не занимать: Ленка ошибалась насчет присутствия у него этого качества.

Стельникова окончательно успокоилась, когда квартиры уже были в полном порядке, и хочешь не хочешь, а пришлось отмечать окончание работ. Давыдов снова нормальный человек: он выпил две рюмки и больше пить не стал. К тому же он не сильно опьянел от

такой малой дозы, а значит, законченным алкашом все же не был. Этот месяц трудотерапии явно вернул его к жизни, и все произошло очень вовремя, он опять стал таким же нахальным и общительным, как сразу после разрыва с Черновой. А она как раз снова начинает им интересоваться, думая, что Стельникова не понимает смысла ее общих вопросов.

***

Данил действительно оставил этот кошмар позади, он снова в отличной форме и может начать искать решение. Он снова ходит в спортзал и в гости, но, конечно, не избавился от своей навязчивой идеи, а просто откладывал ее обдумывание до полного выздоровления. Вот до этого момента, когда он лежит у себя на новом диване и может все как следует взвесить.

Итак, ему нужен ребенок, но не нужна жена. Что ж, существуют же на свете одинокие отцы. Откуда они берутся? Они развелись, или их жены умерли. Значит, Давыдову все же придется сначала жениться. Просто для того, чтобы иметь права на ребенка. Но если родится ребенок, то после развода он точно останется с матерью, а ждать, пока родятся двое детей, у Давыдова не хватит терпения. Кроме того, это тоже не дает полной гарантии. Можно, конечно, потихоньку помочь своей супруге скоростно покинуть этот мир, но это кажется Данилу крайним выходом из положения.

И потом, на ком ему жениться? На Черновой? А вдруг она и правда родит девочку, и у нее будет такая же задница? Нет, у Давыдова должна быть такая дочь, чтобы все влюблялись в нее так, как влюбился когда-то сам Давыдов, а не просто обычная матрешка. Следовательно, нужно подыскать соответствующую мамочку, у которой с генами все в порядке. Например, из числа его распутных подружек. У них, правда, не все в порядке с умом, но это не беда: ребенок унаследует мозги от папы. Остается надеяться, что дочке не перейдет небольшой сдвиг Давыдова в психологическом плане, но он у Данила, похоже, приобретенный вследствие нервного потрясения в молодости.

Однако, опять же, как избавиться от жены? Ведь у этих красоток настолько крепкая хватка, что действительно их легче убить, чем с себя сбросить. Жить с такой супругой в одной квартире — уж лучше вообще не жить. Нет, это тупиковый ход. Да только, кажется,

единственный. Если, скажем, надуть какую-нибудь дуру, обещая взять ее замуж, а потом передумать — так и она передумает, сделает аборт или, опять же, заберет ребенка. А у его дочки в свидетельстве о рождении должна быть написана его фамилия!

Данилу нужно придумать что-то необычное, выходящее за рамки общепринятых правил. Подключить бы сюда, конечно, авантюрную мощь мысли Валерия Борисовича — и вопрос наверняка бы решился. Но батя никогда в жизни не станет страдать подобной дурью и только убедится, что его сыночек — потенциальный пациент психиатрии. Данилу нужно самому представить себя Валерием Борисовичем. Это ведь его отец, в конце концов, должна же наследственность хоть в чем-то проявиться!

Как отец действовал в различных ситуациях, чтобы добиться желаемого в обход законов? Методом убеждения, а если убедить не получалось, то кого-то шантажировал, а кого-то подкупал... Можно купить многих и многое, можно даже женщину — только ребенка себе не купишь! Это возможно, наверное, но точно не здесь, не на этой части населенной суши... Однако ведь женщину и правда можно! А что Данилу нужно? Именно это! Ему нужны органы деторождения, вещь материальная, и, следовательно, ее можно купить.

Но, черт возьми, сколько же нужно заплатить женщине, чтобы она выносила ребенка, родила, а потом оставила его Давыдову и забыла о нем навечно? Насколько нужно быть продажной, чтобы на такое согласиться? Даже если желающая и найдется, что ей может предложить Давыдов? Ну, самое большее?.. Конечно, можно пообещать в подарок и военный авианосец, а потом сказать, что пошутил, но ведь и она может как-то застраховаться и тоже разорвать соглашение! Самое большее — это его квартира. Но стоит ли она столько, сколько ребенок, да и квартира государственная, ее все равно не продать! Надо думать, надо искать варианты, он готов на все! А ведь точно... Ему нужно найти такого же человека. Чтобы был готов на все ради чего-то конкретного. Ради чего-то такого, что мог бы отдать или организовать Давыдов. И найти этого человека нужно среди красивых женщин.

Ради чего его продажные знакомые готовы на все? Ради денег? Но какая это может быть сумма, и найдется ли у него столько? Ради шмоток, драгоценностей, машин? Тоже нет, это то же самое. Ради...

Ну, как же он забыл! Конечно, они готовы на все, лишь бы уехать за границу. Вот чем можно их купить! Они все просто бредят этим так называемым Западом, где можно жить припеваючи, ни хрена не делать, а только дышать воздухом свободы и спать с каким-нибудь состоятельным дядей, у которого собственный бассейн и белый «Мерседес».

Это же просто идеальный вариант! Если, родив ребенка, она скроется за бугром, значит, Данил избавится от нее с приличной гарантией. А чтобы ей там понравилось, ей нужно попасть туда, уже имея средства к существованию. Сколько это? Данил не знает, но это уже можно обсудить: она-то уж наверняка ориентируется! Осталось только решить, кто эта «она».

Данил вскочил на ноги и, порывшись у себя в столе, открыл записную книжку. Он перебирал всех своих прошлых и настоящих барышень, оценивая только две вещи: внешний вид и степень умопомешательства на этом самом воздухе свободы.

Он нашел свою избранницу. Если не согласится она, то не согласится никто. Он познакомился с ней на дне рождения Арсена в ресторане. Это рыженькая Катька, которая живет в убогой однокомнатной квартирке на Пятом километре и думает только о несправедливости мира, где ее угораздило родиться на советской помойке вместо одной из волшебных стран чудес. Ни к ее фигуре, ни к лицу не придерешься: гладкое, упругое, сильное тело, узкие кости, густые волосы и правильные, яркие черты лица. Просто образцовая племенная кобылка!

Разговаривать с ней невозможно: от нее доносятся только стоны о несчастной судьбе, нехватке денег и мечтательные фразы о том, как было бы прекрасно покинуть родину навсегда и начать новую, богатую и беззаботную жизнь во вражеском капиталистическом лагере.

Раньше Данил еще мог терпеть такие рассуждения, а сейчас он это люто ненавидит. С того самого момента, когда белая машина, так красочно описанная его лучшим другом, увезла от Давыдова то, что составляло смысл его существования... Теперь у него будет новый смысл! И теперь это самое главное: то, что он так сильно ненавидит. Сейчас человеческая продажность — единственный для Данила способ обрести самое важное в жизни: человека, который будет с ним при любых обстоятельствах, будет видеть в нем защиту и пример для

подражания. Которого будет любить он, и который никогда не предаст, что бы ни произошло... Данил завтра же приступает к осуществлению своего плана. У него все получится, иначе... Он не знает, что будет иначе, он просто должен это сделать!

***

Данил весь день занимался работой с невероятным энтузиазмом и многое успел, невольно стараясь ускорить течение времени и приблизить окончание дня, когда он отправится наконец к Кате.

И вот он к ней идет. У нее нет телефона, но места ее обитания Данилу отлично известны: если она вечером не дома, то в ресторанчике возле набережной или на самой набережной, где бедняга надеется подцепить какого-нибудь землячка, в скором времени отбывающего на чужбину, или, что еще лучше, гражданина этой самой чужбины, неизвестно каким образом оказавшегося в военном порту ненавистной отчизны. Вот что Давыдова в ней и во всех подобных оптимистках поражает — это воля к победе. Кого, интересно, она надеется здесь найти, если не подлого диверсанта или законспирированного агента вражеской разведки?

Однако счастье уже само плывет ей в руки в лице распрекрасного Давыдова, у которого, на ее взгляд, только один, но очень существенный недостаток: он советский офицер и, напялив на себя однажды военную форму, навсегда лишился надежды пожить когда-нибудь по-человечески.

Данил вчера тщательно припоминал все, что о ней знает: она родом откуда-то из крымской степи, училась здесь в училище и даже когда-то выходила замуж, вследствие чего у нее остались обшарпанная квартирка и несбыточная мечта. Но это все не имеет для Давыдова никакого значения. Его гораздо больше интересует совсем другой факт ее биографии: была ли она когда-нибудь беременной, и чем это закончилось.

Его совершенно не устроит, например, выкидыш, хотя хирургический аборт — тоже не подарок, ведь Давыдову нужны безупречные женские органы без шрамов и рубцов, чтобы свести к минимуму риск срыва его плана в результате непредвиденных проблем. Например, ребенка с каким-нибудь дефектом Давыдову точно не нужно, это будет вообще худшее, чем может закончиться все

предприятие. Но другого выхода нет, и нужно еще Катюшку уболтать, а для начала — хотя бы ее найти.

Подойдя к кучке разукрашенных девиц, в вульгарных позах стоящих возле любимого ресторана, Данил спросил у них о Кате, и они ответили, что та только что отправилась домой. Видимо, Данил с ней разминулся, и ему совсем не хотелось прийти, когда Катя привела к себе очередного пьяного кавалера, чтобы, занявшись любимым делом, утешиться и отвлечься от своей основной и, кажется, единственной мысли о недостижимом Западе.

Однако Данил все равно пошел к ней, и на удивление Катя была хоть и в печали, зато в одиночестве, явно приободрившись при виде старого знакомого, вниманием которого она весьма гордится.

Давыдов понимал, что будет слишком неестественно сразу начать переговоры, и решил сначала выполнить обычную программу, дабы не обмануть Катюшины ожидания. Тем более это того стоит: она, как всегда, весьма податлива и в меру активна, а подобная разрядка после напряженного дня Давыдову совсем не повредит, наоборот — после этого он сможет сосредоточиться и спокойно все объяснить.

...Катя уже сидела, закинув ногу за ногу возле лежащего рядом Давыдова, который накручивал на палец ее длинные темно-рыжие волосы, и раскуривала сигарету. Она явно не понимала, какого черта Данил здесь еще валяется и с какой стати решил вдруг о чем-то с ней поговорить. Ведь разговаривать с этими совковыми военными для Кати — дело скучнейшее.

— Ну, что будет? — говорил ей Давыдов. — Что будет, если ты вдруг залетишь?

Катя пожала плечами:

— А тебе-то что?

— Просто интересно. Такое было с тобой когда-нибудь?

Она снова пожимает плечами! Но Данилу нельзя так сразу терять терпение. Нужно держать себя в руках, ведь он знает, что Катюша — человек ограниченный, и до нее, возможно, не сразу доходит смысл вопросов.

— Ты что, не знаешь? Была ты когда-нибудь беременной?

— А тебе зачем?

— Интересно! Просто интересно! Что, ответить не можешь?

— Могу. Была, — спокойно ответила Катя. — А кто ж не был-то?

Потратив еще массу времени, Данил с горем пополам выяснил, что однажды она забеременела от своего мужа, но рожать, конечно же, не собиралась, а супругу так вообще было все равно, и Катя благополучно избавилась от проблемы в местной больнице.

Это был, конечно, большой минус, но выбирать Данилу не приходится. Ведь и правда среди красивых и продажных женщин вряд ли найдется кто-нибудь без изъянов, так что он перешел к сути вопроса.

— Катя, — серьезно обратился к ней Давыдов, и она повернула к нему любопытное лицо. — Роди мне ребенка.

Ее брови стали подниматься вверх, а яркий рот — расплзаться в кривой улыбке:

— Это что, предложение?

— Ну конечно, — так же серьезно продолжал Давыдов. — Предложение о сотрудничестве. Ты рожаеть ребенка, я помогаю тебе с визой, даю много денег — и ты уезжаешь, куда хочешь. Выбирай сама, я могу это устроить. Что скажешь?

— Ты что, дурак? — пробасила ухмыляющаяся Катька. — На фиг оно тебе?

— Мне надо. Так что, согласна?

— Нет, конечно.

— Почему?

— Я что, дура? — дернула Катька плечами, и Данил едва сдержался, чтобы не подтвердить это вслух.

— Конечно, ты не дура, Катя! Я же поэтому к тебе и пришел. Сама подумай: тебе не надо больше работать, просто девять месяцев пожить в свое удовольствие. Я буду за все платить. А потом — раз! Спокойно родишь, я у тебя ребенка заберу, отдам загранпаспорт, все документы, деньги, и ты уедешь. Чем плохо? Меньше чем через год ты уже будешь там! Какой это шанс, подумай!

Катька не согласилась. Почему — она толком сказать не могла, и Данил ушел ни с чем. Напиваться он, конечно, сейчас не стал, но настроение у него было тоскливое, ведь план провалился. Конечно, как может женщина на такое пойти?

Он, пожалуй, все же женится на Кире. Черт с ней. Пусть только будет ребенок, хоть какой-то, но только его! Чтобы этот малыш сказал, что его папочка — самый красивенький, чтобы мог Данил его

подержать и покормить в любой момент, чтобы мог рассказывать о нем своим знакомым и защищать перед воспитателями и учителями. Да он же будет самым лучшим в мире отцом! Почему все так несправедливо... Почему, когда тебе чего-то так сильно хочется, никогда ничего не получается!

Не раздеваясь, Данил лег на диван. Сейчас он позвонит Кире, завтра они подадут заявление, а весной у него уже будет ребенок. Дочь. Ну, или сын, какая уже разница?

Данил потянулся к телефонному аппарату, но тот вдруг зазвонил сам. Кто это, интересно, так поздно? Уж не сама ли Кирюша?

— Я слушаю.

— Алло, командирчик? Это Катя. Надо поговорить.

Данил зажмурил глаза: она согласна! Какая же это замечательная женщина! Она говорит, что с кем-то там посоветовалась и решила, что предложение Давыдова дельное, но требует уточнения некоторых деталей. Конечно, Давыдов на все согласен! Он примчится к ней завтра же вечером!

***

Переговоры с Катей были долгими. Больше всего ее интересовало, что будет, если Данил вдруг передумает. Что она будет делать с этим ребенком? Он клялся ей, что это невозможно, и она склонна была ему поверить, но все равно хотела бы получить какие-нибудь гарантии. Лучше всего — часть положенных ей денег. Сколько? Они перешли к обсуждению общей суммы. Вернее, Давыдов сказал, чтобы она ее назвала. Катя заколебалась, не решаясь, видимо, произнести цифры вслух.

— Так, какие проблемы, Катюха? Говори прямо. Если у меня таких денег нет, я сразу скажу. Мы разойдемся, и на этом все. Никто ничего не потеряет.

Данил продумал этот момент. Он понимал, что Катя, опасаясь переборщить и испортить возможное будущее, постарается быть разумной и трезво оценить возможности Давыдова. Волна его безумной радости уже схлынула за этот день, и теперь он был в состоянии взвешивать каждый свой шаг.

Она назвала сумму. Пятнадцать тысяч долларов — достаточно много. Но у Давыдова почти год впереди, и он найдет эти деньги! В

самом деле, не торговаться же, словно на рынке! Пять тысяч она хочет сейчас. Без проблем, но не так быстро, деточка!

Данилу отлично известна проворность этих шустрых дамочек, и он тоже намерен страховаться. Он выдаст ей нужную сумму, как только его ребенок уже станет фактом. То есть когда врач установит беременность. Тем более у Давыдова этих денег сейчас нет. Ему нужно снять их со счета, кое-что одолжить или, наоборот, потребовать вернуть долг и — самое главное — обменять их на валюту. И нужна ей сейчас эта валюта! Чем ей не нравятся родные рубли? Однако сделать это Давыдову придется.

Пытаться обменивать такую сумму в Севастополе он, конечно, не станет, это явный криминал. Только прославишься на весь город: штабист Давыдов решил, очевидно, перебежать на вражескую сторону и развернул к этому активную подготовку. Но выход есть, и это вовсе не Валерий Борисович.

Впутывать сюда родителей прямо сейчас — это запороть все дело на корню точно так же, как подключать кого-то из местных знакомых. Они все скажут, что это сумасбродная идея, что допустить такого нельзя, и будут костями ложиться у Давыдова на пути. А бороться со всей братией у Данила духу не хватит.

Как он поступит с родителями, он уже решил. Они должны узнать об этом тогда, когда уже невозможно будет что-либо изменить, а кроме того, у них не должно быть времени, чтобы переживать и капать Данилу на мозги. Поэтому он просто представит им живого внука как свершившийся факт, и им останется только взять его на ручки и помогать Данилу его воспитывать. Вот здесь без них, конечно, будет не обойтись. Кто еще сможет заменить его ребенку мать, если не собственная мама, которая лучше всех сумеет позаботиться о его малыше? И не надо никаких женушек и невесток — давыдовский клан сам справится со своим новым родственничком. Правда, живут они в разных городах, но это решаемо. В конце концов, мама выйдет на пенсию и проживет немного в Севастополе. Скажем, до тех пор, пока ребенок не пойдет в детский сад или хотя бы в ясли.

А валюту ему обменяет, конечно, Генка Левковский, жена которого работает в Киевском подразделении Министерства иностранных дел. На своего стародавнего приятеля Данил очень рассчитывает. Нужно узнать у него все насчет оформления документов

для Кати и, может быть, даже оформить их с Генкиной помощью. К тому же Левковский никому не проболтается, а о ребенке ему знать вовсе не обязательно. Данил скажет, что помогает какой-нибудь знакомой.

Итак, Катя согласна подождать до того, как забеременеет. И теперь Давыдов продиктовал ей встречные условия: на все время действия их соглашения она должна вообще забыть, что такое сигареты и спиртное. Она должна хорошо питаться и есть то, что будет приносить ей Давыдов, или он будет давать ей деньги, чтобы она это покупала. Само собой, для нее не существует больше никаких мужиков, кроме Давыдова, до самого окончания беременности. Не хватало еще, чтобы какой-нибудь кобель тревожил там его ребеночка! Она может с кем-то советоваться, ведь Данил знает, что это неизбежно: она не сможет удержать в себе такой многообещающий проект. Только имя Данила Давыдова при этом ни в коем случае упоминаться не должно, иначе они погорят оба.

Она согласна на все. С сегодняшнего дня Катя бросает глотать свои противозачаточные таблетки, и денька через четыре как раз пора будет приступить к практическому выполнению его блестящего плана.

Конечно, им нужно будет расписаться, но Данил сделает это как можно позже, чтобы печать в его паспорте находилась совсем недолго и чтобы факт его тайного бракосочетания не успел стать достоянием широкого круга общественности. Конечно, от всех этого не скроешь, но пока новость распространится, они уже, скорее всего, будут разведены, а когда в его документах появится запись о наличии ребенка, ему будет наплевать на любое мнение, поскольку оно уже ничего не изменит.

Дождавшись наконец возможности, Данил отправился в Киев. Он не мог думать о том, что встретится там с родителями, у него в голове было только одно: переговоры с Генкой Левковским, и он должен был уложиться в кратчайшее время. Ему нужно вовремя вернуться, чтобы не упустить ни одного дня для возможного зачатия своего ребеночка. Первая попытка не удалась, и хоть Данил немного расстроился, он изначально не очень-то рассчитывал на успех сразу после прекращения приема Каткой контрацептивов.

О, какой он теперь специалист в акушерстве и гинекологии! Он в течение двух последних недель перевернул гору литературы, которую

тщательно прячет, закрывая на ключ в своем столе, чтобы, не дай бог, случайно вошедшая Ленка, например, не подумала, что пора все-таки вызывать санитаров к ее одинокому соседу.

Он наизусть знает таблицы расчета сроков родов и может, подобно опытному врачу, назвать приблизительную их дату через две секунды после того, как будет указано число начала последнего женского цикла. Он накупил витаминов и уже скармливает их Катьке. Он разучил все комплексы упражнений для беременных и будет заставлять ее их выполнять. Уезжая, он набил ее холодильник едой до отказа и сказал, что за ней следят, чтобы она не таскалась по кабакам, не пила и не курила, пока его не будет. Все, здесь он большего сделать не может и едет в Киев, чтобы продолжить активные движения в сторону осуществления своей заветной мечты.

Он снял со счета все свои деньги, собрал некоторые долги и везет с собой всю сумму. Хорошо, что он еще никогда не делал крупных покупок, и его заработок спокойно перемещался на сберегательный счет. Не полностью, конечно, но значительная его часть. Это его первая крупная покупка, однако крупнее, кажется, этот мир еще не видел...

Гена действительно очень ему помог и обещал, что ни слова не скажет родителям. Левковский привык со школьных лет считать, что Давыдов со своими родителями ведет нескончаемое сражение, и, конечно, Генка — в тылу у Данила. Это хорошо: пусть и дальше думает, что Давыдов с родителями не в ладах.

Деловая жена Левковского через день выдала Давыдову его деньги, превращенные в зеленоватые купюры американских долларов, подробно просветив его насчет всех необходимых документов и справок. Она посоветовала начинать оформление как можно быстрее, потому что этот процесс весьма сложный и затянутый. Она, конечно, поможет в плане быстрого прохождения очереди, но только с документами должен быть полный порядок.

Есть, конечно, одна сложность: семейное положение. Ведь Катеньке предстоит выйти замуж, а потом развестись. Но, в общем-то, если подумать — ничего не меняется: свою фамилию Давыдов ей одалживать не собирается, и он займется оформлением сразу как приедет.

Вернувшись в Севастополь, он отправился к Кате немедленно и в очень обеспокоенном состоянии. Перед отъездом Данил нашел у родителей на их книжных полках какое-то старинное мамино пособие для беременных и, сидя в самолете, вычитал там кое-что новое.

— Так, Катя, ты когда-нибудь болела краснухой? Ну, в детстве? — спросил он сразу после поспешного приветствия.

— Болела. А что, плохо, да? — заволновалась Катька.

— Нет, молодец! — облегченно выдохнул Давыдов. — Это хорошо.

Теперь его ребеночку не грозит умственная отсталость оттого, что мамочка подцепит эту болячку на раннем этапе, и можно переходить к обсуждению ее будущего.

— В общем, я все узнал. Ты должна выбрать страну. Мне нужно знать точно, чтобы начать оформление.

Данил почувствовал, как у Кати перехватило дыхание. Сейчас она может назвать любую точку мира, ткнуть пальцем в карту — и это будет не сон, а реальность! Она сможет там оказаться!

Ей надо подумать? Хорошо, он подождет до завтра. Пускай со всеми посоветуется, а сейчас — к делу. Пока нет ребеночка — нет никаких заграниц и никаких денежек, одну пачку которых Давыдов с собой прихватил, и та явно произвела вдохновляющее действие, поскольку Катюха с большим энтузиазмом начала снимать с себя одежду.

А через четыре недели Давыдов, примчавшись домой, закатил вечерок, сославшись на внезапное празднование окончания лета и напригласав к себе всех, кто только согласился немедленно прийти. Явилось на удивление много народу, ведь уже давно не устраивались подобные сборища, поскольку период от Дня военно-морского флота до Дня октябрьской революции довольно застойный и продолжительный. Стельникова как следует потрудилась на кухне и, конечно, все исполнила на уровне. Она была предупреждена о празднике первой, еще утром, когда Данил узнал новость, которую он сейчас и отмечает, с трудом удерживаясь от того, чтобы при всех не кричать от радости. Гости здорово веселятся, и никто из них не догадывается, что именно сейчас празднуется.

Да, он к этому стремился, он все рассчитал, но это все равно невероятно! Его ребеночек уже есть. Он убедился в этом, побывав в

Каткиной поликлинике и посмотрев запись в ее медицинской карте.

Его ребеночку две недельки. Он еще такой крошечный, что его почти не видно, он еще ни на что не похож, но он уже есть, и Давыдов может начинать его выращивать. Данил уже отдал сегодня Кате часть ее несметного богатства, и после того, как устроил праздник, он совершенно без денег, но разве это имеет значение?

Вторую часть — тоже пять тысяч — он отдаст, как только она родит, а третью — после развода в совокупности со всеми документами, и тогда — он самый счастливый человек на свете! Где он возьмет такие деньги? Одолжит, украдет, что-нибудь продаст, но он их достанет. Пока все идет просто отлично!

Катюха тоже настроена серьезно и уже собрала практически все справки и фотографии, так что можно переходить к оформлению документов на выезд в Италию. Она выбрала именно эту страну потому, что там нашлись у нее дальние знакомые, и они сделают Кате приглашение. Это тоже прекрасно — это намного облегчает проблему. А кроме того, итальянский язык не слишком сложный, и Катя, кажется, частично его уже выучила благодаря звучащим из всех углов записям фестивалей в Сан-Ремо.

Его ребенок родится в апреле, где-то во второй половине, как раз в районе дня рождения мамы. Здорово! Так же здорово, как и то, что Катка, похоже, никому ничего не разбалтывает и тихо живет в своей квартирке под неусыпным контролем Давыдова, который теперь, придя домой в любое время суток, моментально меняет военную форму на самую невзрачную штатскую одежду и, стараясь как можно меньше маячить на местности, отправляется на Пятый километр к своему инкубатору, внутри которого находится его драгоценность, чтобы проконтролировать наличие пустого места в холодильнике, исполнение физических упражнений и перерыть все Каткины карманы в поисках припрятанной сигаретки.

Однако Катя тоже человек двинутый, только на другой теме. Она в точности следует инструкциям Давыдова, сжав в кулак всю свою волю к победе.

Особенно сильное стимулирующее действие оказывает на нее вид аккуратненькой стопочки зеленых бумажек и постоянные напоминания Данила о шикарных средиземноморских курортах и об отдыхающих там миллионерах, которые, как уверен Давыдов, сроду не видали таких

русских красавиц и вмиг попадают замертво, лишь только она появится перед ними на своей новенькой прогулочной машинке, которую купит, конечно, на честно заработанные деньги. Он даже принес ей кучу рекламных проспектов и журналов, привезенных из Киева, чтобы нейтрализовать неприятности, связанные с ухудшением самочувствия, которое оказалось временным, и через два с половиной месяца Катя была уже в полном порядке и успешно поела все положенные ей продукты, которые Давыдов покупал лично.

Когда самый опасный для его ребеночка период завершился и Катке уже поздно было передумывать, Давыдов смог немного ослабить контроль и всерьез заняться вопросом денег. Он еще никому ничего не должен, и сейчас он начнет брать в долг, а если этого не хватит, на момент рождения ребенка включится в дело его главный резерв: всемогущий финансовый воротила Валерий Борисович, который, конечно же, быстро со всем здесь разберется.

И Данил стал одалживать деньги. Само собой разумеется, ему никто не отказывал и никаких сроков не устанавливал. Данил знал, у кого какое материальное положение, и, конечно, не обращался к тем, у кого оно затруднительное. Он сразу же превращал рубли в доллары, переправляя их в Киев, и никуда не спешил, соблюдая полную конспирацию. Он вешал всем какую-то лапшу, да у него и не особенно выпытывали, зачем ему такие суммы.

К концу зимы у Катки стал ускоренно увеличиваться животик, что действовало на Давыдова так же, как на Катю — увеличение толщины папки, которую время от времени Давыдов ей демонстрировал для поддержания боевого духа. Данил уже ясно ощущал, как его ребеночек шлет приветы, дергаясь у Катки в животе под его руками, и он мог развлекаться этим часами. Правда, если приложить ухо, то ничего типа сердцебиения не слышно, и что, интересно, выслушивает там врач своей трубочкой, которую Давыдов видел на множестве картинок?

Теперь самый ответственный и опасный момент: с Каткой нужно расписаться. Надо подать заявление и сразу пожениться, ведь с таким животом брак оформляют без всяких там «испытательных сроков». Конечно, Данил выбрал ЗАГС, относящийся к району, где проживает Катя, ну не в своем же расписываться! И все тоже прошло прекрасно: без лишнего шума и без неожиданных осложнений.

У Данила уже штамп в паспорте, а никто ни о чем еще не подозревает. Катя все так же сидит в своей квартире, учит язык и отращивает животик, а счастливый Давыдов, все больше горя нетерпением, носится по друзьям, кабинетам и аэропортам. Хорошо, что Стельников никогда не отказывается подписать ему открепление.

Он уже проконсультировался у юриста в Симферополе и узнал все, что касается развода с признанием за Давыдовым прав на ребенка. Это будет не так просто, как казалось: потребуется Катькин официальный отказ от ребенка в суде. Хотя что это для нее меняет? Она же все равно от него отказывается!

Обратного пути у Данила в любом случае уже нет. Разве может он расстаться со своим на редкость резвым сыночком, например. А уж если там девочка, так это действительно всем девочкам девочка! Кто еще может так драться, еще не родившись? Только его собственная дочь!

Глава 10

Осталось совсем немного времени, и все тревожнее становится Данилу. Он чувствует, что порядком измотался в последнее время, в одиночку сражаясь с трудностями на пути к своей заветной цели. Но ничто его уже не остановит. Все будет хорошо!..

— Случилось чего? — стараясь сохранять равнодушный вид, спросила Катя, глядя, как сидящий у нее на кухне Давыдов, привычно не находя никакой темы для разговора, устало лег головой на сложенные руки.

— Нет, почему?.. — рассеянно произнес он, поднимаясь и глядя на часы. — Все по плану у нас. Пошел я домой, наверное. Ты помнишь, что звонишь мне от соседей сразу, если вдруг что-то начинает происходить раньше времени? Тянуть там или болеть...

— Да помню я все! — с досадой отмахнулась Катя и, опустив глаза на свой круглый живот, нерешительно предложила: — Так ты это... Оставайся уже. Посидели бы... Чего ходить туда-сюда? Муж как-никак.

Он ничего ей не ответил, а просто встал из-за стола с тяжелым вздохом и таким выражением лица, будто бы Катя глупость придумала. И ушел, как всегда, и даже не понял, о чем она ему хотела сказать!..

А Данил шел по улице и думал, что пора решаться на разговор с человеком, который должен стать его первым союзником. Давыдов уже слетал в последний раз в Киев, у него собрана вторая часть денег, и все Катины документы готовы. Катя ведь реально может родить уже чуть ли не через неделю, поэтому Данилу нужна помощь. Он уже очень давно решил, кто первым обо всем узнает. Этот человек не подведет и не разболтает все раньше времени, нужно только суметь все правильно объяснить. Нужно завербовать Ленку Стельникову на свою сторону. Она должна стать его тайным помощником и пока скрывать все даже от собственного мужа, не говоря уже обо всех остальных. Она Данилу просто необходима. Она детский врач и знает о ребенке все: чем его кормить, во что заворачивать и вообще что Данилу будет нужно. Конечно, он все это выучил уже наизусть, но только теоретически. А кроме того, у нее осталось от Андрея все, что ребенку в первое время

необходимо, и это избавит Данила от дополнительной суеты. У многих, конечно, это осталось, но Ленка же здесь, совсем рядом, и Данил очень на нее рассчитывает!

Она должна помочь ему с ребенком и в случае серьезных осложнений с мамой. Все ведь может быть! Единственное, что наводит на Данила реальный ужас — это то, что отец может отказаться ему помогать. Но он не откажется, Данил этого ему не позволит, иначе вообще непонятно, чем все закончится. Как-то странно ведет себя Катя в последние дни. Как будто сомневается в чем-то... Может, рожать боится, а может, Данил слишком устал, и ему просто кажется. В любом случае, думать об этом он сейчас не будет.

Сейчас ему нужна Ленка, и он уже идет к ней, поднимаясь к ее квартире. Мишки нет дома, он приедет позже, и у Данила есть время поговорить.

***

Ленка со своим обычным насмешливым выражением лица открыла дверь:

— Привет-привет! Заходи, как дела?

— Нормально, — пошел он за ней на кухню. Лена подошла к плите, чтобы подогреть для Давыдова ужин, а он, выдохнув и сев на табуретку, решил не тянуть: — Лена. Мне нужна твоя помощь.

Стельникова обернулась, удивленная этим неожиданно серьезным тоном. Давыдов кивнул, показывая, чтобы она села тоже, и Ленка, подозрительно сощурился глаза, медленно опустилась на стул. Давыдов выглядел очень обеспокоенным. Ленка уже замечала его в таком состоянии в последнее время, хотя ранее, казалось, он стал вполне уравновешенным человеком. Стельникова думала, что, излечившись от пьянства, он заодно подправил свои прохудившиеся нервы. Хотя он и пропадал вечерами, но всегда возвращался трезвый и один, что заставляло Ленку теряться в догадках насчет его занятий в свободное время. Он как будто посещал кружок юного техника или вязания — таким примерным он казался. И сейчас Стельникова просто сгорает от любопытства, какого рода помощь она может ему оказать.

— Только ты должна обещать, что если не согласишься, то никому не расскажешь! — медленно говорил Давыдов, глядя ей прямо в глаза. — Просто забудешь, что я тебе сказал, и все. Хорошо?

Ленка пожала плечами. Она даже не догадывается, о чем идет речь.

— Ну, Лена, обещаешь?

Стельникова кивнула: сколько можно тянуть? Это страшно интересно!

— Так вот, — решительно взглянул на нее Давыдов. — У меня родится ребенок. Очень скоро, неделя или две остались.

Ленка непроизвольно скользнула взглядом по телу Данила и, судорожно глотнув, снова уставилась в его сосредоточенное лицо. Этот ее взгляд Давыдов заметил и поспешил продолжить:

— «У меня» — это значит мой ребенок, Лена, я пока еще в своем уме! Мне родит его женщина. Моя официальная жена. Мы разведемся сразу после этого, и ребенок останется со мной.

— Что значит с тобой, Давыдов? — округлила глаза ошарашенная Ленка. — И... какая жена?! Ты что несешь вообще? Ты попал, что ли...

— Лена! — прервал поток вопросов Данил, уже понимая, что версию про случайный залет и неудачный брак впарить Стельниковой не получится. Рассказать придется правду. — Я для этого и пришел, чтобы с тобой поговорить. Пожалуйста, не перебивай, пока все не узнаешь. Не надо там... смеяться или в обморок падать! Просто послушай, хорошо?

Он начал с того, что уже очень давно мечтал о ребенке и даже начал из-за этого серьезно пить. Ленка криво усмехнулась: он говорит это так, будто она о его пьянстве не догадывалась. Однако по мере его повествования о том, каким образом он решал свою проблему, Ленкино лицо, сменив все гримасы, которые существуют в природе, перестало что-либо выражать вообще.

Она не сразу обрела дар речи, когда Давыдов закончил тем, что он действительно официально женат, его ребеночек вот-вот родится, но об этом никто до сих пор не знает и узнать не должен, пока Давыдов ребенка не заберет. Просто чтобы никто не успел ему в этом помешать. Да, вот так. Все просто.

— Теперь, Лен, расскажи, что мне нужно будет. Конкретно только, ты же все о детях знаешь.

— Конкретно... — тихим эхом повторила Стельникова, не сводя с него изумленного взгляда. — Конкретно... — достала она сигарету из

лежащей на столе пачки и, закурив, явно старалась на Данила не смотреть, переваривая полученную информацию.

Данил никогда не видел, чтобы Ленка курила прямо на кухне. Им с Мишей она тоже не разрешала этого делать, в связи с чем он пришел к выводу, что впечатлил ее необычайно. Не дождавшись, когда Стельникова обретет дар речи, он решил немного ее успокоить:

— Все не так страшно на самом деле, Ленчик! — улыбнулся ей Давыдов. — Это просто как бартер, понимаешь...

— Заткнись!.. — прошипела Ленка, не в силах больше этого сумасшедшего слушать. — Ты хоть соображаешь башкой своей пустой, что ты делаешь?! — переходила Ленка на крик. — Ему захотелось, видите ли! Ни фиги себе игрушки! Ты же понятия не имеешь, что такое ребенок! Какой бартер, Давыдов?! Ты хоть немножко о ребенке этом подумал?..

— Да, подумал! — так же разъяренно заорал он в ответ. — Представь себе, я очень хорошо обо всем подумал, и никакие это не игрушки! На свете полно людей, которые воспитывают детей в одиночку, и ничего, справляются! И чтоб ты знала, Лена, у меня просто не было других вариантов! Думаешь, я не хочу так, как у всех? Ты думаешь... Ладно, все! — резко поднялся он на ноги. — Спасибо за помощь, Лена, я сам! Надеюсь, ты помнишь...

— А ну, сядь на место! — вскочила Ленка, дернув его на рукав, будто швырнуть опять на табуретку хотела, и Данил невольно сел за стол снова. — Он сам! Да как ты все это сам... Нет, ну это что-то! Я такого еще не видела, честное слово.

Ленка пыталась успокоиться и решить, как ко всему отнестись и что ей теперь делать. Она, конечно, уже не сможет равнодушно взирать на то, что вытворяет этот ненормальный. Его же никто, никто не поймет! Если окружающие узнают правду, то будут до конца жизни тыкать в него пальцами, он останется один, даже если его не выгонят со службы — он же никого не поставил в известность даже о том, что втихаря женился! Неужели он всего этого не понимает? Или действительно он ко всему готов?..

— Данил, — сосредоточенно произнесла Ленка, доставая очередную сигарету. — Можно у тебя кое о чем спросить? Только ответь мне честно, я никому не скажу.

— Хорошо, Лена, спроси, я скажу тебе правду.

— У тебя что-то серьезное уже было в жизни? В смысле отношений.

— Да, Лена, было, — отвернулся Данил и решил опередить ее дальнейшие расспросы: — Это было для меня вообще все! Мы, конечно, не были женаты... но ни с кем другим я быть не хочу. Не могу просто! И не думаю, что смогу когда-нибудь.

— Да-а, — задумчиво произнесла Ленка. — Во дела!.. И что, ты думаешь, эта твоя Катя так просто ребенка отдаст?

— Ну а почему нет? — без всякой уверенности посмотрел на нее Данил. — Мы же обо всем договорились. Я заплатил уже. Часть.

— А когда ей принесут кормить, она вспомнит, о чем вы договорились?

Ленка смотрела прямо в лицо, и Данил, понимая всю справедливость ее вопроса, опустил глаза.

— А это... обязательно, Лена? — снова вскинул он на нее ресницы, и Ленка ничего не могла с собой поделать. Они так и сидели какое-то время, будто в гляделки играли, оба понимая, о чем именно сейчас без всяких слов договариваются.

— Ладно, — выдохнула наконец Ленка, откидываясь на спинку стула. — Поздно уже метаться. Но ты же понимаешь, что не надо всем рассказывать как есть? Пусть это будет так, что... она просто тебя бросила. Для Миши тоже. Родила и умотала. Согласен?

— Конечно, Леночка! — восхищенно смотрел на нее Давыдов. — Я так и хотел!

— И принеси мне ее медицинские карты срочно. Надо оформить их так, чтобы ее сразу привезли в нашу родилку. Там сейчас бардак полный, конечно, но я буду контролировать.

— Лена! Ты лучшая! — схватил он ее за руку, уже улыбаясь во весь рот.

— Да уж лучше некуда, — тихо пробурчала Ленка перед тем, как продолжить инструкции: — Я напишу список, что тебе нужно будет, но ты все успеешь купить, пока ребенок будет у нас в отделении. А все эти пеленки, ванночки... Они уже есть и пусть пока у меня остаются. Не дергайся сейчас и не светись раньше времени. Твоего гаврика я возьму на себя.

— А я так и думал, Лена, что ты человек! — Данил едва сдерживал слезы, поднимаясь из-за стола, и уже в дверях обернулся. —

И я хочу, чтобы ты знала: ты тоже можешь всегда на меня рассчитывать. Вот просто все, что тебе будет нужно!

Эх, сказала бы ему Ленка, чего ей от него нужно! Интересно было бы тогда на него посмотреть. Подумал бы небось перед тем, как в благодарностях рассыпаться и смотреть так восторженно, выходя в подъезд.

Оставшись одна, Ленка вернулась на кухню, чтобы как следует обдумать свои дальнейшие действия. Решение принято, отказать ему она не смогла, и о моральной стороне дела думать уже бессмысленно. Ленка отлично помнит его рыжую Катю, которую видела в ресторане, и дамочка эта, по всему виду, тоже своего не упустит. Никто ведь не заставлял ее ребенка продавать, она добровольно на такое согласилась, и Ленка — преступница в гораздо меньшей степени! Она просто будет рядом, чтобы не дать возможности Катюше передумать. Ребенок Давыдова пострадать не должен, и такой мамы им здесь точно не надо! Пусть просто без осложнений родит, иначе нет никаких гарантий, что в их сегодняшней ситуации неопытные молодые акушерки справятся.

Вот уж не везет их больнице с назначением новых заведующих родильным отделением! Не успели прислать кого-то из Москвы, как этот столичный специалист после пары месяцев работы укатил обратно, быстро разобравшись в условиях и реальных перспективах в закрытом военном городе.

А теперь и вовсе никого не спешат назначать потому, что ждут какого-то особенного доктора, который после недавней киевской ординатуры все больше по заграницам разъезжает. Обменивается опытом, стало быть, согласно последней моде. Каким именно опытом может поделиться молодое дарованье, всего пару лет в больнице проработавшее, Ленка слабо себе представляет. Видала она таких молодых да ранних докторов: наверняка тоже сынок чей-то блатной, как только согласился он в их город приехать! Можно себе представить, с каким гонором этот сопляк появится, и неизвестно, на что будет годен после немецких клиник, поработав там на всем готовом! И наверняка долго здесь не продержится подобно московскому карьеристу, и снова их родильное отделение с одними девчонками останется...

Ну а пока ждут они это счастье великое, справляются сами с сильно переменным успехом и на сложные роды стараются к себе не возить. Однако работу отделения новорожденных Стельникова обеспечивает как положено. А это в сложившейся ситуации главное. Уж в своем-то хозяйстве давыдовского наследника Ленка в обиду не даст. Да и мыслимо ли было для нее отказаться поучаствовать в такой невиданной истории?..

***

Данил немного успокоился после разговора с Леной, хотя все равно его нервы на пределе. Хоть бы поскорее все закончилось. Хоть бы Катя уже родила, и он забрал бы ребенка! Он проводит у нее почти все время, он практически не спит уже несколько дней, а Катя, кажется, само спокойствие!

Он чувствует себя, словно на затянувшемся напряженном старте. Будто этот старт все откладывается, переносится, и Давыдов все больше устает от напряжения. Вроде бы все в порядке и нужно только чуть-чуть подождать, но он не может и трех секунд усидеть на одном месте, ему хочется действовать, двигаться, и эта пауза перед боем становится невыносимой.

Но Ленкин спокойный вид придает Данилу уверенности. Он старается бывать у нее как можно чаще. Он говорит с ней о предстоящем деле, ведь только с Леной он может этим поделиться. Данил всегда успокоенным уходит от соседки, но только что он опять столкнулся на лестнице с Черновой, частенько бывающей у Стельниковой тоже!

Остановившись, Кира пристально посмотрела вслед едва кивнувшему ей Данилу и, сосредоточенно глядя под ноги, стала подниматься к подруге. Сегодня она выяснит все окончательно. Не вечно же им делать из нее идиотку.

Стельникова открыла дверь и снова сжала зубы от раздражения. Эта подруга приходит едва ли не каждый день! Кира Чернова — как раз то, чего Ленке не хватает до нервного припадка от всего происходящего.

Они начали болтать, как обычно, сидя на кухне, но обе чувствовали искрящее между ними напряжение.

Наконец Кира, взглянув Ленке в лицо своими откровенными глазами, решила перейти к выведению подруги на чистую воду.

— Представляешь, Лен, только что опять с Давыдовым на лестнице столкнулась. Не знаю, с чего он такой довольный шел. А ты не знаешь?

— Откуда мне знать-то, Кира! — нервно дернула Ленка плечами. Как же Кирочка выводит ее из себя бесконечными размышлениями по поводу поведения любимого Данилки!

Чернова ясно слышала раздражение в ее голосе.

— Действительно, Леночка! Откуда? — сделала она невинное лицо, слащаво при этом улыбнувшись.

— Слушай, Кира! — не выдержала Ленка. Она должна наконец объяснить ей раз и навсегда, что ее шансы на Давыдова равны нулю, однако Ленка и сама не ожидала, что так сильно рассвирепеет. — Хватит уже за ним бегать! Отстань от него, в конце-то концов! Не трогай! Ну неужели ты не видишь, что нет ему до тебя никакого дела?! Да знай же себе цену, Кира! Успокойся!

— Я спокойна, Ленчик, — ехидно кривлялась Чернова. — А вот ты, кажется, как раз наоборот. Ты вообще, дорогая, за кого меня тут держишь? Я дура, по-твоему, и ничего не замечаю, да?

— В смысле?.. — настороженно скосилась на нее Ленка.

— Да мне все прекрасно известно!

— Что известно? — Ленка перепугалась уже не на шутку и не сумела скрыть от Киры своего беспокойства.

— А то, что ты сама на него запала! Что, нет?! — теперь уже орала разошедшаяся Кира. — Думаешь, я не вижу, как вы друг на друга смотрите?! Я тебе не Миша, я вижу теперь, какая ты... бессовестная, Лена! — язык Киры явно не был приспособлен для произнесения подходящих к случаю ругательств, и она с трудом подбирала самые, на ее взгляд, сильные выражения. — Ты же с ним... мужу изменяешь, правда?! Ну, скажи, что не так!

Но Ленка уже ничего сказать не могла. Даже если бы у нее не заклинило речь, Кира все равно ничего не стала бы слушать.

— Все, дорогая! — схватила Чернова свою сумку. — Хватит делать из меня дуру! Ты думаешь, никто ничего не узнает?! Всего хорошего! — Кира выбежала в коридор и хлопнула входной дверью прямо перед носом обалдевшей Ленки, которая, постояв еще немного, вернулась на кухню и достала из холодильника недопитую бутылку водки.

— Ну ни фиги себе заявочки... — пробормотала Стельникова, наливая себе сразу треть стакана, и, перед тем как выпить, решительно выдохнула: — Охренеть!

***

Данил снова проторчал у Кати до глубокой ночи. Он посидел в кресле, пометался по комнате, постоял у окна, пока Катя занималась своими делами, периодически пытаясь завязать разговор. Просто от скуки, видимо. О чем им вообще разговаривать? Хорошо, что завтра на службу, хоть на работе от всего отвлекусь...

Ленка увидела в окно, как Давыдов возвращается из штаба. Он даже ходить уже спокойно не может, бедный, — дергается на ходу и головой вертит от переживаний. Ленке снова нужно пойти и успокоить его, а то, того и гляди, разболтает все кому-нибудь раньше времени.

Разговаривая с Ленкой о плюсах и минусах искусственного вскармливания детей, Данил застегивал пуговицы рубашки, собираясь к Катке, когда в открытую дверь квартиры ворвался задыхающийся Стельников.

Он вбежал в комнату с таким видом, будто собрался сообщить о боевой тревоге в связи с началом третьей мировой войны. Данил впервые видел, как Мишкин рот, уголки которого врожденно торчат вверх, изображает подобие злобного оскала вместо легкой улыбки.

Ленка поняла, что случилось что-то серьезное, и, очевидно, дело касается какого-то происшествия в порту, поскольку Мишка, даже на нее не взглянув, небрежно сказал, чтобы она немедленно убиралась домой. Конечно, она уходит, в такие дела она в жизни носа не совала.

Но уже поднимаясь по лестнице, Ленка вдруг, на секунду остановившись, развернулась и понеслась обратно. И очень вовремя, поскольку Мишка уже орал у Давыдова в гостиной:

— А я не мог поверить! Ну, молодец! Красавец просто, друг мой лучший!..

— Миша! — завопила Ленка, вбегая в двери, когда ее супруг уже хватал за рубашку явно ошалевшего, ни черта не понимающего Давыдова. — Прекрати!

— Я сказал, вали домой! — обернулся к ней разъяренный Стельников.

— Ты что, больной, Мишенька? — осторожно приближалась к нему Ленка. — Это же бред! Это неправда! Если она дура, то это — ее

проблемы, ну ты же должен понимать, Миша!

Опустив бегающий взгляд, Мишка, казалось, старался сосредоточиться.

— Э, ребята! — подал голос растерявшийся Давыдов. — Вы нормальные? Что случилось-то?! — его уже начинали выводить из себя их загадочные переругивания.

— Да поздравляю тебя, Давыдов! — повернулась к нему Ленка. — Я твоя любовница! Так, Мишенька? Что же ты примолк, дорогой? Ну, давай...

— Что?.. — понял наконец Давыдов смысл сказанного. — Что, Стеля? Я?! Ну спасибо тебе за... Боже, да кто такое?!

— Да-да, вот именно! — кивала ему Ленка. — Кто бы это мог быть? Не догадываешься, Данилка?

— Откуда же мне знать?! Да это вообще какое-то... — он вдруг замолчал, резко подняв на Ленку бешеные глаза. — Чернова?! Все.

Давыдов вылетел в коридор и, больше ничего не говоря, начал быстро обуваться.

— Давыдов, ты куда? — заволновалась Стельникова. — Эй! — вскрикнула она, когда Данил ее оттолкнул, возвращаясь в спальню. — Да успокойся же!

— Я спокоен, Ленчик. Я ее пристрелю, — он открыл шкаф, доставая кожаную кобуру с именным пистолетом — подарком от командования штаба к славному двадцатипятилетию.

Ленка еще в день его рождения подумала, что дарить подобные подарки человеку с психикой, как у Давыдова — чрезвычайно опрометчиво. Как чувствовала!

— Не валяй дурака, Давыдов! — в панике крикнула ему Ленка. — Ну, Миша, чего ты стоишь?! Он же ненормальный!

Но Данил оттолкнул и подскочившего к нему Стельникова, с решительным видом направляясь к двери.

Ленке больше ничего не оставалось:

— Стой, Данил! Ты все испортишь!

Уже приоткрыв входную дверь, Давыдов захлопнул ее снова с такой силой, что посыпалась штукатурка, и, зажмурив глаза, прижался спиной к стене в прихожей.

— Ну а мне, может, кто-нибудь растолкует?.. — несмело обратился к жене Мишка, пожимая плечами.

Ленка вопросительно взглянула на Давыдова, и тот обреченно кивнул в ответ.

— Пойдем, Стельников. Давыдову надо отнести пистолетик на место и уходить. Вот-вот, молодец какой! А ты давай, давай, Миша, пошли домой. Я все тебе расскажу. Во всех грехах признаюсь!

***

Данил никогда не оставался ночевать у Катьки, хотя она постоянно это ему предлагала. С какой стати, спрашивается, и где? У нее только одна в комнате кровать, он что, в кресле всю ночь сидеть должен? Даже если она начнет рожать ночью, ее все равно привезут к Ленке в роддом, и чем Данил сможет помочь? Он почему-то уверен, что все с Катюхиными родами будет хорошо. Его ребеночек лежит как надо, и Катя себя тоже прекрасно чувствует.

Гораздо большее беспокойство вызывает у Данила последняя сумма денег, которую он должен будет Кате заплатить. Вернее, отсутствие этой суммы и предстоящий разговор с отцом. Когда все только начиналось, этот этап был еще далеким, Данилу казалось: это самое легкое среди всех препятствий, что стояли у него на пути. Теперь же, когда время наступает, Данил снова и снова пытается мысленно построить разговор с отцом, все слова кажутся такими неубедительными и глупыми... Отцу ведь тоже придется сказать правду. И он не сердобольная Ленка. Он и послать может. Как его, должно быть, достали Данечкины странности...

Мишка спустился к Давыдову сразу, как только тот вернулся от Кати. Он пришел, чтобы принести свои извинения, выразить Давыдову соболезнования в связи с тем, что жена его бросает с ребенком одного, и предложить любую возможную помощь. Молодец все-таки Ленка, сумела Мише правильно преподнести суть происходящего.

По поводу распространяемых Черновой слухов о связи Давыдова с Мишкиной супругой сам Миша, похоже, совсем не беспокоился, теперь его это даже порядком веселило. А вот Данилу происходящее смешным не казалось, особенно когда в его квартиру ворвался Арсен с бутылкой водки в руке. Данил вышел в коридор к нему навстречу, и взвинченный Магрипов моментально стал предупреждать друга о грозящей ему опасности.

— Слушай, ара! — заговорщицким тоном начал Арсен. — Чернов узнал все как-то! Сегодня мой комбриг сказал... Ох, е..! — схватился

за голову Арсен, когда увидел улыбающегося на кухне Стельникова.

— Что, Арсен?! — бесился, глядя на него, Давыдов. — Ну, говори! Ты тоже не сомневаешься, что все так и есть?! Скажи, братишка?

— Слушай, идем-ка с тобой посидим, выпьем, — подмигнул Мишка Магрипову, разворачивая Давыдова, уводя его за собой и думая, насколько же кстати явился Арсен. Данилу просто необходима была хорошая разрядка, и кто, как не Магрипов, способен наилучшим образом подлечить закадычного приятеля. И Данил довольно скоро действительно успокоился, просто отключившись от всех своих проблем.

А этажом выше снова курила на кухне пораженная происходящим Ленка, выслушав по телефону нескольких, казалось, сочувствующих подруг. Однако злорадства в их голосе в связи со своим проколом она не слышать не могла. Чернова ведь не просто проболталась, а такое впечатление, сделала сообщение по центральному радио или расклеила по всему району объявления! Конечно, она специально рассказывает эту историю всем, кому интересно послушать.

Последний штрих к создавшейся картине на следующее утро добавил Ленкин дорогой папа, не поленившийся прикатить к их подъезду на служебной «Волге», когда Ленка была уже в дверях, уходя на работу.

Но она опаздывала и не намерена была выслушивать все сначала, поэтому поспешила опередить папочкино выступление, тем более из комнаты вышел приветственно улыбающийся Стельников.

— Так, папа! Я сплю с Давыдовым. Я вас всех позорю, и мне нет прощенья. Только дай пройти, я спешу на работу! И спасибо вам всем, родные, что так хорошо обо мне думаете. Пока, Миша! — обойдя растерявшегося отца, Ленка стала быстро спускаться по ступенькам, не дав ему возможности задать хотя бы один вопрос. Пусть Миша все ему объясняет.

Миша, конечно, объяснил и, когда тоже собирался выходить, вернулся к звонящему телефону уже из коридора. А через минуту летел вниз по лестнице, чтобы срочно привести в чувство умертвленного вчера Арсеном Давыдова.

***

Ленка не присутствовала при рождении девочки Данила. Его Катька поступила в родилку в четыре часа утра, а в шесть у Давыдова уже была дочь. Стельникова позвонила Мишке сразу, как только осмотрела ребенка.

Трудно к чему-нибудь придраться: что сердечко, что дыхание, что рефлексы — ребеночек замечательный, не зря Давыдов так старался. Да и родила Катя, что называется, как кошка: раз — и готово. Везет же этим беспутным мамашам! Ленке до сих пор страшно вспомнить, как она мучилась со своим Андрюхой, а уж магриповская Вика так вообще медаль «За отвагу» заслужила.

Ленка не только опытный врач — у нее самой уже растет сын, и к этой бойкой малышке она сразу почувствовала нечто большее, чем то, что чувствует доктор к своему пациенту. В обиду Ленка здесь ее не даст, и недостатка мамочкиного внимания девочка точно не ощутит.

Примчавшийся в больницу Давыдов, которого отослали из приемного отделения после устроенного там скандала, стал ломиться к новорожденным с черного входа.

Ленка уже услышала от своих медсестер, что какой-то полоумный папаша требует, чтобы ему немедленно продемонстрировали ребенка, и ни секунды не сомневалась в том, кто именно устраивает там представление.

Данил впервые видел Ленку на работе. Она была такая солидная в халате, в шапке, с висящей на шее марлевой повязкой и стетоскопом на груди, когда вышла из дверей своего отделения.

— А-а-а, Ленчик! — сгреб он ее в объятия прямо на лестничной площадке. — Этого просто быть не может!

— Может-может, папуля! — отпихнулась смеющаяся Ленка. — Ты что, не пошел на службу?

— На какую службу, Леночка?! Ну, давай, расскажи мне! Нет, слушай, а ты можешь ее вынести? Хотя бы на секундочку...

— Стоп, Давыдов! Так ты что, не был сегодня в штабе?!

— Ай, Лена! Мишка зайдет к начальству и что-нибудь навешает. Ну, давай. Пожалуйста, можно мне посмотреть?

— Нет, можно успокоиться и послушать. Так. Доченька в порядке, на девяточку!..

— Боже, доченька! Доченька! — подкатывал глаза Давыдов, сжимая руки. — А что это — «на девяточку»? Плохо?!

— Слушайте, папа! Девятка — это почти отлично, понимаешь, ну, золотая медаль, можно сказать! Дети оцениваются по десятибалльной системе. Там много чего, тебе это не надо...

— Как это по десятибалльной?! Почему не десять? У нее что-то не в порядке, что ли?

— Да заткнешься ли ты, в самом деле! — теряла терпение Ленка. — Десять почти не бывает! Девять — замечательно. Три сто. Пятьдесят один сантиметр. Копия папы. Все.

— Все? А как она кушает?

— Она еще не кушает, она отдыхает! Так, Давыдов, теперь вали на работу, торчать здесь нечего. Забыл, что мы с тобой любовники?

— Ай, да какая разница?! Да пусть хоть все там... О, кстати, мамочка не скончалась при родах? — с надеждой в голосе спросил Давыдов.

— Что, совсем дурак? Этого еще не хватало! Короче, деткам нельзя в первый день выглядывать из отделения. Все, не переживай, я здесь. А ты иди шевелись дальше, у тебя еще проблемы остались, не забыл? Пока! — поспешила Ленка отослать явно двинувшегося Давыдова. Он, похоже, и правда решил, что жизнь остановилась и больше думать ни о чем не надо.

А Данил и не мог еще думать. Он просто шел по улице, стараясь не перейти на бег и улыбаться не очень широко, чтобы на него не оборачивались прохожие. У него же дочь! У него действительно девочка! Копия папы. Ну а чьей же еще копией она может быть? С мамочкой, видите ли, все в порядке. Да пусть хоть пополам разорвется, главное — его девочка самая здоровая и самая лучшая среди всех остальных детей! Конечно, она лучшая! И уж теперь-то точно Данил будет стоять насмерть.

Пожалуй, Давыдов вообще сегодня не явится на работу, не уволят же его из-за одного прогула! Тем более Стельников обещал что-то сочинить, хотя по его шkodной мине всегда видно, если он врет. Неужели через неделю Данил уже будет жить со своей дочкой! Даже, может быть, раньше. Он знает, что если все в порядке, ребенка могут выписать достаточно быстро. Его мама должна быть здесь в течение ближайших дней!

Вернувшись домой, он принес телефон на кухню. Здесь как-то более уютно и спокойно, и Данил уже настроен. Теперь, когда у него

есть собственная дочь, его ничего не испугает.

Он решительно выдохнул, услышав в трубке длинные гудки. Так: три, два, один...

— Алло. Мама? Привет! Как ваши дела?

Мама была явно в хорошем настроении, и Данилу было жаль сразу ее сражать.

— Да, мама, у меня тоже все хорошо. Слышишь, мам, а папа не ушел еще? О, это хорошо. Нет, не давай пока трубку, пусть рядом стоит на всякий случай. Нет, ничего! В общем, мамуль, вы можете ко мне приехать? Ну да, сейчас. Да, есть срочность, — Данил сделал паузу, собираясь с духом. — У тебя тут внучка родилась сегодня, три сто вес, пятьдесят... Нет, я серьезно, вы же сами хотели, помнишь? Это неважно, мама! Эй, ты куда пропала? Мамуль, мы должны забрать ее через пару дней. Ну как это кто? Ты и я. И папа. Ай, мама, ну откуда детей забирают? Из роддома! Да ты не врубаешься ни черта, дай папе трубку! — раздраженно закончил Данил переговоры с непонятливой мамой.

Людмила перевела остекленевший взгляд на стоящего рядом Валерку. Привычная улыбочка сползла с его лица, когда он увидел Людкину гримасу.

— Тебя, Валерочка... — прошептала она, протягивая ему трубку.

Пока Валерка говорил по телефону, Людмила стояла не двигаясь, глядя ему в лицо, чтобы убедиться, что она еще не сошла с ума, и то, что она услышала — не слуховая галлюцинация.

Хотя это громко сказано, что Валерка говорил по телефону. Он дергался, таращил глаза и периодически открывал рот, чтобы что-то вставить, но Даня не давал ему такой возможности.

Данил заранее продумал, что именно скажет отцу, и понимал, что если батя перехватит инициативу, уже не удастся сообщить все, что необходимо тому услышать.

— В общем, ты понял, да? — закруглялся Данил. — Я жду вас! Постарайся, папа, пожалуйста, иначе ничего не получится, и я вообще не знаю, что тогда делать!

Отец молчал, и Данил, быстренько попрощавшись, закончил сеанс связи.

Когда раздалась гудка, Валерка оторвал телефонную трубку от уха, посмотрел на нее так, будто видел впервые, медленно положил на

рычаг и направился в спальню, даже не взглянув на все еще пораженную столбняком Люду.

Он пытался успокоиться, кладя в рот таблетку валидола и потирая ладонью грудь. Чего в жизни не случается? Бывают ситуации и похуже. Наверное. У кого-то... Ну подумаешь, сегодня внучка родилась. Ну подумаешь, от какой-то там шлюхи. Что ж такого? Всего-то нужно пять штук баксов, и внученька ваша — берите и пользуйтесь. И вовсе не обязательно было ставить папулю в известность раньше. Действительно, нужно ли знать родителям, что у их сына будет ребенок? Зачем? Сыночек уже все придумал, все решил и все уже устроил. И вот теперь — вспомним батю. Что с отца еще требуется, кроме как оплатить расходы? Все уже сделано: игрушечка есть, папочке не отвертеться! Какое нам дело до того, что папа с мамой тоже могут иметь на этот счет свое мнение? Папа Валера — мешок с деньгами, а мама Люда — дармовая рабочая сила, их роли уже расписаны драгоценным Данечкой.

От Валерки ведь ничего не требуется, кроме толстого кошелька! Слишком сильно Дане хочется, чтобы еще с кем-то советоваться! Ну и как Валерка должен к этому отнестись? Он не знает, как должен, зато отлично чувствует, как ему хочется ко всему относиться! Ему до смерти хочется послать Данечку подальше. Ох, как жалко, что Валерка сразу не нашел что ответить!

Интересно, что предполагал делать Даня, если у Валерия Борисовича не окажется этих денег? Такое, хотя бы теоретически, можно было предположить? А ведь денег этих нет, черт бы его подрал! Ни одной штуки баксов наличными. Валерка не хранит деньги в мешках или в сберкассах! Его средства работают, и сейчас они в деле, в обороте. И что, он должен вытащить свою долю сейчас, перед самым концом операции? Это уже даже не свинство, а просто безумие. Да, кажется, единственное, что остается Валерке — это прикинуться невменяемым. Тогда, может быть, его хотя бы оставят в живых из жалости, а может быть, при идеальном раскладе, согласятся нужную сумму до конца сделки одолжить.

Да еще Людка, очнувшись от своего оцепенения, начала его умасливать, уже предвкушая, как она будет петь песенки своей внученьке! Внученьке... Черт, умеет же Даня удивить! На папочку одна надежда... А что, у Валерки есть выбор?

Уходя из дома, он оглянулся в дверях на стоящую под стеночкой, мечтательно улыбающуюся Людку. Эх, классная жена у Валерки — красавица-баба! Жалко оставлять такую вдовой, да что уже поделать?.. Тяжко вздохнув, Валерка отправился на свою фирму.

***

После разговора с отцом Данила все больше охватывала паника. Он, кажется, выкурил уже целую пачку сигарет, метаясь по своей просторной кухне. Непохоже, чтобы родители были в большом восторге от его сюрприза. Ну а чего он ожидал? И отец ничего не ответил... Что если он не поможет? Он имеет полное право не согласиться! И, наверное, он решит проучить Данила за все гадости, которые тот ему подсовывал! И никого рядом нет... Хоть бы кто-нибудь в гости зашел, хоть бы поговорить с кем-то! Что же делать теперь, если отец откажется помочь? Тогда Данил просто заберет свою дочь и уедет куда-нибудь. Их никто не найдет, он украдет ее и просто убежит отсюда! И будет жить там, где его никто не знает! Будет работать кем-то...

— Заходите! — крикнул Давыдов в ответ на звонок в дверь.

— А это воры, между прочим! — входя, улыбнулся Стельников.

— Привет, Миша! А я... сегодня... — но Данил ничего не мог придумать, и Мишка, видя, как Давыдов мучается, решил облегчить ему участь, доставая из папки чистый бланк рапорта.

— Я к тебе по делу, кстати. Я слышал, тебе нужен отпуск небольшой? Что, нет? Ну, по закону-то положено!

— Нет. Да! Ну... проходи, что ты там застыл? — Данил явно приходил в себя, столь любезно приглашая Стельникова на кухню.

Мишка, оказывается, ничего сочинять перед командованием не стал, рассказав о том, что у Давыдова только что родился ребенок и жена собирается Данила с этим ребенком оставить. По информации Мишки, в штабе сильно обеспокоились лишь насчет того, каким образом молодой папочка собирается продолжать действительную службу, и даже идей каких-то по этому поводу подбросили.

Данилу стало гораздо легче после визита Стельникова. Какой же он все-таки настоящий друг, и какие, на самом деле, понимающие и разумные у них командиры, они оказались вполне готовы принять сложившуюся ситуацию!

А его родители готовы?.. Ведь дело не только в том, чтобы они ее приняли. Главное, чтобы папа все правильно понял и не отказался заплатить деньги. У Данила ведь особенный, ни на кого из них не похожий отец, и кто его знает, как он на все это посмотрит!..

***

Ленка Стельникова пропадала в больнице обе смены, лично контролируя весь процесс пребывания там Катюши, которая уже на следующий после родов день выглядела свежо и прекрасно, тщательно занимаясь своим замечательным маникюром. За время практики Ленке уже приходилось переубеждать недалеких молоденьких мамаш, которые собирались своего ребенка в роддоме оставить. И у нее всегда получалось! Ленка хороший специалист и знает, как постепенно пробудить в человеке материнские инстинкты. Справится она и сейчас, когда нужно сделать все, чтобы эти инстинкты подавить. Она профессионал.

Умело взявшись за дело со дня поступления Кати в роддом, Ленка обеспечила ей отдельную палату и лично понесла девочку на первое кормление, чтобы не допустить никаких уговоров со стороны медсестер. Красавица кормить отказалась, помня, вероятно, разъяснения Давыдова о том, что это сильно портит форму груди, которая у Катюши просто великолепная. И чтобы ее сохранить, Ленка сама научила Катю, как правильно грудь бинтовать, чтобы скорее перегорело молоко.

Стельникова поручила Давыдову принести побольше любимых Катиных каталогов с тряпками и красивыми картинками о богатой заграничной жизни, чтобы та не скучала без дела, пока ее не выпишут домой, и никакие лишние мысли не лезли ей в голову.

Но самое главное для Ленки — сделать так, чтобы дочка Давыдова не была ущемлена по сравнению с другими детьми. Это было несложно устроить. Ленка просто облегчила участь одной из опытных мамочек, которая вместо мучительного сцеживания кормила давыдовскую дочь вместе со своим ребенком и была за это весьма благодарна.

Ленке всегда хотелось плакать, когда она смотрела, как жадно и активно сосет грудь этот сильный ребенок. Малышка будто чувствует, что ей нужно схватить сейчас как можно больше, что ей нужно бороться, нужно обойтись без мамы и не подвести своего отца. Она не

подведет его! Ленка ей поможет и не допустит, чтобы кто-то сказал, что у Данила дочка хоть чем-то хуже деток, у которых есть настоящая мать!

***

Прошли уже целые сутки, а от родителей никаких сигналов не доносится. Пусть бы уже позвонили и сказали, чтобы Данил на них не рассчитывал...

Он видел сегодня свою дочь. Ленка вынесла ему халат и маску и провела в отделение, хотя и не пустила за стеклянную перегородку, за которой стояла пластмассовая коробочка с его маленьким свертком. Данил смотрел, как Стельникова малышку разворачивает и дергает за крошечные ручки, чтобы как следует разбудить. Просто невозможно поверить, что человек может быть такого цвета и таких размеров. Как только Ленка не боится к ней так уверенно прикоснуться и крутить во все стороны? У Данила падало сердце каждый раз, когда это прозрачное существо, как кукла, переваливалось с боку на бок. Потом, замотав несчастного ребенка в совершенно дикое количество тряпок, Ленка вынесла ее и дала Давыдову подержать.

Малышка уже готовилась заорать, открывая рот, который казался непомерно большим по сравнению со сморщенным личиком. Данил чувствовал тепло ее маленькой головки и, наклоня к ней лицо, вдыхал этот чудесный запах сгущенного молока. Вот же его девочка — он держит ее в руках, она есть! Но она еще ему не принадлежит. Ему еще предстоит за нее бороться, а он, кажется, уже не в состоянии. Он устал. Он хочет просто остаться с ней вдвоем, чтобы не было больше никаких денег, никаких судов и вообще никого больше не было, кроме его доченьки, которую Ленка, забрав у Данила, унесла кормить, закрыв за собой двери в родильное отделение.

Теперь он снова один, а отец так ничего и не ответил. Конечно, и Мишка, и Арсен крутятся постоянно рядом, они тоже отвлекают Данила, они уже все приготовили в квартире для ребенка, они почти подрались, споря о том, чья ванночка лучше и чья коляска красивее, хотя и то, и другое у их детей было совершенно одинаковое. Они уже натянули веревки на кухне, чтобы сушить пеленки, и рядом с диваном Давыдова уже стоит детская кроватка. Если бы их не было, то у Данила, наверное, просто разорвалась бы башка от навязчивых мыслей о своих сложностях.

Он просидел на кухне всю ночь, не заметив, как под утро его голова упала на сложенные руки и глаза автоматически закрылись.

— О-о, мировой рекорд по количеству бычков в пепельнице! Молодчина, сыночка.

Данил резко поднял голову. Это уже не бред! Его отец приехал! Батя стоит у Данила на кухне и ему улыбается!

— Папа?.. Ты... приехал? Ты...

— О, мать божья! — отворачивался Валерка, закрывая лицо руками. — Иди, расслабься на диванчике, нытик!

Данил быстро вытер глаза, услышав, как на кухню идет мама.

— Данечка... — покачала Людмила головой, глядя на бледного, измученного сына, который смотрит на родителей, как на ангелов небесных, неожиданно к нему спустившихся. — Что же ты раньше ничего не сказал, сыночек! Чего же ты один?..

— Ай, — махнул рукой Данил. — Теперь уж что говорить? Папа, ты... привез? — несмело спросил он у Валерки.

— А как ты думаешь, умненький мой? Откуда у меня такие бабки? Что молчишь? Понадобился батя, да? Спасибо, что вспомнил, сыночка! Черт, — Валерка мотнул головой, видя, как сразу потухли серые глаза Данила. Он же не хотел этого говорить! Видно же, что Даня рад ему и так, без всяких денег.

— Ну что ты над ним издеваешься?! — вмешалась возмущенная Людка. — Глянь на него! Привез он, привез, Данечка, куда б он делся, жмот старый! Все, сыночек, иди поспи. Уже все в порядке, не переживай. Купим тебе дочечку.

— Чего это мне, мам? — улыбался воспрянувший духом Данил. — А вам что, не надо?

Но Данил видел, что им очень даже надо, иначе они бы не разглядывали с таким восторгом натянутые на кухне веревочки. Как мог он в них сомневаться? Как вообще можно было думать, что его родители способны оставить его одного? Он действительно плохой сын, но теперь точно станет лучшим!

Глава 11

Заканчивалось Ленкино заточение на родном рабочем месте. Сегодня Катю с дочкой выписывают, хотя Ленка чувствует себя матерью больше, чем эта бабенка, которая свысока на всех смотрит, презрительно ухмыляется и, по всей видимости, строит радужные планы на будущее. Вот и хорошо. Скорей бы им от нее избавиться!

Данил приехал за дочкой со своей мамой и на месте не мог устоять от нетерпения, ожидая, пока Стельникова вынесет ребенка.

— Давыдов, дай ребенка одеть! — отрывала Стельникова от него девочку. — Так, я дам вам бутылочку — покормите сразу, как только приедете, — инструктировала Ленка маму Данила, заворачивая малышку в пеленки. — А я часа через два подъеду, и дальше определимся.

— Моя красавица! Иди, маленькая, скорей к бабушке! — взяла наконец Люда внучку на руки. — Какие мы сердитые. Леночка! — перевела она взгляд на довольную Стельникову. — Даже не знаю, как...

— Ладно, ладно! — закивала Ленка. — Отправляйтесь! Голод — он, знаете ли, не тетка!

Одеваясь, Катя смотрела на кривляющегося ребенку Давыдова. Он просто сунул Кате сегодня конверт с деньгами, даже на нее не взглянув. И никто из них Кате слова не сказал! Похоже, они вообще не замечают, что она здесь тоже находится. Что, и поблагодарить ее на прощанье никто не собирается?..

Данил обернулся к ней в дверях:

— Не забудь, тридцатого в суд! Счастливо!

***

Когда наконец суета вокруг ребенка в квартире поутихла, а окончательно выведенная из себя Ленка запретила всем входить в комнату и трогать спящую девочку, Валерка позвал Люду на кухню.

— Ну, Людочка, что? — вопросительно качнул он головой. — Как она?

— Ну как?.. — пожала Людка плечами. — Очень симпатичная, такая...

— О! Симпатичная! Люда, мне не это надо! — раздражался Валерка. — Надо было самому мне пойти! — легонько ударил он кулаком по стене. — Не нравится мне все это.

Он ушел из кухни, оставив Люду в растерянности. Что он имеет в виду? На ее взгляд, Данил сделал все очень правильно! Наверное, Валерка просто никак не может успокоиться после скандала на фирме. Но разве их девочка этого не стоит? Людмила уже не сможет с ней расстаться! Ведь она всегда жалела, что у нее нет второго ребенка, и вот судьба посылает эту малышку, которой Люда должна заменить мать! О, как прекрасно она ее заменит! Это просто замечательно, что их Даня не хочет иметь жену. И Валерка, похоже, такого же мнения, иначе он не переживал бы из-за того, что Дане, возможно, не удастся избавиться от этой рыжей телки. А что, она собирается с ним жить? Смешно и представить!

***

Первую ночь Данил не спал вообще. Он вскакивал каждые десять минут, чтобы убедиться, что его доченька никуда не делась, а по-прежнему тихонько сопит рядом. Как только она проснулась, подав голос, сразу же прибежала мама, но Данил уже сам менял пеленки и вытурил маму из комнаты, чтобы она принесла молока. Ленка подробно рассказала Давыдову все насчет режима и приготовления смесей, но мама, оказывается, все это и так знала и отлично справлялась.

А через три дня Данил собирался на службу. Его отпуск закончился, и мама была явно этому рада, поскольку останется наконец со своей ненаглядной девочкой. Отец, правда, составляет ей серьезную конкуренцию, и мама злится на него, говоря, что не припомнит, чтобы Валерочка так рвался таскать на руках собственного сыночка, когда тот орал ночи напролет.

Но его доченька и не орет. Она очень спокойная девочка, отлично ест и вообще, Стельникова говорит, замечательный ребенок. А Данил не сомневается, что замечательный! И бабушка с дедушкой — лучше не придумаешь.

— Ой, свет в глазки светит, солнышко противное! — смеялась Люда, глядя, как жмурится лежащая на диване малышка. — Даня, давай назовем ее Светланой, а? Смотри, какая она у нас беленькая!

— Светланой? — скривился Давыдов, поправляя перед зеркалом фуражку. — Нет, лучше Светкой! Вот, отлично. Светик! — позвал он дочку. — Папочка пошел на работу! Следи тут за бабушкой, чтобы ела хорошо!

Данилу действительно всегда нравилось это имя. Простое и броское, да и девчонки с таким именем — веселые, подвижные и нахальные. Светлана Даниловна — и то не плохо, хотя с отчеством ей, конечно, не повезло.

***

Сидя на подоконнике своей убогой квартирки, Катя смотрела на грустный проливной дождик за окном. Через четыре дня она разведется, а через две недели — прощай, родная конура! — будет жить в прекрасной далекой стране...

Как же хочется Кате плакать. Она с ума сходит, это точно. Сколько людей хотели бы оказаться на ее месте и свалить из этой унылой дыры! Катя так мечтала отсюда уехать! Но что ей с этим делать... Она хочет его видеть. Постоянно хочет, как все эти девять месяцев, когда он стражем стоял у ее живота! И слышать его, и быть с ним, и чтобы он снова заботился о ней так, как никто и никогда не заботился! Одевал и покупал продукты, как настоящий муж, она ведь родила ему ребенка!.. Но она никуда с ним не выходила все это время, и даже не знает, где он живет. А говорят, он живет в шикарной квартире. И мама у него — словно картинка из журнала мод. И деньги он точно ведь отдает не последние. Конечно, с такими бабками можно где угодно жить припеваючи, никаких заграниц не нужно! И Катя тоже готова остаться. Она уже на все готова, лишь бы снова увидеть его. И поговорить наконец по-человечески. И сказать, как много она за это время поняла, как все для нее изменилось, и как сильно она своего мужа любит...

Зная о его непростых обстоятельствах, Данила отпустили из штаба пораньше. Когда он появился дома, мама держала Светку на руках, и Лена уже совала ей в рот соску, надетую на бутылочку с молоком.

— Здоров, Светик! — начал он забирать ее у мамы, одновременно потянув и бутылку у Ленки из рук. — Папочка уже пришел!

— Не дергай! Ну правда, Даня, что ты сейчас ее трогаешь? Ребенок же ест! — накинулись на него Ленка, мама и папа

одновременно.

— Все свободны! — Данил закрылся с дочкой в спальне.

Света громко чмокала и косилась на смеющегося Давыдова, у которого лежала на коленях. Когда бутылочка опустела, Данил положил дочку на предплечье, где она свободно размещалась, и приподнял почти до вертикального положения. Спустя минутку его обжора звучно отрыгнула из желудка воздух и, блаженно улыбнувшись, подкатила мутно-синие глаза, моментально засопев носом. Данил коснулся губами теплого бархатного лобика. Как можно от такого отказаться? И как хорошо, что в природе существуют все-таки люди, которые могут это сделать. Уже совсем скоро Светка будет только его. Она и сейчас, конечно, его, но потом уже никто не сможет ее у Данила оспаривать! Он будет для нее самым главным человеком...

Дверь в комнату открыла мама:

— Даня, тебя к телефону. Положи ее кроватку, она ведь уже спит.

— Ага, иду!

Наблюдая за Данилом во время этого разговора, Валерка, конечно, догадался, кто это звонит.

— Что, начинается? — спросил он, подойдя к сыну вплотную, когда тот уже повесил трубку.

— Нет, почему? — спокойно ответил Даня. — Хочет, чтобы я приехал просто. Может, что-то изменилось?

— Ну что ж, поезжай, раз хочет. Передавай приветик, — мрачно усмехнулся отец, и у Данила сразу плохое предчувствие появилось. Вот умеет же батя одним своим ехидством настроение испортить.

Валерка ждал сына на кухне, все больше беспокоясь от его долгого отсутствия, и когда наконец Данил объявился, сразу понял, что волновался не зря.

Не разуваясь, Данил влетел в кухню, рухнул на табуретку и, прислонившись к стене, просто закрыл глаза. Чувствовалось, что он еще не остыл после недавнего скандала.

— Батя, это все! — не меняя позы, запричитал Даня. — Она ее не отдаст. Она со мной не разведется просто. Ничего! — Данил вскочил с места, начиная ходить по кухне. — Я тоже ее не отдам! Я вообще уеду! К черту! Все надоело...

— Спасибо. До свидания, — встал Валерка с табуретки, положил сигарету и пошел к двери.

— Папа, нет, ну!.. — Данил загородил ему дорогу. — А что мне еще остается?! Она передумала, она никуда не хочет ехать. Жить со мной хочет, прикинь! Полюбила насмерть! И от Светки отказываться не будет, она сказала принести ее до суда, если я не хочу похорошему... Она хочет забрать ее, папа! — в отчаянии крикнул ему Данил. — Она сказала, что вернет все деньги!..

— Стоп! — прервал Валерка эти истеричные вопли. — Какие деньги? Мы же пять штук после суда отдаем.

— Так это только после суда пять, чтоб ты знал! Ты думаешь, она за пять тысяч согласилась? Или я бы за пятью кусками к тебе обращался?!

— И почему нынче дети? — охрипшим от потрясения голосом спросил Валерка. — Ты хоть просвети, я ж не в курсе ваших расценок.

— Пятнадцать. Десять я уже отдал.

— Что?.. Сколько?! Сколько ты отдал?.. — Валерка закрыл лицо руками и, посидев без движения несколько секунд, повернул к Данилу перекошенное лицо, спросив совсем уж шепотом: — Где ты взял такие бабки, сыночка?

— Я одолжил. Часть. Половину.

— Но их же надо отдавать...

— А что, по-твоему, мне нужно было торговаться?

— Ну а если б она сказала миллион, ты бы тоже одолжил?

— Нет, папа. Но десять я отдам. Даже пять. Это ж не сегодня нужно, в конце концов!

— Конец концов уже наступил, Даня, — Валерка отвернулся в сторону окна, стараясь успокоиться и начать думать в нужном направлении. В направлении вытаскивания своего бесподобного деятеля из задницы, в которую так мастерски Даня себя загнал. Впрочем, почему только себя? Вот Валерка, например, должен завтра завернуть свою родную внучку в нарядное кружевное одеяло и вручить дорогой невестушке? Или принять эту невестушку здесь, позволив ей повиснуть пожизненным хомутом на шее своего единственного сына лишь потому, что она сильно его полюбила? Пламенная любовь портовой шлюхи, решившей ступить на путь истинный — сила, конечно, страшная. И подход здесь нужен, пожалуй, творческий...

— Папа... — тихо сказал Данил после долгой паузы. — Называй меня как хочешь, я сам знаю, кто я такой. Но Светку я не отдам, это вообще без вариантов. Уж лучше жить с этой...

— Ты отдавал бабки в рублях или в валюте? — совершенно серьезно спросил отец, который, похоже, Данила больше не слушал.

— В валюте. Да какая разница?..

— И где эта валюта у нее хранится?

— Дома, где ж еще...

— И где этот дом?

— Папа, ты о деньгах сейчас думаешь, что ли?! Так она их сама вернуть согласна! Хоть сейчас принесу, хочешь?..

— Да конечно! — вдруг возмутился отец. — Я бы не удивился, если б ты уже сегодня их сюда притащил, бестолочь! Все, Даня, — снизил отец тон, понимая, что Данил и так совершенно подавлен, — назови адрес, чтобы времени не терять, и спать иди. Твоя самостоятельность окончена.

— Но папа, она не станет с тобой разговаривать, будет только хуже, она же через суд...

— Адрес, Даня, это просто улица, номер дома и квартиры. И запомни, сыночка, с этого момента — никаких больше движений, никаких встреч и никаких вопросов! Твоя задача — помаячить в суде.

Сообщив отцу интересующую его информацию и понимая, что разговор на этом окончен, Данил ушел в спальню и взял на руки спящую дочку. Он уткнулся лицом в ее теплый животик, закрытый байковой пеленкой, которая быстро промокала, впитывая его неудержимые слезы.

Бестолочь. Дурак и нытик. Все это правда. Он ни на что не способен! Мало того — он потащил за собой своих друзей, своих родителей, которые верили, что он что-то может, и во всем ему помогали! Теперь отцу придется снова разгребать его проблемы. Только что же здесь можно сделать? Убить ее разве что... Отличный был бы вариант, если бы во все это не было втянуто столько людей, которым так много уже известно! Еще и Катька наверняка с кем-нибудь своей историей делилась... Конечно, Данил согласен жить с ней вместе, только бы не потерять дочь! Он покажет ей, какие бывают на свете мужья, она еще сто раз пожалеет о том, что решила таким способом его к себе привязать! Но можно только представить, как на

его бедной доченьке будет отражаться ненависть Данила к ее родной матери. Тоже тупик. И он везде, куда ни посмотри!

Но почему, чтобы всего-навсего завести ребенка, как все, Данилу нужно решать столько проблем и постоянно чего-то бояться? Ну тупой он. Ну не способен он быть чьим-то мужем, так что, и ребенка иметь нельзя? А может, он в тысячу раз лучше, чем какая-нибудь одинокая мамаша, но к ней, конечно, никаких претензий — лишь понимание, поддержка и искреннее сочувствие! Зато Данил — ненормальный, бестолковый и ни на что не годный. Разве это справедливо? Разве справедливо будет, если у него заберут дочь только потому, что он не сумел сам ее родить? Почему он всегда должен терять то, что для него дороже всего? То, что потерять гораздо тяжелее, чем самому умереть?..

***

Еще немного побродив по комнате и в последний раз тяжело вздохнув, Валерка, выйдя в коридор, взял телефон и вернулся на кухню, решая, звонить ему в Киев или сразу в Москву. Однако к этому звонку предстоит еще подготовиться, исполнив мечту одного из своих новых знакомых — свеженького секретаря Киевской парторганизации.

— Алло, Петя? Я не разбудил? Есть одна проблема срочная. Хочу машину свою скинуть, тебе первому предлагаю, но есть нюансы. Бабки нужны уже завтра и в Севастополе.

Криво улыбаясь после проведенных переговоров, Валерка придавил рычаг телефонного аппарата. Ну ничего себе новое поколение прогрессивных мыслителей! С такой скоростью под себя грести — духу надолго не хватит, элементарное чувство меры должно присутствовать! Ладно, катайтесь на здоровье, так уж и быть. А Валерий Борисович займется обучением одной бульварной красотки, рвущейся к нему в невестки, правилам хорошего тона. Девочка, похоже, не совсем понимает, с кем она вздумала поиграть и во что так храбро ввязалась.

Людмила, войдя на рассвете к Данилу в спальню, забрала начинающую хныкать Свету, чтобы дать сыну возможность немного отдохнуть перед службой. Он даже не раздевался — так и уснул поперек дивана, уткнувшись лбом в деревянные прутья детской кровати. Совсем замотался, бедный. Скорей бы все окончилось. Эта история уже всем надоела, провалиться бы той рыжей девке на месте! Она, видите ли, не хочет с их Даней разводиться. Конечно, она его

любит — отчего же не полюбить, Люда прекрасно ее понимает! Видала она таких влюбленных табуны еще с его школьных лет! Нашла себе мужа, дрянь такая! Да Людка сама ее сожрет, не говоря уже о Валерке, который настроился весьма серьезно. И кому, как не Людмиле, знать, что ее обозленному супругу под руку лучше не попадаться!

***

Ей казалось, все это происходит не с ней. Это просто страшный сон, это не может быть ее жизнью! Ночной обыск по доносу кого-то из соседей, арест и тюремная камера... Но этот сон не кончается уже вторые сутки, и не кончаются жуткие допросы, где с каждым своим словом Катя вязнет все больше, и все больше страшных обвинений... Валютные махинации, незаконное хранение, теперь проституция и продажа ребенка... Но не она же все это придумала! Да только в детали даже вникать никто не хочет: они слышат только то, что сами считают нужным, ведь доллары нашли у нее, и ей больше отсюда не выйти. Никогда уже не выйти, она совершенно точно видит настроение следователя... Восемь лет за валюту плюс все остальное — минимум лет десять получится, как они ей обещают, и то с учетом Катиного признания и их исключительной доброты...

К ней даже прийти сюда некому, не то что чем-то помочь! Она просила позвонить ее мужу, который может подтвердить слова о том, что он сам предложил заплатить за ребенка, но Катя даже понять не может, связывались ли с ним вообще. А если его нашли, и он не пришел даже для того, чтобы передать ей хотя бы вещи первой необходимости — еще хуже, тогда у нее вообще нет надежды на помощь. Даже с подругами своими она в последние месяцы почти не общалась... Ах, если бы знала Катя, чем эта история закончится, она бы на порог его тогда не пустила! Как же хорошо, как спокойно жила она до недавнего времени, и зачем только нужна была ей эта Италия, ясно же, что чудес не бывает... Теперь Катина жизнь окончена. Она не хочет сгнить в тюрьме, уж лучше умереть сейчас, ведь впереди — один сплошной кошмар...

— На выход! — снова услышала Катя уже знакомую команду, но она ведь только что с допроса, она все уже признала, чего еще им от нее нужно?! К ней пришли? Неужели он все-таки о ней вспомнил...

Но это был не он. Незнакомый ухмыляющийся тип, развалившийся на стуле в комнате для свиданий. Еще один обвинитель — Катя уже наизусть выучила это мерзкое выражение их надменных морд. Она села напротив, уронив голову на сложенные ладони, и просто завyla, не в силах выдержать всего, что на нее свалилось...

— А что так сразу, милая? — сочувственно смотрел Валерка на это жалкое создание. — Мы даже не познакомились!

— Чего еще вам надо?.. — скулила полностью раздавленная Катя. — Я все уже сказала, я больше не могу! Я просто умереть хочу, вы это понимаете?!..

— Ну, как вариант.

Она даже немного затихла, настолько спокойно это прозвучало, и совсем не изменилось презрительное выражение его лица и холодных, будто ледяных, ярко-синих сощуренных глаз.

— Кто вы?.. — с трудом выдавила из себя Катя, глядя на Валерку с выражением какого-то первобытного ужаса.

Он даже черт ее лица различить не мог, так она опухла и поплыла от непрерывных рыданий. Нехило ее раскорезило... А ведь всего-то двое суток ее прессовали. И вовсе не сильно, чисто в рамках... Профессионально работают местные ребята, уважение им от Валерки и немного сверху от обговоренной суммы. Москва знает, кого подключить для качественной отработки схемы. За такую работу и заплатить не жалко, хотя дорого, конечно, вышло. В Киеве было бы проще, но здесь Валерка на чужой территории, с кадрами нужными не знаком, и экономия здесь неуместна.

— Кто я, Катерина? — улыбнулся он ей. — Твоя последняя надежда на свободу.

— На свободу?.. — изумленно повторила Катя.

Нет, Валерка не зверь, хотя вариант с самоубийством в камере от осознания тяжести собственной вины до сих пор рассматривал, как вполне пригодный. Особенно когда представлял себе, как некий сопливый Петенька разъезжает по Киеву на его родной машине. Однако, по всему видать, Катюха сейчас согласится на что угодно, и здесь обойдется без крайностей. От великой любви подлечили ее основательно. Валеркину «Вольво» она и так отработает, без лишних затрат. Ведь ее труп будет стоить гораздо дороже, чем закрытие всего делопроизводства.

— Именно, деточка, именно, — подтвердил Валерка ее смутную надежду. — Но тут уж от тебя зависит...

— Я все сделаю! — преданно глядя в глаза, выкрикнула Катя. — Я все подпишу, что надо! Пожалуйста, скажите, что...

— Да не тарахни ты. Нетерпеливая ты какая-то, Катерина. Для начала напишем одну бумажку. Чистосердечное, так сказать! — подсунул ей Валерка лежащий на столе лист.

— Да я уже все признала, все эти протоколы ваши подписала!..

— Я читал, читал, Катюша, ты не беспокойся. Там были некоторые неточности. Теперь я продиктую, чтоб все красиво. И чтобы было что вспомнить, если тебя вдруг ни с того ни с сего потянет на родину.

***

Валерки долго нет, но Людмила больше переживает за Даню, который носится со Светкой на руках по квартире, явно не находя себе места. Вбегая в кухню, он запихивает в рот что-нибудь съедобное — первое попавшее в поле его зрения — и исчезает в коридоре снова. Людка десять раз говорила, чтобы он хотя бы оставил в покое ребенка, но он вцепился в свое сокровище мертвой хваткой.

А за своего мужа Люда готова перед кем угодно поручиться. Уходя, он был полностью уверен в успехе, а если Валерка в чем-то уверен, то, хочешь не хочешь, поверишь в это и ты. Только вот Даня вечно во всем сомневается и предпочитает сам завалить дело, нежели доверить его кому-то еще.

И когда Людкин супруг наконец появился, она сразу поняла, что все хорошо. Зато Данечка так и не научился определять по Валеркиному виду, притворяется его отец недовольным или расстроен на самом деле, иначе не подскочил бы к нему с таким озабоченным видом.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Данил тяжело вздыхающего отца, который медленно снимал туфли, опираясь руками о стену прихожей. — Ты все-таки ходил к ней домой?

— Ага. На хату, можно сказать.

— И что, папа? Что-то не в порядке опять, да?!

— Да! — вскинул голову отец и, бросив папку на тумбочку, стал метаться по прихожей, хватаясь за голову и заламывая руки. — Все

пропало! Уезжаю! Где мой чемодан, где веревка?! И мыла, мыла мне дайте! Это конец!..

Данил уже понял, конечно, что папа изображает своего сыночка накануне вечером, и не мог сдержать смеха, слушая его драматичные пассажи. Теперь он видел, что отец очень доволен, раз решил над Данилом поиздеваться.

— Ладно, хорош маленьких обижать! — повеселевшим голосом сказал Данил. — Рассказывай лучше.

— На! — подняв папку, Валерка сунул ее Данилу под нос. — Папаша, отдай ребенка! — он взял проснувшуюся Светку и, прижимая к себе, пошел в коридор. — Все, моя хорошая. Дедушка уже тебя купил, купил, не плачь! Уйди, бабка, — отвернулся он от подошедшей со счастливой улыбочкой Людки. — Идем отсюда, а то ходят тут всякие старушки, детей пугают.

Данил вошел в комнату, когда Валерка уже переодевался, положив Свету на диван. Даня держал деньги в одной руке и добровольное Каткино признание — в другой.

— Это что?.. — потерянно спросил он у отца. — Ты все же решил забрать у нее бабки? Ну ладно, а это? — перевел он взгляд на исписанный листок.

— Это страховое свидетельство, сыночка, — объяснил отец, подмигивая махающей руками внучке. — От непредвиденных случаев. Ну и доплата к нему на раздачу долгов.

— Да как она могла на себя такое написать?! Это же срок, реально! Да ты у меня... да ты просто красавец!

Разве нужно еще что-нибудь Валерке, кроме этих крепких родных объятий? Даня умеет быть благодарным. Всегда умел. Он мог ничего не говорить, а просто смотреть на тебя вот так — в полный размер своих лучистых серых глаз — и просто тебе улыбаться, чтобы ты почувствовал эту благодарность и еще кое-что гораздо большее: то, о чем дети обычно не говорят своим родителям, да и зачем? Все и без слов понятно.

***

Данил чуть ли не на руках вынес Катюху из здания суда. Это лучшая мамочка на свете! Без запинки отвечая на все вопросы судьи, она отказалась и от Давыдова, и от своего ребенка сразу, безоговорочно и наотрез, моментально соглашаясь на любые условия.

Она будто репетировала все эти дни: так четко, без запинки произносила все ответы, словно зазубренный урок, явно наводя судью на подозрения относительно своей способности к мышлению. Она вообще не задумывалась, отречения реально отскакивали от ее зубов.

На саму судью она при этом почти не смотрела, зато постоянно косилась на мирно сидящего в уголке Валерия Борисовича, который мило ей улыбался, одобрительно кивал и постукивал пальцами по кожаной папке, лежащей у него на коленях. Было видно, что он здесь — главный Катькин экзаменатор. Он же и отдал Кате эту папку с ее новыми документами сразу, как только они оказались в холле здания, показав тем самым, что Катюша заслужила «отлично». Он ни слова ей не сказал — просто сунул папку в руки и, повернувшись к счастливому Данилу, стал поздравлять его с безоговорочной победой, вновь выслушивая каскад ответных восторгов и благодарностей за проведенную на высочайшем уровне работу.

Катя бросилась оттуда со всех ног, спеша оказаться на улице и убедиться, что все реально, она свободна и улетает из этой страны навсегда! На суд ее привез милицейский воронок и ждал у входа со двора на случай, если бы она что-нибудь не так сделала. Ну уж нет, хватит с нее этой семейки и связанного с ними ужаса. Она хочет забыть последний год как страшный сон и никогда больше, никогда о нем не вспоминать!

Данил краем глаза увидел, как рванула Катька куда-то, но наблюдать за ней Данилу было уже неинтересно. Кати больше нет у Данила в жизни, и у него достаточно дел, о которых он теперь с удовольствием будет думать!

***

Дома все было готово к великому празднику в честь развода Давыдова и в честь теперь уже только ему принадлежащей доченьки. Хотя, конечно, не только ему. Все собравшиеся сегодня за этими сдвинутыми вместе столами были активными участниками затеянного Данилом предприятия. Без них он бы не обошелся. Без них вообще ничего бы не получилось. Они как будто родили ему дочь все вместе, и они тоже это чувствовали. Каждый из них в той или иной мере приближал день, когда все уже позади, когда твоя радость бьет через край, и ты едва сдерживаешь слезы, глядя на родные улыбающиеся лица...

Но Ленки не было за столом. Ее вообще не было целый день, а вечером она позвонила Мише и сказала, что задерживается в отделении, и чтобы праздновать начинали без нее. Она такую важную роль сыграла во всей истории, и Данилу было, конечно, обидно, что ее нет сейчас рядом. Но что поделать — она врач, и, наверное, кто-то в ней сейчас действительно нуждается.

Он обнаружил ее, когда возвращался домой, проводив до такси Арсена с Викой. Лена сидела в их дворе на скамейке, спрятанной за зеленым кустом сирени, курила, держа сигарету в дрожащих пальцах, и было неизвестно, сколько времени она здесь находится и почему к ним не поднимается. У нее, похоже, что-то серьезное случилось.

— Привет, Ленчик, почему ты нас игнорируешь? — улыбаясь, попытался Данил заговорить беззаботным тоном, но Лена так на него взглянула, что он понял: шутки сейчас неуместны. Он сел рядом с ней, пытаясь заглянуть в ее бледное лицо. — Что-то случилось, Лена? Ты знаешь, что ты можешь мне сказать. Я тебе всю жизнь буду должен, ты можешь на меня рассчитывать.

Лена не отвечала, лишь покивав неопределенно, и Данил беспокоился все больше.

— У тебя на работе неприятности какие-то? — ловил он ее блуждающий взгляд. — У вас там случилось что-то? Появился уже этот ваш новый доктор? Главный акушер вроде?

— Да... — потерянно произнесла Ленка, от него отворачиваясь. — Появился. Дождались...

— Ну и как он?

— Да так... нормально. Все нормально.

— Знаешь, я думаю, ты просто устала, — улыбнулся ей Данил, поднимаясь со скамейки и подавая руку. — Все мы устали за последнее время. Но мы же сделали это! Мы просто нереальное сделали, Ленка! Теперь совсем другая жизнь начнется, вот увидишь. Все будет совсем по-другому. Все будет хорошо!

***

— Все будет хорошо, — вяло, без всякого выражения произнес Стив, печально глядя в окно своего загородного дома из-за спины изучающей знакомый пейзаж Элины. — Ты просто устала. Это будет проходить.

Что «будет проходить»? Непрерывно морозящий дождь, вечная сырость в холодном просторном особняке и ощущение своей абсолютной непричастности к этому месту и в целом ко всему в ее жизни происходящему?

И она перестанет стоять вот так, тупо уставившись на идеально подстриженный зеленый газон перед домом, на декоративные кустики вдоль шоссе, за которым — снова такой же газон, только совершенно гигантский. Поле для гольфа. Одно из тех, которые здесь, в Ричмонде, особенно живописные. Стоять с ощущением того, что вот-вот эта полоса закончится, «все будет проходить», и начнется наконец ее собственная жизнь.

Очень любезно со стороны Стива еще пытаться произносить русские фразы, которые у него получаются все хуже. Это вполне закономерно — у него больше нет языковой практики. Впрочем, ее язык здесь абсолютно не прогрессирует тоже. Для общения с продавцами лондонских бутиков и заправок ей хватило бы уровня восьмого класса. От местных телевизионных сериалов ее уже просто мутит, а с мужем они практически не общаются. Зачем ей нужен был филфак МГУ, преодоление немислимых трудностей и постоянное стремление куда-то? Зачем вообще все было?..

Чтобы приехать сюда и рассказывать себе, что она привыкнет, втянется, заставит себя наконец чем-нибудь содержательным заняться и полюбит этот город мечты, эти газоны и этот дом. Да, и этого славного парня, ее замечательного мужа. Несчастливого Стива Грейса, которого два года назад в перерыве между рейсами Британских авиалиний угораздило оказаться в Лужниках на одной с ней трибуне и спросить, на кого из стартующих сейчас пловцов она пришла посмотреть.

Хороший был вопрос, в самую суть происходящего. Конечно, она объяснила, что для нее, студентки выпускного курса романо-германского отделения, проходящие в Москве Игры доброй воли — отличный шанс получить практику общения с носителями языка. И хорошо, что не нужно было углубляться в разговор о том, каким именно образом она эту практику получает на трибуне бассейна, а не в пресс-центрах или на экскурсионных маршрутах, где пропадают ее одногруппники.

Что хотела она там высмотреть? То же, что все эти годы в любой толпе и на любой улице? Похожий силуэт, например. Или услышать похожий голос. Или снова подорваться, как тогда в вагоне метро, даже не понимая, на что так бурно среагировало ее подсознание? И лишь несколько мгновений спустя понять, что просто у кого-то такой же одеколон. А потом снова опуститься на сиденье, чтобы привычно занять себя выдумыванием сценария их случайной встречи.

Вот так, скажем, в метро, где он может вдруг оказаться, приехав в Москву по своим военным делам. Или в Центральном универмаге, или в кафе, или в очереди за авиабилетами... Он увидит, как она изменилась, каких успехов она достигла, и поймет... Что? Что она была права тогда, уехав, сбежав от той своей жизни? И она сама себе докажет, что все было не зря? А ведь та жизнь была настоящая — в хлипком деревянном сарае, который больше месяца был ее домом. Самым родным и самым уютным, и с каждым годом, отдаляющим ее от того чудесного лета, она понимает это все отчетливее. И бесполезно было бежать в Лондон, бесполезно было прятаться от своей ошибки даже замужем за пилотом Британской гражданской авиации. Подумать только, как выглядит со стороны ее жизнь и ее неслыханная удача...

А она по-прежнему перебирает в голове способы все вернуть. Ей давно уже самой от себя смешно. Да, можно было еще тогда, в тот последний школьный год, который прошел будто в бреду, рвануть в Севастополь, явиться ко входу военного училища и стоять там, как верная собачонка, пока он перед ней не появится. По крайней мере, она точно знала, где он учится, и ведь реально туда бросилась. Только вот Севастополь, оказывается, город закрытый, и без специального разрешения туда вообще не заехать. Она узнала об этом в железнодорожных кассах: малолетняя жалкая дура, укравшая из дому деньги и решившая бросить все, чтобы догнать давно ушедший поезд... Еще и пытавшаяся на кого-то переключаться, с каждым разом лишь добавляя новые штрихи к образу, в который сливаются все остальные мужчины: заросшие морды и прыщавые спины, запах мерзкого пота и дешевого табака, пошлые шуточки и надменные улыбки... О, ей хватило впечатлений уже за первые пару месяцев экспериментов! Плюс бесценный опыт общения с благоверным супругом Ингриды, вдруг воспылавшим тайной страстью и просто проходу не дававшим, пока жена его не видит. В итоге Ингрида

поверила ему, а не развратной приживалке, и спасибо, хотя бы с поступлением вопрос решила перед тем, как выставить из дому и прекратить всякое общение.

Можно было бы придумать способ оказаться в Севастополе позже, взяв обычную турпоездку или сопровождая иностранных гостей, но к тому времени он училище уже закончил. Ее со стопроцентной гарантией послали бы оттуда подальше, как только она попыталась бы узнать, куда его распределили. А если даже не послали бы, и он оказался бы где-нибудь в Мурманске или на Дальнем Востоке, что, она бы потащилась и туда, изображая, что ее случайно занесло в его город попутным ветром? Да, потащилась бы! Чтобы посмотреть, как счастлив он в жизни, в которой ей давно уже нет места. Посмотреть на его жену, например, и троих детей и уехать наконец успокоенной, во всем лично убедившейся.

Но появился Стив с его широкой улыбкой, волнистыми светлыми волосами и таким бережным к ней отношением. Не настолько бережным, конечно, но чем-то все-таки похожим! Его профессия, казалось, так близка к военной, и это окончательно убедило ее, что нашелся наконец способ избавиться от своей навязчивой идеи. Но здесь совсем плохо. Слишком далеко и абсолютно безнадежно... В Лондоне им точно не столкнуться.

— Я хочу вернуться в Москву, Стив, — по-английски, для полного понимания, озвучила она наконец то, чего они оба давно уже ждали.

— Но ты знаешь, милая, у меня нет больше возможности летать в Москву, я не смогу...

— Я знаю, — избавила она его от необходимости перечислять все аргументы. — Просто разведемся. Наше бюро переводов расширится, я вернусь на работу. И в свою квартиру.

— Ты называешь это квартирой, Элли? Эту странную ночлежку? Ты думаешь, сможешь жить там после Ричмонда? У нас нет брачного контракта, но я могу арендовать для тебя что-нибудь здесь. Не совершай такой ошибки, милая, ты можешь больше в Англию не въехать.

Она лишь криво улыбнулась такой страшной перспективе. Что за ценность эта британская виза? Ничтожная вклеенная в паспорт бумажка. Мелочь по сравнению с разрешением на въезд в закрытый военный город...

— Я просила не называть меня «милая», помнишь? Мы оба знаем, что никакой ошибки я не совершаю. Просто исправляю однажды нами сделанную.

Элина будто бы специально повернула к нему голову, чтобы перехватить быстрый взгляд на ее сжатые руки. Улыбаясь, она спокойно сняла реликвию благородного семейства Грейс — старинное кольцо с изумрудом, подаренное ей в качестве обручального. Она носила его на указательном пальце, но оно все равно постоянно болталось, угрожая быть в любой момент потерянным. Положив кольцо перед Стивом на изящный столик у камина, она непроизвольно потянулась к вырезу своего мягкого джемпера, нащупав собственное сокровище. Вещественное доказательство ее так и не пережитой утраты, обмотанное вокруг шеи в два оборота...

Конец второй части

Часть 3. Интервенция. Глава 12

Данил ерзал на стуле и, точно так же как сидящий рядом Стельников, все чаще смотрел на часы, вырабатывая волевые качества на очередном собрании по разъяснению им, отсталым от жизни штабистам, политической обстановки в мире.

Сам начальник Политуправления флота полоскал им сегодня мозги по поводу необходимости расширения и углубления дружественных связей с уважаемыми представителями Североатлантического альянса. Какого, к черту, углубления? На взгляд всех здравомыслящих людей, имеющих отношение к реальной обороне страны, углубились их новые западные друзья за короткое время уже на полный корень!

Весь офицерский состав флота поддерживал решение командующего, принятое два года назад, о выталкивании этих непрошенных гостей, когда те снова внаглую, несмотря на все предупреждения, вошли в наши территориальные воды. Они же были реальными героями — те два небольших сторожевика, выполнившие виртуозный навал на чужой эсминец и заставившие уйти зарвавшихся американцев обратно в сторону Босфора, чтобы больше здесь не появиться.

И что в итоге? Уже через год — милости просим прямо в Севастополь! Штатовский фрегат и ракетный крейсер прибыли по личному приглашению энергичного и прогрессивного руководителя страны. Корабли шестого флота США пришвартовались прямо у Морвокзала в закрытом режимном городе, практически на нашей военной базе! И вроде бы прошло уже время, и постоянные визиты западных делегаций стали привычными, но тот первый случай до сих пор ощущается, как показательный плевок в лицо тех, кто самоотверженно отстаивал неприкосновенность наших территорий.

Возможно, это было правильно, и действительно нужно открываться миру, но унижения сильнее, чем в те четыре дня, пока стояли два штатовских корыта в Севастопольской бухте, Давыдов не испытывал, наверное, никогда.

Было бы действительно интересно побродить по отсекам американских кораблей, пообщаться на общие темы с их офицерами — но только в качестве равных соперников, а не в роли диких аборигенов, к берегу которых причалили наконец «белые люди», несущие невиданные доселе блага цивилизации в виде красных жестяных баночек с кока-колой и разрезанных вдоль подогретых булок с сосисками. «Хот-догами» это у них называлось. Горячими собаками! За которые обезумевшие от великой щедрости соотечественники устраивали натуральные драки.

А «белые люди» в значительной части своего состава являлись обыкновенной чернокожей матросней и сами, похоже, не ожидали такого вокруг себя ажиотажа.

Данил принципиально в те дни к месту массового паломничества горожан не приближался, но невозможно было не слышать сводки о том, что многотысячная толпа желающих приобщиться к высокой западной цивилизации то и дело сносила жиденское оцепление из наших матросиков и — чертов стыд — бросала в американцев живые розочки, выклянчивая сувениры: эти белые уродливые кепи в виде перевернутых детских горшков, заморские сигареты и жевательную резинку.

Что уже говорить о полчищах местных девиц, сутками дежуривших у заветного причала в ожидании шанса сопроводить эскортом какого-нибудь моториста до ближайшего бара, из которого его, как правило, выводили потом под руки. И в чем же Данил ошибается, до глубины души презирая этих мочалок, готовых отдаться любому из залетных матросов за пачку американской жвачки? Они же реально рыдали, когда отчаливали заокеанские гости и, казалось, в пучину вод готовы были броситься, чтоб еще немного возле какого-нибудь Джона потереться. Интересно, был ли один пример за всю эту прогремевшую миссию, когда влюбленный в местную красавицу американец пригласил бы ее отправиться за ним следом или хотя бы поддерживать дальнейшее общение? Данил абсолютно уверен, что нет! И до какой же степени идиотизма нужно дойти, чтобы не понимать, как это выглядит в глазах обычного мужика из какой-нибудь захолустной тexasской деревни!

Нет уж, его собственная дочь никогда не уподобится этим дешевкам и точно не поведется на яркую этикетку, она вырастет в

полном достатке и воспитана будет как настоящая, уважающая себя женщина! Давыдов улыбнулся, снова взглянув на часы и вспомнив шустрюю кудрявую принцессу, которая уже сейчас, в два с половиной года, вьет из своего папы веревки. А из сурового дедушки — не веревки, нет. Мелкие узелки!

Данил только вчера из Киева вернулся, а уже по этим лучшим из людей скучает.

Он согласился на то, чтобы Светка жила с родителями в Киеве, после долгих уговоров со всех мыслимых сторон. Мама провела первые месяцы в Севастополе, отец не мог бесконечно мотаться между Крымом и Киевом, и Данил видел, как трудно им быть на расстоянии, как мама переживает о том, что отец надолго остается в Киеве один.

Отпустить дочь в Киев уговаривали его и друзья, и даже штабные командиры, приводя разумные аргументы о невозможности совмещать действительную службу с самостоятельным воспитанием такого маленького ребенка, если учесть, что постоянное место проживания его родителей — вовсе не Севастополь, и до бесконечности продлевать им разрешение находиться в закрытой погранзоне весьма проблематично.

Ленка была того же мнения, хотя как раз она выступала меньше всех, чем весьма удивляла Давыдова, которому прекрасно известна ее привычка во все совать свой нос. Она вообще как-то притихла в последнее время, стала деловой и сосредоточенной. Даже Стельникову от нее замечаний почти не прилетает. Видимо, Ленка серьезно занята на работе, где у них постоянно происходят какие-то реформы и внеплановые смены, так что ее собственный сыночек тоже у бабушки с дедушкой практически прописался.

Но Данил не может постоянно находиться от дочки вдалеке. Хотя даже сейчас, когда она в другом городе, его жизнь совсем не похожа на ту, что была до Светкиного появления. Каким же правильным было его решение о ребенке! Будто бы что-то улеглось внутри так, как должно было быть изначально. У него теперь есть самое главное в жизни. Есть ради чего стремиться к карьерному росту, ради чего больше не напиваться, вокруг чего строить все свои дальнейшие планы и о чем постоянно думать.

Ну а как можно о ней не думать! Об этих светлых золотистых кудряшках, бьющей через край энергии и хитрющих глазах, когда ей

нужно чего-либо добиться от окружающих. Никто не в силах ни в чем ей отказать! Ни родной папа, который время от времени все же пытается своего ребенка ограничивать, ни совершенно посторонние люди, перед которыми его активная малышка не испытывает никакого смущения. Ну а то, до чего доходят его родители в своем обожании ненаглядной внученьки, никакому разумному объяснению не подлежит. Этого не объяснить, за этим можно только наблюдать, и делать это Данил может до бесконечности.

Гамак из пакистанского покрывала, снятого с дивана в гостиной — бабушкино оригинальное изобретение. Светка укладывается на его середину, а двое взрослых, солидных вроде бы людей, взявшись за концы, раскачивают любительницу домашних аттракционов до тех пор, пока ей не надоеет или не пора будет Светочке обедать.

Принятие пищи, как правило, сопровождается интереснейшими историями из жизни пряничных человечков, веселых поросят и русалочек в исполнении артистичного дедушки. Сколько ни силился Данил вспомнить нечто подробное из собственного детства, ничего, кроме предупреждений о грозящей низкорослости из-за недоеденного супа, на ум не приходило. Он и близко не подозревал в своем отце таких творческих способностей, ведь захватывающими рассказами дело не ограничивается, и вечерний кукольный театр за натянутыми между стульями занавесками — часть обязательной программы. А из гладильной доски, уложенной на диван, и наброшенного сверху импортного ковра посреди гостиной сооружается горка, с которой Света съезжает в большом эмалированном тазу, если на улице дождь и выйти на детскую площадку нет возможности.

Стены киевской квартиры сплошь увешаны фотографиями Светки в бесчисленных фирменных нарядах, кукольное личико которой на всех изображениях — точь-в-точь как у Данечки Давыдова в его раннем детстве, только вовсе не печальное, без сложенных домиком бровей. Да и фото все цветные, новейшими немецкими камерами сделанные.

Култ несравненной Светланы Даниловны в Киеве очевиден, его родители занимаются ею постоянно и балуют, конечно, без всякой меры. Но она все равно понимает, кто главный в ее жизни! Она с восторженным визгом бросается к Данилу каждый раз, когда они встречаются после нескольких недель разлуки, и так быстро, так

заметно она меняется, и свободно уже болтает, и висит на нем в это короткое время их общения практически непрерывно. Она забирается к нему в кровать, устраиваясь «под крылышком», словно пушистый цыпленок, и засыпает под рассказы о его севастопольской жизни и службе, которые так любит слушать. Она пахнет карамелью, детским шампунем и молоком, и, наверное, от этого ее так не хочется выпускать из рук. И каждый раз, уезжая, Данил чувствует, что часть себя оставляет в Киеве.

И как бы тяжело ни было его родителям со Светкой расстаться, а жить она будет с ним. Она уже достаточно подросла, чтобы можно было отдать ее в ясли, и решить вопрос с возвращением дочери в Севастополь Данил намерен в ближайшее время. Он говорил с родителями о том, что принял наконец для себя решение. Ради того, чтобы Светка вернулась в Севастополь, он готов сделать Кире Черновой предложение. В конце концов, Кира тоже заслужила этот официальный статус, столько лет оставаясь рядом, несмотря на все его странности и отрывы.

Не случается с ним больше никаких отрывов. И ни на какие приключения больше не тянет. И на самом деле надоело самому себя обстирывать и думать о том, что купить себе на ужин. Да и девицы одноразовые давно набили оскомину. Достало уже шарахаться по злачным местам в поисках того, для чего другим не нужно даже вставать с собственного дивана. А когда захочется разнообразия, всегда есть возможность его получить. В Киеве, например. Хватит, пожалуй, унижать так преданную ему Киру историями с местными красотками.

Ведь когда-то давно, еще до той приключившейся с ним напасти, он именно так и рассуждал. Как нормальный, здоровый человек, собираясь сделать свой выбор совершенно сознательно. Что ж, теперь он снова абсолютно здоров! И все разумные аргументы — в пользу того, чтобы оформить с Кирой отношения.

Да и она очень изменилась за это время. Особенно после открытого признания своей неправоты в обвинениях Давыдова в любовной связи с Мишкиной женой. И сразу была готова во всем ему с дочерью помогать. Кира, конечно, не знала настоящей истории и, как все его друзья, была уверена, что Данила просто бросила с ребенком

случайно «залетевшая» от него гулящая девка. Да и зачем Кире подробности? Она вряд ли смогла бы его понять.

И так старается Кира его поддерживать и не слишком навязываться, лишь изредка оставаясь на ночь, хотя он сам давно предлагает к нему переехать. Это удобно, в конце концов, и даже спать вместе можно вполне спокойно, не разыгрывая друг перед другом африканских страстей, просто снимая по мере потребности физическое напряжение, ну а что, собственно, нормальным взрослым людям еще нужно? Она, конечно, временами тоже переусердствует, стараясь ему угодить, не проявляя в постели излишней инициативы, из-за чего Данилу начинает казаться, будто он расшатывает под собой нечто неодушевленное. Однако в роли безжизненного мешка Кира выглядит гораздо органичнее, чем пытаясь изобразить из себя искусную блудницу.

Зато готовит Кира отменно, часто оставляя ему что-нибудь про запас, и с родителями его ладит прекрасно. Они познакомились во время их последнего визита в Севастополь и с тех пор регулярно шлют друг другу приветы. Само собой, Светкой Кира была очарована мгновенно и теперь каждый раз передает ей с Дániлом подарки.

Данил понимает, конечно, куда клонит мама, интересуясь, как дела у дорогой Кирочки, и не собирается ли Данил приехать в Киев с ней вдвоем. Собирается. После официального визита в дом прославленного контр-адмирала. Ведь именно на это Кира намекает, отказываясь съезжаться до соблюдения положенных церемоний. А конкретно — до предложения руки и сердца в присутствии ее уважаемых родственников и, само собой, определения конкретной даты бракосочетания. Расписались бы, в самом деле, по-тихому... Но с Кирой так не получится.

Без вселенской гулянки контр-адмирал Чернов единственную дочь замуж не отдаст. Он вообще одно из главных осложнений в этой истории. Типичный заштампованный вояка с бронебойными шуточками времен первой мировой, признающий лишь собственное справедливое мнение, которое имеет по каждому вопросу. Мнение Кирочкиной мамы при этом полностью совпадает с контр-адмиральским, поскольку смотреть своему супругу в рот и улавливать его настроение — главное занятие в жизни этой неплохой, но совершенно безликой женщины. Будет непросто, но кто, если не

изобретательный Данечка Давыдов, сумеет в кратчайшие сроки отвадить эту семейку от собственного дома? Хотя как все-таки замечательно было бы жениться еще тогда, в девятнадцать лет... У нее ведь даже не было родителей...

— Товарищи офицеры, благодарю за внимание! — вернула Давыдова к действительности долгожданная фраза начальника Политуправления, и по прокатившемуся по залу вздоху облегчения стало понятно: это лучшее из произнесенного на сегодняшнем собрании.

— Ты еще остаешься? — с искренним сочувствием спросил у Мишки Давыдов, зная, что теперь Стельников в узком кругу руководства штаба обязан будет поучаствовать в неформальном общении со свалившимся им на голову политруком. Угощение высокого гостя — дело святое, там главные вопросы обычно и обсуждаются.

— А куда деться-то? — как всегда, беззаботно ответил Мишка. — Ты забеги к нам, Ленку предупреди. Хотя она в курсе должна быть, я ей вчера говорил.

— Слушаюсь, товарищ командир, — улыбнулся Данил, пожимая знакомую руку, и мысленно поблагодарил судьбу, что в состав особо приближенных к руководству офицеров не входит. Он поспешил покинуть помещение, чтобы по дороге домой как следует обдумать предстоящее у Черновых мероприятие. Свою официальную помолвку, так сказать. Какой же цирк все это, в самом деле... Конечно, он поделится с Ленкой великой новостью о предстоящем событии. Ей, как известной сплетнице, точно должно понравиться.

Однако сюрприза не получилось. Ленка увлеченно занималась уборкой, с каким-то особенным усердием, если не сказать остервенением, надраивая дома полы, и едва кивнула в сторону появившегося в прихожей Давыдова, зашедшего в традиционно незапертую дверь.

Она молча прослушала сообщение о том, что Миша задерживается в штабе, ни одним словом Давыдова при этом не удостоив и не прервав своего содержательного занятия.

— Да ладно, Лен, на хрена тебе эта уборка после работы? — попытался Давыдов поймать ее ускользающий взгляд. — В выходные бы убрала. Или ты снова в субботу на смену собираешься?

Она в ответ лишь неопределенно дернула плечами, махнула рукой и отвернулась вообще, сосредоточившись на отмывании коридора.

— У тебя все в порядке, Лена? — внимательно изучал Данил ее непривычно ссутулившуюся фигурку. — У вас с Мишей проблемы какие-то?

— С Мишей? — вдруг подняла она к нему лицо, и Данил понял, почему она отворачивалась. Она была явно заплаканной, с красными опухшими глазами, и все еще шмыгала носом. — Какие с Мишей могут быть проблемы, Данил? Не обращай внимания, это так... — провела она по щеке тыльной стороной ладони. — Чисто бабское. Бывает.

Ленка попыталась ему улыбнуться, и Давыдов решил оставить ее в покое. Действительно бывает, наверное. Случаются же у них перепады настроения в определенный период...

***

Едва дождавшись, когда за Давыдовым закроется дверь, Ленка отбросила дурацкую швабру и, уйдя на кухню, достала из ящика сигареты. Зачем Данил только пришел, зачем спросил про Мишу... Она ведь уже успокоилась и рыдать себе больше не позволит! Отвернувшись к приоткрытому окну, она глубоко затыгивалась, подавляя снова подступающие к горлу слезы.

Она просто все это прекратит. Она же сама загнала себя в зависимость, сама создала для себя проблему, которая занимает теперь все ее мысли и отнимает душевные силы, хотя вначале ей казалось: это ни к чему не обязывающее приключение. Она заставляла себя так думать. Она оправдывалась перед собой тем, что просто получает в других отношениях то, чего не хватает ей с мужем, и прекратит их в любой момент... Ложь — с самого начала, с того самого дня, когда новый заведующий в их родилке появился. И с первой минуты, прямо с момента знакомства никаких шансов избежать этой порочной связи для Ленки не оставил.

Они оказались в родзале вместе в первое же утро, в ту сумасшедшую смену, когда он выставил из операционной двух наиболее опытных акушерок, в абсолютно хамской манере посоветовав им отправиться хотя бы на курсы ветеринаров, и практически сам, с одними молоденькими ассистентками, справился едва ли не с десятком родов, далеко не все из которых были простыми.

Лена не могла отделаться от ощущения, что участвует в магическом действе, когда принимала одного за другим только что рожденных здоровых малышей из его удивительных рук, и было похоже, что все присутствующие медсестры чувствуют нечто подобное, звука не произнося в ответ на его спокойные приказы.

Она сказала себе, что просто хочет выразить свое восхищение, когда после этой тяжелейшей смены направилась в его кабинет. А если получится, и у него остались силы на разговоры — то познакомиться поближе, помочь разобраться со сложившимися здесь традициями, чтобы избежать ненужных конфликтов.

Силы у него остались. И традиции у них теперь совсем другие. Когда Ленка вошла, постучав, он, совершенно не скрываясь, лил коньяк в граненый стакан, стоя от своего стола на расстоянии и держа бутылку в вытянутой руке. И столько власти и небрежности было в этом уверенном жесте... Он кивком пригласил ее присоединиться, указал на дверь своим невероятно выразительным темным взглядом, она, словно замороженная, задвинула шпингалет, и, в общем-то, все стало ясно.

Разговоров в тот день не случилось. Он стукнул стаканом по ее рюмке, выпил свою дозу двумя большими глотками, по-хозяйски взял ее за затылок... и Ленка не вспомнит даже, что конкретно он с ней вытворял, и как она оказывалась во всех тех непристойных положениях. Одно она может сказать точно: ни с Мишей, ни с кем-либо другим она такого не испытывала никогда. Такого откровенного желания и такого животного наслаждения, хотя даже раздеваться практически не пришлось.

Она не знала, как ей появиться дома в тот день, и, сидя на скамейке во дворе, не решалась приблизиться к своему подъезду. Ленке казалось, все открыто написано на ее лице, на ее теле и одежде.

Но пришел Давыдов, сел рядом и, ни в чем не обвиняя, просто поинтересовался самочувствием. Она смотрела в его наивные знакомые глаза и поражалась, как могла считать его нахальным, не по годам самоуверенным и не в меру распущенным. Как могла она думать, что Арсен Магрипов, уехавший тогда с женой на такси, бестактный и несдержанный дикарь, а ее Миша — чрезмерно легкомысленный и временами безответственный?

С тех самых пор они все кажутся ей такими добрыми, такими родными, простыми и понятными. Да они же на самом деле совершенные дети! Чистые, честные дети, которые остались там, в ее прежней жизни, куда она никогда больше не сможет вернуться. Даже если прекратит всё немедленно и больше никогда, ни разу не зайдет в соседнее отделение, ни о чем его не спросит и перестанет постоянно мучиться мыслями о его безразличии — она уже предательница. И все время, пока находится дома, она просто лицемерно делает вид, что интересуется делами Миши, ведет хозяйство и думает о ребенке, постоянно отправляя сына к своим родителям.

Как же увлеклась она в первое время, часами выстаивая перед зеркалом, собираясь на смену, и словно в какой-то горячке проводя рабочие часы, когда использовала любую возможность оказаться с ним рядом, послушать его меткие шутки, ощутить власть его рук... А потом приготовить ему кофе, а потом — шаг за шагом — начать все больше интересоваться его неустроенной жизнью, не замечая, как навязывает свое в ней участие без малейших на то намеков с его стороны, без единого вопроса о ее делах и об отношениях с мужем, например. А потом прозреть. В то памятное утро, примчавшись в больницу раньше, не в силах дожидаться начала смены.

Он был таким же, как всегда. Спокойным и снисходительным. И, казалось, обрадовался ее появлению, расплываясь в насмешливой улыбке.

Подойдя, он привычно запустил руку в ее волосы, и все было так же ясно, так же для нее остро, как каждый с ним раз. Она так же не замечала его привычных действий, когда он открывал знакомую упаковку. И лишь оказавшись на столе лицом вниз, свесив голову с его края, Ленка уперлась взглядом в мусорную корзину, как раз под столом стоящую.

Утренняя уборка в отделении окончилась два часа назад, и мусора в корзине не было. Кроме выброшенной только что упаковки от презерватива, которая была там уже не первой. И даже не второй. Третьей! Третьей за два последних часа, и спасибо хоть использованные резинки там не валялись.

К тому времени, когда она обрела способность мыслить от пережитого шока, активное физическое действие окончилось, снятый

презерватив культурно отправлен в специальный пакетик в ящике его стола, и ее возмущенный вид прекрасно им понят.

Но он не посчитал нужным сказать хоть слово в оправдание, он просто опустил с усталым вздохом в кресло, закуривая прямо в кабинете, и она вылетела оттуда, сгорая от стыда и будучи абсолютно уверенной, что адюльтер для нее окончен.

В чем могла она его упрекнуть? Он моложе Ленки на целых шесть лет, он свободен, не связан никакими обязательствами, и с чего она взяла, что он видит в ней что-то, кроме средства для удовлетворения простейших потребностей? Ленка тогда будто бы от гипноза очнулась, впервые взглянув на себя со стороны. Это ведь она — солидная замужняя дама — как влюбленная школьница, искала любую возможность с ним пересечься и придумывала множество поводов зайти к нему в отделение. Это она таскала из дома приготовленные для него угощения, удивляя мужа вдруг открывшимися кулинарными талантами. Она лезла к нему с ценными советами, она читала нравоучения о недопустимости закидываться на ходу подаренными конфетами, запивая их преподнесенным по традиции коньяком. Она помнила каждое сказанное им слово, искала скрытый смысл в каждой фразе, ловила каждый его жест... Что она не так давно говорила Кире Черновой, которая казалась ей просто слепо влюбленной идиоткой? Что-то о собственном достоинстве, кажется?..

Так поведение Киры и сравнивать смешно с тем, как вела себя мудрая Леночка Стельникова, подставляя под удар собственную семью ради любовной связи, которую и отношениями-то назвать нельзя. Кира, в конце концов, боролась за свое счастье, она терпела и прощала в надежде получить наконец любимого мужчину в качестве законного супруга и, надо отдать ей должное, в итоге победила, пройдя долгий путь обид и унижений. А что ожидала получить уважаемая Елена Яковлевна от человека, который ни единого встречного шага еще не сделал? Чего она, в принципе, хотела дожидаться, кроме сплетен и насмешек молоденьких медсестер, которые уже явно шептались у нее за спиной? Это они, умные современные девчонки, могли просто приятно провести с мужчиной время и не мучиться лишними мыслями. Ленка, как оказалось, так не могла. И влипла основательно.

Она и не предполагала тогда, до какой степени во все это втянулась. Каким кошмаром было одергивать себя каждый раз, когда

находился очередной повод заскочить на минутку в родильное отделение, и помимо воли улавливать все доносящиеся оттуда слухи, и коллекционировать любые о нем подробности. А дома не выдерживать и пяти минут беззаботного общения с драгоценным супругом, язвить по поводу каждой сказанной Мишей фразы и беситься от его избитых штабных шуточек. Она и Андрея-то к родителям практически переселила, чтоб хоть на ребенке не срываться.

А потом случилось разбирательство с обиженными акушерками. Ленку пригласили на собрание у главного врача как заведующую смежным отделением, чтобы рассмотреть официально написанную на него жалобу. Эти две надменные тетки не сомневались, что авторитетная Стельникова сумеет поставить на место зарвавшегося выскочку, неизвестно за какие заслуги назначенного сразу заведующим родильным отделением. Он сидел с таким скучающим, сонным видом, будто история эта его никак не касалась, и, похоже, вообще не понимал, насколько серьезными были изложенные теми безмозглыми курицами обвинения. И Ленку просто прорвало от накопившихся, переполнивших ее эмоций. Она сама в себе не подозревала такого красноречия, когда, бросившись на его защиту, просто с грязью интриганок смешала, припомнив им все случаи неудачного вмешательства, которые происходили до появления нового заведующего.

Он зашел к ней в тот день сам. Впервые, сразу после окончания собрания. Чтобы выразить свое восхищение и благодарность. Словами! Не кивком, не движением бровей и даже не царственным жестом. А самыми настоящими человеческими фразами, которые она до сих пор помнит дословно.

С тех пор, помимо возобновленных сеансов интимного общения, они стали иногда разговаривать, и Ленка взяла все больше, увлекаясь уже и его образованностью, и остроумием, и удивительным для такого молодого возраста скептическим отношением к жизни. Она снова рассказывала себе, что ничего ненормального не происходит, она просто компенсирует недостающие ей впечатления и лишь пользу собственной семье приносит, вновь став спокойной, веселой и общительной личностью.

До следующего случая, когда поймала его красноречивый взгляд через свою голову на заходящую к нему в кабинет новенькую

медсестричку. Он оценивающе посмотрел на юную красотку, потом, вздохнув, на пачку сигарет в своей руке, потом на Ленку... И так отчетливо она ощутила его душевные муки по поводу очередности предстоящих действий. Он же вообще Ленку не слушал — он решал, что сделать ему в первую очередь: оприходовать в кабинете медсестру, покурить на лестнице или все-таки проявить вежливость, дослушав нудный Ленкин рассказ о необычном случае из ее практики, когда один находчивый папаша в условиях Севастополя провернул успешный опыт наемного материнства. Победили тогда сигареты. Скорчив скучающую гримасу, он покивал, выражая желание закончить разговор, и вразвалку ушел на лестничную площадку, а Ленка снова поклялась себе, что перестанет так унижаться перед этим самодовольным мужланом, не способным на человеческие чувства.

Она снова пыталась с собой бороться, и снова мучилась и давилась слезами, пока он не явился выяснить, почему она больше не приходит, чтобы его повоспитывать. Он и в мыслях не держал, что своим поведением как-то ее задевает. И какой был смысл с ним об этом говорить? Она опять была в его власти, счастливая от их близости, пока не накапливались обиды, и тогда опять все по замкнутому кругу. Как сегодня, когда она узнала, что одна из этих шустрых медсестер к нему переехала, заменив собой предыдущую, уставшую от вечного ожидания чуда. А что здесь непонятного? Кто-то же должен сторожить служебную квартиру, в которой он иногда появляется, чтобы сменить одежду, например. А чистая одежда должна откуда-то появляться, и пыль на полках кем-то должна быть убрана. Уж не хочет ли Елена Яковлевна этим заняться, став еще и бесплатной домработницей для молодого перспективного доктора?

А ведь она бы на это согласилась. Она же и в самом деле все достоинство в своем сумасшествии давно растеряла. Вот только никто ей этого не предлагал, и она драит полы собственной квартиры, исходя бессмысленной яростью, и снова клянется себе, что уж на этот раз точно со своим безволием покончит окончательно! И так сильно старается сама себе поверить...

***

Все как по нотам прошло у Черновых. Точно по прописанному романтической Кирочкой сценарию. Ну а почему Данилу было ее не порадовать, изобразив все, что в таких случаях положено:

подобострастие перед благодушным отцом семейства, восхищение приготовленными блюдами и изысканные манеры по ухаживанию за милыми дамами. Видел бы его Арсен во время этого торжественного обеда — помер бы со смеху! «Разрешите порекомендовать вам этот бефстроганов, Данил, он приготовлен по рецепту Кирочкиной бабушки, а она была поваром у самого Панцержанского!» — сражала его подробностями будущая теща. Бефстроганов у Панцержанского! Это ж произнести еще нужно... «Да что вы говорите?! — восторгался Давыдов, даже не пытаясь припомнить, на каком курсе слышал эту чудесную фамилию. — Конечно, как можно отказаться? Я уверен, что в вашем исполнении он ничуть не хуже оригинала!» И прочая дребедень, которую он мужественно выдержал в течение нескольких часов светского раута после официально сделанного предложения.

Ни со сроком подачи заявления, ни с датой свадьбы он спорить не стал — пускай наслаются сполна всеми радостями процесса, ради которого, по мнению едва ли не каждой порядочной барышни, стоит вообще на этот свет появиться. Наиболее всего Данила радовал факт наличия у него парадной формы, в которой, к высокому одобрению контр-адмирала, он и планировал отбыть свадебную церемонию. Если бы Кира взялась таскать его по салонам в поисках достойного, по ее мнению, костюма, Данил мог бы этого не перенести, уж он себя прекрасно знает. Чем меньше его личного участия, тем больше шансов пройти всю подготовку без неожиданностей. Своих родителей он решил принципиально держать от этого процесса подальше — им есть чем заниматься, кроме участия в сотворении прекрасной сказки для контр-адмиральской доченьки.

Довольный своим примерным поведением Данил как раз заходил в подъезд, когда Ленка спускалась по лестнице, снова отправляясь, видимо, на ночную смену.

— О, это ты! — приостановилась Лена от неожиданности, наткнувшись на него, когда повернула с лестничного пролета. — Ты уже от Черновых?

— Да. Привет! — улыбнулся ей Давыдов. — Снова в ночь? Как только вас, докторов, мужья терпят! — решил он пошутить, но, видимо, снова неудачно, поскольку никакой ответной улыбки Ленка не изобразила, лишь встряхнув стильно уложенными волосами. — Отлично выглядишь, Ленчик, молодец! Картинка просто!

— Ой, да ладно...

— Нет, я серьезно! Я бы на месте Стельникова волновался — уведут ведь! — продолжал он ее развлекать, открывая свою дверь, и мимоходом взглянул на пакет у нее в руках. — У вас мероприятие какое-то намечается?

— Нет, это так... Ужинаем на работе с девчонками, когда время есть.

— Ни хрена себе вы жрете, девочки! — оценил Давыдов объем сложенных в пакет емкостей, и Ленка, вымучив ответную улыбку, выскочила наконец на улицу, благодаря бога за то, что в полумраке подъезда было не различить, как заливается она краской стыда.

Глава 13

Удивительно теплым был этот день для середины ноября. Солнечно и легкий ветерок — Данил всегда любил такую погоду и, выйдя из спортклуба на площадь Нахимова, решил немного прогуляться вдоль моря.

Сегодня суббота, он отлично потренировался в бассейне в компании неугомонного Магрипова, который, каждый раз проигрывая ему заплыв, остается уверенным, что это чистая случайность, и продолжает проставляться по итогам каждого из таких соревнований. Арсену некогда задерживаться, он отправился домой сразу после тренировки. Он обещал сыну съездить вместе на базу подводных лодок в Балаклаве, и Владик всю неделю только об этом и мечтал. А у Данила есть пока время, и почему бы, в самом деле, не пройтись по знакомым улицам, придумывая, что рассказывать Светке во время будущих с ней прогулок.

Свадебный кортеж въехал на площадь, направляясь к памятнику прославленному адмиралу, и Давыдов непроизвольно свернул в сторону проспекта, чтоб не проходить вблизи этой процессии. Он и так уже из последних сил держится, ежедневно переслушивая подробности предстоящего торжества, и ждет его, как судного дня. Но все равно этот день пройдет, и уже очень скоро, и наступят наконец те самые долгожданные будни, когда он перевезет Светку и будет ходить с ней здесь за руку.

Вот по этому проспекту с «морским фасадом», с удивительным простором между домами старой архитектуры, где с любого места можно увидеть море. Недаром именно здесь почти сразу после войны решено было построить самую знаменитую гостиницу города: историческое сооружение в монументальном сталинском стиле, где неизменно останавливаются почетные гости и столь «любимые» Давыдовым иностранные делегации.

Одна из таких делегаций как раз вывалила на проспект, собираясь затолкаться в подъехавший микроавтобус. Решив быстро проскочить за спинами галдящих у входа туристов, Данил прибавил шагу, двигаясь уже вдоль высоких колонн... И он не знает, что заставило его вдруг

остановиться. Какое-то неуловимо знакомое движение руки, перебрасывающей на плечо волосы, или перекатывающийся звук неразличимой фразы...

— Это мисс Элли Грейс, наш переводчик! — сказал по-русски с явным акцентом стоящий лицом к Данилу улыбающийся парень. Видимо, он обращался к группе встречающих иностранных гостей мужчин в деловых костюмах. А потом еще что-то... Данил не понял. Он как-то вообще перестал воспринимать окружающую обстановку и слышать что-либо, кроме фонового звона в собственных ушах.

***

Не нужен им никакой переводчик. Эти потомки русских эмигрантов, решившие отправиться в турне по историческим местам Крыма, прекрасно говорят по-русски, переводчик им положен просто по протоколу. И хорошо, что, кроме Элины, к группе приставлен отдельный работник МИДа следить за всеми перемещениями и докладывать о контактах. Она именно этой поездки ждала. Именно такая группа нужна была для того, чтобы иметь возможность хотя бы на время от них отделаться и решить наконец проблему, не дающую ей спокойно существовать.

Они тоже рады втихаря избавиться от ее компании, чтобы оторваться в местных кабаках и гостеприимных саунах. Какие там исторические места... Не за этим высококультурные европейцы сюда приезжают, наслушавшись о местных традициях встречать дорогих гостей щедрыми угощениями с реками халявного алкоголя и толпами сказочно прекрасных и абсолютно доступных девиц. Мисс Грейс им явно поперек горла, словно напоминание о заявленной цели визита, да и они ей порядком надоели. Она с чистой совестью и к обоюдному удовольствию передает их в руки севастопольских коллег, отлично понимающих основные задачи. Сочинив историю о стремлении навестить в Севастополе родственников, Элина на пару деньков от них освободится. Она лишь проследит, чтобы их автобус благополучно отбыл, и поедет на такси к этому чертовому военному училищу немедленно.

Она сотрудник бюро переводов МИДа, в конце концов, у нее официальный статус, и в ее легенду о необходимости получить сведения о конкретном человеке должны поверить. Плохо, что сегодня суббота, но не может же быть там вообще закрыто! По крайней мере,

можно хотя бы узнать, к кому именно за информацией обращаться. Она обратится, она не остановится. Она должна избавиться от этого, должна во всем убедиться и больше не оглядываться, став нормальным человеком. И если он окажется где-то близко, например, в Керчи или в Новороссийске, она успеет смотаться туда уже в ближайшие дни. Пусть даже нарвется на серьезные проблемы с работой, но жить так больше нельзя. С нее хватит!

Эля решительно повернулась и воткнулась взглядом в расстегнутый ворот светлой рубашки с выпирающими четкими ключицами. Едва уловимая пульсация была заметна во впадинке между ними, и Элине никак не удавалось оторвать застывший взгляд от этой картины, закрывшей ей весь обзор.

Она уже точно знала, что не ошиблась, когда медленно поднимала глаза сначала к гладкому подбородку, потом к четко очерченным ярким губам, растянутым в кривой улыбке. Он смотрел на Элину с каким-то странным выражением изумления в прищуренных серых глазах. Он в полном ступоре. Ему жарко, и он, кажется, не дышит. По крайней мере, она точно знает, что произнести он сейчас ничего не сможет.

Ей кто-то казался на него похожим? Или на тот романтичный образ из ее собственной сказки? В ее воспоминаниях и домысленных за прошедшие годы деталях он был недостижимо красивым, совершенным, практически идеальным... Так что же, в таком случае, сейчас перед ней находится? Да на него же смотреть страшно — настолько все это настоящее, мужественное и броское. И явно без нее не погибшее. Злое, опасное и... ну что — ей в обморок падать прямо посреди этого пыльного тротуара? Или чего он хочет сейчас дожидаться, уставившись прямо ей в лицо?..

— Здесь бар на втором этаже, — первой опустила она взгляд. — Давай зайдём, если хочешь, — и, обойдя застывшего Давыдова, скрылась за колоннами.

У Данила закружилась голова — такой огромной была порция втянутого им наконец воздуха. Элли Грейс... Он же все правильно расслышал? И все четко увидел еще со спины. Идеально гладкие волосы, поправленные таким спокойным жестом, приталенный брючный костюмчик явно не для прогулок по здешним улицам, ультрамодные кожаные ботинки вместо тех легких летних сандаликов... Она так уверенно шагает перед ним, оставляя за собой

шлейф запаха дорогих духов, и так прекрасно ориентируется в расположении гостиничных баров!

Что ж, отлично, что он все это увидел! Видимо, сама судьба распорядилась показать ему тот самый «идеал» перед предстоящими переменами в жизни. Он не ошибался, считая, что она его тогда продала! Променяла на шикарные гостиницы, тряпки и иностранные делегации. На золотые серьги в проколотых ушах и уродливую сумочку в форме небольшой коробки. Он будет наконец свободен с сегодняшнего дня. Вот с этого самого момента, когда выскажет ей все, чего она заслуживает, забрав у него столько лет полноценной жизни!

Элина выбрала столик в самом дальнем от входа углу, просто чтобы пройти еще хотя бы несколько шагов, чтобы подольше не оказываться с ним снова лицом к лицу, и, опустившись на стул, не могла заставить себя на него посмотреть.

— А ты процветаешь, я смотрю? — с презрением на нее глядя, сказал усевшийся напротив Давыдов. — Отели, курорты. И поездки за границу, скажи? Магазины чековые. У нас здесь есть, даже два! Один совсем недалеко, «Черноморочка» называется...

Кто такая черноморочка, о чем он говорит?.. Элина все еще не отошла от первого шока, не понимала вообще ничего из сказанного и, лишь постепенно обретая возможность воспринимать информацию, пыталась уловить в его фразах хоть какой-то смысл. Этого никак у нее не получалось.

— ...И, наверное, лайнеры круизные. Стамбул там, Афины! Это ж не по общагам офицерским таскаться, правда?! — Данил продолжал свою обвинительную речь, все больше расходясь от ее смущенного вида и полной безответности. Ну а что она может ответить? Все же очевидно! Пусть даже выглядит она не вызывающе, и ресницы виновато опущены, но они же все равно у нее накрашенные! И так манерно научилась она курить, держа тонкую ментоловую сигаретку в пальцах с отличным маникюром...

Он на секунду замолчал, остановив взгляд на этих нервных пальцах, и, воспользовавшись паузой, она коротко на него взглянула:

— У тебя есть семья?

Вот это было уже вообще интересно! Данил разве что не рассмеялся в это наглое лицо. Человек с фамилией Грейс спрашивает, есть ли у него семья!

— Конечно! — уверенно ответил Давыдов. — А что, не должно быть?!

Она явно сникла, снова посмотрев вниз, а разве Данил сказал неправду? Разве его родители и Светка — не его настоящая семья?

— По-твоему, я все это время должен был по тебе страдать? Ждать, когда ты на белых «Волгах» накатаешься?

— На «Ягуарах».

— Что?.. — он забыл, что еще хотел сказать, когда она резко вскинула на него глаза. Огромные, черные и нахальные. Они были точно такими же!

— На «Ягуарах» я люблю кататься. У меня был оранжевый в Лондоне, теперь как раз белый думаю взять. И круиз по Средиземному морю, давно в Стамбуле не была! — она щелкнула застежкой сумки и, в секунду выхватив несколько купюр, швырнула их на стол прямо перед носом притихшего Давыдова: — Возьми! Здесь дорого. Чтоб семья не разорилась!

Данил даже вскочить с места не успел, так быстро она мимо него пробежала, а когда повернулся ей вслед, она уже скрылась за дверями бара.

— Эля!

Он произнес ее имя вслух впервые за эти девять лет. Девять лет и два с половиной месяца. И звук ее имени, так внезапно и легко прозвучавший, будто включил что-то внутри, мгновенно развеяв туман в его голове. Она только что была здесь. Эля сидела прямо напротив. Она каким-то чудесным образом оказалась в Севастополе и снова исчезла! Он в панике озирался, уже оказавшись на улице и не зная, в какую сторону за ней броситься.

Обогнув фасад гостиницы, Данил выскочил к набережной и, вцепившись руками в ограду, уставился на живописный морской пейзаж. Он закрыл глаза, пытаясь восстановить дыхание, но лишь сильнее впивался пальцами в металлические прутья. Да она же невероятная... Он так много раз вспоминал ее полудетский образ и представить себе не мог, какой она может стать в будущем. А разве можно было это представить? Этот матовый загар нежной велюровой кожи, глянцевый блеск черных прямых волос, в которых переливался свет ламп, когда Данил шел за ней через вестибюль гостиницы... Как необычно выглядят ее миниатюрные серьги со свисающими

тоненькими цепочками, и как же хорошо он помнит, насколько мягкий хрящик в этих аккуратных прижатых ушках. Она словно экзотическая статуэтка в своем приталенном костюме и немного бандитских ботинках...

Данил будто бы пленку перед глазами прокручивал, на которую его оглушенное сознание записало все детали ее нового образа. Что он вообще здесь делает, как возле этой решетки оказался? И где его сумка, например?.. Наверное, осталась в баре. Какого черта он рванул на улицу? Он бы точно ее догнал, если бы она выходила из гостиницы! Она же там живет и, значит, должна быть в своей комнате! Развернувшись, он помчался обратно в полной готовности разнести стойку администратора, если ему откажут сообщить, какой у нее номер.

***

Выхватив из шкафа чемодан, Элина швыряла в него все, что попадало в поле ее зрения: сдернутые с вешалок вещи, туалетные принадлежности, фен, пакеты с бельем... Впрочем, фен — собственность гостиницы, тем более в чемодан он уже не лезет. Вообще ни хрена не лезет в этот чемодан, как только она туда все это вмещала!.. Не замечая собственных действий, она лихорадочно стянула пиджак и брюки, бросив их в ту же кучу и безуспешно пытаясь утрамбовать свое имущество.

Фантастика просто! Припереться сюда, дождавшись наконец шанса, доказать стольким людям, что именно она наилучшая кандидатура для сопровождения высоких гостей в этом идиотском турне, насочинять вранья на каждом из этапов своего великого пути и собираться, подобно героическим декабристам, отправиться за любимым чуть ли не за полярный круг... Напороться на него посреди улицы в первой же точке намеченного маршрута, прослушать информацию о каких-то черноморочках и быть посланной по известному адресу в связи с тем, что место рядом уже занято и отбор на роль декабристки давно окончен.

Вот и замечательно, она же именно этого хотела! Убедиться, что мучается абсолютно нереальными, ею же придуманными надеждами, и сказка про прекрасного принца осталась в далеком прошлом. Тоже еще принц! Она зло усмехнулась, вспомнив его презрительную гримасу и назидательный тон. Он же типичный закомплексованный

провинциал, гордый оттого, что дальше своего вольера ни разу в жизни носа не высовывал! Да пожалуйста — оставайся в своем свинарнике пожизненно, у нее есть занятия поинтереснее, чем мотаться по свету за какой-то жалкой деревенщиной... А куда она, собственно, сейчас собирается?..

Эту мысль Элина закончить не успела, услышав громкий стук в дверь. Черт, она не одета, а номер у нее не заперт!

— Одну минуту! — крикнула она, подходя к двери, не в состоянии сообразить, что на себя надеть, поскольку ее шкаф был абсолютно пуст.

Но ручка вдруг резко повернулась, и, увидев входящего Давыдова, она мгновенным встречным движением навалилась на дверь изнутри, всем весом выталкивая его обратно.

Данил успел втиснуть ногу в дверной проем, не дав ей захлопнуть дверь, и легко распахнул ее со своей стороны.

— Эля, послушай! — ввалился он в ее номер, но она уже была в комнате, отбежав в самый дальний угол к стоящему у окна столу, и, повернувшись к Данилу спиной, всем своим видом выражала нежелание даже взглянуть в его сторону.

Он забыл, что именно приготовился сказать, уставившись на ее нервно переступающие на одном месте ноги в тонких черных колготках. Длинная белая блузка спускалась до самых бедер, которые были не просто стройными, а какими-то прозрачными и, казалось, неосязаемыми. Она, похоже, еще больше похудела за эти годы и стала меньше ростом... Хотя, конечно! Он же вырос на пару сантиметров уже после девятнадцати лет...

— Послушай...

— Ну, я слушаю! — нетерпеливо встряхнула она немного спутанными волосами. — Говори быстрее, что тебе надо? Я уйду, меня ждут!

— Подожди... — вдохнув, Данил пытался сосредоточиться. — Пожалуйста, выслушай меня спокойно. Это все неправда... то, что я говорил, это просто...

— Шутка. Я поняла! Если это все, ты можешь быть свободен! — не в силах справиться с собственными нервами, она схватила телефонную трубку и, покрутив на аппарате диск, резко к Данилу повернулась. — Меня ждет муж. Внизу. О, Стив! — сказала она

раздающимся в трубке гудкам, изобразив на лице счастливую улыбку. — Хай! Айм реди!

Она смотрела Данилу прямо в лицо, и ей нужно было сказать еще хоть что-то, но ни одного английского слова она вспомнить не могла, будто со стороны слыша свой новый рязанский акцент и сама ужасаясь произносимым ею звукам:

— Вейт ми, хани! Ай гоу! — она решительно положила трубку. — Все, ауфидерзейн! — указала она Давыдову направление движения. — Там жена уже соскучилась!..

— Какая жена, Эля! Нет у меня никакой жены!

— Ага. Испарилась! Все, до свидания...

— Секундочку! — тем же раздраженным тоном прервал ее Данил. — Ты штаны не хочешь надеть?! Прямо так к нему поскачешь?

— А тебе какое дело?!..

— Да никакого, все отлично! Он будет в восторге! — захлебываясь от ярости, Давыдов вылетел в коридор, и, ему показалось, вздрогнула стена — с такой силой захлопнулась за ним дверь и мгновенно провернулся запираемый изнутри замок.

***

Несколько мгновений Элина смотрела на закрывшуюся дверь и, не в силах больше сдерживать захлестывающих ее эмоций, бросилась в комнату, упав лицом в подушку, чтобы ее истерики не было слышно на весь этаж.

А ведь это уже происходило однажды! Она уже выгоняла его вот так, когда он пытался что-то ей объяснить, а потом точно так же рыдала, мечтая лишь о том, чтобы он появился снова. В прошлый раз она в итоге пришла к нему сама, а теперь куда ей идти? В адресное бюро, а потом явиться прямо домой? На радость дружному семейству? Какая же она дура. Точно как девять лет назад. Ни капельки же не поумнела!..

И как девять лет назад, полежав и вволю нарыдавшись, она почувствовала, что пора бы вернуться в сознание. Бар еще работает, и успокоительное там весьма действенное. Она приведет себя в порядок и что-нибудь обязательно придумает.

Умывшись холодной водой, Элина решила, что заново краситься не будет. Для кого, если он давно ушел? Она просто выпьет немного, чтобы прийти в себя... А лучше много, чтобы уснуть сегодня, а завтра,

когда наступит следующий день, начать мыслить в новом направлении с учетом того, что ехать ей больше никуда не нужно.

Достав из кучи сваленного в чемодан барахла и надевая те же брюки, она даже блузку в них заправлять не стала. Ей дойти-то всего до второго этажа.

Однако, выйдя из комнаты, она замерла у двери, сраженная увиденной картиной. Данил сидел прямо в гостиничном коридоре под стеной, положив руки на согнутые колени и спрятав в них лицо. Сколько времени уже прошло? Он что, вообще не уходил?..

— Эля! — поднялся он на ноги, оказавшись прямо перед ней. — Ты что, плакала?.. Я прошу, не прогоняй меня. Давай поговорим с тобой спокойно...

— Да... Да, давай. Поговорим... — она отступала спиной вперед вглубь своей комнаты, и он неуверенно шел за ней, стараясь сохранять дистанцию.

— Я хотел сказать, что... В общем...

— Потом, — вдруг решительно посмотрела она ему в глаза, резко остановившись. — Потом скажешь, — Эля неожиданно взяла его за руки и, потянув на себя, перехватила за плечи. — Хватит уже!

Золотая цепочка, намотанная вокруг ее шеи в два оборота — последнее, что зафиксировал он на сознательном уровне, когда стаскивал с нее тонкую блузку, сваливая прямо на стол, не в состоянии уже ни секунды потратить на то, чтобы переместиться на кровать. Ее модные брюки были сдернуты практически вместе со всеми нижними слоями одежды, она вскрикнула от первого же его толчка, после которого больше не осталось для Данила ничего, кроме этого горячего сгустка, который снова трепетал под ним и извивался.

Не нужно было больше никаких прелюдий и никаких слов. Его тело, его руки и губы помнили каждый квадратный сантиметр этой бархатной смуглой кожи, он мгновенно узнавал каждую родинку на ее нежном, гибком теле, и ему снова казалось, что ее не хватает, ее катастрофически мало по сравнению со всей силой его желания.

Он все же сделал попытку остановиться в конце первого, совсем короткого раунда их энергичного общения, но Эля, тоже не в силах его выпустить, прижалась еще сильнее, явно протестуя против прерывания с ним контакта и окончательно лишая его способности свои действия контролировать. И он перестал контролировать. И так

легко, так естественно сбывались все мечты, и становились реальностью самые смелые фантазии... Он перестал думать о чем-либо вообще, полностью отдавшись силам природы, с которыми было абсолютно бесполезно бороться...

Глава 14

Когда раздался телефонный звонок, Ленка уже собиралась улечься в постель, не в силах больше изображать заинтересованность в совместном с благоверным супругом просмотре вечерних новостей. Она была снова близка к тому, чтобы начать к Мише придирааться без всяких на то причин. Он раздражал ее своим спокойным тоном, своим домашним видом в разношенных тапках и потасканной майке, своей привычкой лениво потягивать пиво вприкуску с сухариками из черного хлеба под неизменный треп телеведущих. Когда уже начнутся у них какие-нибудь учения или проверки, чтоб ее дорогой муж не торчал дома все выходные! И не надо было бы притворяться счастливой беззаботной женой в то время, когда просто выть хочется. От бессилия перед собственными нелепыми, никому не нужными чувствами, от совершенно неуместной ревности и понимания, насколько все это отвратительно, пошло и неоригинально.

Впрочем, ее сегодняшнее удрученное состояние не с ревностью связано. Точнее, не только с ревностью, а еще и с реальной перспективой распрощаться с источником своих страданий навеки. Надо бы радоваться Ленке новости о том, что их особенный доктор всерьез собрался уйти из больницы после очередного скандала с жалобой от оскорбленных его хамством коллег. А выть все равно хочется.

Сколько раз просила его Ленка думать хоть капельку перед тем, как выдавать свои бесподобные шутки по поводу их криворукости, особенно в присутствии медсестер и санитарок! Но разве станет он ее просьбы слушать? Особенно имея предложение о постоянной работе в Западной Германии, и, похоже, вовсе не единственное.

А Ленка и не сомневается в проворстве иностранных клиник, которые явно отслеживают и с радостью принимают действительно стоящих специалистов. И наверняка не приходится переехавшим туда врачам считать, сколько литров бензина можно купить на свою зарплату, и по благу договариваться с торгашами о том, чтобы хоть за полцены отдавать в магазины нескончаемые коробки конфет и бутылки с алкоголем. Только он не станет о таком договариваться, даже если с

голоду будет умирать, ему и предложить это язык не повернется! Он ведь вообще не способен мыслить как нормальный, благоразумный человек. Он зальет полный бак в свою машину, как только получит смехотворный аванс, а через три дня обнаружит, что ему уже не на что купить сигареты. И так смешно ему от этого будет, так весело... Он и машину-то дорогущую за границей купил сразу на все заработанные там деньги. Подумаешь, дома теперь жрать нечего. Есть же коньяк, который можно отхлебывать поочередно из горла каждой стоящей в шкафу бутылки, да и Ленка есть, и еще целый отряд преданных поклонниц, которые точно не дадут пропасть! А еще старенькие санитарки их отделений, с которыми он поразительно вежлив и тактичен. Они обожают его пуще сына родного и без конца таскают из пищеблока обеды, следя, чтобы он вовремя подкрепился.

Теперь его, похоже, интриги бездарных, но обидчивых коллег по-настоящему достали. Ленка прекрасно его понимает и абсолютно согласна с тем, что он вообще для жизни в этой системе не приспособлен, он просто сопьется здесь со временем, опустится, как многие знакомые ей талантливые люди. Задохнется в беспросветной бытовухе, не в состоянии реализовать из-за всеобщей уравниловки, из-за общественного порицания образа жизни и поведения, которое не вписывается в установленные правила. Все разумные доводы за то, что ему нужно отсюда уезжать, но у Ленки что-то умирает внутри, что-то мучительно скручивается в комок при одной мысли о том, что все станет так же, как до его приезда. Новорожденные дети будут появляться на свет, она будет принимать их из чьих-то чужих и холодных рук... И не нужно будет больше задерживаться после смены, и сердце не будет больше выпрыгивать каждый раз от звука неповторимого низкого голоса в коридоре родильного отделения...

А он ведь ни на секунду не задумался о том, что она чувствует, узнав о его намерении уехать. Она для него не является хоть сколько-нибудь значимым аргументом в принятии этого решения. Таких, как она, у него только здесь, наверное, с десятков. А сколько еще будет... В той же Германии, например! И наверняка помоложе и поинтереснее!.. И только Кирочки Черновой с ее предсвадебным умопомешательством Ленке сейчас не хватает в телефонной трубке!

— Лена, ты не знаешь, Данил дома? — елейным голоском спросила у Ленки подруга, будто бы Стельникова приставлена за ее

милым Данилкой следить. — Может, у него телефон не работает, я не могу дозвониться. Я волнуюсь, Лена, ты могла бы спуститься? Мы договаривались увидеться вечером, но он не отвечает...

— Хорошо, сейчас! — поспешно ответила Ленка, только чтоб поскорее от Киры отвязаться и, положив трубку рядом с аппаратом, направилась из квартиры.

Спускаясь по лестничному пролету, Стельникова уже поняла, что порадовать Кирочку ей будет нечем. Отчаянный вопль голодного кота раздался из-за двери, стоило тому лишь расслышать шаги в подъезде. Хорошо, что у Ленки еще со старых времен есть запасной ключ от давыдовской квартиры как раз для таких случаев, о которых в последнее время она уже и не вспоминала. Но и Давыдов обычно находил возможность позвонить Ленке и попросить покормить его питомца, если решал куда-нибудь на ночь завезься. Ленка все, конечно, понимает, но за две недели до свадьбы такие номера выкидывать, пожалуй, чересчур! Какие же они все сволочи, эти чертовы кобели! Бесчувственные, бессовестные твари!..

— Да ладно, Кира, не заморачивайся! — как можно более веселым тоном старалась успокоить ее по телефону Ленка. — Они же в спортклуб сегодня с Магриповым ходили, потом, небось, сауна по плану, ну ты знаешь...

— Арсен еще днем вернулся, Лена! — все больше беспокоилась Чернова. — Ладно, я поняла. Надеюсь, ничего серьезного не случилось.

— Конечно, Кирочка! Что этим гадам сделается!

Ну не хотела же Ленка этого говорить, просто с языка сорвалось! Да и ладно, Кирюхе не привыкать, а Ленка хоть так выплеснет то, что внутри накипело. А кота она, пожалуй, заберет к себе. Чтобы был повод зайти потом к дорогому Данилке и высказать лично все, что она о нем думает! И о нем, и не о нем, и обо всех этих свиньях вместе взятых! Один только Миша Стельников — образцовый семьянин. Точит сухарики, запивает пивком и никуда из дому не девается. Прибила бы, честное слово!..

***

Эля приподняла колени, лежа затылком на его плече, Данил подсунул под них бедро, и она сразу расслабилась, уютно расположившись. Он уже не удивлялся тому, как это естественно, без

всяких слов, получается, будто бы не было долгих лет между той панцирной сеткой с фанерной дверью и этой удобной кроватью ее гостиничного номера. Сколько часов прошло с момента, когда она так просто поставила все на свои места, прекратив их бессмысленные попытки что-либо друг перед другом изображать? И сколько раз за эту ночь она уже посетила ванную, безрезультатно пытаясь хоть там от него отвязаться? Он не считал. Она больше не отвязется.

В гостиничной ванне вдвоем сидеть было тесновато, зато там ее волосы от влажного воздуха стали точно такими же, как когда-то на море — спутанными и пушистыми, и она так же злилась на то, что они без конца лезут ей в лицо. Он потом ее причешет, когда сможет спокойно рядом с ней находиться, а пока он только узнал, что же случилось тогда в Геленджике, и почему она так неожиданно исчезла.

И так легко все объяснялось, и ничего не произошло непоправимого — у нее просто не оказалось выбора. А не позвонила она потому, что забыла номер его телефона. Ну и кто он после этого? Куда лучше было бы, как предлагал разумный Лагунов, приехать в Краснодар и перетрясти там все школы, чем гибнуть от несчастной любви и годами пытаться убить в себе чувство, которое может умереть лишь вместе с ним самим, теперь Данилу это окончательно ясно.

Сейчас она устала, и он даст ей, пожалуй, время вот так расслабленно на себе полежать. Данил чувствует, что может наконец подумать о происходящем и спланировать хотя бы предстоящий день, который наступит уже скоро и будет первым днем совсем другой, совсем новой жизни, которая больше без нее невозможна.

Снова прижавшись губами к ее пушистым волосам, Данил закрыл глаза, и первая же мысль, пришедшая ему в голову, была о том, что рядом с Кирой Черновой после этой ночи он сможет лечь только в бессознательном состоянии. Под общим наркозом, например, или вследствие травм, несовместимых с жизнью. Предстоящий разговор с благородным семейством контр-адмирала и отмена свадьбы — задача ближайшая и совершенно Данила не пугающая. Здесь все для него предельно ясно, и никакие последствия ничего не изменят. Так же, как ничего не изменит наличие законного мужа по фамилии Грейс, который до сих пор почему-то не появился. Пусть бы уже появился. Сам, чтобы не нужно было тратить время на его поиски с целью объявить, что мужем он больше не является. Данил уверен, что сможет

быть достаточно убедительным и без веских аргументов из разряда физической нейтрализации. Уж на своей территории с каким-то там Грейсом он точно разберется. Детей у них, похоже, нет, а если бы даже были, это потребовало бы дополнительных организационных действий по их переезду в Севастополь, только и всего. Хоть сразу шестерых — это вообще не то, о чем он стал бы беспокоиться.

Главную проблему в сложившейся ситуации представляет сама Эля. Данил прекрасно ее знает. Если объявить прямо сейчас, что ее блистательная карьера столичного переводчика завершена, и Севастополь — конечный пункт всех ее путешествий, это ничего, кроме желания противодействия, у нее не вызовет. Диктовать ей что-либо не получится, и у него, похоже, всего несколько дней на то, чтобы она сама сделала правильный выбор. Данил все равно ее никуда больше не отпустит, хватит этих игр в благородство и разумное планирование. Однажды он уже собирался сделать все грамотно и поэтапно, и чем это закончилось, сколько лет жизни он потерял? Второй раз он такого не допустит и очень надеется, что крайних методов здесь тоже не понадобится. Хотя будет, конечно, непросто...

Она привыкла совсем к другой жизни и к другой обстановке, это ясно с одного беглого взгляда. И та ее фраза про «Ягуары», похоже, вовсе не выдуманная на ходу небылица. А у него даже машины нет! Вообще никакой! Замечательный вопрос: почему у него до сих пор нет машины, как он вообще живет, на что вся его непритязательная жизнь похожа, и как Эле это может понравиться? Если бы они находились сейчас хотя бы в Киеве, там можно было бы ее чем-то впечатлить! Да, конечно... наличием у него ребенка, например! Такого неслабого доведка ко всем имеющимся достоинствам! И Эле нужно будет об этом сказать, она ведь все равно узнает, и неизвестно, как ко всему отнесется.

Однако как бы она ни отнеслась, Светка останется пока в Киеве. На какой срок — Данил решит позже. На длительный. Пока окончательно все не успокоится. Он все равно не в состоянии пока о дочери думать, и абсолютно честно может себе признаться: если бы он знал, что через столько лет снова встретит Элю, у него не было бы никакой дочери. Светка еще и разбалованная, привыкшая быть центром всеобщего внимания, а иногда и несносная в своих капризах, которым все потакают. Не хватало еще, чтобы она стала выкидывать

свои фокусы перед Элей... Так что пускай любящие бабушка с дедушкой и дальше придумывают для милой внучки увеселительные аттракционы и исполняют все ее желания, они только рады этому будут. У Данила и без Светки вопросов выше крыши...

Он, наверное, отключился на минуту и, почувствовав нежное прикосновение к своей щеке, обнаружил, что Эля, приподнявшись на локте, внимательно изучает его лицо.

— Ты не спишь? — улыбнулся Данил, взяв ее руку и целуя в ладонь.

— Не сплю. Вдруг проснусь — а тебя уже нет. Боюсь закрывать глаза!

— Правда?!

— Нет! — откинулась она на подушку, уставившись в потолок. — Я просто сдыхаю с голоду и не могу уснуть. У меня из еды здесь только кипятыльник. Бар — и тот уже закрылся, и в вашей дыре точно ничего ночью не работает! Ты пока в коридоре без толку сидел, не мог сбежать купить чего-нибудь?

— Я не прав, признаю! — выдохнул Давыдов, узнавая свою ворчливую красавицу и решаясь озвучить сразу же пришедшую в голову идею: — Но я знаю, как все исправить. Есть одно место совсем недалеко, где полно еды прямо сейчас.

— Интересно...

— Всего семь минут на такси. Подъем! Ты, я смотрю, даже вещи не разбирала. И очень правильно, кстати, сделала.

— В смысле, вещи?..

— В том смысле, что с вещами на выход! Домой поедем, — он встал с кровати и сразу начал одеваться, но Элина, все еще сидя на постели, не двигалась с места. — Чего сидим?

— Ты что, издеваешься? — не верила она в происходящее. — Твоя жена уехала куда-то, что ли, из общаги вашей?

— Так... — вздохнул Давыдов, снова присаживаясь рядом с ней на кровать. — Еще раз. Я не женат. Я живу один, в нормальной квартире. Не может у меня быть никакой жены, неужели это непонятно?! Правда, невеста у меня есть, — он взял с прикроватной тумбочки свои часы и, перед тем как надеть, посмотрел на циферблат, — и еще часов семь, как минимум, будет. Это честно.

— И как ее зовут, невесту твою?

— Кира. Какая разница? Ты есть вообще хочешь или нет?

— Это ты ее имел в виду, когда про семью мне рассказывал? — продолжала Эля допрос, упорно не желая подниматься.

— То, что я рассказывал, забудь вообще! — глядя в лицо, сказал ей Давыдов. — И вовсе не ее! Семья и жена, а тем более какая-то невеста — разные вещи! Родители — тоже семья, согласись.

— Так ты опять про мамочку с папочкой? — криво улыбнулась Элина, не оставляя ему выбора.

— Не только, — опустил он взгляд, будто бы чувствовал себя в чем-то виноватым. — Еще про свою дочь. Ей два с половиной года, она живет сейчас в Киеве, с моими родителями. Я все тебе расскажу. Просто... — снова поднял он на нее глаза, — я не смог бы по-другому тебя дождаться! И раз уж мы об этом говорим, скажи, где твой муж? Ты же понимаешь, что твоим любовником я быть не собираюсь.

— И что, мне теперь разводиться, что ли? — постаралась она изобразить удивление, но сдержать улыбку у нее не получилось.

— Что это за вопрос, Эля?! — не понимал Данил ее беспечного выражения лица. — Что за отношение? Тебе еще чего-то не хватило?!

— Да тихо, тихо! — прервала она набирающий обороты поток возмущения. — Хватило! И поэтому я что? — скосила она таинственно свои черные глаза и, не дожидаясь, пока Давыдов угадает, торжественно сообщила: — Уже развелась!

— Когда, интересно? Этим вечером, по телефону?

— Нет, еще полтора года назад. В Англии.

— В Англии, — повторил Давыдов, серьезно на нее глядя. — Полтора года назад. Развелась.

Элина весело кивнула и сказать больше ничего не успела, так быстро он свалил ее на подушку, щекотно целуя в шею:

— Ты ж моя умница!

— Да, как видишь, я получше подготовилась, чем ты со своей невестой! — она решительно его от себя оттолкнула. — Так что давай, вези меня кормить. Чемодан этот здесь пока оставим, я не могу сейчас его собирать, просто возьму кое-что...

— Ерунда. Одевайся, я соберу! — встав с кровати, уверенно подошел Давыдов к сваленным в кучу вещам. — Зачем что-то в нем искать, если быстрее просто забрать все. Так. Фен принципиально из

гостиницы тырить? Если что, у меня дома есть, мама когда-то оставила.

— Ага, мама! — закатила Эля глаза, отправляясь в ванную. — Кого ты лечишь...

Она одевалась, искала что-то в карманах, потом шла по коридору гостиницы, а Данил не мог отвести от нее взгляда, держась немного сзади и ни на секунду не выпуская из поля зрения. До чего же симпатично сидят эти необычные, почти облегающие джинсы на ее стройных ножках, обутых в те же грубоватые ботинки, как небрежно набросила она замшевую куртку прямо на тонкую майку... Инопланетянка! Маленькая интервентка из другого мира, в который ее временно от него отбросило. Впрочем, она всегда такой была. Необыкновенной, ни на кого не похожей, специально для него придуманной!.. Он продолжал говорить ей об этом, усевшись рядом на заднем сидении такси, и не в силах остановить своих приставаний. И как раньше, она от него отпихивалась, возмущенно шипя, что таксист на них смотрит. Да пусть хоть весь таксопарк смотрит, хоть весь мир — Данил впервые за девять с лишним лет абсолютно счастлив, утаскивая ее в свое логово и точно зная, что больше с ней не расстанется...

Ленка даже не надеялась уснуть этой ночью, терзаемая мыслями о безысходности собственной любовной драмы, и, услышав шум подъехавшей под окна машины, сразу догадалась, кто именно мог пожаловать домой в это время. Вариант в их подъезде был только один.

Однако к тому времени, когда она подошла к окну на кухне, чтобы по старой привычке оценить состояние выходящего из такси Давыдова, машина уже отъезжала, так быстро он успел войти в подъезд.

Не с Ленкиным чутьем и не с ее любопытством было просто вернуться в кровать. Она быстро переместилась к входной двери и, бесшумно ее приоткрыв, прислушалась к звукам на лестнице. Да что там было прислушиваться! Возгласы веселья и характерной возни раздавались на весь подъезд. Давыдов приволок в квартиру очередную девку, не считая нужным даже вести себя в доме прилично! Это уже всякие границы переходит. Ленкино сочувствие и понимание его поступков окончено. Как их вообще можно понимать, этих животных,

у которых один-единственный орган рулит всем процессом жизнедеятельности!..

***

Ободранная тумбочка в прихожей, доставшаяся от Стельниковых еще при его заселении, и кое-как брошенные возле нее старые кроссовки — первое, на что наткнулся взглядом Давыдов, впустив в прихожую Элину и включив свет. Почему он не видел этого раньше? Почему не замечал мелочей, создающих картину убожества и запущенности его жилища?.. Стоя перед ней и загораживая проход в коридор, он лихорадочно вспоминал обстановку каждой комнаты с целью определить, куда Элю безопаснее всего сейчас пригласить, чтобы свести к минимуму хотя бы первое ее впечатление от этого бесподобного антуража, и охватившая его накануне эйфория быстро сменялась нарастающей паникой.

— Не обращай внимания на бардак... — подсунул он ногой поближе к стене валяющиеся в прихожей кроссовки и, заметив, с каким мрачным выражением она на него смотрит, виновато отвел взгляд: — Что, все так плохо, да?

— Не «Хилтон», — глухо и коротко отозвалась Элина.

— Понимаю... Обычно у меня лучше. Просто я с утра на тренировку собирался, поэтому...

— Где еда?! — окончательно потеряв терпение, угрожающим тоном перебила она эти невнятные оправдания, выжидательно глядя прямо ему в лицо.

— А, да... Там! На кухне!

— Так, с дороги! — решительно оттолкнула она Данила в сторону, сразу же найдя нужное направление.

Ему оставалось только проследовать за ней, все еще боясь поверить в происходящее. Можно ли было представить себе еще прошлым утром, что вернется он домой уже с Элей, и она будет вот так по-хозяйски орудовать в его холодильнике!

— Давай я быстро разогрею что-нибудь...

— Руки! — легонько шлепнула она его по пальцам, когда Данил попытался ей помочь. — Тааак! — взяла она с полки стеклянный лоток и, приподняв крышку, с наслаждением втянула запах. — Салатик Кирочка крошила? Молодчинка просто, хозяйюшка наша. А здесь у нас что? — Эля выдвинула из-под морозильной камеры пластмассовый

поддон. — Вау! Вот пельмешки она точно для меня налепила! Чего ты стоишь здесь, ставь кастрюлю на плиту! — не понимала она восторженного выражения на лице наблюдающего за ней Давыдова. — Ты не знаешь, что такое кастрюля? Нееет! — сощурилась она, уловив смену его настроения по опускающимся будто бы под тяжестью темных ресниц векам. — Даже не думай! Без Кирочкиных пельмешек устройство больше не работает.

Однако не смогло отвертеться от уже распаленного Давыдова это устройство, выгибаясь и вскрикивая прямо на удобнейшей по высоте столешнице, где он расположил его в перерыве между мгновенно съеденным салатом и моментом закипания в кастрюле воды. Он искренне хотел дотерпеть до спальни, позволив ей спокойно поесть, но с таким аппетитом она этот салат жевала, закатывая от удовольствия глаза, так блаженно стонала, выражая одобрение кулинарным способностям Киры, и раскрывала веером тонкие, гибкие пальчики... Да и поговорить потом получилось без лишних эмоций во время их первого совместного ужина, кратко описав ей настоящую историю появления Светки. Или это был уже завтрак? Все равно. Данил сам накалывал на вилку горячие пельмени и, подув и обмакнув в сметану, кормил свою проголодавшуюся малышку, чтобы она не отвлекалась от параллельного намазывания на хлеб крабовой пасты. И совершенно спокойно, без всякого удивления она восприняла рассказ о появлении у него ребенка. И еще несколько часов оставалось впереди до рассвета, и таким нереально огромным было его новое счастье!

***

Данил не сомневался, что названивать ему начнут с самого утра, и предусмотрительно отключил телефон, чтоб украсть у надвигающегося дня еще немного времени и оставить лично себе это утро в одной с ней постели.

Как же можно было его пропустить? Внезапно проснувшись, Эля резко подняла голову, уставившись на плечо, где только что располагалась, потом перевела испуганный взгляд на лицо улыбающегося ей Давыдова и, расплываясь в ответной улыбке, легла на него снова. Вот так она просыпаться теперь и будет. И как ни протестовала она, лениво потягиваясь и явно собираясь еще подремать, а повернуться к нему своей гибкой узкой спинкой ей все равно пришлось.

Она всегда напоминала Данилу с утра податливый, разогретый пластилин, и отказаться от нее в это время он был не в состоянии. Она точно так же прогибалась, под него подстраиваясь, подставляя упругие грудки под ласковую ладонь, и так же быстро твердели ее чувствительные сосочки, и уже невозможно было двигаться медленнее, растягивая удовольствие находиться у нее внутри, где так плотно, так горячо и влажно, как именно ему и нужно! Она всегда чувствовала наступающий финишный момент и замирала, и дразнилась, пытаясь с него соскользнуть, заставляя прижимать ее к себе, захватив поперек живота и практически обездвиживая, чтобы толкать уже, не сдерживаясь, во всю мощь своей неуправляемой страсти.

— Люблю тебя, девочка моя маленькая, — шептал ей Данил на ухо, еще не отдышавшись. — Я никуда тебя больше не отпущу, ты слышишь?..

— Слышу, — улыбаясь, ежилась она от прикосновений его ласковых губ, — ты же в самое ухо мне говоришь. Ну все, перестань, ну хватит... Отпусти, я в туалет хочу!

Засмеявшись, Данил разжал руки, выпуская из ее постели. Романтика — явно не ее конек, ничего со временем не изменилось. А он хотел бы, чтобы она стала другой? Да ни за что на свете!

Возвращаясь в комнату, Элина остановилась в коридоре, услышав, что Данил поздоровался с кем-то по телефону. Приблизившись к двери и став так, чтобы ее не было заметно, она внимательно вслушивалась в разговор.

— Да, Кира, я это понимаю и прошу прощения. Скажи, ты дома до обеда? А родители? Отлично. Я зайду часа через два и хотел бы, чтоб они тоже были. Да, спасибо тебе. Мы не будем ничего сейчас обсуждать. Все при встрече.

Он положил трубку и, посмотрев на входящую Элину, поманил ее к себе, возвращая на кровать.

— Теперь ты должен взять ведро и пойти за водой, помнишь? — улыбалась она, с удовольствием разваливаясь на его широкой постели.

— Я все помню. Могу по секундам разложить, хочешь?

— Кофе хочу.

— Само собой! — с готовностью поднялся он на ноги. — Сахара две с половиной ложки и бутерброд с сыром.

Не меняя расслабленной позы, она показала ему большой палец, и Давыдов отправился готовить завтрак, не сомневаясь, что всегда будет делать это в выходные. Он легко справился бы с этим и каждый день, но слишком уж рано он уходит на службу, чтобы его любительница поспать находилась к тому времени в сознании. Что ж, спать она сможет сколько угодно. Ни о каком продолжении ее трудовой деятельности он даже думать не хочет. Ее основное рабочее место с этого дня — именно там, где она сейчас так свободно разбросала свои смуглые ножки, явно рискуя вместо завтрака дожидаться очередного комплекса утренней зарядки.

Однако Давыдов все же заставил себя сосредоточиться на предстоящем разговоре и, наверное, выглядел слишком серьезным, когда, уже одевшись, сел рядом с ней на диване в гостиной перед тем, как отправиться к Черновым.

— Ага, боишься? — улыбнулась Эля, чувствуя его напряженное состояние.

— Да, я боюсь, — неожиданно признался Давыдов. — Я боюсь, что пока меня не будет, снова что-нибудь случится. Но я хочу закрыть этот вопрос. Потом мы все с тобой обсудим и все решим. А сейчас просто помоги мне, ладно?

Эля кивнула, явно проникшись серьезностью момента, и Данил продолжил:

— Я очень прошу тебя никуда за это время не выходить и никому не открывать. Что бы там ни происходило, — показал он в сторону прихожей, — просто дождись меня. Телефон я отключу, чтобы он тебя не доставал. И я хочу, чтобы ты знала: нам больше ничего не мешает быть вместе. Вообще ничего! Лично я без тебя жить больше не хочу.

Глава 15

Проводив Данила до двери и в двадцатый раз поклявшись исполнить все инструкции, Элина послушно заперла дверь изнутри на два оборота, вернулась в гостиную и, снова свалившись на диван, забросила за голову руки, со счастливой улыбкой уставившись в потолок.

Ничего себе стремительность прорыва в тылы военной крепости! Еще вчера утром она собиралась начать долгий путь к утраченной когда-то любви, отправившись на поиски своего прекрасного принца, приготовившись к суровым испытаниям и неизвестно на что при этом рассчитывая, а сегодня, меньше чем через сутки, она уже в его доме, в его кровати, уже отжаренная им со всех возможных направлений, наряженная в его футболку, ждет, когда он снова появится, и собирается раскладывать в его шкафу свои вещи.

Как хорошо, что он сейчас ушел, она хоть подумать обо всем спокойно сможет, хоть осмотреться в этой его «нормальной» квартире, похожей на жилище разорившегося представителя русского дворянства, где из былой роскоши осталась только лепнина на потолке и новенький паркет. И кухонная мебель выше всяких похвал, уж не Кирочка ли ее выбирала? В остальном здесь, конечно, никакой «женской руки» не ощущается, и Элине это место откровенно нравится! Так просторно, так легко ей здесь дышится... Она еще собиралась предложить ему в качестве альтернативы офицерской общаге свою московскую однокомнатную «хрущевку», доставшуюся, как сироте, от государства? Она нигде себя не чувствовала настолько расслабленно и естественно, как сейчас на этом диване. Ни в Москве, ни в лондонском Ричмонде... И вовсе не в шикарном апартаментах здесь дело. Она помнит это состояние, которое только рядом с ним возникало, когда хочется просто вот так лежать и ничего больше не решать, ничем больше не заниматься, только находиться в теплом коконе его любви и заботы и просто ему принадлежать...

Однако Элина не в коконе, и в связи с их новой встречей жизнь вовсе не заканчивается. Что бы он ей сегодня ни сказал и что бы ни предложил, а ее драгоценная делегация уезжает из Крыма через

четыре дня, и в Москву возвращаться все равно придется. Но через четыре дня она расстаться с Данилом даже временно не готова, да и он вряд ли на такое согласится. Он сейчас отменит свадьбу, нарвавшись, судя по всему, на нехилый скандал, а она вместо того, чтобы его поддержать, сразу же умотает в Москву? Нет, она должна побыть с ним рядом, пока все окончательно между ними не решится. Она договорится в своем бюро переводов о двухнедельном отпуске и, когда группа будет возвращаться, передаст в Москву заявление. Она изначально планировала именно так и поступить, если бы точно узнала место службы Данила и поездка туда заняла бы у нее время. А через две недели все уже точно будет известно, да и вообще... Две недели — это так много!

Он, конечно, отключил телефон, но Элина прекрасно умела вставлять штекер в розетку и, насочиняв небылиц о необходимости задержаться в Крыму и оставив свои севастопольские контакты, без особых проблем обо всем с московским руководством договорилась. Она в отпуске не была со времени своего возвращения из Англии, боясь пропустить нужную ей командировку, почему им было Элю не отпустить? Там есть кому без нее работать, полно недавних выпускников самых престижных столичных факультетов, рвущихся делать карьеру. Элину же карьера совсем сейчас не волнует.

Гораздо больший интерес представляет исследование квартиры и содержимого выдвижных ящичков находящейся в ней мебели. Самая маленькая из трех комнат — детская, здесь никаких вопросов у Элины нет, и очень хорошо, что он решил еще до ее появления завести ребенка.

Она бы тоже хотела ребенка точно так же, как Данил, чтобы не чувствовать себя в этой жизни безнадежно потерянной и одинокой. И Стив ребенка очень хотел и расстраивался оттого, что забеременеть у нее не получалось, несмотря на все обследования и проведенные процедуры. У нее даже официальный диагноз есть, в Англии поставленный, но Элина и без него всегда подозревала, что бесплодна. Посмотреть только на ее фигуру с обхватом бедер как у мальчика-подростка... Она же до сих пор может полностью одеться в детском отделе, она никогда не была похожа на нормальную женщину! Ну и пусть... Зато Данилу она нравится, а дочка готовая у него уже есть! Вот только он ничего о ней Эле пока не рассказал, лишь то, каким

образом она у него появилась. Ну а что, Элина думала, он в первый же день предложит познакомиться с его дочерью? Нет, конечно... Она сама познакомится! Она наконец нашла то, что искала. В нижнем ящике шкафа в его гостиной, и никакой это не альбом, а просто аккуратно сложенные в коробку из-под обуви фотографии.

Снова расположившись на диване, Элина приступила к изучению снимков, на которых запечатлены моменты той жизни Данила, которая столько лет протекала без нее. И судя по сделанным кадрам — вовсе не безрадостной жизни! Целый ворох изображений застолий и пикников то в многочисленных, то в более узких компаниях, в обнимку с друзьями и подругами, некоторые из которых есть практически на каждом снимке. Его родители, на которых Элине смотреть трудно — яркие, явно уверенные в себе люди, и как хорошо с ними Данилу, чувствуется в каждом их совместном кадре.

И с дочерью ему хорошо. Он очень ее любит, не заметить это невозможно: взять хотя бы снимок, где он держит Свету на руках, и та упирается в его подставленный лоб своим, и так пристально смотрят они друг другу в глаза, и так они похожи! Она реально красивый ребенок, будто из рекламного буклета: золотистые кудряшки и, судя по всему, зеленые глаза, и эти ямочки на хорошеньких щечках... И у Киры — ямочки, и светлые вьющиеся волосы, и глаза небесно-голубые, с томно опущенными длинными ресницами... У Эли отчаянно колотилось сердце, она не замечала, как долго и как пристально смотрит на снимок, который Кира сама Данилу подарила: «С любовью, в твой день рождения», — подписала она эту прекрасную фотографию. А вот другая, где они вместе. Данил стоит у Киры за спиной и обнимает ее спереди, и столько спокойного достоинства в ее образе, и неудивительно. Она просто красавица! И он в военной форме... Так органично они смотрятся вместе, а сейчас Данил у нее, и его уже слишком долго нет!..

Дверной замок повернулся будто в ответ на ее мысли, Эля в панике сгребла разбросанные на диване фотографии и, кое-как запихав в коробку, успела вернуть ее в ящик.

Ничего хорошего Данил во время своего похода не услышал, это Эля почувствовала сразу по его нервному состоянию. Он старался, конечно, ей улыбаться и выглядеть спокойно, но после недавнего

скандала явно еще не остыл, без сил рухнув на диван, где на какое-то время застыл без движения, просто прислонив к плечу ее голову.

***

Он закрыл глаза, пытаясь переключиться и не думать больше о безобразном спектакле, который устроила ему дружная семейка Черновых в ответ на честное заявление о невозможности дальнейших с Кирой отношений и искренние извинения в связи с отменой свадьбы. В конце концов, две недели в запасе, можно в абсолютно нормальном режиме все решить, отозвать приглашения и аннулировать заказы, какой был смысл час орать о том, сколько всего уже сделано по подготовке великого торжества, и в присутствии родителей угрожать едва ли не руки на себя наложить из-за того, что в белое платье нарядиться не придется? Можно подумать, это могло бы пробудить у Данила какие-то к Кире чувства, кроме раздражения от ее бессмысленной истерики, которой подвывала находящаяся в полуобмороке мамочка.

Давыдов пытался поговорить с Черновым отдельно, пытался все объяснить как мужчина мужчине, но этим еще больше задел чувства обожающего свое оскорбленное чадо отца. Контр-адмирал громовым голосом вопрошал, помнит ли Давыдов то, что публично здесь обещал, Данил заверял, что помнит и может дословно повторить так же, как заявление о том, что все свои обещания он берет назад, что он больше не передумает и жениться на Кире точно не будет. Да, он представляет себе, какими могут быть для него последствия. Да, он готов понести любое наказание и быть представленным к суду широкой общественности, и еще много подобных бредовых угроз он готов переслушать, но решения своего он не поменяет. На том он и был выставлен из благородного дома и не думал, что объяснение с контр-адмиральским семейством так его вымотает и настолько испортит настроение. Он все же рассчитывал хоть на какое-то понимание...

— А я знаю, что точно помогает в таких случаях! — вдруг весело сказала Элина, ловко пересев к нему на колени и обняв за шею теплыми руками. Данил посмотрел в эти расставленные черные глаза, и его настроение стало стремительно меняться.

— Я тоже знаю, — обхватил он ее талию и притянул к себе Элю вплотную, дав почувствовать степень своей готовности к

восстановительным мероприятиям, но она, сморщив точеный носик, отрицательно покачала головой.

— Это этап второй, закрепляющий. А первый — у тебя в буфете. «Юбилейный» называется.

— Ты серьезно? — Данил уже почти смеялся, с привычным восхищением глядя на свою бесподобную утешительницу, но на всякий случай сказал: — Но я вообще-то особо не пью.

— Н-да?.. — скорчила она скептическую гримасу. — А я пью! Идем, научу!

У Данила и следа не осталось от подавленного состояния. Сегодняшний скандал, все эти вопли и угрозы — ничто по сравнению с таким вот с ней общением за коньяком, который она пьет из рюмки микроскопическими глоточками и щурится от слишком резкого вкуса. Долго смотреть на нее Данил был не в силах и вскоре снова пересадил лицом к себе на колени, уже чувствуя, как приятно разливается по телу тепло от выпитого алкоголя и ее близости.

— Знаешь, я ведь планировал сегодня зайти еще в ювелирный магазин, — улыбаясь, сообщил он удобно усевшейся на нем Эле. — Но настроение не то уже было... Мы можем сходить туда завтра вместе. А сейчас просто скажи, ты со мной?

— Ну а с кем? — нежно провела она рукой по его мягким волосам и, снова улыбнувшись, посмотрела в глаза. — Я все равно здесь больше никого не знаю!

— О, так это не проблема! — воодушевленно сказал Давыдов, поднимая ее на ноги. — Сейчас я всех тебе покажу!

Она скромно присела на краешек дивана, пока он доставал из ящика фотографии.

— Вот черт, Салаев, не мог сложить по-человечески! — возмутился Данил полным бардаком в коробке. — Обычно у меня здесь порядок.

Элина не знает, кто такой Салаев, но похоже, его только что несправедливо обидели, и реабилитировать его Элине даже в голову не пришло.

— Так, смотри, это Мишка Стельников, сосед наш сверху, мы работаем вместе. Это наша Леночка, жена его, тот еще крысеньш, педиатр, кстати. Ну, это Арсен... — показывал Данил поочередно на

запечатленных на снимке друзей. — Это тебе на память, — небрежно отбросил он к Эле фотографию Киры. — Вот Светка, дочка моя...

— Такая хорошенькая!

— Обычная, — не поддержал ее восторга Данил, явно намереваясь это знакомство с кругом своего общения закончить.

Убрав коробку в шкаф, он повернулся к Эле, и ей было абсолютно ясно, что разговоры пока окончены. А она совсем и не возражала, снова оседлав его на удобном диване и подчиняясь его ласковым рукам. Он снова шептал, чтобы она не останавливалась, и снова накатывала на нее лавина бешеного счастья, которая только на нем происходила когда-то, и весь ее опыт за прошедшие годы лишь подтверждал невозможность достичь этого пика с кем-то другим. Притворяться она научилась безупречно, а вот так улетать — только с ним. Впервые после той деревянной будки...

Он опять хвалил ее и успокаивал в своих руках, и трудно было в такой момент даже подумать о том, чтобы потерять его снова... Замерев еще на несколько мгновений, Элина резко выпрямилась, упираясь ладонями в его плечи и глядя прямо в глаза.

— Данил Давыдов! — торжественно произнесла она непривычно громким, звонким голосом, заставив его удивленно поднять брови. — Я люблю вас. И хочу за вас замуж.

— С ума сойти... — на секунду зажмурившись, он откинул голову на спинку дивана, не в состоянии бороться со счастливой улыбкой. — Так нечестно! Запрещенный прием!

— Ну, и...?

— Что «и»?! Завтрашнего вечера нельзя было дождаться? Ресторан там, кольцо... Все как положено!

— О, ресторан! — мечтательно закатила она глаза. — Ты встал бы там на одно колено...

— Конечно!

— Все, — решительным тоном сказала Эля, снова глядя ему прямо в лицо. — Мое предложение руки и сердца отменяется, хочу кольцо и ресторан.

— Как это отменяется?! — возмутился Давыдов. — Все уже, поздно, обратной дороги нет! Будешь знать, как такими предложениями в койке раскидываться!

***

— Кирочка, пожалуйста, постарайся успокоиться! — в десятый раз повторяла по телефону Ленка, хотя сейчас прекрасно Киру понимала: то, что сделал Давыдов, не поддается никакому определению.

Он с самого начала не горел особым энтузиазмом по поводу предстоящей свадьбы, это Ленке прекрасно известно, но, в конце концов, он же сам ее затеял. А сегодня утром, если Ленка правильно понимает истеричные вопли Черновой, он явился лично, чтобы в присутствии контр-адмирала сообщить, что встретил вчера настоящую любовь, в связи с чем его свадьба отменяется. Надо думать, что настоящая любовь — та самая девица, которую он среди ночи притащил к себе в квартиру? Он реально сошел с ума? Как он здесь жить вообще дальше собирается? В этом историческом доме, среди ветеранов и потомственных офицеров, с какой-то чужой девкой, подцепленной на улице! И Ленка должна будет терпеть эту приبلуду в своем подъезде, а может, еще и у себя принимать?

— Конечно, Кира, я постараюсь что-нибудь выяснить! — пыталась хоть немного успокоить подругу Стельникова. — Я только прошу тебя, не делай окончательных выводов, ты же прекрасно его знаешь! Да-да, Кирочка, как только что-то прояснится, я сразу тебя наберу!

Положив трубку, кипящая от возмущения Ленка повернулась к сидящему перед телевизором мужу:

— Нет, ну ты это слышал?! Давыдов Кирку бросил за две недели до свадьбы! Новую девку завел!

— И че? — невозмутимо произнес Стельников, даже головы в ее сторону не повернув.

— Да ниче! — передразнила его Ленка, окончательно выходя из себя. — По-твоему, это нормально?! Так вообще мужики себя ведут? Элементарные приличия должны же быть! Да он вообще соображает, что делает?

— А я вот знаешь, чего не понимаю, Ленчик, — неожиданно серьезно сказал Миша, внимательно на жену посмотрев. — На хрена тебе столько времени свободного?

— Что, Мишенька?!

— Воскресенье сегодня, говорю! — вдруг повысил Мишка голос. — Почему сын у тещи опять?! Занялась бы для разнообразия —

глядишь, без тебя бы там разобрались!

***

Странное двойственное состояние не покидало Давыдова, когда он вышел днем из штаба, отпросившись на полдня в связи со сложившимися личными обстоятельствами. Он вообще-то хотел краткосрочный отпуск, не представляя себе, как сможет сейчас оставлять Элю одну на целый день, но ему было неожиданно жестко в этом отказано. Он прекрасно понимает, что без влияния контр-адмирала Чернова здесь не обошлось, недаром так сухо и холодно разговаривали с ним сегодня, и не только в высоких кабинетах. Даже Мишка Стельников ограничился несколькими короткими фразами сугубо по рабочей теме, явно давая понять, что своими личными обстоятельствами Давыдов порядком всех утомил.

Однако этого можно было ожидать, и это он переживет. А сейчас он в мыслях постоянно возвращался к сегодняшней сцене своего отбытия на службу. Все было снова просто фантастически утром, он с трудом заставил себя вылезти из постели, в которой Эля еще оставалась. Она с большим интересом наблюдала за его сборами, наслаждаясь приготовленным для нее кофе, и, казалось, с искренним восторгом смотрела на облачавшегося в форму Данила.

— Ну и как тебе? — повернулся он к ней лицом, одевшись и ожидая услышать одобрение, и он его услышал. До сих пор под впечатлением.

— Красота! — улыбнулась она ему во всю ширь своего живого, яркого рта. — Особенно галстук, кэп!

— В смысле, кэп?..

— Хорошо, хорошо, кэп-лей! Что опять не так? — перестала Эля улыбаться, глядя на застывшего от удивления Давыдова. — Это сокращенно. Ты же капитан-лейтенант? — указала она взглядом на его погоны. — Ну да, я разбираюсь немножко. Мой муж был летчиком. Гражданским, правда.

— Кем был твой муж?!..

— Пилотом, а что? — совершенно спокойно допила она свой кофе. — Британских авиалиний. Он в Москву одно время летал, мы так и познакомились, когда...

— А мне неинтересно, когда и как вы познакомились! — резко оборвал ее Давыдов, сужая глаза от злости. — И чтобы я никогда

больше, ни разу в жизни не слышал этих кэпов, лэпов и хот-догов, это ясно?!

— Ясно, ясно! — поспешила заверить его Элина, совершенно не испугавшись сурового тона и, отворачиваясь, обиженно пробурчала: — Хот-доги, главное, чем-то ему не угодили...

Данил сразу же пожалел о своей дурацкой фразе, и Эля, конечно, простила его, напомнив, что он опоздает на службу, если не перестанет так увлеченно извиняться, вернувшись к ней на кровать. Однако разговор этот никак не идет у Данила из головы.

Впрочем, не только этот разговор, а в целом вся ситуация, которая так быстро и непредсказуемо складывается. С Элиной же невозможно ничего предугадать и ничего нельзя заранее спланировать!

Он тщательно продумывал вчера свои слова, в которых он будет делать ей предложение, так хотел пережить этот момент, когда она задумается на несколько мгновений перед тем, как сказать свое «да», а может, пошутит по своему обыкновению, чтобы немного его подразнить... Пошутила она в итоге незабываемо, любые прогнозы превзойдя. В ресторан он, конечно, ее сегодня поведет, предварительно затащив в ЗАГС, чтобы официально подать заявление. Но что еще он может для нее придумать, и что в этой программе для нее интересного? Он и формой-то своей совершенно ее не впечатлил. И можно себе только представить, какие она посещала рестораны в компании чертового британского летчика, и как выглядело ее первое бракосочетание...

Данил был уверен, что сможет вообще не думать о том, с кем она была и как жила до этой их встречи, это не имело для него никакого значения! Но как же можно не думать об этом, представляя, как будет осматриваться она в убогом Севастопольском ЗАГСе! А в ресторане с прокуренными скатертями и вечно чем-то недовольными официантками? Он не слишком информирован о том, как это выглядит в Англии, и весь западный шик, конечно, глубоко презирает, но он не законченный идиот, чтобы не понимать, что с лондонскими заведениями их лучший севастопольский кабак конкуренции не выдержит. А как она про эти «Ягуары» говорила... Данил невольно проводил взглядом промчавшийся мимо «Мерседес» какого-то необыкновенного металлического цвета, будто обтекаемый снаряд, урчащий мощным мотором.

Он видел эту машину уже несколько раз в районе штаба, не узнать ее невозможно, таких и нет, наверное, в городе больше... Наверняка ведь барыга какой-нибудь, где они только такие тачки берут! Хотя, конечно, вспоминая собственного батю, удивляться не приходится, у того в Киеве уже давно новый «Опель». Да только Данил не в Киеве, и папочкина машина — не выход, Эля и так над ним смеется по поводу трепетных отношений с родителями, считая его, по всей видимости, законченным маменькиным сынком.

Данил свернул на перекрестке, решив зайти в цветочный магазин, сам понимая, насколько все это тривиально, и наткнулся взглядом на знакомый «Мерседес» снова. Тот стоял совсем рядом, припаркованный возле тротуара в неполюженном месте, а его хозяин, видимо, находился где-то поблизости. Идея пришла в голову внезапно, и Данил остановился посреди улицы, мгновенно мобилизуясь и ощутив, как азартно толкнулось сердце в предчувствии захватывающего приключения.

Крупный мужчина вышел из аптеки с видом страшно утомленного жизнью человека, и Данил сразу понял: это тот, кто ему нужен. Кому еще может принадлежать новый «Мерседес», если не такому бесподобному кадру с гангстерской небритостью на отрешенном лице и ленивой, вальяжной походкой? Рукава его легкого дорогого пиджака были закатаны почти до локтя, он держал в карманах щедро покрытые черной растительностью мощные руки, и Данил удивился, что на них нет никаких наколок и перстней, когда этот хозяин жизни достал из кармана ключи. Ростом он не ниже Давыдова, размахом плеч куда пошире, и Данил невольно напрягся, готовый к любой неожиданности, когда нахально загородил ему путь, встав прямо перед водительской дверцей. Судя по виду, препятствий на своем пути гангстер терпеть не привык, однако и Давыдов настроился решительно.

— Слушай, дружище, одолжи машину до вечера! — прямо перешел к делу Данил, храбро взглянув ему в лицо со своей самой располагающей улыбкой.

Его собеседник, похоже, вообще не понял сути произнесенной фразы, с таким изумлением он на Данила уставился, немного повернув голову, будто бы хотел рассмотреть его с другого ракурса. Глядя в удивленные, почти совсем черные глаза этого человека, Давыдов

понял, что с ходу врезать в морду тот не собирается, и почувствовал себя гораздо увереннее. К тому же стало очевидно, что рослый парень гораздо моложе, чем показалось Данилу сразу из-за отпущенной щетины и небрежной манеры держаться, и лицо у него на бандитское не похоже, слишком правильное и явно интеллигентное.

— Мне правда очень нужно, ты же местный? Номера севастопольские, адрес твой есть в документах, так что я вечером ее тебе к подъезду подгоню и ключи в почтовый ящик брошу, ладно? С меня поляна, без вопросов! В любом кабаке, где выберешь! И полный бак! Ну, договорились?

Интеллигентный гангстер молчал, лишь вопросительно приподняв свои картинно изогнутые брови и неопределенно пожав плечами.

— А я тебе паспорт оставлю! — для убедительности добавил Давыдов, доставая из кармана документы, но, вспомнив о своих планах, передумал: — Нет, паспорт не могу, извини, в ЗАГС сегодня собираюсь. Вот! Партбилет! — вложил он в его ладонь документ, и тот опустил глаза, потерянно глядя на ключи от машины в одной руке и небольшую книжицу в другой. — Там все мои координаты есть, и вообще найти меня легко, я здесь в штабе служу. В общем, спасибо тебе, братан! — быстро забрал Давыдов ключи, пользуясь моментом полного оцепенения у пораженного происходящим собеседника и, сразу же повернувшись к двери, стал открывать машину.

— Постой, — вдруг негромко произнес его новый знакомый глубоким низким голосом. — А на чем я поеду?

— Ну, такси возьми, что тебе стоит! — уже садясь в машину, улыбнулся ему Давыдов. — Или прогуляйся, погода отличная! Давай, до вечера! Родина тебя не забудет! — захлопнул он дверцу и сразу же рванул с места, не дожидаясь, когда заторможенный бандит очнется от столбняка, и чувствуя прилив адреналина от собственной фееричной наглости.

Давыдову не терпелось оказаться дома и посмотреть на реакцию своей разбалованной англичаночки, когда она увидит, на каком авто он собирается ее сегодня покатавать по городу, и он гнал «Мерседес» по знакомым улицам, невольно восхищаясь инженерной продуманностью каждой детали, плавностью хода и плотностью руля у этого мощного автомобиля, который оказался необычайно легок в управлении.

Припарковав машину у подъезда, Данил взлетел по ступенькам и, кажется, испугал вышедшую встречать его в коридор Элю своим внезапным появлением.

— Ты уже со службы? — удивленно раскрыла она глаза, стоя посреди прихожей в его полосатом тельнике, словно в свободном платье, и Данил не мог сдержать улыбку умиления от ее трогательного домашнего вида. — Что-то недолго вы там служите! Плов еще не готов.

— Плов?! Ничего себе! — восхищенно смотрел на нее Давыдов. Запах в квартире стоял действительно потрясающий, и просто отлично, что до готовности ее плова еще оставалось свободное время.

— Слушай, подожди... — пыталась она отступить, совершенно правильно понимая его ближайшие намерения. — Я же из кухни только. Мне в душ нужно!..

— Не нужно! — подхватил ее под колени Данил, сразу же уволакивая в спальню и всеми легкими втягивая неповторимый афродизиак ее вспотевшего тела, который так редко можно подловить и который просто с ума его сводит. Вот это день у него сегодня — сплошное везение!

Он намеренно растягивал себе удовольствие, наслаждаясь вкусом и естественным ароматом ее влажной матовой кожи, и к моменту выхода на финишную прямую завелся так, что перестал контролировать свои действия вообще, снова впадая в звериное состояние, и сам не в силах понять, что именно хочет с ней сделать: затолкать себе вовнутрь, задушить, разложить на атомы?.. Это все было похоже, это все было близко, и он грубо захватывал ее волосы, толкая резко и максимально глубоко, он заставлял ее вскрикивать и сам не мог сдержать стоны, когда, казалось, не хватает последнего шага, одного действия, чтобы достичь с ней чего-то неведомого, никому больше не доступного... Но наступила просто ярчайшая разрядка, после которой он снова чувствовал прилив бесконечной к ней нежности, успокаивая и шепча признания.

Она совершенно расслабилась в его руках, когда Данил наконец лег на подушку и понял, что сознание к нему возвращается.

— Плов наш, похоже, готов...

— Блин, все из-за тебя! — мгновенно вскочила Элина с кровати под смех наблюдающего за ней Давыдова и, уже на ходу натягивая

тельник, помчалась в коридор. — Иди полюбуйся, как замечательно получилось! — позвала она уже из кухни. — Специальный рецепт! «Негроидный рис» называется!

Но до ресторана было еще довольно далеко, учитывая все его планы на сегодня, а есть действительно хотелось, и Данил все же настоял на том, чтобы подкрепиться порядком подгоревшим пловом. Он с удовольствием жевал подсушенный рис и местами обуглившиеся кусочки мяса и не мог не согласиться, что при соблюдении технологии блюдо должно было получиться отменным. Он искреннее ее плов похвалил, заодно сообщив:

— У плиты торчать, кстати, совсем не обязательно! Если хочешь, ты можешь не готовить вообще!

— Отлично! — щелкнула она пальцами, изобразив на лице радость. — К нам Кира будет с пельменями приходить?

— При чем здесь Кира?.. — Данил даже растерялся от такого вопроса. — Я могу, например. Ладно, посмотрим... — поспешил закрыть он эту тему, видя, как она сощурила глаза в готовности выдать очередное остроумное откровение.

Ему было не до разговоров о распределении семейных обязанностей, которые он по-прежнему был готов взять на себя полностью, ведь предстояла основная часть этого чудесного дня.

— Готова? — окинул он Элину победным взглядом, предвкушая ее реакцию на стоящий у подъезда сюрприз, когда они наконец собрались покинуть квартиру. — Паспорт точно взяла?

— Да взяла, взяла! — в десятый раз подтвердила Эля и будто специально спросила: — Такси не будем вызывать? Близко здесь до ЗАГСа твоего?

— обойдемся без такси, — равнодушным тоном ответил Давыдов, выходя за ней в подъезд. — Надоели эти таксисты. Сами как-нибудь доедем.

— Что значит — доедем? — обернулась она, спускаясь по лестнице. — На автобусе, что ли? Давай уж пешком лучше, погода сегодня хорошая, тепло... — она распахнула дверь на улицу, вышла и тут же замерла, мгновенно замолчав и глядя на стоящую прямо перед ней машину.

Давыдов обошел Элину и остановился возле водительской дверцы «Мерседеса»:

— Чего ты?

— «Дабл Ви» сто двадцать третий, — со священным трепетом произнесла Эля, рассматривая шикарный автомобиль. — Сильвер металлик. Вот это люди у вас здесь живут. Чей он?

— Ну как тебе сказать, чей... — скромно улыбнулся Давыдов. — Я не совсем в курсе. Но на сегодня он точно наш! — вытащил он из кармана ключи, позвонив ими для убедительности.

— Что?! — у нее, казалось, дыхание от потрясения остановилось. Еще секунду постояв и переварив информацию, Эля приблизилась к Давыдову вплотную и с кротким выражением заглянула в лицо: — Может, завтра в ЗАГС, а? Мы же все уже с этим решили. И в ресторан можно завтра... Давай покатаемся просто?

Данил поддаваться на провокацию не хотел, но, глядя сверху вниз в эти детские, невинные глаза, понимал, что отказать ей в чем-либо просто не способен, и пока он придумывал, как ответить, она вдруг резко изменилась в лице, испуганно посмотрев ему через плечо.

Давыдов рефлексивно оглянулся, и ключи от машины мгновенно оказались в ловкой руке Элины.

— Йес! — торжествующе сжала она их в кулаке. — Садись, прокачу!

— Э, мы так не договаривались!

Однако было совершенно очевидно, что его возмущения уже бесполезны. Она в две секунды открыла дверь и оказалась на месте водителя, сразу же взявшись активно регулировать положение кресла, и Давыдову больше ничего не оставалось, кроме как занять место пассажира.

— Ну и куда ты поедешь? — обиженно спросил он у счастливо улыбающейся Элины, уже заводящей двигатель. — Ты же в городе не ориентируешься!

— Я прямо поеду, по дороге, за город! — уверенно сообщила его заядлая автомобилистка. — Какой смысл на нем по городу ползать? А ты будешь показывать, где поворачивать. Только предупреждай заранее и меньше ори!

Он явно знала, о чем говорила! Не орать, не требовать немедленно затормозить и остановиться было невозможно, глядя на ее уверенное и бесшабашное руление на немислимых скоростях за городской чертой, где они неслись вдоль побережья по Фиолентовскому шоссе мимо всех

живописных пейзажей и смотровых площадок, которые ее совершенно не интересовали. Она свободно вертела головой, без конца поворачиваясь к Давыдову, веселясь от его разъяренного вида и предусмотрительно не останавливаясь, чтобы не уступить водительское место. Она, безусловно, имела приличный опыт вождения скоростных авто, но угрозы слететь с трассы при такой манере поведения за рулем это не уменьшало. Данил уже проклял тот момент, когда практически угнал «Мерседес» из-под носа законного владельца и, выбрав наиболее безопасный момент, просто взялся за руль и потянулся к замку зажигания, решив во что бы то ни стало остановить машину.

Элина абсолютно точно почувствовала, что шутить он не намерен, и остановилась сама, виновато опустив глаза и косясь в сторону Давыдова, который смотрел на нее в упор, все так же держа одну руку на руле, а вторую положив на спинку ее кресла.

— Что? — первой не выдержала она этой напряженной паузы. — Ну извини, извини. Просто машина такая... И я долго за руль не садилась! Обычно я нормально езжу. Медленнее.

— Медленнее?! — переспросил Давыдов, искренне удивляясь тому, что она сумела уцелеть до их новой встречи. — На выход, гонщица! И я могу тебе точно пообещать, что машины у нас не будет. Никакой!

Она скорчила ему рожу, показав язык, но послушно вышла из автомобиля, пересев, и молчала, насупившись, всю обратную дорогу, пока Данил не остановил «Мерседес» возле подъезда. К этому моменту он уже совершенно успокоился, ведь злиться на нее долго был не в состоянии, поэтому просто притянул Элю к себе за затылок и целовал в машине долго, пока не почувствовал, что и она окончательно оттаяла и стала активно ему отвечать.

— Ну все, я поехал? На заправку смотаюсь и машину отгоню. Плов разогрей пока, ладно? — подмигнул он ей, заводя двигатель. — Чтоб нам потом снова про него не забыть. И, знаешь, готовить ты все-таки будешь. Завтрак, обед и ужин.

— Завтрак-то за что?!

— Ладно, завтрак отменяем. Но остальное — готовить в обязательном порядке! Главное, чтоб целый день!

Глава 16

— Хоть ты не доставай! — отпихнула Ленка ногой кота, трущегося о нее в прихожей. — Без тебя весело...

Мишки дома еще нет, ничто не мешает Ленке выяснить наконец, что происходит. Чем таким важным занят ее сосед снизу, что за три последних дня ни разу не показался хотя бы для того, чтобы поинтересоваться своим любимым котиком. Кира ждет от нее подробной информации, но кроме того, что Давыдов смылся сегодня на полдня из штаба, Ленка до сих пор ничего не узнала. Ну так она полное право имеет явиться к нему лично, чтобы вернуть надоевшего кота, какого черта она должна его у себя держать! Заодно выскажет Давыдову то, что она обо всем этом думает на правах многолетней с ним дружбы и имеющихся общих секретов относительно его интереснейшей личной жизни. А главное, Ленка хоть так отвлечется от жизни собственной, хоть на Давыдове оторвавшись за свои сумбурные чувства, о которых и рассказать никому нельзя! Что может она возразить своему Мишке на абсолютно справедливые обвинения в том, что полностью запустила ребенка? Но она же на самом деле не в состоянии им заниматься в то время, когда ее просто колотит от досады, бессилия и этой идиотской изматывающей любви...

Уже побывал у руководства больницы их заведующий родилкой сегодня. И пришел страшно недовольный оттого, что его заставляют отрабатывать еще несколько недель, не соглашаясь уволить сразу, по его собственной просьбе.

Он опоздал сегодня на смену, снова нарвавшись на донос «доброжелателей», которые каждый шаг его отслеживают, твердо задавшись целью из больницы выжить. На Ленкину проповедь относительно недопустимости таких проколов он ответил, что ему пришлось идти на работу пешком, поскольку машину прямо посреди улицы отобрали коммунисты. Стельникова пыталась призвать его к серьезности и объяснить толком, что случилось, но он только отмахнулся от нее, явно не желая ничего больше обсуждать, и, похоже, обидели его с машиной сильно. Кто такие эти коммунисты и что значит «отобрали», выяснить так и не удалось, но совершенно

очевидно, что это стало для него последней каплей, и Ленке совсем недолго осталось его воспитывать. Всего пару недель до того, как он просто уедет. Не оглянувшись, ни на минуту больше не задумавшись и, скорее всего, даже о ней не вспоминая...

А чего бы ей хотелось? Чтобы он позвал ее с собой? Даже если такое предположить, ей и подумать страшно о том, чтобы оставить семью. Мишку, что ли, одного бросить или вместе с сыном? И как бы она жила после этого? Однако жизнь, которая наступит через несколько ближайших недель, тоже с трудом представляется Ленке. Как же тоскливо, как плохо, и только беспросветность, только обыденность и серость впереди!

Но сейчас она может об этом не думать и дать себе время немного отдохнуть, переключившись на выяснение подробностей последнего давидовского финта. Что ни говори, а по сравнению с ситуацией Киры ее собственная выглядит не такой уж отчаянной. Семья-то у Ленки, в конце концов, есть.

Взяв кота под мышку и напустив на себя надменный вид, Стельникова стала спускаться по лестнице, уже заранее презрительно сузив глаза и приготовив парочку едких комментариев относительно недостойного поведения ее соседа снизу.

***

Элина сварила кофе и, усевшись на кухне, сосредоточенно изучала пенку на поверхности своего напитка, размышляя о том, что, похоже, приходит время для серьезного с Данилом разговора без постоянных взаимных шуток и превращения любого диалога в прелюдию к захватывающим постельным сценам. Но по-другому говорить у них почему-то не получается!

Данил с самого начала пребывает в полной уверенности, что встретились они в Севастополе совершенно случайно, ни о чем ее не спрашивает, и, конечно, сама она признаваться в целенаправленности своего визита не будет. Она бы не призналась в этом, даже если бы он сам догадался! Но он и о другом не спрашивает... Например, о том, почему они никак не предохраняются с того самого первого раза на столе в ее гостиничном номере, когда она явно сама не позволила ему остановиться. Элина ждет, когда он об этом спросит, чтобы сказать ему правду, и чувствует сейчас себя так, будто бы его обманывает. Она сама, полностью потеряв с ним в постели мозги, предложила

пожениться, но не думала же она, что он сразу подхватит тему и решит подавать заявление уже на следующий день!

Эля просто не может выбрать момент, чтобы с ним серьезно поговорить, он будто бы уже все решил, ни в чем не сомневается и думает только о том, кто из них будет варить борщи. Так даже в этом он ей, оказывается, инициативу уступать изначально не собирался. Как представляет он их совместную жизнь? Они будут заниматься любовью, потом он приготовит ей завтрак и пойдет на службу, между делом решая вопросы их общего хозяйства, а она будет возлежать на кровати в элегантных позах и ждать, когда он вернется, чтобы снова заняться любовью? Вот бы и правда так жить... Только такой жизни не бывает, а другой ей пока не предлагается!

Он вообще ничего не спрашивает о ее работе, его совсем не интересуют проблемы, которые у нее могут возникнуть из-за задержки в Севастополе, да он ведь даже не в курсе, где конкретно она работает! И да, она специально просветила его, кем был ее муж, чтобы хоть что-то о себе донести! Ну в самом деле, не рассказывать же было Данилу, что она при первой возможности просмотрела все знаки отличия и нашивки на форме в шкафу, изучила сделанные в его документах записи и на момент разговора точно знала, какое именно у него звание. Сослаться на то, что владеет вопросом, побывав замужем за британским летчиком, получилось как-то само собой, в порядке импровизации, а он даже ни на секунду не усомнился в том, что ранжирование гражданских пилотов в Англии такое же, как морских офицеров в его стране. Да он же вообще к ее словам не прислушивается, ему это все неинтересно, он так и заявил!

Она и за рулем сегодня вела себя, как идиотка, просто потому, что не смогла справиться с желанием поразить его своим водительским мастерством и явно перестаралась, вырвавшись на оперативный простор из-под его тотальной опеки. И чем этот ее перфоманс окончился? Теперь она таки будет варить борщи!

А еще ей очень интересно, почему он сразу же меняет тему, когда она пытается заговорить о его дочери. Почему он не хочет, чтобы она куда-нибудь одна выходила и с кем-нибудь, кроме него, общалась. К телефону не подходить, никого не впускать... От своей жизни за пределами этой квартиры он ее тоже, похоже, держит на расстоянии. Впрочем, они только третий день вместе, и, наверное, она слишком

многого от него хочет, он и так, похоже, кучу проблем из-за нее здесь нажил...

***

Припарковав машину у нужного подъезда невзрачной пятиэтажной хрущевки, удивленный Давыдов вошел в дом и, подумав, решил все-таки подняться лично. Странное место жительства для владельца такой роскошной машины, да и сам его образ никак в подобные коробки не вписывался. Однако дверь никто не открыл, и Данил, спустившись, бросил ключи от угнанного сегодня «Мерседеса» в почтовый ящик. Что ж, он искренне хотел извиниться, тем более сам уже сто раз пожалел о своей дурацкой выходке.

Зачем он только согласился на эти автогонки вместо того, чтобы сделать именно то, что планировал? С завтрашнего дня ему на службу, никаких отгулов до выходных не предвидится, и когда будет следующая возможность официально подать с Элей заявление? А пока все так и остается неопределенно, все в подвешенном состоянии, и она вроде бы просто в гости к нему приехала! Что может удержать ее, если что-то ее здесь не устроит, если ей надоест в семейную жизнь играть?.. Никакого варианта расставания с ней у него нет, и если бы высшие силы ему немножечко помогли... Он остановился посреди улицы и поднял глаза к звездному небу.

— Пожалуйста!.. — прошептал он, вглядываясь в мерцающую темную бесконечность. — Если вы там на самом деле есть... Вы же все можете! Пожалуйста...

***

Эля вздрогнула, услышав стук в дверь. Не звонок, а именно стук — характерный, явно с каким-то смыслом, с короткими и длинными паузами между легкими ударами в деревянную дверь. Данил просил ее никому не открывать, но что, она так и будет жить здесь, словно привидение?.. Она вышла в прихожую, все еще колеблясь, но в дверь теперь позвонили, видимо, не достучавшись. Выдохнув, Эля все же решила открыть, как вдруг услышала звон ключей. Данил хотел проверить ее, что ли, перед тем как войти?.. Однако строить предположения было поздно: дверь открылась, и вовсе не Данил уставился на Элину с выражением крайней неприязни на высокомерном лице. «Наша Леночка» собственной персоной. И то, что дамочка сия «тот еще крысеныш», Элине стало ясно сразу. Ну что ж,

Леночку сюда не зазывали, дверь ей Эля не открывала, никаких указаний, следовательно, не нарушила, так что пусть никто ни на что не обижается. Падать в обморок или превращаться в камень от такого эффектного взгляда Элина точно не собирается.

Но Ленка сохраняла на лице презрительное выражение просто потому, что заранее его заготовила и от неожиданности не придумала, как к представшей перед ней картине отнестись. Так это и есть та самая новая любовь Давыдова, из-за которой он бросил дочь контр-адмирала Чернова? Или здесь что-то совсем другое?..

— Здрасьте, — криво улыбнулась Ленка, рассматривая странную черноволосую девчонку в длинной давыдовской футболке, доходящей ей едва ли не до колен. Эта худенькая смуглянка, которая росточком не выше Ленки, смотрит на незнакомого человека во весь размер своих огромных черных глаз и улыбается так, будто ждет от Стельниковой чего-то чудесного. Так у Стельниковой есть! — А это ваше, кстати! — сказала Ленка, протягивая ей кота, и та посмотрела на него восторженно, будто на что-то необыкновенное.

— Вот это спасибо вам, тетенька! — приняла она из рук Ленки пушистого питомца. — Но я, честно говоря, лошадок больше люблю!

— Лошадок, — повторила Ленка, не понимая по ее виду, шутка это или подруга у Давыдова реально умственно отсталая. И сколько ей лет, интересно? Ленка надеется, она все же совершеннолетняя... — А меня, кстати, Леной зовут. Я соседка Данила с верхнего этажа...

— Леной?! — вдруг изумилась эта пигалица. — Замечательно! Вы знаете, у меня была соседка, которую звали Семирамида, представляете? Ее папа так назвал! Да вы проходите, чего вы?

— Да-да, всенепременно! — поддерживала Ленка эту внешне любезную пикировку, уже понимая, что перед ней разыгрывается комедия. — Ну а вас, простите, папа как-нибудь назвал?

— А что, я разве не сказала? — оглянулась черноглазая нахалка, и Ленка, следуя за ней по коридору, вдруг поняла, на кого она похожа. Ее лицо и в целом манера двигаться напоминали Ленке мультипликационный образ миловидного диснеевского Микки Мауса. — Я просто привыкла, что меня и так все узнают, — продолжала свое выступление Ленкина новая знакомая и, усевшись за стол, манерно положив подбородок на скрещенные пальцы, скромно

произнесла: — Я Софи. Софи Лорен. Но вы можете звать меня просто Софочкой.

— Ах, вот что! — слащаво улыбнулась Стельникова. — А я-то думаю, где я могла вас видеть? Ну и как вам здесь нравится? Квартирка достаточно просторная?

— Хотелось бы немного побольше, конечно...

— Ну так все в ваших руках! — продолжала кривляться Ленка, намереваясь предложить ей поискать жилплощадь где-нибудь в другом месте.

Но в этот момент послышался звук открывающейся двери, и Давыдов, еще в прихожей заметив своего кота, в секунду влетел на кухню, с ходу вцепился Ленке в плечо и одним движением поднял ее на ноги:

— Так, на выход!

— Да я просто хотела....

— Я знаю, что ты хотела, Лена! — резко повысил он голос, не замечая ее сопротивления и буквально выволакивая в прихожую. — Нет-нет, я провожу тебя до квартиры! — не отпускал он Ленку, выводя в подъезд, закрывая за собой дверь и продолжая говорить ей в ухо уже на лестнице: — Я хочу, чтобы ты запомнила, и все вы чтоб запомнили: она здесь не в гостях! Она будет здесь жить, и мне вообще плевать, что вы все об этом думаете!.. О, привет, Миша! — втокнул он Ленку к ней домой, где разувался только что явившийся Стельников. — Теперь ключи мне отдай, пожалуйста!

— Что с головой, Давыдов?.. — попыталась Ленка снова к нему обратиться, но он был в совершенно невменяемом состоянии.

— Ключи, я сказал! — закричал он на нее с новой силой. — И не смей больше сама открывать мою квартиру! А к ней даже приближаться не думай, ты поняла меня? Миша, проследи за этим лично, хорошо?

...Эля все еще была в шоке, когда за Данилом и Леной закрылась дверь, и его вопли затихли в подъезде. Но не успела она поставить в раковину чашку после выпитого еще до прихода Лены кофе, как в дверь снова позвонили. Да плевать она хотела на эти его запреты! Раз уж притащил он Элину к себе в дом, пускай не стесняется демонстрировать ее окружающим! Она пошла в прихожую и храбро распахнула дверь.

— О! — отшатнулся от неожиданности стоящий в подъезде Арсен. — Ты кто, ара?

— Добрый вечер! — любезно поклонилась мощному азиату Элина, решив больше ничего ни перед кем не разыгрывать. — Элли Грейс, переводчик из Москвы. А вы, Арсен, тоже что-нибудь передать хотели?

— А как же! — вдруг оживился он, расплываясь в белозубой улыбке и доставая из-за пазухи бутылку коньяка. — Еще как хотели! Хозяин, слышу, на месте! — бодро отреагировал он на доносящиеся сверху звуки скандала и, войдя в квартиру, уверенно направился на кухню.

Что было делать Элине? Она пошла за ним и, снова сев за стол, молча наблюдала, как Арсен практически не глядя достает из подвешного шкафа стаканы и расставляет их на столе.

***

Давыдов наконец закончил Ленку перед Мишей отчитывать, но, как только за ним закрылась дверь, и муж к ней повернулся, она поняла, что это было только начало. Мишку, кажется, впервые в жизни так откровенно прорвало.

— Вот какого лешего ты вечно лезешь, куда не просят?! — зашелся Стельников криком, багровея от ярости. — Достала со своими фокусами! Слушать надоело, что у Стельникова жена — язва!

— Кто, Миша?.. — уже заливалась Ленка слезами, не веря в то, что слышит от своего всегда уравновешенного, любящего мужа.

— А то ты не знаешь! Я долго терпел, Лена, но это уже все границы переходит! Ты когда сына своего в последний раз видела, я тебя уже сколько раз спрашивал?! Ребенок скоро бабку матерью звать начнет, а тебе бы только сплетни собирать да на работу краситься! На хрена мне такое нужно!..

— А действительно, Мишенька! — уже не сдерживала истерику Ленка. — На хрена?! Может, мне вообще уйти отсюда, чтобы тебя не позорить и всех вас не доставать? Да я запросто, ты веришь?! Вот прям сейчас!

— Ага, давай, давай, проветришь маленько! — уже гораздо спокойнее говорил Миша, глядя, как обувается Ленка, всхлипывая и нервно хватая сумку. — Только к матери советую не ходить! Как бы назад не выперла!

***

Данил все еще пытался успокоиться, когда вошел в квартиру, но, остановившись в дверях кухни, поначалу только воздух сумел втянуть, взглянув на чудесную сцену: Арсен налил Эле коньяка прямо в граненый стакан и уже собрался произнести первый тост, просияв от появления в дверях своего боевого товарища.

— Все как договаривались, ара! Простава за субботу, Арсен слово держит!

Данил старался выражаться как можно культурнее при Элине, пока выталкивал из квартиры очередного обнаглевшего гостя. Да они же все как дома здесь себя чувствуют! Открывают своими ключами двери, вламываются без всякого предупреждения, лезут в его шкафы и организовывают пьянки. Неужели так до сих пор и было, и это нормальным у них считалось? Им в голову не приходит, что это его личная территория, и он никого из них больше не хочет здесь видеть! Но так просто от верных друзей не отделаться: не успел он выставить возмущенного Арсена, как снова появился Стельников, решивший лично выразить извинения за поведение своей жены и не понимающий, почему Данил не приглашает его, по обыкновению, посидеть за рюмочкой и по-соседски потрепаться.

Когда Мишка наконец убрался, Данил замкнул дверь в надежде, что поток посетителей на сегодня окончен, но зазвонивший телефон расслабиться не дал.

— Да, мама! — резко крикнул он в трубку, услышав ее приветствие, и после первого же вопроса больше слушать ничего не стал. — Хватит меня доставать с Кирой своей! Все изменилось, мама, никто никуда не едет! Света остается пока у вас, я не знаю, когда смогу приехать. И не звоните мне больше, я сам позвоню потом! Все, мама! — бросил он трубку, выдернул шнур из сети и резко его от себя отшвырнул.

Элина, стоя в дверях гостиной, наблюдала за ним, застыв с удивленным выражением на лице и понимая, что никаких серьезных разговоров снова не получится.

— Ну реально достали уже! — без сил рухнул он на диван, чувствуя себя так, будто только что отбилась от враждебной стаи. — Иди ко мне, моя птичка, — протянул он к Эле руку, и она, приблизившись, привычно села к нему на колени.

— Ты не сказал мне, что у тебя есть кот! — улыбнулась она Данилу, и он невольно улыбнулся в ответ, мгновенно успокоенный ее обыденным тоном.

— Я думал, он убежал.

— И как его зовут?

— Не знаю. Никак, кот просто. Если хочешь, назови как-нибудь.

— Ну, надо что-нибудь такое... морское! — посмотрела Эля в потолок, задумавшись. — Альбатрос!

— Кто, он Альбатрос? — смеясь, кивнул Давыдов в сторону развалившегося в кресле кота. — Как-то слишком для него громко.

— Ну, тогда давай Трос просто, сокращенно. Как тебе?

— Лучше не придумаешь! — зарылся Данил лицом в разрез своей футболки, надетой на ее изящное тело, и не желая думать больше ни о чем, кроме ее бархатной смуглой кожи. — Есть же счастье в этой жизни!..

Она соскользнула на пол, оказавшись между его ног, и, продолжая смотреть в лицо, быстро расстегнула его ремень. Данил ясно видел призыв и возбуждение в ее глазах, легкий румянец на скулах, и это завело его моментально, заставив лихорадочно стянуть с себя джинсы, чтобы ощутить прикосновение ее рта немедленно. Он снова задышался и впивался ногтями в мягкую обивку дивана, едва сдерживая желание толкнуться ей навстречу, когда она мягко и одновременно настойчиво ласкала его, аккуратно, едва ощутимо касаясь зубками и создавая нежное трение. Она сама безошибочно угадала момент, когда нужно прерваться и не допустить его оргазма раньше, чем она сама получит удовольствие, вернувшись к нему на колени, чтобы через считанные минуты закричать от накрывшего ее стремительного вала. С этим ничего нельзя сравнить для Данила. Без этого влажного страстного тела, без легкого пуха волос, без ее дыхания и голоса Данила Давыдова больше не существует...

***

Тем временем Ленка, не в силах остановить истерику, неслась прочь от своего дома и почти не чувствовала, как касаются асфальта ее обутые в легкие туфли ноги. Хорошо, что уже темно и ее слез не видно редким встречным прохожим. Куда же ей бежать так поздно, почти ночью? Только в свое отделение, в свой кабинет, где можно спрятаться от того кошмара, что у нее в жизни происходит, просто закрыться и

никого больше не слышать! Они же все ее ненавидят, она ничего, кроме раздражения, ни у кого не вызывает, даже у собственного мужа, у собственных родителей! «Язва», только жить всем мешающая! Она и ребенку своему больше не нужна, Мишка ведь абсолютно прав, их сын прекрасно без нее обходится и точно будет счастливее без бесконечных придирок своей вечно недовольной мамыши! И ему она не нужна... Человеку, который скоро исчезнет из ее жизни, и у нее совсем ничего не останется, а ему на это плевать!

Ленка зашла со двора здания, взбежала по знакомой лестнице, быстро прошмыгнув в свой кабинет и усевшись за стол, спрятала лицо в ладонях. Вот бы не открывать больше глаз, не видеть, как начнется очередной день, и все по тому же кругу, будто в клетке, где со всех сторон — только холодные, бездушные, одинаковые прутья, через которые ей не прорваться!

Она порывисто встала, взяла с нижней полки металлического шкафа емкость с медицинским спиртом и поставила ее на стол рядом с графином. Выдвинув ящик стола, Ленка сгребла в горсть несколько пачек рецептурных таблеток, швырнув их перед собой. Это же так просто! Избавить всех от своего присутствия, и даже интересно, многие ли это заметят? Ленка снова бессильно ткнулась в ладони. Конечно, она этого не сделает... Просто потому, что не знает, лучше это, чем то, что происходит с ней сейчас, или еще хуже. Да и представить себе только: суицид заведующей прямо в отделении новорожденных славного города-героя! Она даже улыбалась, продолжая лить слезы, когда разводила с водой спирт.

Ленка была уже совсем спокойной и не слышала, как он вошел и таблетки в разбросанных пачках пересчитывать не стал. Она вообще уже мало что слышала и соображала, когда уверенная рука внезапно схватила ее поперек живота, сразу увлакивая к раковине, и неумолимые пальцы, сдавив лицо, заставили разжать челюсти.

— Не трогай меня! — выворачиваясь, пыталась сопротивляться Ленка. — Я не собиралась... Было бы, из-за кого!.. — это последнее, что удалось ей произнести перед тем, как его пальцы проникли в рот, сразу же придавив корень языка.

Просто кошмарными были те несколько минут, когда у нее уже ничего не было внутри, а он все еще желал в этом убедиться, не разжимая железных тисков своих рук. Хорошо, что она была

совершенно пьяной и не так остро чувствовала все удовольствия происходящего процесса. И даже не помнила потом, каким образом свое отделение покидала...

А с утра у нее нестерпимо болело горло: ни глотать, ни говорить. Но выйдя на улицу из незнакомого подъезда, подняв лицо к лучам осеннего солнышка и вдохнув свежий утренний воздух, Ленка хотела плакать уже от любви к этому прекрасному миру, в котором у нее так много интересных дел!

Она проснулась прошедшей ночью на чужом диване в совершенно непривычной обстановке, но сразу же поняла, где находится, еще долго лежа без движения, рассматривая огромный книжный шкаф с аккуратно рассортированными изданиями на иностранных языках, скромную обстановку идеально чистой комнаты и простой плафон настенной лампы с желтыми квадратами. Она боялась пошевелиться, чтобы подольше задержаться в этом моменте: он сидит к ней спиной за пианино в своей то ли гостиной, то ли спальне, и негромко перебирает клавиши, наигрывая знакомую лирическую мелодию. И такая печаль, такая пронзительная тоска в этих звуках ощущается...

Конечно, это не прекрасный сон, и он не повернулся к ней, не взял ее ладонь, не поднес к губам, когда она, тихо поднявшись, подошла к нему сзади и опустила ему на плечи руки.

Но он же по-настоящему испугался за Ленку ночью и бросился ее спасать, и привез к себе, скрыв от лишних глаз. Конечно, он врач, он начал бы спасать любого в такой ситуации, но она сознательно не стала развивать эту мысль, предпочитая думать, что реально ему безразлична. Ведь одна лишь надежда на это полностью переворачивала ее мир...

— Это «Лунная соната»? — едва слышно спросила Ленка.

— Нет, Рахманинов, — устало вздохнул он в ответ, прекращая играть и закрывая инструмент. Ленка прекрасно понимала, что в музыке совершенно не разбирается, и разговаривать об этом ему с ней неинтересно...

Но они так по-домашнему пили кофе у него на кухне, из которой на днях убралась, оказывается, очередная оптимистка, надеявшаяся надолго возле него задержаться, и так хорошо было в это утро Ленке, и, казалось, все встало на свои места. Даже машина его нашлась, оказавшись вечером возле подъезда!

И пускай он даже уедет отсюда через пару недель, у нее все равно эти недели есть! Она уже предвкушает, как будет жить на два дома и носиться между собственной квартирой и этой небольшой хрущевкой, как будет изобретательно лгать своему рыжему Стельникову и все будет успевать, и не надо будет больше никаких медсестер в помощницах!

Какой же нужной и счастливой она себя сейчас чувствует, да они все без нее пропадут! У нее лучший на свете муж и замечательный ребенок, по которому она страшно соскучилась! Ленка заберет его от родителей сегодня же, и они втроем будут вечером играть в любимые Андрюшкины настольные игры, и, конечно, Ленка в ближайшее время пригласит к себе Давыдова с его новой подругой.

Это ж надо, как сильно Давыдов попал, он сейчас совсем другой человек! Ленка будто бы не знала Данила до сих пор. Как налетел он вчера на Стельникову, отгоняя от своей драгоценности, да он же в горло готов вцепиться каждому, кто к этому большеглазому Микки Маусу приблизится! В самовлюбленном Давыдове и заподозрить такого нельзя было, хотя он ведь когда-то рассказывал Ленке про свою личную трагедию... Однако Стельникова прекрасно знала, каких именно подруг выбирает себе Давыдов для общения, поэтому и была полностью сбита вчера с толку. Его барышни — всегда статные, яркие, светловолосые красотки, и вдруг полная противоположность. Настоящая экзотика... Ленка даже замедлила шаг, вспомнив ту давнюю сцену с картами, когда Кира обиделась на загаданную Давыдовым даму пик... Если Ленкино предположение окажется правдой, то шансов у Черновой больше никаких. И не только у Черновой. Ни у кого больше никаких шансов. Красавчик Давыдов, похоже, приехал.

А если так и есть, с чего вдруг Ленка обвиняла Данила в непорядочности и подлости по отношению к Кире, если все наоборот? Им же только восхищаться можно! Это ж какую надо иметь смелость и какое мужество, чтобы прямо перед контр-адмиралом отказаться от его дочери, признавшись в чувствах к другому человеку и зная, какие проблемы могут за этим последовать! И в чем не прав был мудрый Стельников, советуя к ним не лезть?

Миша как раз собирался в штаб, когда Ленка вошла в прихожую, виновато потупив перед ним взгляд, и, конечно, не смог сдержать

своей неизменной улыбки:

— Что, Ленчик, всю ночь на работе просидела? — спросил он шуточно и, увидев, как провинившаяся супруга пожимает плечами, по-дружески обнял Ленку одной рукой: — Иди поспи хоть, язвочка малая. Небось неудобно там, на кушетках ваших!

***

Элина встретила с отбывающими в Москву иностранцами, пока Данил был на службе, отдала заявление об отпуске, и ничего за время ее самостоятельного перемещения по городу с ней не случилось! Никто на нее здесь не напал, не арестовал и не похитил. Данил и сам уже понимал, конечно, глупость своего стремления держать ее в пределах собственной квартиры, но все равно с трудом согласился с тем, что так или иначе, а выходить ей придется, тем более если она здесь надолго.

Эля даже прогулялась по городу: по Приморскому бульвару, поднявшись к белым колоннам Графской пристани, пройдя вдоль набережной и любовавшись со всех сторон на памятник Затопленным кораблям. Она так давно об этих местах знала, изучив историю и даже карту города, будто и вправду к его захвату готовилась... И теперь было полное ощущение, что она в родные места приехала, настолько узнаваемыми были городские виды и архитектура Севастополя.

Она не сказала Данилу, что будет встречаться со своей делегацией, подозревая, что это вызвало бы волну протеста и испортило ему настроение перед службой на целый день. Он просто знает, что Элина сейчас в отпуске. Даже приглашение в гости к Стельниковым он не хотел принимать, Эля это прекрасно видела, когда Данил разговаривал с Мишей по телефону. Но это было бы уже слишком с его стороны, особенно после устроенной им накануне сцены, ведь Миша с Леной явно хотят с ним помириться и вовсе не против, как оказалось, поближе познакомиться с Элиной.

И Эле тоже не терпится с ними пообщаться, особенно с Леной, ведь по всему видно, какая та веселая и остроумная, а ее надменное поведение во время первого разведывательного визита понять можно. В конце концов, Эля тоже вела себя не лучшим образом и впечатление о себе хотела бы существенно подправить.

Да и в целом, если уж решили они с Данилом быть вместе, то рано или поздно, а познакомиться со всеми придется. О его родителях Элине пока что думать страшно, но с друзьями, пожалуй, начать можно. Вот она, например, уже представляет себе, с каким удовольствием и гордостью будет представлять его своим коллегам и руководителям в Москве, и перед старыми институтскими подругами охотно им похвастается, пусть посмотрят, ради кого она бросила Стива, а то они до сих пор ее не вполне нормальной в связи с этим считают. А если она в итоге решит с работы уволиться, вообще, наверное, сочтут за полную кретинку. Однако сейчас это решение принимать не нужно, Данил пока не официальный ее муж и даже в Москве еще не был. Вдруг ему там понравится больше, чем в зоне влияния грозного папаши его бывшей невесты?.. Но так далеко заглядывать Элина, пожалуй, не будет. Ближайшие две недели она пробудет здесь и уж постарается провести это время с удовольствием!

***

— Сейчас много чего по-другому в нашем бюро стало, — рассказывала Элина за столом о своей деятельности в Москве. — Можно просто заказать определенную работу за деньги. Я, например, гид-переводчик — устный перевод в основном, сопровождение групп.

— То есть, ты с группой сюда приехала? — с большим интересом выпрашивала Ленка подробности появления у Давыдова его подруги, на которой его, по всему виду, совершенно заклинило. — А как вы познакомились?

Сам Давыдов в разговоре практически не участвовал, лишь парой слов перекинувшись с Мишкой, и, наблюдая за Данилом во время этого ужина, Ленка никак не могла определиться: радоваться ей за него, бояться или в самом деле начинать психиатра подыскивать. Все намного серьезнее, чем ей с первого раза показалось. Ведь Давыдов далеко не подросток, который из-за гормональных сдвигов не в состоянии со своими порывами справляться. Но Данил не в состоянии! Он вообще ничего не видит и не слышит, кроме своей Эли, которой, похоже, уже через пять минут после начала ужина стал намекать на то, что пора бы вернуться в его квартиру, шепча что-то на ухо с таким блаженным выражением лица, которое не оставляло никаких сомнений: если бы здесь не было Стельниковых, он повалил бы ее прямо на этом диване.

Он следит за каждым ее движением, передвигает посуду так, чтобы ей было удобнее орудовать приборами, тотчас же подносит салфетку, стоит ей лишь взглянуть на их стопку, сложенную на краю стола, а когда она откладывает вилку, сразу берет ее руку, чтобы, воспользовавшись моментом, нежно поцеловать пальчики.

— Данил, перестань! — отодвигала его от себя Элина, но это было совершенно бесполезно: он лишь умиленно улыбался на все ее раздраженные фразы и продолжал постоянно к ней прикасаться. Ленка видела, что ей, бедняжке, хочется пообщаться, много чего рассказать и, возможно, спросить самой, но приходилось постоянно отвлекаться на пристающего Давыдова.

Ленка только переглядывалась с Мишей и прекрасно видела, что Стельников тоже под большим впечатлением от происходящего.

— Так как же вы, все-таки, встретились? — напомнила Ленка свой вопрос.

— Просто на улице столкнулись! — улыбнулась ей Эля, немного сжав переплетенные с Данилом пальцы. — Но познакомились мы раньше, намного. Я тогда вообще еще в школе училась.

— Да что ты?! — удивленно подняла Ленка брови и, поймав взгляд Давыдова, изобразила немой вопрос, который тот прекрасно понял и, широко улыбнувшись, едва заметно покивал, окончательно развеивая Ленкины сомнения.

Так, значит, это и есть та самая роковая любовь, из-за которой он столько лет оставался один и изводил несчастную Киру своим трудным характером? И куда он теперь подевался, его трудный, эгоистичный характер? Да эта шустрая москвичка может при желании делать с ним что хочет, ни капли не опасаясь задеть его самомнение, от которого, похоже, тоже не осталось и следа. Он даже выпить больше двух рюмок категорически отказался, к изумлению своих соседей сообщив, что вообще-то практически не пьет, чтобы его ненаглядная Эля, не дай бог, не подумала о нем ничего плохого.

При этом сама Эля явно хотела бы еще посидеть и вовсе не прочь была бы продолжить застолье, когда Давыдов, потеряв терпение, просто поднялся из-за стола, не оставляя ей выбора.

Кира, видимо, прочувствовала момент, когда Ленке меньше всего хотелось с ней разговаривать, и позвонила буквально через минуту после ухода гостей. Что могла сказать ей Ленка после того, как

подтвердила факт личного с давыдовской подругой общения? Только трудную правду, которая укладывалась в несколько слов.

— Без вариантов, Кирюша, — постаралась произнести как можно мягче Ленка. — Дело вообще не в ней. Он просто любит ее, как ненормальный. Это все, Кира. Там ничего уже не поможет, давай просто закроем тему.

Кира на удивление спокойно эту информацию восприняла, поспешив закончить разговор, и Стельникова была ей весьма за это признательна. Ленке и без Черновой есть о чем подумать и пострадать, оставаясь под впечатлением от нового образа Давыдова. Наверное, это эффект новизны от неожиданной встречи, однако со стороны Мишки, например, она и на ранних стадиях отношений такого откровенного обожания не припомнит. Миша был остроумен и галантен, когда ухаживал, он всегда старался поднять Ленке настроение и во всем поддержать, но чтобы вот так откровенно боготворить и никого больше вокруг не видеть... Что уже говорить о других Ленкиных отношениях... В них такого и представить невозможно! Очевидно, далеко не всем выпадает подобное счастье в жизни, и Ленка искренне надеется, что знаменитая переводчица Элина, которая так гордится своими профессиональными достижениями, все же понимает, чем на самом деле владеет...

***

Сидя в кресле, Данил разговаривал с Лешкой по телефону, когда Эля, выйдя из ванной с намотанным вокруг головы полотенцем и в его неизменном тельнике, остановилась в дверях гостиной, вопросительно взглянув в лицо. Он протянул к ней руку и, не отрывая от уха трубку, усадил рядом с собой на широкий подлокотник, сразу обняв за талию.

— Ну как тебе сказать, Лагуна, — улыбался он Элине, любуясь ее открытой влажной шеей с выбившейся из-под полотенца прядью черных волос. — Геленджик помнишь? Помнишь цепь мою золотую? Так она нашлась. Ну да. Привет тебе! — слушая поток комментариев в трубке, подмигнул он Эле. — Да я понял, Леха! Батя мой, как всегда, лучший. Разведчик, блин. Да, давай!

— Как у Лешки дела? — спросила Эля, когда Данил закончил разговор. — Он с Наташей?

— Ну а как же! — перетащил Давыдов ее к себе, усадив, как ребенка, поперек бедер. — Второго рожать собираются. Будем

догонять? — улыбался он ей счастливо и открыто...

— А одного не хватит? — тихо сказала Эля, опуская глаза.

— Ладно, посмотрим, — примирительно произнес Данил, видя, как она напряглась. — С чего-то же надо начать. Сначала одного, а там...

— Я вообще-то Свету имела в виду! — храбро взглянула она ему в глаза. — У меня не может быть детей, Данил.

Элина прекрасно видела, как изменилось на растерянное выражение его глаз. Естественно, он сделал вид, что ничего страшного не услышал и, прижав ее к себе, долго успокаивал и заверял, что это ничего не изменит, но от его ласковых слов только более горькими казались Элине ее слезы. В итоге он отвлек ее, конечно, пообещав, что привезет в Севастополь Свету в ближайшее время, раз уж Элине так важно обзавестись потомством. А еще рассказал, что это его отец попросил Лешку разузнать аккуратно, что у них здесь за аварийная ситуация, о которой даже спрашивать не разрешается, и Элине самой было интересно, почему.

— Да не хочу пока ни с кем разговаривать! — объяснил ей Давыдов свое странное поведение. — Мы же заявление до сих пор с тобой так и не подали. Но во вторник — крайний срок, сразу после выходных. В понедельник они не работают просто.

Она ясно слышала раздражение в его голосе и отлично понимала, в какой момент у него испортилось настроение. Он сколько угодно мог заверять ее, что любит независимо от обстоятельств, Элина в этом и не сомневалась. Но что-то все равно изменилось между ними. Будто новая реальность возникла, с которой им обоим еще предстоит смириться...

Глава 17

Это был большой вопрос — кто именно и для кого проводил экскурсию по Севастополю в выходные, когда Данил решил лучше познакомиться Элину с городом. Он просто поражался ее владению вопросами истории, фактами биографий основателей этого Черноморского форпоста и даже сведениями об использованных в исторических сооружениях стройматериалах. И про барельеф из альминского камня на Драконьем мостике Данил узнал, и что мостик этот — вовсе не «место поцелуев», как принято считать среди простого народа, а памятник в честь героической обороны города во время Крымской войны. Романтики в разговорах с ней по-прежнему не складывалось.

— Так, про скульптора Пеличио я понял, — косился Давыдов то на каменного льва, охраняющего широкую лестницу у Графской пристани, то на своего грамотного экскурсовода, которому абсолютно ничего нового не мог рассказать. Даже соврать не получалось — она лишь веселилась от его изобретательности относительно новых версий известных фактов и событий. — Но сейчас ты точно мне не ответишь, спорим? — развлекал он Элю пародией на светскую беседу. — Скажи, кто такой Панцержанский?

Он старательно, с трудом выговорил эту фамилию, победно на нее уставившись, но она лишь засмеялась, от него отворачиваясь.

— Командир Морских сил в двадцатые-тридцатые годы... Окей, точные даты не скажу. Но арестован и расстрелян в тридцать седьмом. Правильно?

Она выжидательно подняла свои тонкие брови, но что мог сказать Давыдов? Да он понятия не имел, правильно или нет, зато точно знал, что на подобные темы спорить с ней в жизни не станет. Впрочем, спорить с ней всегда было бесполезно, а он и не собирался! Он собирался закончить эту познавательную экскурсию, по-быстрому посетить обещанный ресторан и вернуться наконец домой, где и провести с ней вечер, плавно переходящий в ночь, перед началом новой рабочей недели. Мельтешить перед ним, двигаясь по тротуару, заглядывать в глаза и жестикулировать, делясь бесценными

историческими сведениями, она могла не до бесконечности. Для этих гибких живых пальчиков Данил знал гораздо более содержательное занятие, чем выразительное размахивание у него перед носом, и еще со знаменитого альминского камня начал думать о том, как бы поскорее этот культурный поход свернуть.

Он специально как следует подпоил ее в ресторане, прекрасно зная, какой она бывает, расслабившись от алкоголя. Немного опьянев, она еще за столом начала смотреть на Данила характерным зазывным взглядом немного прикрытых глаз и поерывала на стуле, непроизвольно поправляя одежду так, будто вылезти из нее хотела, и если бы такая возможность была, он бы точно взял ее прямо на столе или в крайнем случае в такси, где она уже совершенно не переживала о том, что смущает водителя своим развязным поведением. Она сама сдирала с него рубашку, оказавшись в прихожей, и Данил снова полностью терял над собой контроль, когда Эля, казалось, заматывается в его руки и хочет активных действий, и требует еще, будто бы желая испытать предел его сил и возможностей.

Жаль, что это приводит к алкоголизму... Он поил бы ее каждый день! И он все-таки вцепился в этот раз зубами в ее шею сзади, доведенный до одури спиральным пушком на ее холке, а с утра она, бедная, пыталась рассмотреть в зеркале, что у нее там болит.

След от укуса был впечатляющий. Данил поспешил ее отвлечь, приготовив традиционный кофе и уже привычно пожалев, что нужно уходить на службу. Черт бы подрал этих начальников с их коллективным сговором относительно отказа ему в отпуске! Им развлечение, а Давыдову — адские муки в течение всего рабочего дня...

***

Кофе у него получился отвратительным, Эля всего один глоток смогла сделать, удивившись непривычно гадкому запаху. И лишь сделала вид, что в восторге от его ухаживаний, на самом деле желая ему поскорее убраться, чтобы снова можно было свалиться в постель, не разговаривать и не шевелиться. Чувствовала она себя ужасно после вчерашнего перебора, хотя, казалось, выпила не очень-то и много. Это от его близости, наверное, она теряет чувство меры и ведет себя настолько свободно, что теперь до ужаса стыдно. Ни с кем другим за ней такого не наблюдалось, а Стив вообще считал ее едва ли не

фригидной. Инфантильной и закомплексованной — это точно. И постоянно старался раскрыть ее как женщину, бедный... Посмотрел бы на нее вчера вечером — прозрел бы насчет ее раскрепощенности! Но почему с утра так плохо и так болит шея...

Внезапный телефонный звонок остановил ее намерения подняться и снова подойти к зеркалу. Эля не собиралась отвечать, непроизвольно подтянув к лицу край одеяла. Все местные друзья и знакомые прекрасно знают, что Данил в это время на службе. Однако звонок повторялся снова и снова, и Элина начинала понимать, что кто-то старается во что бы то ни стало дозвониться. Похоже, лично до нее, не теряя терпения и настойчиво посылая ей по проводам сигналы.

Ну не съедят же ее по телефону, в самом деле! Всегда можно просто прервать разговор.

— Ну, здравствуй, невестушка наша пропавшая, Киев на линии! — с ходу, лишь услышав, как взяла она трубку, весело сказал ей уверенный мужской баритон. Она с первого же звука поняла, кто это звонит, и сердце чуть не выпрыгнуло от испуга. — Где носило тебя столько времени, не подскажешь случайно? Рассказывай, как там обстановочка у вас, как мореплаватель наш в этот раз, не позорит фамилию? — казалось, он с трудом сдерживается, чтобы не рассмеяться, и Элина невольно улыбалась тоже, понимая, что никаких ответов от нее не ждут, и это вовсе не экзамен на пригодность, а просто искреннее желание установить контакт. И так этого контакта сразу захотелось!

— Нет, все на уровне! — в том же тоне, шутя, ответила Эля, мгновенно подхватив манеру разговора. — Кофе в постель, ужин в ресторане, влажная уборочка по расписанию.

— О, вижу, мы с тобой сработаемся! — одобрительно сказал ее деловой собеседник. — Звать тебя как?

— Элина. Эля можно тоже.

— Ага. Принято, записано. Папу Валеру можешь звать Борисовичем. Есть один вопрос серьезный, ляля моя. Ты из Москвы, я слышал?

— Да, я там...

— Так, машину водить умеешь, признавайся? А хотя... не умеешь — так научись. Смотри, есть два варианта. Красный «Шевроле» и «Опель» серый металлик.

— Серый металлик! — мгновенно среагировала Элина, слишком поздно оценив свое откровенно наглое поведение.

— А вот я так и думал почему-то! — еще больше обрадовался ее собеседник.

— Есть одна проблема, Валерий Борисович! — все же попыталась она возразить как можно более серьезным тоном. — Данил будет против. Он не хочет машину.

— Ну привет, не хочет! А мы и спрашивать не будем! — все так же уверенно звучал в трубке голос. — Его дело известное: влажная уборочка да пеленки по веревкам. А я ж должен подарок свадебный сделать, правда?

— Да... наверное, — заметно снизила Элина тон, услышав про пеленки, и, вдохнув, решила на вопрос: — Валерий Борисович, а вы можете мне про Свету что-нибудь рассказать? Она по нему скучает?..

— Кто скучает?! Света? — он, казалось, и вправду сейчас рассмеется. — Вот приедешь — сама все увидишь. Ты лично точно не соскучишься! От Светы, доча, ты никуда уже не денешься, но мы же с мамой Людой еще хотим! Сама понимаешь, Давыдовых много не бывает, так что старайтесь там как положено! Нет, ну а что я не так говорю?.. — произнес он, отвернувшись от трубки, явно отвечая на замечания со стороны, и, вернувшись к разговору с Элиной, ощутимо поубавил веселья. — Ладно, я задачи понял, если что — на связи.

— Спасибо вам. На связи... — сдерживаясь из последних сил, чтобы не зареветь раньше, чем он отключится, выдавила из себя Эля и, положив трубку, закрыла руками лицо, уже не сдерживая слез от этого «доча», от сразу ставшего родным голоса и от стойкого ощущения, что ее только что окатили щедрым, искрящимся потоком любви и радости, будто в какой-то магический круг втащили, внутри которого сразу исчезают все страхи и проблемы. «Давыдовых», — он сказал, и Эля впервые всерьез примерила на себя эту фамилию.

Она прекрасно помнит, какими чужими и безразличными были ей с самого начала все представители надменной семейки Грейс. А теперь это совсем другое, совсем новое чувство причастности к чему-то настоящему, родному и надежному. Вот так бы стоять и реветь от счастья, и ждать с ними встречи, и больше ни в чем не сомневаться...

Элина даже почувствовала себя лучше, посетив душ и с удовольствием занявшись приготовлением обеда. Она еще долго

оставалась в своем счастливом состоянии, пока следующий настойчивый звонок не вернул ее к действительности.

Ее отзывают из отпуска. Начальница отдела позвонила лично, чтобы сообщить о приезде группы лондонских финансистов, встреча с которыми в самых высоких кругах должна быть тщательно подготовлена. Их представители прилетают в Москву завтра, и прибыть Элине необходимо в ближайшее время для составления культурной программы в рамках визита дорогих гостей. Дня два у нее в запасе, не больше...

Она не смогла произнести этого, когда Данил, примчавшись в обед, как всегда, прямо из прихожей потащил ее на кровать и таким был нетерпеливым, таким взвинченным, будто они не виделись как минимум неделю.

У него совсем не было времени, он спешил вернуться в штаб и, собираясь быстро пообедать, с большим энтузиазмом набросился на приготовленное Элей тушеное мясо. Но съев всего пару небольших кусочков, удивленно уставился на то, как она трясет солонкой над своей тарелкой.

— Ты шутишь? — улыбнулся Данил, наливая себе воду, чтобы запить ее оригинальное блюдо, которое было пересолено до практически несъедобного состояния.

— Да вроде солила уже раз пять, а все равно пресное какое-то!

— Ну ладно, — пожал плечами, он попытался вернуться к мясу, но есть его было реально трудно, и, сославшись на то, что время у него закончилось, со словами благодарности за чудесно приготовленный обед Данил ушел на службу. Тем более он и в самом деле опаздывал. Вкусы, однако, у нее своеобразные, раньше он этого совсем не замечал! Инопланетянка, что с ней сделаешь...

***

Когда за Данилом закрылась дверь, Элина присела на тумбочку прямо в прихожей, задумчиво рассматривая свой маникюр, который давно пора было обновить. В московский офис с таким не явишься...

Как сказать об этом Данилу, как вообще можно такое произнести? Эле и самой кажется невозможным снова оказаться без него, ведь он наверняка не сможет уехать вместе с ней сразу, ему даже несколько дней отпуска не разрешают... Вот бы наплевать на все и просто остаться, и пусть ее увольняют, подумаешь... Конечно, она очень

сильно всех подведет, и наверняка после такого поступка больше никогда не сможет в бюро переводов вернуться, но разве ее Данечка не стоит того, чтобы пожертвовать вообще всем!..

У нее даже дыхание участилось от таких мыслей, ведь нет ничего проще! Но звонок в дверь закончить размышления об окончании профессиональной карьеры не дал. Да она просто нарасхват сегодня! Элина окинула себя в зеркале быстрым взглядом: его тельник закрывает ноги почти до колена, с домашним халатом разницы практически никакой, да и на кого, кроме Данила, ей нужно производить впечатление? Эля смело открыла дверь и с первой секунды поняла, как сильно ошиблась. Не надо было открывать. Не надо было к двери приближаться, и на этот свет ей лучше было бы вообще не появиться!..

Кира смотрела на нее сверху вниз с высоты своего роста, статуса и абсолютного великолепия.

— А я к вам, — улыбнулась она одним уголком рта, сменив оценивающий взгляд на откровенно сочувственный. — Впустите?

Эля просто в сторону отошла, прижимаясь к стене, глядя в пол и мечтая испариться из этой прихожей. Она отлично понимала, какое производит впечатление своим затрапезным видом со спутанными волосами, в одежде Данила, да еще и полным бардаком на кухне, куда благоухающая дорогим парфюмом Кира сразу же направилась, всем своим видом изображая насмешку, когда приостановилась в дверях и даже головой помотала, пораженная грязной посудой на столе и сваленными в раковину недомытыми приборами.

Кира опустила на стул, осторожно кладя на колени стильную сумочку и явно боясь испачкаться, пока Элина суетливо убирала со стола остатки их с Данилом обеда, то и дело что-нибудь роняя и, казалось, еще больше беспорядка создавая вокруг.

— Кофе?.. — растерянно предложила она Черновой, чтобы только не молчать, и Кира пожала плечами, соглашаясь из вежливости.

Стоя у плиты спиной к Кире, Эля кожей чувствовала, как пристально, в каждой детали рассматривает та ее голые тощие ноги в огромных резиновых тапках Данила, небрежно висящую на ней тельняшку и подобие прически, получившееся вследствие их бурного общения в кровати.

Поставив наконец на стол чашки, Элина села у самого дальнего от Киры края стола, не в состоянии поднять глаза и пряча в коленях руки с облупившимся бесцветным лаком на ногтях.

— Красивый он, правда? — спокойно спросила Чернова, глядя на Элину в упор. — И умеет быть внимательным. Я прекрасно тебя понимаю и вижу: представляться мне не нужно. Наша свадьба должна была быть уже в ближайшие выходные, но видишь, как получилось. Поверь, мне не привыкать, — устало вздохнула Кира. — Я могла бы просто дождаться, когда он снова позвонит, но в этот раз я просто не знаю, как убедить отца не предпринимать ничего серьезного.

— Например? — мельком взглянула на нее Элина, оценив уверенный небесно-голубой взгляд из-под шикарных, умело подчеркнутых ресниц.

— Ой, ну что ты! — не сдержала Кира смеха. — Неужели ты думаешь, что сможешь вот так просто в этой квартире поселиться, и у него не будет никаких проблем? Конечно, я понимаю, для тебя это пустые слова, но для офицера штаба попасть в немилость к командованию — это попрощаться с карьерой в Севастополе. Отец настаивает, чтобы его в ближайшее время перевели отсюда. А что такое для Данила оказаться где-нибудь в Вилючинске на Камчатке, как тебе? Ему слишком многое прощали все это время. За пьянки — просто выговор, потом развод с первой женой...

— Развод?.. — переспросила Элина, чувствуя, как с каждым словом Киры все труднее становится дышать и что-то неотвратимо закипает внутри.

— Да, он был женат, ты разве не знаешь? Она недолго его загулы выдержала, сбежала сразу после роддома, даже дочь бросила. Но Светочка, конечно, очаровательный ребенок, вы не знакомы? Знаешь, такая маленькая принцесса, я с ней на днях по телефону говорила, ей очень подарок мой понравился, набор косметики для малышек. Я только из-за нее уговариваю отца не отправлять Данила на Дальний Восток, какое там у Светы будущее? — закатила Кира глаза, как бы представляя ожидающие ребенка ужасы, и, тяжело вздохнув, продолжила: — И родителей его жаль до слез... Они бы, мне кажется, на что угодно согласились, лишь бы Данил наконец образумился...

— Хватит! — вскинула глаза Элина, заставив Киру замолчать от внезапно резкого тона. Элю просто трясло от накатившей вдруг

ярости. — Меня все это не интересует! С чего ты вообще взяла, что я жить сюда приехала? С чего вы все это взяли, кто вам такое сказал?! Секундочку! — прервала она попытку Киры вставить реплику, вскочив со стула, и в несколько секунд уложилась, чтобы сбегать в прихожую и выхватить из сумки свое рабочее удостоверение. — На! — швырнула Эля на стол документ прямо перед обалдевшей Кирой. — Я сотрудник бюро переводов в Министерстве иностранных дел в Москве, у меня там прекрасная квартира, а здесь я просто в отпуске! Да, уважаемая, не надо так на меня таращиться, мы знакомы с Данилом много лет и прекрасно проводим вместе время! Он настаивает, чтобы мы расписались, и, знаешь, я не против! В Москве отличные перспективы, с его специальностью он точно там не пропадет! Так что без вашей Камчатки мы как-нибудь обойдемся! А сейчас адью, если не возражаешь, мне еще документы из Лондона читать.

Не меняя снисходительного выражения лица и явно не найдя, что ответить, Кира поднялась со стула, направляясь к выходу, и Эля не упустила возможности достойно ее проводить.

— Кстати! — лучезарно улыбнулась она Кире уже возле входной двери, заставив ту обернуться. — Пельмени были отличные, спасибо!

Элина лихорадочно переодевалась в свои вещи, чувствуя, как горит лицо и руки дрожат после ухода Черновой. Как могла Эля быть такой дурой и всерьез думать о том, чтобы бросить работу? Будто она не знает общеизвестного правила: всегда полагаться только на себя и, каким бы прекрасным ни казалось будущее, никогда не попадать в зависимость ни от кого и ни от чего! Спасибо, дорогая Кирочка, вернула влюбленную идиотку в сознание! Это ж надо было всерьез рассматривать перспективу просто сесть Данилу на шею, бросив все, что с таким трудом досталось, и превратиться в бесплатное приложение к дорогому супругу, в настоящую домашнюю курицу! Да она же практически в нее превратилась всего за несколько последних дней, ей даже в зеркало смотреть на себя сейчас противно! Долго ли он будет на такое любоваться, учитывая, как выглядит его бывшая невеста, которую он бросил из-за внезапно вспыхнувшей старой любви? А если уж любовь у них такая сильная и настоящая, он легко сможет Элину разыскать, прятаться она не собирается!..

Ей просто необходимо было найти выход захлестывающим ее чувствам и жажде активных действий. Она придумала! Прямо сейчас,

пока день еще не закончился, она поедет на вокзал или в авиакабину и возьмет билет в Москву. И сегодня же они решат, кто и чем во имя этой великой любви будет жертвовать!

***

Едва дождавшись вечера, Данил выключил монитор и собирался отправиться домой, когда его вдруг вызвали к руководству. Не хватало еще какого-нибудь срочного задания на весь вечер или чрезвычайного происшествия, требующего находиться на службе после окончания рабочего дня. Только не сегодня и не завтра с утра, когда они с Элей наконец собрались подать заявление, и ему с таким трудом согласовали несколько часов отгула...

Однако надолго его не задержали, и, выйдя наконец из штаба, он никак в себя прийти не мог, переваривая полученную информацию. Он и вопроса-то поначалу не понял, когда у него заинтересовались, почему он заранее не докладывает о том, что собирается уволняться и переезжать с Москву. Он не мог бы поручиться за то, что ему в итоге поверили, выслушав заверения, что планов таких у него нет, и, конечно, не доложили, откуда поступила подобная информация.

Мишка тоже только плечами пожимал, и было похоже, что очередная сплетня о Давыдове запущена где-то в верхах, только вот с какой целью, понять было трудно. Москва для Данила лишь с Элей была связана, и от этого все тревожнее ему становилось по мере приближения к дому. Она не вышла встречать его в прихожую, не отозвалась на его объявление о прибытии, и когда он понял, что в квартире ее нет, в панике бросился к шкафу в спальне, однако ее вещи были на месте. Он лишь немного успокоился, пытаясь внушить себе, что ничего подозрительного не происходит, когда послышался звук входной двери и Элина появилась в прихожей, едва на него взглянув и натянуто улыбнувшись:

— Привет.

Она собиралась пройти в коридор, но Данил не двигался с места, загоразивая дверной проем.

— Эля, где ты была?

— Извини, не спросила разрешения на улицу выйти. В комнату можно пройти, или здесь будем разговаривать?

Данил посторонился, пропуская ее в гостиную, где она сначала села на диван, но сразу же поднялась снова и, явно нервничая,

остановилась возле кресла, прислонившись спиной к стене и сосредоточенно глядя в пол. Он смотрел на нее, все так же стоя в дверях и уже понимая, что хороших новостей не предвидится.

— Меня отзывают из отпуска, Данил. Я хотела сказать тебе еще в обед, но... В общем, мне нужно завтра уехать, я билет уже взяла.

— Быстро, — покивал Давыдов, всем видом выражая спокойствие. — Значит, ты в обед уже знала об этом, но ничего мне сказала, а просто пошла и взяла билет, правильно? В Москву. На завтра. А мне казалось, у нас были другие на завтра планы, разве нет?

— Послушай! — посмотрела она наконец ему в лицо. — Какой смысл подавать заявление в Севастополе, если мне все равно придется после этого уехать? Мы же не распишемся сразу, и что, мне снова разрешение на въезд сюда получать? Я считаю, нам нужно сделать все в Москве. Ты приедешь ко мне, как только сможешь. У меня, конечно, не такая большая квартира, но это же Москва! Сам подумай сколько там возможностей, даже для Светы.

— Странно, — задумчиво сказал Данил, проходя в гостиную и устало садясь на диван. — О том, что я собираюсь в Москву, знают все. Командование штаба даже в курсе! И только мне никто не доложил. Как так получилось, не подскажешь?

— Представь себе, подскажу! — повысила Элина голос. — Кира приходила.

— Что? — сощурился Данил, рассматривая ее бледное лицо. — Так это из-за Черновой, что ли?! — вскочил он на ноги, приблизившись к Элине. — Скажи, что я должен сделать, чтобы доказать, что никто для меня ничего не значит, кроме тебя, Эля? Мне убить ее? Хочешь? Я серьезно спрашиваю! — смотрел он прямо на Элину, уперевшись руками в стену на уровне ее головы.

— Да при чем тут Кира твоя! — агрессивно ответила Эля, не имея никакой возможности от него отодвинуться. — Ты хотя бы знаешь, где я работаю?! Ты хоть раз спросил меня об этом? Я переводчик МИД, если тебе интересно, и тоже на службе, представь себе!

— И что, ты предлагаешь мне реально уволиться и потащиться в твою Москву?!

— А почему нет?!

— Нет! — наклонившись, он оказался с ней на одном уровне, чтобы смотреть прямо в глаза. — Ты моя женщина, и я буду

рассказывать тебе, где и как мы будем жить! Никакая твоя работа мне не интересна, даже если ты министр иностранных дел! Я буду решать, работать тебе вообще или нет!..

— Да сейчас! — оттолкнула она его наконец, обходя и направляясь из комнаты.

Сделав несколько глубоких вдохов и пытаясь успокоиться, Данил отправился следом, обнаружив ее на кухне, и сел напротив за кухонный стол.

— Давай поговорим спокойно, Эля.

— Давай, — действительно спокойно ответила она. — Скажи, это правда, что ты уже был официально женат? Я маму Светы имею в виду.

— Маму! — передразнил Давыдов ее определение. — Да, мы расписались и сразу развелись, как еще я мог получить права на ребенка?

— Ты мне не сказал.

— Я был не прав! Просто не думал, что это имеет какое-то значение. То, что знает об этом Кира — неправда. Версия для общественности. Эля, не делай этого, не уезжай! — смотрел он в ее лицо в надежде увидеть хотя бы намек на сомнение. — Подумай, можно ли было вот так случайно через столько лет столкнуться на улице! Для чего нам дали этот шанс, Эля?! Чтобы просто вернуться к тому, что было до сих пор?

Элина помолчала, явно о чем-то размышляя, и, вздохнув, отвела взгляд:

— Мне в любом случае нужно завтра уехать. Лондонские банкиры приезжают в Москву в первый раз, целой группой. Нас всех собирают, чтобы подготовить визит. Просто не явиться я не могу. Согласись, так не поступают. Да и в чем трагедия? Мы знаем, как друг друга найти, было бы желание.

— А оно под вопросом? — серьезно посмотрел на Давыдов.

— Я просто хочу сказать, что должна быть на работе!

— Если я скажу «нет», это что-то изменит?

— Не изменит. Что за детский сад, Данил, давай не будем...

— Давай. Счастливо! — не дослушав, он поднялся из-за стола, взял в руку яблоко, подбросив его на ладони, и отправился в прихожую.

Элина закрыла глаза, услышав, как хлопнул он входной дверью. Не слишком-то долго он ее уговаривал! Он, видите ли, будет ей рассказывать, как жить и кем работать! Она инструкций, оказывается, ждать должна о том, как правильно себя вести, а он может вот так в любой момент, когда захочет, обидеться и вообще уйти из дому, чтоб развеяться в более приятном обществе! Шанс у него, видите ли. Чудесная случайная встреча! Много ли он сделал для этой «случайности», дождавшись на морском берегу, будто прекрасная Ассоль, своего счастья?.. Эля накручивала себя сознательно, доставая из большого шкафа и выволакивая на середину комнаты чемодан. Она заставляла себя злиться и перебирала в голове все, что пришлось ей сегодня переслушать, но комок все равно подступил к горлу, когда она, нервно складывая вещи, невольно вспоминала, как делала это в гостинице почти две недели назад, и Данил к ней пришел, и они тоже ссорились вначале, а потом она увидела его в коридоре... Нет, плакать она не будет и так психовать не должна, а то ее прямо мутит от переполняющих эмоций, не хватало еще в обморок здесь хлопнуться из-за того, что... Даже поорать на него как следует нет возможности! Как это просто — взять и уйти неизвестно куда и бросить ее одну с этим идиотским чемоданом, в который снова ни хрена не помещается!..

Данил сидел во дворе на знакомой скамейке за давно облетевшим кустом сирени и не замечал, как механически перебрасывает из руки в руку яблоко, уставившись в одну точку прямо перед собой. Он снова не справился. Она его не выбрала. А вернее, снова выбрала не его, предпочтя вернуться к своей насыщенной столичной жизни. Он все что угодно может делать и как угодно себя вести: отменять данные до этого обязательства, разрывать отношения со всеми, кто был рядом столько лет, угонять чужие машины, открыто посылать любое руководство, да хоть застрелиться! А лондонские банкиры все равно перевесят. И в этот раз не получится объяснить себе, что у нее просто не было выбора. Выбор был, и он предельно ясен.

Давыдов успокоится, конечно, и поволочится за ней в Москву, глупо даже предполагать, что он сможет без нее обойтись! А там у нее нарисуеться какой-нибудь Париж или Нью-Йорк... Сколько интересного у него впереди! Зачем только они снова встретились... Он еще надеялся привязать ее к себе за эти недели отпуска, обеспечив

«залет», и так радовался вначале, что она вовсе не возражает... Так даже это оказалось невозможным! А чем еще ее можно удержать? Чувствами своими великими? Так они на хрен ей оказались не нужны! Она убедилась в том, что по-прежнему имеет над ним абсолютную власть, неплохо здесь отдохнула и, удовлетворенная, отправляется обратно, а Давыдов может при желании последовать за ней. И она точно переживет, если Данил откажется. Умереть от несчастной любви — чисто его способность...

— Свежим воздухом дышим? — услышал он знакомый Ленкин голос и лишь криво улыбнулся в ответ. — Проблемы какие-то?

Лена села рядом, глядя на несчастное яблоко, которое он продолжал зацикленно перебрасывать в руках, и его подавленное состояние почувствовала сразу.

— Ну как тебе сказать... — с горьким оттенком в голосе ответил Данил. — Все ожидаемо. Ты как? Тебя вообще не видно в последнее время.

— Работаю, — поспешно отмахнулась Стельникова. — Со мной-то все понятно, а у тебя что за трагедия? Вы поссорились?

— Я уезжаю в Москву, Лена.

— То есть как уезжаешь? — повернула она к нему удивленное лицо. — Тебя отпустили?

— Нет, но какая разница... Эля возвращается на работу.

— Что значит «Эля возвращается»?! А ты безработный уже, что ли? — Ленка просто не верила в то, что слышала, и прекрасно понимала, что Данил вовсе не шутит. — Ты же понимаешь, что выехать без открепления не сможешь, тебя же на ближайшем КПП арестуют, это трибунал, в конце концов, у вас же к гостайне допуск! Данил?.. Эй, ты что?..

Ленка испуганно смотрела, как он вдруг, уронив яблоко на землю, закрыл руками лицо, вздрагивая всем телом и не в силах остановить прорвавшиеся слезы. Вынести этого Ленка просто не могла!

— Так, сиди здесь! — вскочила она ноги. — Или нет, к нам пошли, там пока побудешь.

Данил лишь отрицательно покачал головой, не отрывая ладоней от лица, и, махнув рукой, Стельникова помчалась в подъезд.

— Скажи, ты вообще отмороженная?! — налетела она на Элину, лишь только та открыла дверь, и, не отставая, пошла за ней в комнату,

куда Эля, отвернувшись, быстро направилась. — Нет уж, отвечай! — развернула ее Ленка за руку возле лежащего посреди спальни чемодана. — Тебе совсем его не жалко, вот ни грамма, правда? Да ему же вообще конец, как можно быть такой непробиваемой! Ты хоть что-то к нему чувствуешь, ну хоть капельку, хоть...

— Да, Лена! — в том же тоне ответила Элина. — Именно поэтому я хочу просто увезти его отсюда! От всех этих ваших адмиралов, штабов... Или ты считаешь, надо дожидаться, когда его в этот... Засранск из-за меня переведут, на Камчатку?..

— В какой Засранск, что ты несешь?

— О, извини, не вспомню названия курорта! Ты у Кирочки спроси, она лучше ориентируется! — отвернулась Элина, отходя в сторону и хватаясь на спинку кровати.

— А, так это Чернова тебе расчесала? Ты ее, что ли, испугалась, ненормальная? Где для него ты и где она?! Так что ж ей остается еще, кроме как бред этот сочинять! Твоего Давыдова здесь любыми путями удерживать будут, а уж чтоб из-за тебя перевели... Ты слишком много о себе думаешь! Да хоть у Стельникова спроси, этого тупого Чернова самого скорее на пенсию отправят!.. Что с тобой? — подошла Ленка, глядя, как совершенно бледная Эля села на кровать. — Тебе плохо?

— Голова кружится. Меня тошнит, Лена... и живот... — прижимала она к себе руки, явно собираясь потерять сознание.

— И задержка? — пристально изучала Ленка ее лицо, укладывая Элю на одеяло.

— Пару дней только... Но этого не может быть...

— Ага, я поняла, поняла, — не отрывая от нее взгляда, Ленка стала быстро отступать в направлении телефона. — Сейчас поедем, расскажем кое-кому о том, чего не может быть...

Вызвав карету скорой, Ленка посмотрела из окна во двор: Давыдова уже не было на скамейке, и разыскивать его было некогда. Не нравилось Ленке состояние Элины, и даже если это не то, в чем Ленка почти уверена, при таких симптомах здесь нужен совершенно конкретный специалист. А в Ленкином нынешнем представлении вообще единственный...

Глава 18

...Вот бы совсем заткнулся этот знакомый высокий женский голос, который болью отдает в ватной голове, пусть только эти чудесные звуки останутся... Густые, низкие вибрации, будто бы мягким бархатом окутывающие, которые, кажется, под кожу проникают и успокаивают, и снова усыпляют... И он, скорее всего, сейчас улыбается... Элине не хотелось открывать глаза, прерывая свой чудесный сон, но, видимо, она так и не проснулась, увидев лицо высокородного князя, явно сошедшего с какого-то знаменитого полотна. А может, это средневековый герцог, явившийся ей во сне под впечатлением прочитанного в оригинале английского исторического романа, а она сейчас прекрасная принцесса, спасенная им от страшной опасности...

— Так, приземляемся! — сказал ей герцог по-русски своим замечательным басом и как-то совсем неромантично, по-хозяйски похлопал по щеке. — Хватит симулировать, маневры рассекречены.

Скривившись от таких бесцеремонных действий, Элина, уже не стесняясь, рассмотрела в упор это удивительное лицо, которое даже наяву менее впечатляющим не показалось. Он, конечно, доктор в светло-голубой медицинской форме, но без головного убора, и контраст его волос цвета вороньего крыла с этой небесной тканью просто вызывающий. Да еще иссиня-черная, идеально ровно подбритая щетина подчеркивает бледность кожи. И то, что мощная грудь у него основательно заросшая, четко видно из-за светлого ворота, и даже глаза его черные густо опущены и смотрят так пристально, будто насквозь все видят. Не много докторов встречала в своей жизни Элина, но то, что перед ней нечто выдающееся, стало ясно с первого взгляда. Такую породистую, благородную гориллу раз увидишь — в жизни не забудешь, а если ко всей этой роскоши ощущение от его мягкой руки прибавить...

— Нет, посидите еще! — схватила Эля его ладонь обеими руками поверх укрывающей ее простыни, прижимая к своему животу. — Так хорошо... — блаженно закрыла она глаза, чувствуя себя совершенно комфортно и расслабленно. — Так тепло!

— Ладно, пошла я твоего мужа вызванивать, — своей типичной скороговоркой сказала Стельникова, заставив Элю снова открыть глаза.

Ленка была одета в белый медицинский халат и, уже стоя за спиной у врача, ободряюще Элине подмигивала. Снова переведя взгляд на лицо чудесного доктора, Эля, счастливо улыбнувшись, сообщила:

— Я еще не замужем.

— Какая удача, — тяжело вздохнув, произнес тот в ответ подехидный смешок выходящей из палаты Стельниковой. — Что с наследником решать будем?

Он спрашивал совершенно бесстрастным, даже скучающим тоном, и Элина не совсем понимала, он шутит или действительно ждет от нее ответа. На всякий случай она сказала:

— У меня, вообще-то, не может быть детей.

— Вот как?! — изумился он, выразительно приподняв брови. — Это твердая принципиальная позиция?

— Это диагноз. Еще из Лондона.

— А-а, ну если из самого Лондона! Будем срочно телеграфировать, чтобы прислали новый. Их диагноз уж дней десять как устарел, — снова вздохнул доктор, все-таки убирая с ее живота руку и пересаживаясь к стоящему у противоположной стены столу.

— В смысле, дней десять? — не могла поверить в услышанное Элина и тихо пробормотала: — Это с первого раза, что ли... Это точно? — повернулась она к врачу, который уже что-то писал в формуляре. — У меня будет ребенок?

— Неточно, — серьезно ответил тот, не отрываясь от своего занятия. — Пока из подтвержденного — только беременность.

— Но я хочу его родить! — постепенно осознавая происходящее, взволнованно произнесла Элина. — И мне срочно надо в Москву.

— Ну, тут уж или родить, или в Москву. Боюсь, мы с ним, — указал он глазами в направлении укрывающей ее живот простыни, — про Москву не договоримся. Уж больно несговорчивую штучку вы рожать придумали.

И так ясно вдруг все стало Элине, и так от его слов спокойно. И не нужно больше никаких принимать решений... Эля помолчала,

нахально его изучая, и когда он наконец на нее посмотрел, изобразив вопрос на красивом лице, снова мило ему улыбнулась:

— А как вас зовут?

— Игорь Васильевич я, — с легким поклоном чинно произнес он, и Эля прыснула, не сдержавшись: уж больно метко был скопирован образ государя из известного фильма. «Рюриковичи мы», — так и напрашивалось добавить, и это было бы абсолютно органично!

— А я Элли Грейс...

— Ага, Грейс! — беззастенчиво влезла в их разговор снова вошедшая в палату Ленка. — Скоро кое-кто придет и расскажет тебе и про Грейс, и про не замужем. Мало не покажется!

— Ты нашла Данила? — удивилась Элина недолгому отсутствию Ленки.

— Да что его искать-то! — отмахнулась Стельникова. — Все места известные!

***

Давыдов просто заставить себя не мог вернуться в свою квартиру, чтобы снова увидеть это сосредоточенное, отстраненное лицо оставляющей его Эли, снова услышать от нее шаблонные фразы о важности престижной работы и о том, что нет ничего страшного в их временном расставании. Еще на скамейке, выплеснув со слезами переполнявшие его эмоции, он почувствовал себя просто полностью опустошенным, словно все силы отдал в начисто проигранной битве.

Засунув руки в карманы, он не спеша прошел вдоль набережной, глядя на серые холодные волны беспокойного моря, и, начиная замерзать на пронизывающем ноябрьском ветру, свернул к известному магазину. Пить совершенно не хотелось. Вообще ничего не хотелось, но не идти же к другу с пустыми руками.

«Можно к тебе, Арсен?» — приготовился сказать Давыдов, позвонив в знакомую квартиру и стоя на лестничной площадке с совершенно убитым видом, как вдруг полностью одетый Магрипов распахнул дверь настолько быстро, что, казалось, специально возле нее дежурил.

— Наконец-то, ара! Где тебя носит столько времени? Поехали, поехали, машина во дворе! — настойчиво толкал он к лестнице ни черта не понимающего Давыдова. — По дороге все расскажу!

Данил невольно смотрел на сумеречное небо через лобовое стекло старенького магриповского жигуленка, пока они неслись к знакомому роддому, и, как бы убедительно ни рассказывал Арсен о том, что именно сообщила позвонившая ему Ленка, боялся полностью поверить в происходящее.

Эля его не обманывала, она была уверена, что детей у них не будет, и так горько от этого плакала... А теперь, оказывается, уже целых десять дней, как она беременна, с самого первого дня их встречи, с того самого чудесного дня, когда вернулось счастье в его жизнь! Поверить невозможно... Его маленькая капризная девочка теперь будет отращивать животик и никуда больше от него не денется! Ленка сказала Арсену, что есть угроза срыва беременности, и теперь Эля как минимум две недели будет находиться в стационаре. Две недели! Этого точно хватит, чтобы попрощаться с ее любимой работой, и что бы там дальше с этой беременностью ни случилось, Данил больше никуда ее не отпустит!..

— Все! — констатировала Ленка, услышав шум скандала в больничном коридоре. — Папочка прибыл. Боевая тревога.

— Эля! — ворвался в палату Давыдов, оставив позади стаю медсестер, пытающихся рассказать ему что-то о времени для посещений, обязанности халата и правилах поведения в лечебном учреждении. — Элина, девочка моя любимая! — мгновенно присел он возле кровати, схватив ее хрупкую ладонь обеими руками. — Тебе больно? Что у нее?.. — резко обернулся Давыдов и мгновенно осекся, застыв с выражением крайнего изумления на лице.

Ответная гримаса привстающего со стула доктора казалась его точным зеркальным отображением.

Данил выпрямился тоже, они оказались лицом к лицу, так же близко, как неделю назад перед водительской дверцей серебристого «Мерседеса».

— Я не понял... — растерянно произнес Данил, первым нарушив молчание. — Ты что, врач?!

— Ну, извини! — пожал плечами знакомый небритый гангстер. — Я не специально. Но я уже увольняюсь, честное слово! — с искренностью в голосе заверил он Давыдова и, видимо, для убедительности приложил руку к груди. — Клянусь, коммунист, я уже заявление отнес!

— Э, как это? — вдруг подала голос Элина, приподнявшись на локтях, и когда Данил к ней повернулся, безапелляционно произнесла: — Я без него, — указала она на доктора пальцем, — никого рожать не буду.

— Начинается!.. — закатила глаза стоящая возле окошка Стельникова. — Хоть бы раз по-другому...

— Ну ты понял, да? — снова посмотрел Данил врачу в лицо. — Заявление свое забираешь сегодня. Ладно, не напрягайся, — сказал он, видя непонимание, — я сам его заберу.

— Не спорь с ним, Игорь, — снова подала голос Ленка, заметив скептическую улыбку у врача на лице. — У Давыдова связи на той стороне, он слово волшебное знает, — совершенно серьезно сообщила она. — Про местного папашу, который ребенка купил, помнишь историю? Извольте познакомиться. Я ничему уже не удивляюсь.

— Так вот ты какой, цветочек аленький? — окинул врач Данила оценивающим взглядом, не переставая ухмыляться, и сосредоточился на торчащем у Давыдова из кармана горлышке бутылки. — И волшебный эликсир, я смотрю, при себе.

— Кто бы сомневался... — послышался от окна Ленкин тихий, сквозь зубы процеженный возглас.

— Что?! — вопросительно посмотрел на нее Игорь через плечо Давыдова, явно оправдываясь: — Моя смена три часа назад закончилась! И мне, кстати, на днях поляну обещали...

— Поляну?! — восторженно перебил его Давыдов. — Да хоть цистерну, хоть... звезду с неба хочешь? — веселил он смеющегося доктора. — Кстати! — обернулся он на Элину. — Мы расписываться здесь будем?

— Бо-оже! — отвернулась Эля к стене. — Как же ты достал меня со своим расписыванием...

— Я серьезно, — снова взглянул Данил на доктора. — Можно же здесь это организовать?

— Обсудить, по крайней мере, точно можно, — посмотрел Игорь на карман Давыдова. — Пройдемте, коллега, — любезно пригласил он Данила на выход. — Больным отдыхать пора, а к вам столько вопросов накопилось!

— Куда они? — спросила Эля у Ленки, когда за мужчинами закрылась дверь палаты.

— Да нажрутся сейчас в кабинете, невелика загадка! — отвернулась Ленка в сторону окна. — Пускай уж. Давыдову твоему точно сегодня не повредит.

Эля, немного изогнувшись, пристально изучала ее силуэт, в котором даже со спины чувствовалась грусть и явная усталость. Ленка задумчиво смотрела на темный больничный двор и, казалось, забыла, что находится в палате не одна, пока не вздрогнула от прямого вопроса Элины:

— Игорь — любовник твой?

— С чего ты взяла?! — мгновенно обернулась Ленка.

— Правильно, — спокойно сказала Эля, снова удобно располагаясь на кровати. — Так всегда и говори. Признаваться ни за что нельзя!

— Да ну!.. — попыталась Ленка снова отвернуться, но слишком мучительным было так долго все это держать внутри. — А что, сильно заметно?

— Нет, не переживай. Я просто угадала. Пошутить хотела, что если б с таким врачом вместе работала, то... сама понимаешь, что тебе рассказывать. А что, все настолько хреново? — с нескрываемым любопытством снова посмотрела она на грустно улыбающуюся Ленку. — Он женат?

— Да где там! — с досадой произнесла Ленка, подходя к столу и усаживаясь на место Игоря. — Был когда-то, недолго совсем. Вообще отдельная история... Еще на первом курсе начал с парочкой таких же двинутых студентов эксперименты нелегальные проводить по искусственному оплодотворению. На себе, конечно, на своих биоматериалах, кто ж им другие бы дал? Подпольно, от избытка большого ума! Естественно, у Игоря лучше всех получилось одной экспериментаторше эмбрионы из пробирки подсадить. Настолько удачно, что пришлось жениться, иначе погорела бы вся их подпольная лаборатория! Да только кто ж его гаремы долго выдержит...

— Надо думать, — спокойно констатировала Элина. — Любишь его?

— Ай, — Ленка безнадежно махнула рукой, — толку-то... Слушай! — резко изменила она тон. — Ты не забыла, случайно, по какому поводу здесь находишься? Тебе только любовников сейчас обсуждать! Вот уж, правда, Микки Маус неутомонный, глаз да глаз за

тобой, я смотрю. Так Давыдову и надо! Нашлась наконец-то на красавчика управа...

— Так и на Игоря твоего однажды найдется! — ехидно сощурилась Элина. — Что, нет, думаешь?

— Думаю, нет, — вздохнула в ответ Ленка. — По крайней мере, не в этой жизни.

***

Спать совсем не хотелось, и они проболтали с Ленкой до глубокой ночи, организовав ужин прямо в палате и понимая, что, объединенные страшной Ленкиной тайной, теперь будут самыми близкими подругами. И похоже, общение со Стельниковой на ближайшее время — одно из главных развлечений для Элины, ведь у нее строгий постельный режим, и очевидно, что надсмотрщиков над ней здесь будет достаточно.

В свете последних событий Элине совсем не думалось больше ни о чем, кроме их с Данилом ребенка, потерять которого она бы не согласилась ни за что на свете! Невольно прижимая к животу руки, она старалась поменьше переворачиваться в кровати, чтобы их ребеночек получше там закрепился, он ведь такой у них слабый и такой несговорчивый... И будто бы не с ней происходило все, что было до сих пор: и ее учеба, и работа, и приезд английских банкиров. Какое все это отношение имеет к ее настоящей жизни? Ведь только рядом с ним ее жизнь настоящая, разве не знала об этом Элина еще со своих шестнадцати лет?..

Данил зашел в палату осторожно, думая, что может ее разбудить, и совсем он не был пьяным, и с такой трогательной улыбкой остановился в дверях... Эля не заметила, как выскользнула в коридор Ленка, оставив их вдвоем. Он подвинул стул к кровати и, явно надолго рядом с Элей располагаясь, взял в ладони ее руку.

— Он родится, как ты думаешь? — спросила Элина, улыбаясь Данилу в ответ.

— Он? — поднес Данил к губам ее пальцы.

— Ну да... Ребенок же. Каким он будет, расскажи? Таким, как ты?

— Таким, как мы, я думаю, — Данил погладил Элю по щеке, явно ею любуясь.

— Красивым?

— Ну а как же! — убежденно сказал ей Данил. — Каким еще он может быть?

— У него будут серые глаза?

— Не-ет, глаза у него будут черные! Черный — признак доминантный, здесь без вариантов! — счастливо улыбался Давыдов. — И будет он у нас с тобой самым умным среди всех детей, — явно ее убаюкивая, рассказывал ей Данил тоном, которым читал маленькой дочери на ночь сказки, — и самым талантливым, конечно, и все-все у него будет получаться! Он языки будет знать, и математику, и плавать раньше всех научится. Он же сейчас уже умнее нас с тобой, видишь, как быстро он со всем здесь разобрался. Вот он вырастет — и станет известным ученым, а еще знаменитым автогонщиком. Или лучшим в мире программистом, или переводчиком... Но это будет еще нескоро, — нежно провел Данил по волосам уснувшей под его рассказ Элины. — Спи, моя девочка, и ни о чем больше не волнуйся, я же знаю волшебное слово. Все у нас будет хорошо...

Конец истории